Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

С. А. ЗАВРАЖИН
О. М. ОВЧИННИКОВ
Л. К. ФОРТОВА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Монография

Владимир 2017

УДК 37.013.42
ББК 74.660
З-13

Авторы:

С. А. Завражин – д-р пед. наук, проф. ВлГУ (предисловие, заключение, разд. 1, разд. 2, гл. 4); О. М. Овчинников – д-р пед. наук, проф. ВлГУ (разд. 2, гл. 2); Л. К. Фортова – д-р пед. наук, проф. ВлГУ (предисловие, разд. 2, гл. 1, 3)

Рецензенты:

Доктор педагогических наук, профессор
профессор кафедры педагогики и специального образования
Ивановского государственного университета (Шуйский филиал)
Т. Н. Волкова

Доктор педагогических наук
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Владимирского филиала РАНХиГС при Президенте РФ
Е. А. Плеханов

Завражин, С. А. Очерки по истории и теории превентивной педагогики : монография / С. А. Завражин, О. М. Овчинников, Л. К. Фортова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. − 339 с.
З-13
ISBN 978-5-9984-0753-6

Анализируются начальные этапы становления отечественной превентивной педагогики, а также некоторые её актуальные проблемы.

Предназначена для представителей различных специальностей, занятых профилактикой девиантного поведения несовершеннолетних; студентов вузов, готовящихся к этой деятельности; всех интересующихся вопросами деструктивной активности подрастающего поколения.

Ил. 3. Табл. 8. Библиогр.: 552 назв.

УДК 37.013.42
ББК 74.660

ISBN 978-5-9984-0753-6

© ВлГУ, 2017

Предисловие

В конце прошлого века Россия от эволюционного перешла к глобальному реформированию общества. Динамика его трансформации носила стихийный характер, что привело к нарастанию разноплановых деструктивных явлений. Одним из них стал кризис основных институтов воспитания (семьи и школы), которые оказались не в состоянии эффективно выполнять свои привычные функции в аномической ситуации. Трудности социального самоопределения в условиях турбулентности общественного сознания, смятения и неуверенности в завтрашнем дне, кризиса основных институтов социализации отражались в стремительном росте числа детей, которые обладали слабой сопротивляемостью к воздействию неблагоприятных внешних (бедность, отсутствие государственного попечения, безнадзорность и т.п.) или/и внутренних (слабый тип нервной системы, акцентуации характера, невысокий психометрический интеллект и т.п.) факторов развития. Таких несовершеннолетних тогда стали называть дезадаптированными или детьми группы риска, склонными к различным формам девиантной активности: преступлениям, вандализму, экстремизму, проституции, суициду, аддиктивному поведению.

Столкнувшись с данным феноменом, отечественная педагогическая наука попыталась его адекватно осмыслить, что отразилось не только в количественном увеличении публикаций по данной тематике, но и в стремлении выделить в педагогическом знании отдельный сегмент, «отвечающий» за научную селекцию педагогически обоснованных стратегий противодействия детско-подростковой дезадаптации и девиантности. Данное направление получило название «превентивная педагогика».

Её научный статус стал активно обсуждаться с начала 90-х годов XX века. Некоторые исследователи [1] указывали, что превентивная педагогика – отрасль педагогической науки, изучающая пути и методы предупреждения социальных отклонений среди подростков и молодежи. Её объектом выступает совокупность существующих явлений маргинального характера, распространенных среди молодежи. Предметом превентивной педагогики являются: 1) причины, условия и факторы социальных отклонений среди несовершеннолетних, молодежи, 2) сущность и закономерности социальных отклонений, 3) пути, способы предупреждения и преодоления отклонений в поведении. Задачи превентивной педагогики: 1) научное изучение детерминант, условий и факторов, способствующих той или иной

степени отклонением в поведении, 2) научный анализ природы асоциального поведения, ее тенденций и закономерностей; 3) исследование социально-психологических механизмов деформации личности на разных этапах развития, 4) разработка комплексной системы мер, форм и методов ранней профилактики отклонений в поведении и их предупреждению; 5) научное прогнозирование социальных отклонений, создания научно обоснованных прогностических моделей типовой личности правонарушителя, объектов и субъектов профилактики.

По мнению А.П. Сманцера и Е.М. Рангеловой, основной целью превентивной педагогики является научное обоснование закономерностей в достижении устоявшегося ответственного поведения детей; развитие у них способности к сопротивлению отрицательным явлениям окружающей среды, преодолению затруднений в жизни и деятельности; воспитание воли к сопротивлению и неприятию негативного асоциального влияния окружающей среды; а также: выявление причин затруднений в деятельности, поведении и развитии личности; определение путей и способов упреждающей деятельности педагога; создание условий для переключения природных склонностей ребенка к девиантному поведению в конструктивное русло; разработка технологии предупреждения асоциальных поступков детей; оказание им помощи в их стремлении своими силами справляться с трудными ситуациями и делать правильный выбор; выявление и преодоление недостатков в воспитательной работе со школьниками. Объект превентивной педагогики - воспитание и обучение детей, требующих педагогической поддержки со стороны воспитателя, учителя и родителей для предупреждения отклонений в деятельности и поведении; воспитание и обучение детей, испытывающих затруднения в поведении и учебе, склонных к нарушению общественных норм и правил поведения и деятельности, к совершению асоциальных поступков. Предметом превентивной педагогики выступает процесс превентивной деятельности воспитателя, учителя, направленный на выявление причин затруднений школьников, а также определение и обоснование закономерностей, принципов, методов и форм организации превентивной работы со школьниками, предрасположенными к асоциальному поведению и деятельности. Воспитание и обучение детей, имеющих склонность к совершению негативных действий и асоциальному поведению, является сложной социально-педагогической проблемой. Превентивная педагогика свое главное внимание сосредоточивает на обучении

детей преодолевать затруднения, на предупреждении отклонений в их поведении и деятельности [2, с. 9].

Одной из ключевых задач любой науки, в том числе превентивной педагогики, считается обстоятельное исследование её генезиса, поворотных моментов в становлении и развитии. Результативность мер педагогической профилактики детско-подростковой девиантности, по нашему убеждению, зависит от сохранения и укрепления исторической преемственности в этой сфере, от умения творчески использовать богатейший опыт подобной деятельности. Критический анализ всего ценного, что есть в этом опыте, позволит избежать повторения многих ошибок, извлечь правильные уроки из прошлого, прояснить его подлинный смысл, создать на этой базе серьезный задел для обоснования теории превентивной педагогики и её технологического обеспечения, адекватных новой социально-педагогической реальности.

В свете сказанного в нашей работе важное место отводится анализу истоков возникновения отечественной превентивной педагогики. В первом разделе рассмотрены пред- и постоктябрьский периоды её развития, которые, несмотря на их разительные отличия, в совокупности можно считать эпохой конституирования данной отрасли педагогического знания.

Во втором разделе авторы, исходя из своих научных пристрастий, рассматривают возможные подходы к педагогической профилактике различных видов девиантного поведения несовершеннолетних. При этом авторы опираются на результаты, полученными лично ими, их учениками и наиболее авторитетными отечественными и зарубежными исследователями соответствующей проблемы.

Авторы монографии надеются, что их стремление отрефлексировать определенный пласт информации в формате поднятого вопроса окажется своевременным и способным вызвать креативный диалог с выраженной позицией.

Использованные источники

1. Попов В. А Предмет и задачи превентивной педагогики // Советская педагогика. – 1990. – № 9. – С. 53 – 57.
2. Сманцер А. П., Рангелова Е. М. Основы превентивной педагогики: учеб. пособие. – Минск: БГУ, 2014. – 279 с.

Раздел I. КОНСТИТУИРОВАНИЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В РОССИИ

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ДООКТЯБРЬСКОЙ РОССИИ

До середины XIX столетия проблема отклоняющегося поведения детей и подростков не осознавалась российской наукой как самодостаточная, требующая специального исследовательского внимания. Научный интерес к ней стал пробуждаться с середины XIX века, когда с коренным реформированием народной жизни, в обстановке глубинных сдвигов перехода к новой нормативно-ценностной системе, появились не только отдельные индивиды, но и целые группы людей, которые не смогли приспособиться к новым социальным стандартам и оказались в популяции отверженных, дезадаптированных личностей. В общественном сознании они воспринимались как социально опасные. В их число попадала все возрастающая масса бездомных, внебрачных, беспризорных детей, которые в свою очередь увеличивали ряды малолетних преступников. Существовавшая тогда государственная система призрения и исправления таких детей не имела возможности справиться со всеми нуждающимися в помощи и поддержке и сама нуждалась в радикальном преобразовании. Провозглашенный государством курс на смену превентивных доктрин с отказом от наказания и заменой его предупреждением девиантности через аккультурацию (принятие культуры как своего достояния), воспитание высоких нравственно-духовных качеств, уважения к Закону обозначил лишь общую направленность предупредительной деятельности, без указания конкретных путей ее достижения.

Названные причины не могли не стимулировать процесс научной рефлексии проблемы отклоняющегося поведения несовершеннолетних как проблемы, имеющей фундаментальную социальную значимость. Этот процесс имел свои национальные особенности, выражающиеся, прежде всего, в его социальной ангажированности (теснейшей связи с конкретной социальной ситуацией), практологичности (преобладании практикоориентированных подходов), критическом отношении к иностранным концепциям, антропометрической, педоцентрической и этической интенциональностью, общим гуманистическим пафосом исследований данной проблематики, которые с самого начала параллельно велись представителями цело-

го спектра гуманитарных и естественных наук: юристами, педагогами, психологами, физиологами, медиками.

Причем, на первых порах – начальной стадии становления особого научного направления–предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних – влияние естественных наук на его формирование оказалось более мощным, нежели гуманитарных дисциплин. Объяснение данному факту видится в циркулирующих тогда общественных предпочтениях, оценивающих естественные науки выше гуманитарных по степени их непосредственной пользы для конкретной личности. (Такая позиция брала свое начало в идеологии народничества, преобладающей в то время среди интеллигенции и рассматривающей любой вопрос с точки зрения соотнесенности его с народными интересами). Естественным наукам приписывалась в то время функция лучшего диагностического средства как для идентификации социальных болезней, так и личностной патологии. Это дало возможность крупным физиологам и медикам выходить на проблемы преступности и шире – человеческой деструктивности, используя методы своей пауки.

Один из крупнейших отечественных естественников второй половины XIX века И. М. Сеченов, конкретизируя свое учение о рефлекторной природе человеческой психики в нравственно-правовом аспекте, пришел к выводу о зависимости человеческих поступков от внутренних и внешних условий. Он полагал, что если человека воспитывали с детства как честного и нравственного, то ничто не может его развратить и сделать безнравственным и, наоборот, воспитанному безнравственным нет нужды оправдывать свое поведение. Человек сам определяет свое поведение (обладает известной свободой воли), несет ответственность за него, в то же время человеческое поведение есть результирующая его потребностей и интересов, которые воспитываются и развиваются в зависимости от той среды, в какую он погружен с детства. Отсюда мысль о том, что целиком перекладывать вину за противоправное поведение на преступника нецелесообразно, т. к. это ожесточит его самого и общество против него. Правильнее было бы исходить из идеи, что виновен не только человек, но и обстоятельства, в которых он воспитывался. Здесь осуждение выступает уже не возмездием преступнику, вынесенным от лица общества, а стремлением этого общества помочь ему исправиться, осознать личностную вину и на этой основе сформировать другие рефлексы, другое нравственное поведение. В итоге меняется не оценка преступного акта, который остается аморальным

поступком, а смысл наказания, приобретающий нравственно-правовую аутентичность как для общества, так и для человека [146, с. 443].

И.М. Сеченов был убежден, что моральное чувство воспитуемо, поэтому почти всегда существует возможность при правильном, рациональном воспитании исправить нежелательное поведение, но чем раньше это будет сделано, тем продуктивнее будут конечные результаты.

Нельзя не признать прогрессивности взглядов Сеченова, однако в целом он оставался верен своей генеральной идее – материальной (естественной) детерминации психики и человеческого поведения. Полное растворение психического в материальном явилось самым слабым местом в его теории, которая оказала колоссальное влияние на современников, заражая многих из них материалистической идеологией.

Естественное, материалистическое (антрополого-материалистическое) направление в науках, изучающих закономерности человеческого поведения как в норме, так и в отклонении от нее, стало с 60-х годов XIX столетия приоритетным. Рассматривая человека как рефлексивный аппарат, оно доказывало, что нравственность личности, выбор ею того или иного поступка определяются не врожденными свойствами души, а условиями воспитания, которые обладают могущественной, морализующей, социально формирующей и превентивно-преобразующей силой.

С особой последовательностью данную линию проводили революционные демократы, придавая ей идеолого-политическую направленность. Так, Н. Г. Чернышевский был уверен в том, что «злодей и негодяй не родятся злодеем и негодяем, а делаются им от недостатка нравственного воспитания и бедности» [183, с. 44], а Н. В. Шелгунов убеждал, что у ребенка нет ничего прирожденного, кроме его наследственности [186, с. 153].

Первичным источником отклоняющегося поведения они считали деструктивную общественно-политическую и социально-экономическую структуру общества, которая ввиду своей патогенности объективно воспроизводит преступность. Однако это не означало, по их мнению, автоматического оправдания конкретного преступника, снятия с него ответственности за совершенное зло. Ведь даже в неблагоприятных социальных обстоятельствах можно оставаться законопослушным и высоконравственным человеком. Поэтому преступление – акт личностного выбора, который лишь образуется внешними причинами, а окончательно определяется самим человеком. Д. И. Писарев так выразил эту мысль: «Обстоятельства, конечно, имеют значительную силу: материальная нужда, зависимое по-

ложение в обществе, прелесть наслаждений, постороннее влияние часто с неудержимою силою сбивают человека с прямого пути, но главная причина его падения заключается в нем самом, всегда зависит от его собственной воли» [124, с. 86]. Между тем, воля, как одна из психических констант личности, по представлениям революционных демократов, каузально восходит к конкретным условиям жизни и воспитания, тем педагогическим влияниям, которые испытывал индивид на ранних этапах развития. «Дети запальчивых и страстных родителей,– писал Н. В. Шелгунов,– будут более наклонны к ошибкам воли, чем дети родителей спокойных и флегматичных» [186, с. 199]. Поэтому воля и другие (память, воображение, внимание) внутренние регуляторы поведения человека, составляющие его субъектность, согласно позиции революционных демократов, в конечном итоге подчиняются законам материального мира, т. е. внешним объективным факторам. Среди последних есть те, которые наиболее активно стимулируют негативные поведенческие поступки, предрасполагают к асоциальному поведению, делают его почти вероятным. Это прежде всего нарушение эмоциональных связей в семье, отсутствие педагогической культуры у родителей, демонстрация детям аморальных поведенческих моделей.

Доказывая доминантность данных причин в генезисе девиантного поведения несовершеннолетних, Н.В. Шелгунов писал: «Не охраняя детей от ошибочных восприятий, от вредных фактов, не следя за своим собственным поведением, не предупреждая вредных влияний, мы тем самым формируем ненормальную душу и представляем случаю делать то, что должны делать сами» [186, с. 93]. Указывая на ведущую роль микросоциальных факторов в детерминации отклоняющегося поведения детей и подростков, революционные демократы не отрицали влияния на него биопсихической компоненты личности. Наибольшую обоснованность это положение нашло в трудах Н.В. Шелгунова, который подчеркивал, что из двух детей, воспитываемых одинаково, будет склоннее к ошибкам тот, чье поведение тянется сильнее в сторону дурной наследственности [186, с. 199]. При этом он замечал, что ее влияние, безусловно, не фатально, но если при воспитании не предпринимать превентивных мер для нейтрализации природных патологий, то такое пренебрежение вполне может обернуться тем, что ребенок окажется на преступном пути и тогда помочь ему будет несравненно сложней.

Нельзя не признать правильность и актуальность мысли Шелгунова, что метод императивного запрета, так часто используемый родителями как

основная «педагогическая» тактика, не убивает в ребенке потребность в деятельности, а лишь изменяет вектор ее направленности в сторону асоциальных проявлений [186, с. 200].

Одним из первых в отечественной науке Шелгунов указал на корреляцию между модальностью поведения и характерологическими особенностями ребенка. По его убеждению, такие качества характера, как раздражительность и впечатлительность, в зависимости от условий среды и воспитания, могут развиться в нравственные уродливости или стать основой тонкого ума и тонко чувствующего сердца. Чтобы совершалось второе, а не первое, нужно пристально следить за здоровьем ребенка, укреплять его нервную систему, учить управлять своими эмоциями, целенаправленно формировать полезные рефлексы [186, с. 246–250].

Все революционные демократы сходились во мнении, что самым надежным заслоном против проникающего воздействия на ребенка разноплановых десоциализирующих влияний, а значит возможности выбора им асоциальных способов самовыражения, являются интериоризированные нравственные законы, ставшие коренными потребностями, генеральными мотивами поведения. Семья и общество обязаны делать все от них зависящее, чтобы ребенок осознал выгоду разумного и нравственного поведения. А для этого им следует постоянно стимулировать и упражнять его в приобретении социально конструктивных и нравственно ценных привычек, что явится необходимым условием для формирования личности – той социальной единицы, той исходной точки,– по выражению Н.В. Шелгунова,– от хороших привычек которой зависит весь уровень и строй общественной порядочности [186, с.162].

В целом превентивная концепция революционных демократов, базировавшаяся на принципе социального детерминизма, сыграла заметную роль в становлении научных взглядов на проблему отклоняющегося поведения детей и подростков. Однако, превалирующий монистический подход к ее решению, а также нередко проступающая идеологическая окрашенность некоторых базисных положений, например, о возможности устранения преступности через изменение социального строя, несколько снижали ее общий гуманистический потенциал.

Несомненная заслуга в том, что идея предупреждения противоправного поведения посредством правильного воспитания и обучения юношества всех сословий и исправления тех, кто уже встал на преступный путь, получила научную обоснованность и смогла выдержать конкуренцию с ре-

акционными концепциями подавления неукротимой детской натуры, принадлежала П.Г. Редкину, совместившему в себе талант юриста, педагога и общественного деятеля.

Он был глубоко убежден в том, чем больше будет открыто народных школ, а образование и воспитание станут доступны самым широким массам населения, тем ниже будет уровень преступности, особенно детской, а значит не потребуется того огромного числа исправительно-воспитательных учреждений, которые необходимы при явном недостатке народных школ и общем невежестве народа. Поэтому Редкин совершенно справедливо обвинял в безумии ту государственную экономику, которая готова скорее заплатить за наказание, чем за предупреждение преступлений.

Анализируя истоки девиантного поведения детей, Редкин пришел к заключению, что они преимущественно кроются в атмосфере насилия и произвола, царящей в отдельных семьях, а также в отрицательном влиянии испорченных товарищей. Неуравновешенное, а порой и асоциальное поведение подростков он справедливо связывает с особенностями пубертата, как критического возрастного периода, обусловленного интенсивным половым развитием. К факторам, благоприятствующим отчуждению подростка от социально позитивных воздействий и, соответственно, притяжения к общественно порицаемому поведению, он относит беспризорность и безнадзорность. Поэтому Редкин активно выступал против необоснованных исключений учащихся из учебных заведений. Он доказывал, что исключение – самое простое и в то же время самое не эффективное в воспитательном плане решение, т. к. исключает возможность исправления, которая всегда имеет место.

Превентивную стратегию, по мнению Редкина, необходимо строить на знании особенностей ребенка. Чем всестороннее, полнее, основательнее эти знания, тем реальнее вероятность объективной оценки проступков учащихся и меньше возможностей для субъективизма и предвзятости. «Стоит только беспрестанно подозревать учеников в дурном, ожидать от них только дурного,– пишет Редкин,– тогда и самый лучший ученик подвергается опасности наделать много дурного» [135, с. 163]. И наоборот,– доказывает ученый,– воспитатель обязан опираться в своей деятельности на лучшие моральные качества детей, которые имеются в каждом, их нужно только заметить, а потом развивать и стимулировать, только тогда будет решаться главная задача воспитания – пробуждение в ребенке душевных способностей [135, с. 152].

Антропологизм взглядов П.Г. Редкина на проблему отклоняющегося поведения существенно повлиял на позиции его выдающегося ученика и последователя в этом вопросе К.Д. Ушинского.

До сегодняшнего дня взгляды К.Д. Ушинского на природу преступности не получили должной оценки в педагогической науке. Между тем они дают представление о еще одной грани его разностороннего таланта.

К.Д. Ушинский чрезвычайно внимательно относился к проблеме преступности, видя в ней многоаспектное социальное явление, детерминация которого уходит в систему сложного взаимодействия разнопорядковых факторов: социально-политических (форма государственного правления, политическая обстановка); социально-экономических (состояние экономического развития общества, его промышленный потенциал, уровень урбанизации); социальных (наличие социальных гарантий, социально-правовой защищенности); социально-психологических и социально-педагогических (состояние семейной и общественной морали). Наличие каких-либо дисфункций, хотя бы в одной из этих сфер, приводит, по мысли Ушинского, к колебаниям уровня преступности, и, как правило, в сторону ее возрастания.

На примере анализа статистики преступлений в Англии и Франции Ушинский показал, что к увеличению преступности приводят политические катаклизмы, издержки энергичного промышленного развития, сопровождаемые обнищанием и маргинализацией больших групп населения, их деморализацией, распадом традиционно крепкой в нравственном плане семьи, цементируемой высокими моральными качествами женщины, матери и жены, своим примером и влиянием оказывающей определяющее значение на формирование личности ребенка [172, с. 624–631].

На первый взгляд перед нами типичный социологизаторский подход к объяснению причин преступности. Однако, К.Д. Ушинский вносит в него весьма существенное дополнение, подчеркивая особое значение воспитания в генезисе преступности. Причем, если воспитание направлено на возвышение нравственных начал в человеке, его очеловечивание, то оно способствует снижению преступности. Если же воспитание принимает форму простой образованности, которую несет в себе цивилизация, но без весомой моральной обеспеченности, то его воздействие ограничивается лишь поверхностными изменениями, не затрагивая ядра преступности [172, с. 649–654].

Исходя из такого понимания корреляции между преступностью и воспитанием, Ушинский одним из первых в отечественной педагогике

предложил сознательно использовать предупредительный потенциал последнего путем активного стимулирования и поддержки нравственных основ ребенка, а также организованного включения его в целенаправленную трудовую деятельность, сопряженную с обязательным приобретением профессиональных умений в том или ином ремесле. Великий педагог был уверен, что дать ребенку надежную опору в жизни через оказание помощи в приобретении профессии – это значит подорвать корни возможных аморальных деяний с его стороны [173, с. 593–595].

Связывая воспитание с профилактикой преступности, Ушинский указал на необходимость комплексного изучения личности ребенка с целью проникновения в мотивацию его поведения, что дает основание целенаправленно влиять на ребенка, используя внутреннюю логику развития его природных потребностей и устремлений, способную играть как предупредительную, так и корректирующую роль [174, с. 35–36].

Как и многие его современники, он был убежден, что питательной средой для детской преступности и других видов отклоняющегося поведения малолетних, выступает сиротство.

Проведя глубокое изучение проблемы воспитания детей-сирот за рубежом и в пределах Российской империи, Ушинский пришел к заключению, что сиротство – совершенно особый социально-педагогический феномен, имеющий свои, присущие только ему, законы развертывания и функционирования.

Сиротство по Ушинскому – это искалеченное, обедненное детство, это школа безнравственности, жестокости, пороков. Многие дети-сироты, имея явные отклонения в нравственном, духовном и психическом развитии, несут в себе потенциал асоциального, а порой и преступного поведения.

Великий педагог-гуманист подчеркивал, что особый статус любого сиротского учреждения предопределен его педагогической сверхзадачей – стать новой семьей для ребенка, попытаться, по мере возможности, восстановить полноценное детство, скомпенсировать недостаток положительных эмоций, защитить его от негативных внешних влияний и, в конечном итоге, воспитать из сироты деятельного, честного и полезного члена общества.

Ушинский предупреждал, что реализация подобной сверхзадачи потребует от педагогов сиротского заведения сверхусилий и, прежде всего, сознательной, обдуманной, методически и морально обеспеченной педагогической позиции, направленной на создание системы предупредительного вос-

питания – намеренных, организованных воздействий, ориентированных на преобразование личности в условиях нравственно проведенного детства.

Освобождать ребенка от аморальных побуждений и потребностей, согласно Ушинскому, возможно лишь через организацию свободной, разумной и нравственно насыщенной деятельности (здесь Ушинский шел вслед за Кантом, признавая органическое единство нравственности и свободы, подтверждая знаменитое кантовское: «...чем более человек добродетелен, тем более свободен»).

Именно такая деятельность несет в себе мощнейшую предупредительно-воспитательную и воспитательно-предупредительную интенциональность, так как формирует у воспитанника систему потребностей и установок, имеющих единую социально-субъектную ценность.

Воспитанник сиротского учреждения включен в разнообразные виды деятельности: познавательную, трудовую, ценностно-ориентировочную, коммуникативную, оздоровительную, художественную. Среди них ключевое превентивное значение Ушинский отводит трудовой. По мысли выдающегося ученого, трудовая деятельность в сиротском учреждении – это в первую очередь физический, достаточно напряженный, по разумный в возрастном плане труд на огороде или саду, в поле или ремесленной мастерской, облагораживающий природу ребенка, нейтрализующий дурные и стимулирующий его здоровые наклонности.

Усвоению социально и личностью продуктивных норм поведения послужит включение воспитанников и в другие виды деятельности, базирующиеся на ценностях благополучной семьи: любви, свободы, взаимоответственности, взаимоуважении и др.

Выстраивая систему воспитательно-предупредительных воздействий па детей-сирот, Ушинский предлагал исходить из следующих организационно-педагогических принципов: максимальное ограничение численного состава воспитанников сиротского заведения, приближение образа жизни в учреждении к семейному через создание воспитывающих отношений, схожих с семейными, включение в воспитательный процесс внешней среды путем организации обучения в открытых учреждениях, безусловный приоритет воспитательной деятельности над всеми прочими.

К средствам, имеющим важный воспитательно-профилактический эффект, по мнению Ушинского, принадлежат: всесторонность и комплексность изучения воспитанника, индивидуализация обучения и воспитания, высокие этико-профессиональные качества воспитателей, личностный

подход в воспитании, единство педагогических требований, соединение учебной и воспитательной функции на одних и тех же лицах, поэтапное включение в жизнь сиротского учреждения поступающих детей через систему промежуточных адаптивно-профилактических структур, подготовка воспитанников к самостоятельному выполнению разнообразных профессиональных и человеческих ролей, необходимых в реальной жизни, патронирование после выхода из сиротского заведения.

К.Д. Ушинского с полным основанием можно считать одним из пионеров особого направления в отечественной педагогике – «педагогики обедненного детства».

Высказанные Ушинским мысли о детерминации и природе преступности, разработанные им педагогические и организационные основы воспитания детей, лишенных семейной среды, явились, по сути, целостной концепцией, обосновавшей фундаментальную идею предупредительного воспитания несовершеннолетних, ставшую отправной точкой развития отечественных исследований в этой области гуманитарной науки.

Следует отметить, что данная идея в 60-е годы XIX столетия развивалась по двум главным направлениям: социально-педагогическому и уголовно-правовому. Если первое находилось под несомненным влиянием естественно-материалистической теории, то второе – кроме того, испытывало воздействие складывающейся социологической концепции, которая объясняла преступность социальными условиями существования людей. Такой антрополого-социологический подход был присущ взглядам отечественных юристов той эпохи Н. Неклюдову, А. Богдановскому, А. Кистяковскому.

Классифицируя причины, порождающие преступность малолетних, они, прежде всего, указывали на развращенность, аморальный облик их родителей, отсутствие надзора и попечения над детьми, неразвитость, несформированность у них главных психофизиологических функций и социально-нравственных установок, а также неблагоприятный характер общественного устройства и управления [94, с. 235; 14, с. 41; 61, с. 11].

Представители вышеупомянутого подхода доказывали бесперспективность борьбы с преступностью лишь применением репрессивно-наказательных мер к носителям противоправного поведения, так как это не затрагивает сущности данного социального явления. По их мнению, здесь самый целесообразный метод – это ликвидация действительных факторов преступности через изменение ориентации уголовной политики. Она должна базироваться на знании истинных причин преступности и преступного пове-

дения, а не на борьбе с их следствиями. Поэтому репрессивная уголовная политика должна смениться на превентивную, упреждающую. Ее суть сторонники антрополого-социологического течения, как и адепты социально-педагогического, усматривали в просвещении народных масс, особенно подрастающего поколения, которое нуждалось в рациональном воспитании. «Рациональным физическим и нравственным воспитанием,– писал Богдановский,– образуется темперамент и характер человека, с которыми он в состоянии противостоять всякому соблазну, а умственным и промышленным образованием даются ему средства, которые облегчат его труд и доставят ему возможность жить честно, без помехи его ближним» [14, с. 267].

Представители антрополого-социологического течения в отечественной юриспруденции 60–70 гг. указывали, что уголовная политика должна носить превентивный характер как к тем, кто наиболее склонен к преступлению, так и к тем, кто его уже совершил. По отношению к малолетним преступникам это означало, что задачи их исправления, восстановления нарушенных социальных и эмоциональных связей должны быть сопряжены с задачами предупреждения с их стороны повторных правонарушений. Подобное станет возможным, если государство законодательно, организационно и финансово обеспечит реализацию данной идеи [61, с. 171 – 178; 14, с. 269].

Итак, в 60 – 70 годы в отечественной науке наметились два направления, пытавшиеся вычленить и теоретически осмыслить проблему отклоняющегося поведения несовершеннолетних: социально-педагогическое и уголовно-правовое. Они оба руководствовались антропологическим методом в изучении механизмов человеческого поведения, поэтому их основные позиции были синтезированы в единообразном понимании социальной детерминации преступного поведения малолетних и придании исключительной роли целенаправленному воспитанию как магистральному предупредительному средству, способному сформировать нового человека, социально-адаптированную и законопослушную личность. Их различия не носили принципиального характера и заключались в акцентировании внимания на педагогических превентивных мерах (социально-педагогическое направление) или на способах предупреждения преступного поведения посредством уголовно-правовой политики (уголовно-правовое направление). Однако и здесь их позиции часто соприкасались или интегрировались (как у П.Г. Редкина). Ввиду того, что взгляды представителей обоих названных направлений на вопросы противоправного поведения несовершеннолетних составляли лишь периферийную часть их фундаментальных воззрений

(особенно у народников и К.Д. Ушинского), поэтому они носили, в основном, обобщенно-постановочную направленность и не трансформировались в автономные теории, разработка которых началась несколько позже.

Бурное распространение в 60-е годы естествознания с его повышенным вниманием к проблемам воспитания вызвало научный интерес и к вопросам детской физиологии, психологии, психопатологии. К тому же, реальная педагогическая практика довольно быстро продемонстрировала, что возможности воспитания достаточно ограничены, так как воспитателям постоянно приходилось сталкиваться с детьми, не поддающимися обычным педагогическим влияниям. Они отличались неуравновешенностью, строптивостью, аморальностью, склонностью к отклоняющемуся поведению. Учебные заведения старались избавиться от таких подростков, исключая их, тем самым способствуя их окончательному нравственному падению, переходу в разряд асоциальных элементов. Положение осложнялось тем, что они не могли помещаться ни в учреждения для социально обездоленных детей, ни в исправительные заведения для малолетних преступников. Необходимо было создать для подобных подростков особые условия воспитания.

В 1868 году Главное управление военно-учебными заведениями организовало близ Саратова Вольскую военную прогимназию, куда направлялись подростки, нуждающиеся в специальном педагогическом режиме. Для их клинического изучения в 1872 г. туда был направлен крупный отечественный психиатр И.А. Сикорский. Результаты его исследования были представлены IV международному конгрессу по гигиене (Женева, сентябрь 1882 г.). Доклад русского ученого назывался «О детях трудных в воспитательном отношении».

Проводя клинико-психиатрические наблюдения над учащимися массовых школ, Сикорский обнаружил, что 12–15% школьников обладают специфическими психическими параметрами, которые обусловливают их неуспешность, слабую адаптированность, нравственную испорченность. Классифицируя этих трудных детей по особенностям их нервно-психической организации, он выделил 5 типов. К первому были отнесены дети с легко возбудимым нервно-психическим строем. Их отличала неплохая дидактическая одаренность, но слабая выносливость, способность к продолжительной, напряженной умственной работе. Они абсолютно морально неустойчивы: позитивные поступки могут чередоваться у них с де-

структивными действиями, а моменты самых возвышенных душевных состояний сменяться замкнутостью и отчужденностью.

Ко второй категории были причислены обследованные с выраженной дисгармонией физического и психического развития, которая часто сопровождается общей раздражительностью, импульсивностью, грубостью, склонностью к насилию, сексуальным аномалиям. В процессе гармонизации психической и физической сфер данные качества почти всегда бесследно исчезают.

Учащиеся третьего типа характеризуются нелинейностью умственного развития, которое происходит скачкообразно, вызывая у подростков повышенную самооценку, самонадеянность, самоуверенность, лидерские притязания, способствуя размыванию нравственных установок, формированию автономной шкалы ценностей. Четвертую группу детей Сикорский назвал «подвижно-беспокойные», чей психический статус пронизан аффективностью и инфантильностью, обучение окрашено малоуспешностью, а поведение – неорганизованностью и недисциплинированностью.

Пятый тип составили учащиеся с «весьма упорными, вероятно, прирожденными неправильностями характера». Их наследственность, как правило, патогенна (родители, родственники страдают душевными заболеваниями, алкоголизмом, неврозами). В психическом облике преобладают низшие эмоции. Они эгоистичны, расположены к дерзкой, наглой лжи, цинизму, жестокости, спонтанным деструктивным актам, хотя в интеллектуальном плане обычно не ущербны. При этом данные проявления не носят фатального характера, а лишь указывают на возможность формирования эгоцентрическо-агрессивной направленности личности при отсутствии надлежащих превентивных воздействий [149, с. 171 –175].

Как видим, клинико-психиатрическое исследование детей, трудных в воспитательном отношении, навело И.А. Сикорского на мысль о бесспорной релевантности их трудновоспитуемости с болезненной наследственностью, которая приводит к нарушениям нервно-психической организации. Причем эти нарушения, по Сикорскому, заключаются в одностороннем, гипертрофированном развитии отдельных психических качеств. Естественно, что повышенный уровень патогенности средовых и воспитательных факторов серьезно усугубляет изначальную природную ущербность таких детей, в отличие от нормальных в этом плане, на которых негативное влияние внешней обстановки не так сильно сказывается, ввиду того, что сдерживается их здоровой психической конституцией. Несмотря на

это, ученый был убежден, что ненормальная нервно-психическая организация трудных детей не выступает роковым началом в их судьбе, она лишь предрасполагает к различного рода отклонениям от нормативности, она затрудняет процесс воспитания, но не отчуждает такого ребенка от него. Следовательно,– заключает Сикорский,– в воспитании трудных не должно быть место пессимизму [149, с. 130].

Вскрывая этиологию болезненной наследственности, Иван Алексеевич Сикорский к условиям наибольшего риска ее возникновения относит неблагоприятный возраст родителей, их приверженность различным соматическим и психическим заболеваниям, тяжелую материально-бытовую обстановку, чрезмерные физические и нервные нагрузки, испытываемые в период беременности будущей матерью. Он совершенно справедливо замечал, во многом предвосхищая последующие исследования в области генетики, что бремя болезненной наследственности, выносимое ребенком из утробы матери, может сохранить свою значимость на протяжении всей жизнедеятельности человека, заявляя о себе в наиболее критические периоды развития субъектности. Поэтому деструктивное поведение индивида, по мысли Сикорского, берет свое начало задолго до его появления на свет, восходя от его предков к родителям. Туда и должны быть направлены первые предохранительные меры [149, с. 130–133].

Таким образом, И.А. Сикорским была впервые обоснована и сформулирована идея генеалогического предупредительного воспитания – одна из продуктивнейших и не потерявших актуальности превентивных идей.

В 70 – 90-е годы в России и за рубежом проводятся фундаментальные клинико-психиатрические исследования, пытающиеся идентифицировать нормальные и аномальные состояния психики, описать их отличительные признаки, вскрыть их глубинные истоки, выявить корреляционные зависимости между патологическим развитием и девиантным поведением [63; 70 и др.]. Большинство этих изысканий несло в себе прикладную педагогическую направленность, вооружая воспитателей научным знанием о природе отклоняющегося поведения, особенностях его проявлений в онтогенезе.

Так, известный отечественный психиатр П.И. Ковалевский указывал, что в этиологии детских психозов наследственный фактор занимает доминирующее место. Он полагал, что дети наследуют от родителей не только определенную предрасположенность к душевному заболеванию, но и нередко то самое психическое расстройство, каким страдают родители. Причем катализация дегенеративных тенденций, согласно его точки зрения,

приходится на пубертат – возраст усиленного полового развития. Физиологически раздраженная половая сфера, особенно если она искусственно еще больше возбуждается через самоудовлетворение, способствует быстрому наступлению психоза у подростков. В отличие от господствующих тогда в психиатрии взглядов на мастурбацию как на один из ведущих факторов психопатизации личности, Ковалевский отмечает, что онанизм есть не причина, а проявление болезни [63, т. I, с. 205 – 206, 227].

Он разделял позиции некоторых западных психиатров (в частности, Б. Мореля), выделяя особый вид психоза – психоз юношеского возраста (гебефрению). По его мнению, он присущ подросткам, отличающимся грубой эгоистичностью в нравственном отношении; необдуманностью, легкомыслием, инфантильностью, зависимостью – в психическом статусе. Отсюда их склонность к пьянству, сексуальным аномалиям, преступному поведению [63, т. 2, с.193–195].

Отклоняющееся поведение, по Ковалевскому, это и маркер нравственного помешательства – психоза, в основе которого лежат болезненная наследственность и патогенная семейная атмосфера. Его проявлениями в раннем онтогенезе являются малокровие, плохой сон, повышенная капризность, раздражительность, злость. Впоследствии они усугубляются и трансформируются в такие характерологические качества как лживость, эгоцентризм, половая распущенность, ранний алкоголизм, воровство [63, т. 2, с. 152–156].

Анализируя феноменологию нравственного помешательства, П.И. Ковалевский совершенно справедливо замечает, что провести границу между безнравственностью и патологией нравственности, между преступлением и пороком крайне трудно, ввиду релятивности самого понятия «нравственность». Критерием точности постановки диагноза «нравственное помешательство», по его убеждению, является идентификация эгоцентрической направленности личности [63, т. 2, с. 159].

Вопрос о критериях нормального и аномального поведения был в тот период крайне важен и для педагогов, которые, сталкиваясь с конкретными случаями детской трудновоспитуемости, должны были определить «до каких пределов уклонения эти составляют только индивидуальные различия и за каким начинается неправильность» [105, с. 21]. Важно было приобрести умение распознавать характер этой неправильности, способность устанавливать ее причины, механизмы развертывания применительно к конкретной личности ребенка и на этой основе выстраивать систему соци-

ально-педагогических, психогигиенических воздействий. К этому призывал известный педагог А.Н. Острогорский. Он советовал коллегам не забывать специфики педагогического воздействия, с помощью которого можно культивировать как конструктивные, так и деструктивные наклонности, ослаблять или даже предотвращать развитие болезненных свойств организма. Он предупреждал от поспешных выводов о неисправимости ребенка, доказывая, что личность не представляет чего-либо законченного и неизменного. Осознавая, что возможности воспитания достаточно ограничены, он полагал, что в этих границах можно и должно работать, и работать профессионально: устранять источники психической травматизации ребенка, формировать привычку к труду, здоровый образ жизни, стимулировать развитие сдерживающего, волевого начала, убеждать в ценности социально значимых форм поведения [105, с. 159–172].

Во многом солидарную позицию со взглядами А.Н. Острогорского занимали в 80–90-е годы и некоторые другие отечественные медики и педагоги [16; 19; 77, с. 16–228; 93 и др.].

Глубоко осознавая, что борьба со злом составляет существенную сторону педагогической деятельности [16, с. 470], они стремились определить его природу, движущие силы, методы нейтрализации.

Они указывали на внутренние, субъектные факторы как доминантные в генезисе отклоняющегося поведения несовершеннолетних, отводя внешним, социальным и социально-педагогическим причинам роль катализатора для уже присущей личности патологии. В то же время они фокусировали внимание общества, воспитателей и родителей на то, что эта личностная патология, порой даже в злокачественной форме, не обрекает ребенка на нравственное и психофизическое вырождение, а лишь демонстрирует степень его трудновоспитуемости, которая сугубо индивидуальна. Несомненная их заслуга заключается в попытке отграничить патологические формы трудновоспитуемости и девиантного поведения от непатологических. Разумеется, уровень тогдашней науки не позволил сделать это достаточно результативно, тем не менее уже такая постановка вопроса свидетельствовала о серьезности намерений отечественных ученых. Нельзя не признать справедливым и до сих пор актуальным обоснованное ими положение о том, что лишь определив характер проблемности ребенка, можно выбрать арсенал наиболее адекватных и сопряженных между собой педагогических и психогигиенических акций, которые явятся одновремен-

но и реабилитирующими, и превентивными мерами, способными остановить сползание формирующейся личности к девиантной самореализации.

В 70 – 90-е годы XIX века целой плеядой отечественных педагогов, психологов, физиологов, психиатров были заложены основы новой научной отрасли – педагогической патологии (И.А. Сикорский), предметом которой становится аномальное поведение детей, его причины и методы педагогической коррекции.

В это же время исследования в области педагогической патологии шли параллельно с научной разработкой юридических аспектов девиантного поведения несовершеннолетних. Здесь, безусловно, ведущая роль принадлежала Дмитрию Андреевичу Дрилю, выдающемуся отечественному ученому, который счастливо сочетал в себе правоведа, психолога и педагога, теоретика и практика, мыслителя и общественного деятеля.

Д.А. Дриль относил себя к представителям позитивной или антрополого-криминалистической школы уголовного права, которая не признавала учение классической школы об абстрактной изначальной «злой воле» как единственной и неизменной силе, толкающей индивида к совершению преступления. «Позитивисты» требовали всестороннего, подробного и точного изучения реальных преступников и совершаемых ими преступлений. Проведя многочисленные антропологические эксперименты, они пришли к заключению, что преступление – это проявление неполноценности анатомической организации индивида, а преступник – это порочный, патологический тип, поведение которого жестко детерминировано наследственной ущербностью. По их гипотезе, существуют дети, обнаруживающие с первых лет своей жизни признаки преступных наклонностей (оттопыренные уши; искривленные, перекрещенные центральные зубы верхней челюсти, конусообразная форма черепа и т. д.), которые обрекают их на асоциальность и перед которыми воспитание бессильно [78, с. 26–28]. К наиболее последовательным сторонникам антропологической теории преступности в России можно отнести И. Гвоздева [25] и П.И. Ковалевского [64]. Последний, например, считал, что существует тип прирожденных малолетних преступников, практически не поддающихся исправлению. Однако, в отличие от «позитивистов», он полагал, что склонность к преступному поведению заложена не в физических, а в душевных аномалиях индивида (в дефектности центральной нервной системы), поэтому следует говорить не об антропологическом, а о психологическом преступном типе людей [64, с. 30–36].

Соглашаясь с «позитивистами» в том, что основой всех научных теорий должны стать не априорные произвольные конструкции, а опыт и наблюдение явлений действительности, а также их тщательное изучение, Дриль расходился с адептами этой школы как в трактовке сущности преступного поведения в целом, так и в оценке природы и способов предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Чтобы понять сущность преступного поведения и указать эффективные средства по его коррекции,– подчеркивал Дриль,– необходимо понять человека, изучить его в целостности, как в здоровых, так и болезненных состояниях. Тогда фундаментом для правовой науки должны стать данные антропологии, психофизиологии, психопатологии, социологии (сам Дмитрий Андреевич неукоснительно следовал этому принципу: имея высшее юридическое и медицинское образование, он постоянно пополнял свои знания в области анатомии, физиологии, психологии и патологии). Неслучайно поэтому Дриль сосредоточил свое внимание на личностной стороне преступного поведения, видя в ней ключ к объяснению его механизмов, В своих взглядах он исходил из мысли, что в основе чувствующей и думающей психической личности лежит личность биологическая, как анатомо-физиологический субстрат. Душевная жизнь подчиняется строгим законам соответствия низших и высших эмоций, инстинктивных влечений и голоса разума. Их рассогласование нарушает общий психический баланс личности, делает се неустойчивой, способной на неадекватные поведенческие реакции. Однако поведение индивида – не простой слепок его сегодняшнего психического состояния, оно – результирующее всей его прошлой индивидуальной жизни, а также тех влияний, которые ему были переданы родителями и предками через наследственную структуру. Поэтому ребенок появляется на свет не как tabula rasa, а с определенными наследственными задатками, с определенным, по словам Дриля, «психическим остовом» – бессознательной областью психики, которая во многом моделирует его последующее поведение, характер действий и поступков, смысл которых иногда не охватывается сознанием личности. Уточним: Дриль, в отличие от Фрейда, не абсолютизировал значение бессознательного, заключая, что в конечном счете личность обладает свободой воли, и ее поведение в целом сознательно, однако отечественный ученый впервые в мировой науке, еще до знаменитых открытий Фрейда, указал на силу бессознательной сферы психики.

Подобное толкование структуры психики привело Дриля к предположению о том, что «хотя преступление и есть результат сознательной де-

ятельности человека, но в то же время оно есть и следствие более или менее устойчивого несоответствия особенностей его психофизической организации с предъявляемыми к нему требованиями общественной жизни данного времени, несоответствия, источник которого почти всегда кроется в особенностях бессознательной области» [46, с. 254].

Причины преступного поведения он делил на три группы: 1) на ближайшие или непосредственные, кроющиеся в аномалиях психофизической организации личности; 2) на более отдаленные или посредственные, заключающиеся в неблагоприятных внешних условиях, под влиянием которых вырабатываются первые, как более или менее устойчивые факторы преступлений; 3) на предрасполагающие, под воздействием которых уже сложившиеся дефективные, неуравновешенные организации совершают преступления [46, IV].

Уточняя характер взаимодействия названных факторов преступного поведения, Дриль подчеркивал, что унаследованные индивидом аномалии психики сами по себе не порождают его, а лишь увеличивают вероятность его возникновения при негативном прессинге всей окружающей обстановки и отсутствии разумного воспитания. Внешние факторы также действуют не напрямую, а опосредованно – проходя через фильтр личности, который может задерживать или, наоборот, пропускать или даже персистировать отрицательные средовые влияния.

Итак, преступное поведение личности, согласно концепции Дриля, это не клеймо, позволяющее зачислять ее, как делали «позитивисты», к числу прирожденных, неисправимых натур, а показатель внутренней разбалансированности, душевной расстроенности, психической неустойчивости. Чаще всего его корни уходят в раннее детство. Именно в этот период общество в целом и воспитательные институты должны сделать все, чтобы спасти детей от преступной карьеры, так как психические структуры личности в детские годы достаточно пластичны и способны к модификации, а влияние органической патологии не столь злокачественно, как у взрослых.

Дриль не уставал доказывать, что трудные в воспитательном отношении – это в большинстве своем не больные, требующие клинического лечения и строгой изоляции дети, а лишь продукты оскудения породы, а их отклонения могут не закрепиться, но только при условии рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки, которой они окружены. Если же,– предупреждал ученый,– наследственно отмеченный ребенок будет предоставлен самому себе, свободным влечениям своей порочной

организации, а также влиянию примера одичалой и деградированной семьи, то он неминуемо подвергнется нравственному и физическому разрушению [46, с. 265].

Таким образом он может перейти из разряда «трудных» в категорию «малолетних преступников». Характеризуя психический статус последних, Дриль отмечает у них слабость воли и способности контролировать свои страсти, отсутствие внутренней нравственной дисциплины, некоммуникабельность, деспотичность, ленивость, неуравновешенность, жестокость, безучастность к страданиям других, эгоистичность, нечувствительность ни к ласкам, ни к наказаниям. Данные психологические параметры являются уже самодостаточными, чтобы сделать преступное поведение подростка не эпизодическим, а хроническим.

«Понятно, – рассуждает Дриль,– что дети, отличающиеся такими особенностями, требуют и особого воспитания, и способного и знающего воспитателя, который сумел бы подметить действительный органический источник их пороков и недостатков и, подметив, сумел бы сделать из этих «лентяев» будущих более или менее полезных, но во всяком случае не зловредных членов общества» [47, с. 252].

На основе теоретических представлений, Дриль разработал концепцию особого, превентивно-исправительного воспитания. При ее обосновании он исходил из мысли, что нейтрализовать деструктивные тенденции в структуре личности можно лишь представляя, каким путем происходит их формирование. Если они есть в определенной степени следствие дисфункций психической сферы, где инстинктивные влечения и страсти берут верх над высшими, контролирующими инстанциями (рассудком и разумом), то значит самый правильный путь нейтрализации негативных тенденций – это согласование и гармонизация всех областей психики.

Тогда педагогическая стратегия, по мнению Дриля, будет заключаться в стремлении развить у ребенка силу высших эмоций (морального сознания, чувства долга, ответственности, самообладания) и ослабить влияние низших (эгоизма, грубости, сексуальной распущенности) и тем самым сделать его господином своих страстей. «Укрепление, путем постоянных упражнений, соответствующих нервных центров и выработка соответствующих привычек – таковы могущественные средства, находящиеся в руках у способного воспитателя» [47, с. 43]. На необходимость развивать у ребенка нравственную дисциплину, умение владеть и управлять собой и подчинять свои действия разумным волевым отправлениям – как на фундаментальные способы фор-

мирования социальной направленности личности, указывал другой выдающийся отечественный ученый того времени П.Ф. Лесгафт.

Однако он расходился с Дрилем в оценке наследственного фактора в генезисе поведения. Если последний полагал, что наследственно транслируются все особенности психической организации, в том числе и характер, то Лесгафт утверждал, что передается лишь тип темперамента, который ошибочно принимается за выражение характера ребенка. В повышенной возбудимости и активности нередко видят проявление его злости, а в медлительности и нерешительности – лени. Это, по мнению Лесгафта, совершенно неверно, так как отождествляются разнопорядковые явления. Поэтому нельзя говорить о врожденных дурных качествах ребенка, которые появляются только по мере развития его сознательной деятельности и зависят от неблагоприятных условий, обыкновенно создаваемых взрослыми [77, с. 146].

Формированию девиаций в поведении детей, по мысли Лесгафта, прежде всего, служит применение насильственных мер, оскорбляющих, унижающих достоинство ребенка, препятствующих развитию в нем лучших, истинно человеческих качеств. Злоупотребление наказаниями, несправедливость и произвол угнетающе действуют на психику ребенка, не дают ему возможности свободно реализовать свои действительные потребности, ведут к недоверчивости, отрицанию всего доброго, правдивого и истинного. Закономерный выход из такого положения – девиантная компенсация или через пассивную форму (наркотики, другие одурманивающие средства), или через активное неприятие социальных норм [77, с. 90–92].

Выстраивая ретроспективу возникновения отклонений в поведении ребенка, Лесгафт обращает внимание на то, что часто исходной точкой их появления является негативная жизненная ситуация, как правило, связанная с насилием и вызывающая у него первое, наиболее яркое и сильное впечатление. При ошибочной педагогической тактике – стремлении нейтрализовать его более мощным (например, криком, физическим воздействием), оно лишь временно заглушается, т. к. не уничтожается причина, порождающая его. Наоборот, такая тактика приводит к его внутреннему усилению, заставляя личность постоянно возвращаться к первичной травмирующей ситуации, которая не была конструктивно решена. Образующиеся при этом прочные рефлекторные связи служат питательной почвой для дальнейшей деструкции [77, с. 87–91].

К способам усвоения девиантного поведения Лесгафт относил и микросоциальную стигматизацию, когда клеймо «вора», «изверга» или «убийцы», налагаемое ближайшим окружением, постоянно давлеет над ребенком. «Заклейменный таким названием с малолетства,– пишет ученый,– он слышит его со всех сторон и с этим вместе подвергается преследованию своих домашних, часто даже почти всех своих товарищей» [77, с. 265].

Предложенная Лесгафтом классификация основных типов детей имела безусловную превентивную направленность, так как показывала общие источники девиаций в детском возрасте, описывала у выделенных типов качественно различные проявления отклонений, тем самым облегчая их диагностику, а также давала научные рекомендации по организации воспитательно-предупредительных воздействий в соответствии с уровнем нравственного и умственного развития ребенка. П.Ф. Лесгафтом была впервые в мировой науке высказана гипотеза о влиянии механизма первого значимого запечатления (импрессинга) на возникновение и эволюцию девиаций в онтогенезе, значимость и весомость которой по-настоящему оценивается только сегодня.

Подводя общий итог научным изысканиям в области отклоняющегося поведения несовершеннолетних, проводившимся в 80– 90-е годы, следует отметить, что это был период, когда произошел окончательный поворот к пониманию ее автономного, самодостаточного значения в контексте исследований целого спектра гуманитарных и естественных дисциплин. Данная проблема с самого начала осознавалась как межнаучная. Поэтому определенной закономерностью рассматриваемого этапа ее развития явилось появление интегрированных исследований, где синтезировались социально-педагогический, уголовно-правовой и медико-психологический аспекты. Примером такого типа исследований могут служить труды Д.А. Дриля, некоторые работы И.А. Сикорского, П.И. Ковалевского. Изучение проблемы переводилось из обобщенно-постановочного (характерного для 60 – 70-х гг.) на эмпирико-теоретический уровень, эмоциональные оценки заменялись стремлением к строгому научному анализу. Обращение к реальному педагогическому материалу–детям с отклоняющимся поведением – заставило исследователей сфокусировать внимание на внутреннем, субъектном факторе в возникновении девиаций и через «погружение» в личность выйти на первоисточники деструктивности, которые теперь усматривались прежде всего в биопсихических аномалиях индивида. Социально-педагогическим (внешним,

материальным) причинам отводилось опосредующее влияние, роль «провоцирующего» фактора (за исключением работ П.Ф. Лесгафта).

Столкнувшись с разноплановыми выражениями детской трудновоспитуемости, отечественные ученые 80 – 90-х годов XIX в. попытались их не только описать, но и классифицировать, исходя из желания, обозначив определенный стандарт нравственного и психического развития, развести нормальные и патологические состояния, выявить степень корреляции между последними и девиантным поведением в онтогенезе.

При этом были обнаружены локальные и тотальные проявления психической дезорганизации, а также такие, которые находились на границе между ними, установлена зависимость между степенью патогенности нервной системы ребенка и характером его нравственной ущербности, расположенности и девиантным формам самовыражения.

Такая интерпретация субъектного начала в генезисе отклоняющегося поведения несовершеннолетних определила и процесс переосмысления основных превентивных мер. Осознав силу «вмонтированности» биопсихических аномалий в структуре личности, исследователи тех лет уже не рассматривали воспитание как всемогущее коррегирующее и предупредительное средство, способное справиться с любым детским пороком. Поэтому они отводили ему роль общепрофилактического барьера, а также эффективного коррегирующего метода для легкой степени трудновоспитуемости. Для злокачественно-патогенных ее форм предполагалось наряду с организацией целенаправленных нравственных влияний использовать потенциал специальных психогигиенических воздействий, направленных на восстановление нарушенной системы психической и моральной регуляции поведения.

Качественным отличием этого периода изучения рассматриваемой проблемы была не априорная, подчас идеологически ангажированная, а строго экспериментальная концептуализация взглядов, стремление получить максимально объективные результаты. Поэтому большинство русских ученых, работающих в этой области, критически воспринимали объяснительные конструкции, распространенные среди их западных коллег (например, антропологическую теорию преступности), имея, даже при их внешнем приятии, собственную, оригинальную трактовку (Д.А. Дриль, П.И. Ковалевский), которая в свою очередь позволяла им выдвигать смелые, значительно опережающие свое время, идеи.

Заложенная ими традиция ориентации на поиск объяснительных моделей, наиболее адекватно отражающих всю систему взаимодействия внешних и внутренних факторов в происхождении и развитии девиаций у несовершеннолетних и разработку на этом фундаменте научно обоснованных превентивных рекомендаций, была продолжена и закреплена в начале XX столетия.

К этому времени усилиями ведущих европейских и отечественных криминологов была в целом доказана несостоятельность антропологической теории преступности и ее модификаций (например, психиатрической – видящей в преступнике психопатическую личность). Все большую популярность в научных кругах стала приобретать социологическая концепция преступности. Ее основоположники (Э. Дюркгейм, Ж. Кетле, М. Вебер), оперируя весомыми статистическими аргументами, утверждали, что преступность – это не личностная, а общественная патология, зависящая прежде всего от таких социальных явлений, как войны, революции, кризисы. Отклоняющееся поведение сторонниками социологического подхода рассматривалось как результат разрыва межперсональных связей личности, отчуждения индивида от той социальной группы, к которой он принадлежит, т. е. как нарушение процесса социализации.

Объяснительная версия возникновения и динамики преступности, предложенная «социалогизаторами», вызвала в России неоднозначную реакцию; нашлись как ее сторонники (например, М.Н. Гернет), так и те, кто более осторожно отнесся к аргументации и положениям этой доктрины.

К числу последних принадлежал выдающийся русский психиатр и психолог В.М. Бехтерев, который полагал, что как и индивидуально-анатомические, так и социально-экономические причины не могут объяснить всех преступлений, а могут выступать лишь в качестве внешних предрасполагающих условий.

Он считал, что любое преступление определяется только совокупностью факторов разного порядка: макро-, микросоциальных и индивидуальных, выяснить удельный вес которых в структуре личности практически невозможно, т. к. они действуют в единстве. Данные факторы в «снятом» виде представлены в мотивах преступного поведения, которые и являются истинными его причинами.

Подобную интерпретацию природы преступного поведения, по мысли Бехтерева, дал возможность произвести объективно-психологический метод в его изучении, который основан на экспериментальном, сугубо

научном характере подачи материала, его аналитико-синтетической обработке с привлечением современных достижений в области гуманитарных и естественных наук.

Избранный Бехтеревым подход означал, по существу, ориентацию на объективное, неангажированное и системное исследование сущности отклоняющегося поведения, которое не всегда строго выдерживалось и самим ученым, находящимся под влиянием мощной материалистической традиции отечественной науки.

Так, он писал, что «в случаях преступления следует винить не самое личность, которая производит преступление, а главным образом окружающие ее условия, следовательно, косвенным путем и все общество, создавшее те условия, в которых человек совращается на путь преступления» [9, с. 57]. Соответственно, главный объект превентивных воздействий, по Бехтереву, не сам преступник, а условия, его создающие, а оптимальный способ предупреждения преступности не насилие, а оздоровление, очеловечивание социума, а также формирование у населения педагогическими мерами уважения к Закону [9, с. 58].

Вполне естественно, что наибольшую социальную ангажированность Бехтерев проявил по отношению к малолетним преступникам, которые, исходя из логики его рассуждений, наименее виновны в своем пороке.

Как и большинство отечественных исследователей отклоняющегося поведения несовершеннолетних того времени, Бехтерев основным его источником называет детскую беспризорность и безнадзорность, которые в свою очередь являются следствием нарастающей общественной дезорганизации, проявляющейся также в люмпенизации и алкоголизации населения. Поэтому первичную профилактику преступности несовершеннолетних ученый видел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью посредством создания целой сети спасательно-воспитательных учреждений (детских приютов, клубов, садов, площадок и т. д.), привлечения широких слоев общественности к этому делу, а также путем укрепления семьи, ее морального авторитета, формирования педагогической культуры родителей [8, с. 34; 11].

Несмотря на то, что Бехтерев экспериментальным путем не обнаружил у детей-преступников особой нервно-психической организации, радикально отличающейся от подобной структуры их законопослушных сверстников, и тем самым еще раз доказал несостоятельность тезиса о врожденных преступных наклонностях, он указывал, что для многих беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей свойственны глубоко укоренившиеся дур-

ные привычки, которые не могут быть быстро локализованы лишь изменением микросоциальных условий существования. Здесь необходимы дополнительные медико-психологические воздействия. Среди них – систематическое врачебное внушение. «Гипнотическое и вообще врачебное внушение,– писал Бехтерев,– является существенным и даже необходимым пособием при исправлении ненормальных детских характеров, дурных привычек и других необычных и болезненных проявлений» [7, с. 33]. Разработанная им методика совместных медико-педагогических воздействий на трудных детей не имела в то время аналогов в мировой науке.

Характерно, что заявившая о себе еще в конце XIX столетия тенденция к экспериментальному обеспечению процесса изучения нормального и аномального развития детей, в начале века принимает устойчивую и даже институциональную форму. В это время возникают научные учреждения (лаборатория экспериментальной психологии А.П. Нечаева, Педологический, Психоневрологической институты), в задачи которых входило исследование особенностей личности испорченных и преступных детей как основы их воспитания и исправления.

Проблему разработки эффективных показателей и критериев распознавания отклонений в развитии детей, а также объективной интерпретации полученных при эксперименте данных решали А.Л. Щеглов [188], А.Ф. Лазурский [74], В.П. Кащенко, С.Н. Крюков [60]. Нельзя не признать, что диагностический аспект проблемы отклоняющегося поведения детей и подростков в связи с публикацией их трудов, получил мощную интенцию к дальнейшему развитию. Он стал опорной конструкцией для обобщающих, фундаментальных исследований процессов нормального и аномального развития ребенка. К их числу принадлежала вышедшая в 1915 году работа Г.Я. Трошина «Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей» [161].

Значительный интерес в монографии Трошина представляет попытка автора предложить классификацию нормальных и отклоняющихся форм развития ребенка по нравственному критерию. Вкладывая в понятие «отклонения в нравственном развитии» меру несоответствия между моральными требованиями, предъявляемыми обществом к уровню нравственного сознания и поведения ребенка определенного возраста и его реальным нравственным состоянием, Трошин выделяет шесть групп отклонений.

Первую составляют отклонения, обусловленные незавершенностью психофизиологического развития: отсутствие высших социальных и моральных чувств, словесный характер моральных правил. Подобные

проявления собственно не могут быть признаны отклонениями у детей, они суть нормативные реакции.

Вторую обнимают отклонения атавистического характера: жадность, мстительность, слабость симпатии, что является нормальным лишь для детей очень раннего возраста.

К третьей относятся отклонения, связанные с особенностями протекания кризисных периодов в развитии личности (акселерация, половое созревание), которые могут сопровождаться всплесками эгоизма, жестокости, раздражительности.

Четвертую группу представляют отклонения при общем психическом недоразвитии: нравственность умственно и психически неполноценных детей.

Пятая группа – это отклонения в силу болезненных, импульсивных влечений – клептомания, пиромания, гетеро- и аутоагрессивные поведенческие акты, сексуальные расстройства.

И, наконец, к шестой группе принадлежит нравственное помешательство – как особое болезненное изменение всей личности.

По мнению Трошина, если первые три группы отклонений возникают из-за неправильного воспитания, то в происхождении последних решающую роль играют врожденные и приобретенные патологические программы, которые могут лежать или быть вытесненными в бессознательную сферу, а при соответствующем социальном стимулировании обнаруживать себя антисоциальными импульсами [161, с. 517 – 551]. Тем самым он не отрицал корреляции между психическими аномалиями и аморальным, асоциальным поведением, однако выступал против их отождествления, подчеркивая, что преступление есть и будет социальным явлением [161, с. 545].

Как видим, отведение приоритетной роли социальной компоненте в генезисе деструктивной активности индивида, даже подчас вопреки логике научного анализа, было еще одной отличительной чертой исследований той эпохи, которые не могли преодолеть барьер материального монизма.

В то же время применительно к объяснению природы отклоняющегося поведения детей и подростков данный подход расценивался как гуманистический, выражающий общественные настроения той эпохи, склонной видеть в любом беспризорнике или малолетнем преступнике невинную жертву социальной системы. Под их влиянием находилось большинство исследователей «трудного детства» начала века [54; 67; 125; 177]. Например, известный

русский юрист А.Ф. Кони писал: «Тюрьма является зачастую неизбежным последствием порочно обставленного детства, и это потому, что для нравственного развития ребенка среди обстановки, в которой он живет и прозябает, условия его жизни гораздо важнее предрасположенности его физической природы, а заразительность порока через общение с порочными людьми гораздо сильнее, чем всякая наследственность» [65, с. 12].

Нельзя, однако, не признать, что подчеркивая особую весомость социальных (люмпенизации, обнищания трудящихся) и социально-педагогических (беспризорности, безнадзорности, развращающей семейной атмосферы, отсутствия необходимого числа массовых и специализированных воспитательных учреждений и т. д.) причин детской преступности и других видов отклоняющегося поведения несовершеннолетних, многие ученые не исключали из числа каузальных факторов деструктивности малолетних ослабленную или патологическую психику, которая затрудняет их социальную адаптацию, делает особенно восприимчивыми к неблагоприятным внешним влияниям [125, с. 42–43].

Причем, аномальность психофизической структуры ребенка сама часто порождается социальными факторами, например, алкоголизмом. На это указывали Н.В. Сажин [141], И.А. Сикорский [147], Ф. Эрисман [189] и другие отечественные медики рубежа XIX–XX веков.

Важно отметить, что тогда же русскими учеными было высказано глубокое понимание индивидуальной специфики формирования и развития девиантных тенденций в личности несовершеннолетнего, обращено внимание на такие способы усвоения асоциальных поведенческих моделей, как стигматизация, когда ярлык преступника присваивается полицией или судебной машиной, и преступная интоксикация, когда деструктивные качества образуются под непосредственным воздействием разворачивающейся преступной карьеры [53, с. 85–86; 177, с. 11].

Ориентация на строго научные методы изучения личности ребенка с отклонениями в развитии и поведении позволила в тот исторический период достаточно обстоятельно описать и селектировать многообразные проявления детской «отклоняемости», которые трансформировались в различные типологии дезадаптированных несовершеннолетних, служившие в свою очередь инструментом для определения конкретной воспитательно-превентивной, коррекционной тактики. Ее предполагалось реализовывать именно в тех учреждениях, которые максимально соответствуют личностным параметрам трудного ребенка, т. е. речь шла о создании дифференци-

рованной сети специальных реабилитационных учреждений, рассчитанных на детей с разными видами отклонений [48; 62, с. 22 – 61; 53, с. 73-76; 134, с. 66; 177, с. 5 – 11].

Критикуя соответствующие властные структуры за проведение неубедительной, малоэффективной социальной политики в области обездоленного детства, не способной противостоять постоянно растущему числу беспризорников и малолетних преступников /если за период с 1884 по 1895 гг. детская преступность возросла на 15%, то за 1901 по 1910 – на 112% [53, с. 72], количество нищенствующих детей перед октябрьским переворотом составляло 2,5 млн. [54, с. 479] /, отечественные ученые предоктябрьской поры доказывали, что только интеграцией воспитательных усилий со стороны официальных и неофициальных организаций, семьи и школы, всего общества можно добиться действенных результатов по спасению подрастающего поколения от нужды и нравственного распада [125, с. 50; 177, с. 24].

При этом тогда были разработаны комплексные превентивные программы [177, с. 22 – 24; 62, с. 56 – 61; 125, с. 50 – 71], предложены конструктивные предупредительные меры. С позиций сегодняшнего дня заслуживают особого внимания идеи усиления законодательной охраны прав и интересов детей; кодификации всех юридических документов, направленных на предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних [27, с. 19 – 29; 95, с 2]; акцентирования усилий на ранней профилактике девиаций, на передаче основных полномочий в этом деле от правоприменительных к органам местного самоуправления [57, с. 69; 177, с. 24; 123, с. 1 – 11], ознакомления учителей и родителей, а также будущих педагогов с научным взглядом на проблему трудновоспитуемости, организации и подготовки специальных работников для воспитательно-превентивной деятельности [75, с. 68; 81, с. 20 – 23]; привлечения к работе как в массовых школах, так и в заведениях для беспризорных детей и малолетних преступников специалистов по детской гигиене и психиатрии, способных в тандеме с педагогами квалифицированно решать сложные проблемы укрепления психического и нравственного здоровья подрастающего поколения [19, с. 325; 82, с. 5 – 9].

Еще одной отличительной чертой предоктябрьского периода научной разработки рассматриваемой проблемы явилось исследование не только вопроса предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних в целом, но и его отдельных видов: детского алкого-

лизма, проституции, суицида, каждый из которых имел свою особенность и поэтому требовал специфических превентивных концепций.

Если в отношении детского алкоголизма они уже были достаточно подробно проанализированы в современных работах [179], то этого не скажешь относительно двух последних типов девиантного поведения подростков.

Справедливости ради отметим, что специального научного изучения сексуального поведения несовершеннолетних отечественными учеными до конца XIX века практически не велось. Оно сдерживалось господствующими в те годы пуританскими нравами и репрессивной половой моралью, распространенными в большинстве цивилизованных стран, в том числе и в России. Сексуальная жизнь строго отождествлялась с институтом брака, поэтому дебютирование в ней до совершеннолетия считалось абсолютно недопустимым с моральных и социальных позиций, а также злокачественным в психофизиологическом отношении. К сексуальным отклонениям в детско-подростковом возрасте относились любые мало-мальские проявления сексуальных эмоций: от простой заинтересованности подростка интимной стороной взаимоотношений полов до мастурбационных попыток, которые расценивались как патология и особая развращенность.

В конце XIX столетия в связи с крупномасштабными социально-политическими изменениями в цивилизованных государствах (укрепление и развитие демократических, либерально-гуманистических идей) происходит резкая интенсификация исследований в области человековедения. Ученые обратились к анализу сложных поведенческих феноменов, каким признавалась сексуальность. Появились исследователи, которые попытались по-новому взглянуть на сексуальные аномалии в онтогенезе.

Так, немецкий психиатр Р. Крафт-Эбинг, исследуя разнообразные случаи деструктивных проявлений у подростков, связал некоторые из них с отклонениями в психосексуальном развитии, которые возникают как на почве общего «кризисного» состояния индивида в период полового созревания, так и под воздействием наследственного фактора. По мнению Крафт-Эбинга, вследствие нарушений полового становления (усиленного сексуального влечения) в пубертате можно наблюдать различные аморальные и противозаконные деяния: хулиганство, эксгибиционизм, гомосексуальные контакты, клептоманические выходки, изнасилования, сексуальные преступления [70, с. 78–79].

Он просил обращать внимание судебных экспертов на то, что у обвиняемых, находящихся в фазе полового созревания, весьма часто встречаются психопатические состояния – так называемые «психозы полового развития», которые нередко этиологически связаны с неврозами, приобретенными порой в раннем детстве. Последние только усиливаются за счет первых, образуя в совокупности деструктивное реагирование или глубокое предрасположение к нему [70, с. 80].

Другой немецкий ученый рубежа XIX и XX столетий, Иван Блох, в своем капитальном труде «История проституции», квалифицируя ее как особую форму социальной и сексуальной деструктивности, обнаружил, что она с момента возникновения постоянно рекрутировала в свои ряды лиц юношеского и даже детского возраста [12, с. 283].

Наконец, выдающийся австрийский врач-психиатр Зигмунд Фрейд, в отличие от своих предшественников, да и современников, рассматривавших половую принадлежность ребенка только в физиологическом аспекте, стремился показать, что сексуальная жизнь детей не менее многообразна и насыщена, чем подобная жизнь взрослых.

Пытаясь глубже понять содержание детской (инфантильной) сексуальности, Фрейд усматривал в ней присутствие элемента жестокости, который он объяснил возникающим в прегенитальный период бессознательным стремлением к овладению. В более старшем возрасте проявления жестокости могут закрепляться травматизацией (телесными наказаниями, эмоциональным отвержением и т. д.) и принимать активную (садизм) или пассивную (мазохизм) форму.

Предпринятый нами анализ свидетельствует, что отечественные ученые, будучи хорошо осведомленными с результатами изысканий их западных коллег, стремились к их творческой обработке, исходя из собственного представления о проблеме, а также национальных научных традиций.

Регулярно публиковавшиеся с конца XIX века материалы статистики о динамике социально-патологических явлений (преступности, суицида, проституции), позволили русским ученым заострить внимание общественности на проблеме наличия и увеличения в стране контингента малолетних проституток, которые попадали в орбиту проституции в основном по причине крайней нужды, беспризорности, безнадзорности. Материалы статистики, а также специальное изучение несовершеннолетних, занимающихся проституцией, привело большинство отечественных исследователей к

мысли, что благоприятствующими условиями для становления детей на путь деморализации являются их социальная обездоленность, алкоголизация, развращающее влияние семьи, ближайшего окружения, взрослых аморальных элементов, наконец, сексуальные домогательства со стороны различных лиц, в том числе и родственников, а также прямая сексуальная агрессия в форме изнасилования. Причем, последнее расценивалось как мощнейшая психофизическая травма для неокрепшего организма, способная в корне изменить дальнейшую линию развития личности [24, с. 440; 184, с. 575 – 576; 50, с. 121; 23, с. 369; 40, с. 613].

Кроме того, было установлено, что среди впавших в порок девочек многие страдают различными нервно-психическими расстройствами, что объяснялось некоторыми русскими учеными как влиянием неблагоприятных социальных факторов, общей незрелостью психической структуры подростка, неравномерностью развития организма в период полового созревания, что само по себе может вызвать патологию влечений, повышенную сексуальность, так и воздействием наследственно пораженной психофизической организации, которая выступает в качестве внутренней предпосылки последующей деморализации [19, с. 225; 93, с. 422 – 425; 156, с. 154 – 155].

Исходя из понимания двойной детерминации детской проституции, предлагалось выстраивать систему ее предупреждения, которая включала бы синтезированные социально-правовые, психолого-педагогические, медицинские меры.

При этом усиленное внимание фокусировалось на необходимости разработки таких законов, которые реально обеспечивали бы правовую защиту несовершеннолетних от всех разновидностей сексуальной эксплуатации, организации специальных лечебно-воспитательных учреждений для малолетних, занимавшихся проституцией, повсеместного распространения научных взглядов на половой вопрос, целенаправленного и систематического полового, психогигиенического воспитания всего подрастающего поколения [160; 19, с. 324 – 325; 184, с. 576].

Более обстоятельному научному анализу подвергся в начале века другой вид девиантного поведения несовершеннолетних – суицид, что находило свое объяснение прежде всего в том, что в России после революционного подъема последовала полоса термидора, усиления тоталитаризма, сопровождавшаяся «эпидемией самоубийств» (термин того времени) в молодежной среде, которая требовала глубокого осмысления. Многие ученые, занимающиеся этой проблемой на рубеже XIX – XX веков, обнару-

жили закономерность, согласно которой наибольший рост самоубийств молодежи приходился на годы, когда общее возбуждение утихает, когда наступает разочарование, когда приходится оценивать утраты [10, с. 11]. Именно в периоды орбитального обновления социального организма,– указывал один из ведущих специалистов по детскому суициду М.Я. Феноменов,– возникает реальная возможность выпадения из него наиболее слабых членов [176, с. 51].

Прогрессивная русская общественная мысль была крайне обеспокоена беспрецендентным ростом самоубийств учащихся общеобразовательных школ. Так среди учащихся мужских учебных заведений они происходили приблизительно в три раза чаще, чем в населении России всех возрастов и сословий [180, с. 64], а их общее количество с 20-ти в 1904 г. достигло 449 в 1909 г. [56, с. 272].

На страницах общественно-педагогической печати развернулся оживленный обмен мнений по этому вопросу. Выступления отдельных врачей, педагогов-практиков, общественных деятелей носили подчас спорный, противоречивый характер, однако в целом верно требовали решительных действий правительства, школы, семьи, ученых, которые должны были консолидировать усилия в борьбе с этим социальным злом [83, с. 136; 185 и др.].

Об обостренном внимании к данной проблеме свидетельствовали и произведения блестящих русских писателей конца XIX – начала XX века (Л. Андреев «В тумане», Ф. Сологуб «Жало смерти», «Барончик», «Утешение», А. Чехов «Поцелуй»), в которых тема детских самоубийств получила великолепное художественное воплощение.

Проблема молодежного суицида в России конца XIX – начала XX столетия являлась одной из ключевых в социально-педагогической проблематике. Ей занимались представители ряда наук: психиатры, психологи, социологи, педагоги, юристы. Причем большинство исследований базировалось на богатом эмпирическом и статистическом материале. В отличие от других социальных групп, статистика самоубийств среди учащейся молодежи велась достаточно скрупулезно. Сообщения о суицидальных актах начали появляться в Министерстве народного просвещения уже с 1882 года, когда циркуляром от 20-го ноября того же года было предписано начальникам учебных заведений доносить о всех подобных случаях непосредственно в министерство [159, с. 59]. Сбор данных проводился по специально разработанным программам автономно для военного ведомства и Министерства народного просвещения [142, с. 9]. Все это помогало иссле-

дователям более выпукло представить научную картину молодежного суицида: выявить его чрезвычайно сложную детерминацию, проникнуть в психологический механизм суицидального поведения, предложить стратегические и тактические меры превентивного воздействия.

Наиболее важное значение с научной точки зрения имел вопрос об этиологии детских и юношеских самоубийств. Именно по тому, как он излагался в той или иной работе, можно было судить о методологических позициях исследователя, разделяющего определенные взгляды на природу суицидального поведения.

Сторонники антропологической концепции (И. Гвоздев, И. Нейдинг, П. Минаков, Г. Гордон) видели коренную детерминанту суицида во врожденной или приобретенной индивидом биогенной патологии, которая выражается в нарастании дисфункций умственной и психической деятельности. «За ближайшую причину всякого самоубийства,– писал И. Гвоздев, – мы не можем принять другой причины, кроме изменения нормальной мозговой деятельности» [26, с. 30]. Известный врач Г. Гордон был уверен, что «главная масса детских и юношеских самоубийств объясняется патологическими причинами и в их ряду первое место принадлежит дурной или тяжелой наследственности» [34, с. 455].

На приверженцев данной концепции, видимо, сильное влияние оказывали господствующие тогда в психиатрии взгляды на самоубийц как на душевно больных, теория Ч. Ломброзо о врожденности преступных наклонностей, быстро распространяющаяся доктрина Фрейда о влечении к смерти (Танатосе) как одной из фундаментальных потребностей человека. Все они исходили из гипотезы, что аутоагрессия – есть итог психобиогенной запрограммированности на нее.

Однако еще раз заметим, что в России, в отличие от Запада, эти теории не нашли многочисленных последователей ввиду сильного влияния стихийно-материалистических традиций. Последние представляли довольно пеструю палитру идей и мнений по поводу природы аутоагрессивных актов, но объединяющей константой для них было то, что их выразители рассматривали суицид (в том числе и юношеский) в рамках широкого социального контекста, придавая ему определяющую роль в генезисе этого вида отклоняющегося поведения.

Большая часть исследователей, стоящих на стихийно-материалистических позициях, выделяла следующие группы причин, толкающих учащихся к самоубийству: социально-экономические и политические, био-

логические, психологические, социально-педагогические. Конечно, разные авторы предлагали свою иерархию причинности, считая основными социально-экономические факторы (М.Я. Феноменов, Г.В. Хлопин), биогенные (Г.И. Гордон, В.К. Хорошко), психологические (В.М. Бехтерев, И.А. Сикорский), социально-педагогические (Н.К. Крупская, А.Н. Острогорский). К числу социально-экономических и политических причин многие авторы относили отсутствие демократических институтов власти и управления, углубляющееся социальное неравенство общества, жесткое расслоение его по материальному статусу, падение нравов, безработицу, нужду и нищету огромной массы населения, активный процесс маргинализации трудящихся и их детей. «Рост школьных самоубийств,– подчеркивал М.Я. Феноменов,– находится в теснейшей связи с тем тяжелым и затяжным социально-экономическим кризисом, который переживает Россия в последние годы» [176, с. 56].

Говоря о воздействии биогенных факторов (патологическая наследственность, душевные заболевания и т. д.), многие российские ученые (В.М. Бехтерев, А.Н. Острогорский, А. Трахтенберг и др.) рассматривали их не как роковые, а как только предрасполагающие к суицидальным попыткам. Против отождествления самоубийства с душевной болезнью решительно выступали В.М. Бехтерев, И.А. Сикорский, В.К. Хорошко и некоторые другие. Последний писал по этому поводу: «...Говоря о душевной болезни, я разумею всегда какую-либо определенную форму душевного расстройства. Нельзя же считать зародившуюся мысль о самоубийстве за душевную болезнь. Больная идея еще не есть душевная болезнь. С другой стороны, несомненно нужно считать установленной связь между известной слабостью, дебильностью психики, неуравновешенностью и проч. и фактом самоубийства» [182, с. 13–14].

Важнейшей психологической причиной, активно продуцирующей суицидальные настроения в учащейся среде, по мнению отдельных исследователей этой проблемы, являлась атмосфера гражданской апатии, тотальной бессмысленности, бесперспективности ожиданий, которая охватила общество после разгрома революции 1905 – 1907 гг. По меткому выражению В.М. Бехтерева, тогда господствовало общее пессимистическое настроение умов. Оно усугублялось распространением психологии потребительства, голого практицизма и утилитаризма. Многие молодые люди теряли жизненные ориентиры, идеалы, веру, постоянно испытывая гнетущее чувство одиночества, пессимизма, сознание своей духовной бедности,

ничтожества. Один из современников говорил про молодое поколение России начала XX столетия, «что тяжелее всего для них не то, что жизнь им ничего не дает, а то, что она от них ничего не требует» [91, с. 127].

Потеря смысла жизни, перекрытые каналы самореализации вызывали у многих молодых людей различные нервно-психические отклонения, депрессивные расстройства, которые становились отправной точкой для суицидальных актов. Подчеркивая более сложный характер психологии детских самоубийств в сравнении с психологией суицида взрослых, отдельные исследователи полагали, что в самом ходе психического развития личности скрыты потенциальные возможности сильных деформационных изменений. Они могут быть связаны с недостаточно развитым волевым началом формирующейся личности, ее повышенной сенситивностью к конфликтным ситуациям, впечатлительностью, импульсивностью, неспособностью к рефлексии, отсутствием цельного представления о ценности жизни, предрасположенностью к аффективным вспышкам, конденсацией разного рода негативных состояний: зависимости, подавленности, сомнения, принимающих порой гипертрофированную окраску и приводящих к патологическому всеохватывающему чувству сверхвиновности перед самим собой. В субъективном плане человеку представляется, что только он является причиной обрушившихся невзгод, поэтому самоубийство воспринимается им как акт возмездия за содеянное. Процесс переживания подобного состояния сопровождается, как правило, перманентно усиливающимися чувствами тоски, страха, гнева, безысходности, переходящими в фанатичную идею покончить с собой, разрубив разом узел неразрешимых, как кажется индивиду, проблем [148, с. 36 – 40; 182, с. 96 – 98; 103, с. 63 – 65]. К числу сильных психотравмирующих факторов, которые могут приводить к самоубийствам в молодежной среде, относится также психическое заражение в форме подражания и внушения, чрезвычайно распространенное среди детей и подростков [10, с. 15; 105, с. 143].

Анализ многочисленных статистических источников позволял исследователям проблемы самоубийств учащейся молодежи в России на рубеже XIX и XX веков утверждать, что большая часть суицидальных попыток молодых людей обусловлена социально-педагогическими причинами и, прежде всего, негативным влиянием школьных порядков и семейным неблагополучием.

Особенно остро в этом плане прозвучала критика в адрес массовой школы со стороны Н.К. Крупской. По ее мнению, самоубийства учащихся

как нельзя более красноречиво иллюстрировали полную непригодность школьной системы, указывая на полное ее крушение [71, с. 59]. С точки зрения Крупской, кризис современной школы состоял в атмосфере бездуховности, казенщины, формализма, в отрыве ее от реальной жизни, в преобладании авторитарных методов воспитания и обучения, в «объектном» подходе к ученику, в подавлении его самостоятельности, невозможности самоутвердиться в полезной ему и обществу деятельности. Все это способствовало взаимоотчуждению учителей от учеников, а последних друг от друга; развитию у школьников отрицательных эмоций (зависть, тщеславие), эгоистических наклонностей, чувства одиночества, бессилия и апатии, которые, в свою очередь, инициировали суицидальные мысли, намерения, поступки [71, с. 59 – 61].

Солидализируясь с позицией Н.К. Крупской, некоторые из исследователей рассматриваемой проблемы отмечали, что именно функциональный подход к учащемуся, который навязывался школе всей системой социально-политических отношений, стимулировал однобокое, искривленное развитие личности, делая ее неприспособленной к преодолению жизненных преград [176, с. 112]. В школьной практике ими могут стать неудовлетворительные оценки, неудачи на экзаменах, несправедливое наказание со стороны учителей, ссоры со сверстниками, интеллектуальное переутомление, исключение из учебного заведения [16, с. 26; 35, с. 85; 182, с. 42].

Статистика самоубийств среди детей и юношества в начале века показывала, что семейные причины прочно занимали одно из ведущих мест в генезисе этого вида социальных отклонений. Исследователи акцентировали особое внимание на таких признаках семейного неблагополучия как тяжелое материальное положение, алкоголизм членов семьи, разрушение эмпатии между детьми и родителями, использование последними антипедагогических методов: от незаслуженных упреков до физических наказаний. Все перечисленное являлось пусковым механизмом последующего суицидального поведения учащейся молодежи [180, с. 46; 182, с. 42].

Среди важных причин самоубийств учащихся, непосредственно связанных с отрицательным воздействием школы и семьи, назывались сексуальные или романтические факторы. Ученые, занимающиеся данной проблематикой, указывали, что отсутствие надлежащего полового воспитания как в семье, так и в школе, преломляется большими затруднениями в правильной половой идентификации учащихся, различными деформациями психосексуального развития. Следствием этого становились случаи раз-

вращенности, беременности, половые преступления, проституционные контакты и т. д. Подчеркивалось, что названные причины среди половозрастных групп наиболее значимы для девочек подросткового и юношеского возраста. Для молодых людей они приобретают особую остроту в период так называемой гиперсексуальности, т. е. в 15-17 лет [1, с. 55 – 58; 176, с. 76 – 77; 182, с. 72 – 78; 82, с. 32 – 33].

Основательное изучение этиологии суицидального поведения учащейся молодежи приводило многих исследователей этой проблемы к мысли о сложной, многофакторной природе данного социального феномена, о том, что «самоубийство почти никогда не бывает результатом какой-либо одной причины, а в громадном большинстве случаев – целой совокупности действовавших в разное время причин, среди которых даже трудно бывает определить, какая из них имела более важное значение» [10, с. 19].

Рассматривая этиологию детских и юношеских самоубийств, отдельные ученые пытались не только выявить главные факторы, их порождающие, но и развести причины с мотивами суицидального поведения. Так, М.Я. Феноменов полагал, что различие между ними состоит в том, что причины в отличие от мотивов не осознаются суицидентом, однако последние, по его мнению, в большинстве случаев являются действительными причинами самоубийств [176, с. 63–64].

Между тем, многие авторы не дифференцировали причины и мотивы суицидального поведения учащейся молодежи, нередко их смешивая и подменяя одно другим [180, с. 38–39; 182, с. 42–45].

Несмотря на это, сама попытка разобраться в необычайно сложной мотивации детского и юношеского суицида говорит о всей серьезности предпринятых тогда научных изысканий.

Аналитическое осмысление детерминации суицидального поведения учащейся молодежи, стремление проникнуть в психологию суицидента молодого возраста, выявить внешние и внутренние силы, толкающие его к самоубийству, дало возможность отечественным исследователям этой проблемы начала XX века предложить совокупность мер, направленных на профилактику данного вида социальной патологии.

Использование комплексного подхода, координированных усилий государства, общественности, семьи и школы в борьбе с суицидом среди учащейся молодежи – осевая профилактическая идея, которая была в той или иной форме высказана в период «эпидемии» детских самоубийств [83, с. 167; 180, с. 48 – 49 и др.].

К общепрофилактическим мерам, которые могли бы значительно оздоровить нравственную атмосферу общества и тем самым косвенно способствовать профилактике самоубийств в молодежной среде, были отнесены следующие: решительная борьба с массовым обнищанием, люмпенизацией трудящихся; повышение экономического и культурного уровня масс, социальной защищенности наиболее обездоленных слоев населения; более равномерное распределение жизненных благ между людьми; всемерная пропаганда аутентичных нравственных идеалов, активная финансовая и моральная поддержка всех начинаний, преследующих цели нравственного и физического оздоровления [10, с. 20 – 21; 182, с. 104 – 110; 103, с. 66 и др.].

Общепрофилактические меры со стороны государства и общества, по мнению почти всех исследователей рассматриваемой проблемы, должны быть подкреплены согласованными действиями семьи и школы, как главных институтов социализации.

В плане профилактики суицидального поведения учащихся семья располагает огромным потенциалом. Эта мысль настойчиво подчеркивалась на страницах общественно-педагогической литературы России начала XX столетия. Родителям предлагалось повышать свою педагогическую культуру, завоевывать действительный авторитет у детей путем внимательного и вдумчивого отношения к ним, излучения разумной любви, умелого стимулирования подлинных потребностей и спокойной нейтрализации ложных интересов. Кроме того, советовалось обращать особое внимание на кризисные моменты в развитии личности ребенка, на создание благоприятной духовной атмосферы в семье, соблюдать правила психогигиены брака [182, с. 103 – 108; 171, с. 31 – 34 и др.].

Относительно роли массовой школы в профилактике самоубийств учащихся, то здесь высказывалось почти единодушное мнение, что только ее реорганизация на новых педагогических началах позволит, если не преодолеть полностью, то максимально локализовать суицидальные настроения среди детей и юношества [71, с. 60; 176, с. 130; 180, с. 48 – 49].

В центр новой, свободной школы должна быть поставлена личность ученика. Тогда главной целью такой школы станет не накачка его массой ненужной, громоздкой информации, не воспитание пассивных исполнителей, послушных функционеров, а предоставление каждому реальной возможности «так развивать свои природные способности и таланты, чтобы

сам он превратился в гармонически развитую личность, а общество в его лице получило полезного сочлена» [176, с. 126].

Для достижения этой цели предлагались самые разнообразные средства. Исходя из фундаментального права личности на свободу выбора, выражалась мысль о необходимости одновременного существования в обществе всевозможных типов школ, доступных всем и каждому. Причем, чем больше такой выбор, тем больше возможность, что каждый сможет найти ту школу, которая максимально соответствует его способностям и интересам. Важно также, чтобы все типы школ были поставлены в равные стартовые условия [176, с.126].

По мнению большинства исследователей рассматриваемой проблемы, в школе должен быть изжит формализм, отсутствовать всякое принуждение, насилие. Наоборот, в ней необходимо стимулировать дух сотрудничества между педагогами и учащимися, развивать у детей чувство солидарности, взаимопомощи. Учитель в такой школе – старший товарищ, богатый опытом и знанием, который помогает учащимся самостоятельно мыслить.

Одна из главных задач школы – способствовать формированию у учащихся стойких нравственных принципов, умений применять свои силы и знания на практике, развивать самостоятельность, чувство долга и ответственности, помогать воспитаннику в «самоочеловечивании» (стремлении к возвышению своего человеческого достоинства), закалять его душу и тело, сделав их более способными к сопротивлению вредным влияниям [10, с. 22 – 23; 26, с. 19 – 27; 71, с. 61 – 64; 159, с. 67 – 68; 176, с. 121].

Школа, организованная на таких принципах, может активно включиться в работу по оказанию индивидуальной психологической и психотерапевтической помощи учащимся. Данная идея была обоснована видным отечественным психиатром И.А. Сикорским. Он справедливо полагал, что не только педагогические работники, но и родители тоже должны быть знакомы с основными причинами, проявлениями, средствами предупреждения и преодоления различных нервно-психических расстройств в юном возрасте. Более того, Сикорский ратовал за энергичную пропаганду психологических и психогигиенических знаний среди всех социальных слоев. Он также обозначил главную задачу психотерапии как искусства исцеления души, оказания оперативной помощи индивиду в критические моменты его жизни путем активного сопереживания, сочувствия, сострадания, содействия [148, с. 42 – 44]. Об использовании

психоанализа как эффективного психотерапевтического метода в профилактике суицида говорил В.К. Хорошко [182, с. 111 – 114].

О значимости и всей серьезности решения проблемы самоубийств в предоктябрьской России свидетельствовал и тот факт, что рассмотрению этого вопроса было уделено повышенное внимание на первом Всероссийском съезде по образованию, состоявшемся в 1913 г. Наряду с детской преступностью, дефективностью, борьба с самоубийством в юном возрасте признавалась в качестве неотложной необходимости. В резолюции, принятой на съезде по данному вопросу, предлагалась система общеоздоровительных, правовых, педагогических, психологических и медицинских мер, направленных на предупреждение и преодоление аномальных явлений в детской среде. Среди них: ознакомление учителей с вопросом о детском вырождении; распространение литературы по этому вопросу; введение в штаты школ врача-специалиста, на котором лежала бы плановая регистрация, исследование и лечение ненормальных детей; устройство для них специальных школ; создание широкой сети внешкольных учреждений (яслей, детских очагов, квартир, садов, площадок, библиотек, клубов, школ-лечебниц, воспитательно-исправительных приютов) и оказание им материальной помощи со стороны государства; принятие законодательных актов об охране прав детей в семье и вне семьи и т. д. Причем все эти меры признавались возможными лишь при качественном изменении общих условий русской жизни на началах самодеятельности, раскрепощения личности и широкого демократизма [58, с. 239 – 240].

В целом проблема предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних во всех ее аспектах явилась накануне 1-ой мировой войны предметом самого пристального внимания научных кругов и представителей общественности на всех без исключения крупных всероссийских форумах, проводившихся под эгидой министерств просвещения и внутренних дел [163; 165]. Их материалы еще раз подтверждают мысль о высоком потенциале отечественной науки, пытавшейся через общественную трибуну пропагандировать идеи ответственного отношения к подрастающему поколению, конвергенции всех прогрессивных сил в борьбе с врагами беспризорного детства.

Общий взгляд на изменения, происходившие в процессе научного осмысления рассматриваемой проблемы во второй половине XIX – начала XX вв., позволяет условно выделить три периода ее исследовательской разработки.

Первый (1850 – 70-е годы) отличается стремлением автономизировать ее среди разноплановой гуманитарной проблематики, подчеркивая ее междисциплинарный характер и фундаментальную общественную значимость.

Второй (80 – 90-е годы) характеризуется интенсивным накоплением эмпирического материала, переходом от метафизической к экспериментальной концептуализации взглядов, ориентацией на синтезирование всех аспектов (социально-педагогического, уголовно-правового и медико-психологического) проблемы, практической направленностью, нешаблонностью и глубиной выдвигаемых гипотез и идей.

Специфика третьего этапа (1900 – 1917 гг.) заключалась в закреплении приоритета межнаучного исследовательского подхода к данной проблеме, а также в направленности научных изысканий на поиск наиболее адекватных мер предупреждения как отклоняющегося поведения несовершеннолетних в целом, так и его конкретных разновидностей – преступности, алкоголизма, проституции, суицида.

Суммируя изложенное, можно констатировать, что накануне Октября в России в общих чертах сформировалось новое межнаучное направление – теория предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних, которая, в свою очередь, стала основой концептуализации отечественной превентивной педагогики. Особая ценность данного направления состояла в объективном характере подачи материала, почти полной деидеологизированности, плюралистичности методологических принципов, оригинальности идей, стройности, содержательности и самобытности концепций, гуманистической направленности превентивной парадигмы.

Использованные источники

1. Аграев Г. Недуг молодежи // Русская школа. 1908. – № 11. – С. 44–58.

2. Александровский Ю.В. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. – СП.: «Новое законодательство», 1909. – 112 с.

3. Альбицкий Е., Ширген А. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей заброшенных в связи с

законодательством о принудительном воспитании. – Саратов: Тип. Губернского земства, 1893– 302 с.

4. Бахрушин С. В. К вопросу о постановке исправительного воспитания молодежи // Призрение и благотворительность в России. –1917–№ 4. –С. 245–275.

5. Беклешов М. Об учреждении для лиц педагогического персонала русских исправительных заведений педагогических курсов // Труды VI съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. –М.: Изд. К. В. Рукавишникова, 1904. – С. 391–393.

6. Бернацкий В.А. Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений. – Спб.: «Педагогический сборник», 1911.

7. Бехтерев В.М. Внушение и воспитание. – Пг., 1923. – 40 с.

8. Бехтерев В. М. Вопросы общественного воспитания. – М., 1910. – 41 с.

9. Бехтерев В.М. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. – Спб.: Тип. Т-ва В. Андерсона, Г. Лойцянского, 1912. – 64 с.

10. Бехтерев В.М. О причинах самоубийства и возможной борьбе с ним. –Сп., 1912. –24 с.

11. Бехтерев В.М. Охрана детства // Биржевые ведомости, 1916, 18 июня.

12. Блох И. История проституции. – Спб.: Изд. К.Л. Риккера, 1913, т. 1–683 с.

13. Б. О. Дети и суд // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1914. – № 2. – С. 7–9.

14. Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. – Спб.: Тип. А. Моригеровского, 1871. –301с.

15. Бочаров Ю. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Дети– преступники. – М., 1912. – С. 525–542.

16. Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник, издаваемый главным управлением военно-учебных заведений. – 1870–кн. V. –С. 469-505.

17. Ван-Путерен М.Д. Исторический обзор призрения внебрачных детей и подкидышей и настоящее положение этого дела в России и других странах. – Спб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910–669 с.

18 Ведомство учреждений императрицы Марии. Ч. XII. Вопрос об охране детства. –Спб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. –С. 1–29.

19. Вирениус А.С. Соображения по вопросу о борьбе с половыми аномалиями в пору школьного возраста // Педагогический сборник. –1895. –№ 9. –С. 218–240; № 10. – С. 310–326.

20. Владимирский–Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 2-е. Сп. – Киев, 1888. –542 с.

21. Внешкольное попечение о детях // Трудовая помощь. –1913. – № 3. –С. 325– 327.

22. Воспитательные дома // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – Т. 13. – Спб., 1892–С. 274–279.

23. Гальперин В. Проституция детей // Дети-преступники. –М., 1912. –С. 367 – 380.

24. Гарфельд Е. Г. Защита детей от жестокого обращения // Труды первого всероссийского съезда по семейному воспитанию. – Спб., 1914. – С. 438–444.

25. Гвоздев И. О врожденных и приобретенных свойствах детей, как зачатков преступности взрослых. – Спб.: Изд. К. Л. Риккера, 1896. –36 с.

26. Гвоздев И. О самоубийстве с социальной и медицинской точек зрения. – Казань: Университетская тип., 1889–45 с.

27. Герард Н. Родительская власть и беззащитные дети // Вестник благотворительности. – 1898. – № 1. –С. 16–30.

28. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5-ти т. Т 3. – М.: Юрид. изд , 1948. –376 с.

29. Гернет М.Н. Моральная статистика. – М., 1922. – 269 с.

30. Гернет Мих. Новые судьи // Спасите детей от тюрьмы. – М.: Изд. Московского общества патроната над несовершеннолетними, 1913. – С. 19–20.

31. Гессен В.Ю. Труд детей и подростков в фабрично-заводской промышленности России (от XVII века до Октябрьской революции) Т. 1. – М. –Л.: Госиздат, 1927–267 с.

32. Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования–1991. –№ 4. – С. 72–78.

33. Голод С.И. Проституция: возникновение, эволюция и современное состояние // Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. – М., 1988. – С. 140.

34. Гордон Г.И. Воспитание и самоубийство детей // Труды первого всероссийского съезда по семейному воспитанию. Т. 2. – С. 449–469.

35. Гордон Г. Современные самоубийства // Русская мысль–1912. Кн. 5. – С. 74–93.

36. Горностаев И.Ф. Дети рабочих и городские попечительства о бедных в Москве. – М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев, 1900. – 59 с.

37. Гуревич С. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети–преступники. – М., 1912. – С. 8–20.

38. Гурьян З.И. Попечительская организация при Московском детском суде // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915. – № 3. –С. 13-16.

39. Гурьян З.И. Судебные Уставы и детский суд // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1914. –№ 2. –С. 3–5.

40. Ден Н. К вопросу о воспитании впавших в порок несовершеннолетних девочек // Труды первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. – Т. 2. – С. 612–616.

41 Дети–преступники / Под ред. М.Н. Гернета. – М.: В.И. Знаменский и К., 1912. – 550+55 с.

42. Детские приюты в России. – СПБ.: Тип. Карла Крайя, 1848. –99 с.

43. Диомидов И.М. К вопросу о мерах обеспечения инвалидности, старости и семей педагогического персонала воспитательно-исправительных заведений // Тюремный вестник. –1910. – № 10. – С. 344–353.

44. Д.А. Дриль как ученый и общественный деятель. – Спб., 1911. – 64 с.

45. Дриль Дм. Впечатления от VII съезда представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних // Тюремный вестник. – 1909– № 1. – С. 72-93.

46. Дриль Д. Малолетние преступники. Вып 1. –М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1884. –318 с.

47. Дриль Д. Малолетние преступники. Вып. 2 Ч. I. Психология преступности – М.: Тип. Мамонтова, 1888. –255 с.

48. Дриль Д.А. Наши исправительно-воспитательные учреждения и вопросы исправительного воспитания // Журнал Министерства юстиции. – 1898. –№ 8. – С. 173–193.

49. Дриль Д.А. Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал Министерства юстиции. –1900. –№ 3. – С. 31–54; № 4. –С. 137–164; № 5. –С. 144–181.

50. Елистратов А.И. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией // Московское общество борьбы с детской смертностью – М.: Изд. Общества, 1910. – С. 105–148.

51. Ермолин Н. К. Очерк жизни А. Я. Герда. – Спб., 1889. –74 с.

52. Ефремов П.Я. Воспитательно-исправительный приют для мальчиков Московского общества Патроната над несовершеннолетними // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. – 1914. – № 1. – С. 13–16.

53. Зак А.И. Типы детской беспризорности, преступности и проституции // Вестник воспитания. –1914. –№ 7. – С. 70–101; № 8. –С. 81 – 100.

54. Залеский В.Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. – Казань: Тип. Императорского ун-ва, 1916. –674 с.

55. Златогоров И. Институт детской психологии и экспериментальной педагогики (Письмо из Одессы) // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915. –№ 3. – С. 24.

56. Из дневника редакции // Педагогический сборник. –1911. – № 2. – С. 272 – 273.

57. Из обозрения журналов // Призрение и благотворительность в России –1917. – № 1. – С. 69.

58. Из работ 1-го Всероссийского съезда по народному образованию // Свободное воспитание. –1913–1914. –№ 8–9. – С.193–244.

59. Канина О. Ближайшие задачи попечения о детях // Призрение и благотворительность в России. – 1917. – № 2 – 3. –С. 64–70.

60. Кащенко В.П., Крюков С.Н. Воспитание–обучение трудных детей. М., 1913. –55 с.

61. Кистяковский А. Молодые преступники. – Киев: Тип И.К. Завадского, 1878. –213 с.

62. Ковалевский П.И. Борьба с преступностью путем воспитания – Спб. – М.: Из-во Т-во М.О. Вольф, 1908. –72 с.

63. Ковалевский П.И. Психиатрия. Т. I Общая психопатология. – Харьков: Тип Каплана и Бирюкова, 1886. –270 с; Т. 2. Специальная психиатрия, 1887. –360 с.

64. Ковалевский П.И. Судебная психопатология. – Спб.: Изд. Русского медицинского вестника, 1900. – 87 с.

65. Кони А. Письмо в редакцию // Спасите детей от тюрьмы. – М.: Изд. Московского общества патроната над несовершеннолетними / Под ред. Э.Э. Маттерн и Д.Н. Муромцева, 1913. – С. 10–13.

66. Коробка П. С. Задача деятельности общества попечения о детях или о рациональном воспитании бедных детей и о призрении детей больных. –Спб., 1883. – 57 с.

67. Коротнев А.Д. Малолетние и несовершеннолетние преступники. – Спб.: Труд, 1903. –118 с.

68. Красовский М.И. Вопросы устройства русских исправительных заведений для несовершеннолетних. – Саратов, 1890. –219 с.

69. Красовский С. Исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. – 1896. –№ 9. – С. 492-500.

70. Крафт-Эбинг Р. Судебная психопатология. – Спб.: Изд. К.Л. Риккера, 1895–672 с.

71. Крупская Н. К. Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа / Пед. соч.: В 6-ти т.- Т. I–М., 1978–С. 58 – 64.

72. Кузнецов В.Е. Исторические аспекты исследования самоубийств в России // Актуальные проблемы суицидологии. – М., 1981. – С. 26 – 35.

73. Л. Трудовая помощь детям защитников родины в г. Москве // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1914. –№ 1. – С. 11 – 13.

74. Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. – Спб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. – 307 с.

75. Левитина М. Права детства // Свободное воспитание. –1913–1914. –№ 7. – С. 59–78.

76. Левитский В. Об особенностях русского суда для малолетних и о мерах его укрепления и развития // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915–№ 3. – С. 1–4.

77. Лесгафт П.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1988. – 398 с.

78. Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. – Спб.: Тип С. М. Николаева, 1892. – 160 с.

79. Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. – М.: Юриздат, 1923. –301 с.

80. Люблинский П.И. Новый закон о правовой охране детства // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915. –№ 3. –С. 5–11.

81. Люблинский П. Что требуется от хорошего воспитателя // Спасите детей от тюрьмы. – М., 1913. – С. 20–23.

82. М-ский Н. Самоубийства в военной школе // Педагогический сборник. –1913. –№ 1. – С. 1–33.

83. Майзель И.Е. О самоубийствах среди учащихся // Вестник воспитания. – 1908. –№ 8. –С. 158–167.

84. Малолетние преступники // Энциклопедический словарь Т-ва А. и И. Гранат / Под ред. Ю.С. Гамборова и др. Изд. 7-е. М., 1913 –Т. 28. –С. 78–88.

85. Маттерн Э. Господину Московскому Городскому Голове // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915. – № 7. – С. 8–10.

86. Миклашевский А.Н. Об исправительных приютах для малолетних преступников. – Чернигов, 1889.

87. Михайлов А. Наши дети. Очерки. – Спб.: Тип. С. Добродаева, 1883. – 444 с.

88. Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. – Спб.: Тип. Демидова, 1880. –768 с.

89. Мышкис В.С. VIII съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. –Т. VIII, 1911. –Вып. V. –С. 98–109.

90. Набоков В.Д. Систематический сборник постановлений съездов представителей русских исправительных заведений для малолетних. – Спб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1904. –111 с.

91. На помощь молодежи. Сборник статей, писем и заметок о студенческой нужде и самоубийствах учащихся. –Киев, 1910. –284 с.

92. Нарбутов Р.В. Правовые основы надзора полиции за проституцией в дореволюционной России // Из опыта работы русской полиции (1882–1916 гг.) По материалам ЦГАОР. –М.: МВД СССР, 1991. – Спецвыпуск № 9. – 16 с.

93. Нейфельд А. Ненормальности детей на психопатической основе // Педагогический сборник. –1895. – № 11. –С. 418–444.

94. Неклюдов Н. Уголовно-статистические этюды. Этюд первый. – Спб.: Тип. Н. Тиблина, 1865. – 250 с.

95. Обнинский П. К охране беззащитного детства // Трудовая помощь. –1900. –№ 1. – С. 1 – 16.

96. Обозненко П.Е. Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета и Калинкинской больницы. – Спб.: «Надежда», 1896. – 110 с.

97. О общественном призрении в России. – Спб.: Изд. Министерства полиции, 1818. –114 с.

98. Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. Отчет за 1875 г. – Спб., 1876. –95 с.

99. Окунев Н. Беспризорные дети // Спасите детей от тюрьмы. – М., 1913. –С 16 –18.

100. Окунев Н.А. К пятилетию Петроградского суда по делам о малолетних // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью –1915. – № 4. – С. 11 – 14.

101. Окунев Н. Практические указания к устройству воспитательно-исправительных заведений // Тюремный вестник. –1912. –№ 11. – С. 1939–1980.

102. Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915 –№ 4. –С. 3–6.

103. Островский И.П. Вопросы сравнительной психологии самоубийства у взрослых и детей // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. – Т. VIII. –1911. –Вып. III. –С. 55–56.

104. Острогорский А.Н. Больные люди, больные дети // Педагогический сборник, издаваемый Главным управлением военно-учебных заведений. –1886. –№ 1 – С. 1–30.

105. Острогорский А.Н. Самоубийства, как психологическая проблема // Педагогический сборник. –1883. –№ 1–С. 19–49; № 2 –С. 137–163; № 7. –С. 1 – 32; № 8. –С. 89–123; № 10. – С. 291–315.

106. Отчет о деятельности Лисинской воспитательно-исправительной колонии за 1913 г. – Спб.: Тип. Спб. тюрьмы, 1914. –96 с.

107. Отчет о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников и бесприютных детей Владимирской губернии за 1894 г. – Владимир, 1895 –209 с.

108. Отчет……за 1895 г. – г. Владимир, 1896,–168+38 с.

109. Отчет……за 1896 г. – Владимир, 1897.

110. Отчет……за 1902 г. – Владимир, 1903 г. –93 с.

111. Отчет……за 1903 – Владимир, 1905. –84 с.

112. Отчет.....за 1906 г. – Владимир, 1907. –94 с.

113. Отчет по Ведомству Детских приютов за 1890–94 гг. – Спб.: Тип. Киршбаума, 1896. –149 с.

114. Отчеты о деятельности Санкт-Петербургского общества защиты детей от жестокого обращения за 1904 г. –Спб., 1905. –55 с.

115. Отчеты…….за 1905 г. – Спб., 1906. –54 с.

116. Отчеты…….за 1906 г. – Спб., 1907. –110 с.

117. Отчет……за 1907 г. – Спб., 1908. –86 с.

118. Отчеты…….за 1908 г. – Спб., 1909. –113 с.

119. Отчеты..... за 1909 г. – Спб., 1910. –115 с.

120. Охрана детства / Сост. В.М. Сорокин. – Спб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1893. –267 с.

121. Охранно-защитная концепция социальной профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних. –М.: ВНИК «Государственная система социальной помощи семье и детству», 1991. – 86 с.

122. Ошанин М. О призрении покинутых детей. – Ярославль: Тип. Губернской земской управы, 1912. – 283 с.

123. Ошанин М.А. О призрении покинутых детей // Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11 – 16 мая 1914 г. –Т. I. – Пг.: Тип. В. Безобразова, 1914. –С. 1–12.

124. Писарев Д.И. Минуты уединенных размышлений христианина // Рассвет– 1859. –№ 3. –С. 85–89.

125. Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с ней // Московское общество борьбы с детской преступностью. – М.: Изд. Общества, 1910. – С. 35–103.

126. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI–Спб., 1830. – Ст. 1198.

127. Полный свод законов Российской империи в 16-ти т. / Под ред. Г. Г. Савича–Т. 15. – Спб., 1904.

128. Полный свод законов уголовных. Уложение о наказаниях // Сост. Н. Хохлов. –М.: Тип. Шюмон и Глушкова, 1867. –574 с.

129. Положение о детских приютах, высочайшее утвержденное 27 декабря 1839 г. – Спб.: Тип. Правительствующего Сената, 1883. –82 с.

130. Положение об организации надзора за городской проституцией в империи // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. –1903. – Ноябрь. – С. 218 – 225.

131. Полянский Н. К пятидесятилетию Судебных Уставов // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. – 1914. – № 2. – С. 3.

132. Преступные деяния в алфавитном порядке / Сост. В.М. Шимоновский – Одесса: Тип. Акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1910. – 648 с.

133. Проституция по обследованию 1 августа 1889 г. – Спб., 1890.–36 с.

134. Рабинович А.З. О призрении ненормальных детей // Труды съезда по общественному призрению. –Т. I. – Пг., 1914. – С. 49–66.

135. Редкин П.Г. Избранные педагогические сочинения. – М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958. –314 с.

136. Ро-вич Б.О. Самоубийства среди учащихся средней школы // Спутник средней школы и экстерна. –1909–1910 – № 23. –С. 984–988.

137. Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. / Под ред. О. И. Чистякова. –Т. 3. –М.: Юрид. лит., 1985. –511 с.

138. Российское законодательство X – XX веков. – Т. 5. – М., 1987. – 527 с.

139. Российское законодательство X – XX веков. – Т. 7. – М., 1989. – 432 с.

140. Савенко Ф.Г. Строение и жизнь исправительных колоний и приютов для малолетних преступников. – Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1886. – 55 с.

141. Сажин И. В. Влияние алкоголя на развивающийся организм и роль педиатра в борьбе с алкоголизмом. – Спб , 1913. –17 с.

142. Самоубийства в СССР. –1922–1925 гг. – М., 1927. –77 с.

143. Свод законов Российской империи– Спб., 1909. –Т. 15–Ст. 529.

144. Сегалов Г. Е. Об индивидуальном воздействии – как основе попечительной работы // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915. –№ 4. –С. 8-10.

145. Селиванов А.Ф. Учреждения по призрению детей // Энциклопедия семейного воспитания и обучения / Под ред. П. Каптерева. – Спб., 1900. –С. 3–32.

146. Сеченов И.М. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 1–М.: АПН СССР, 1952. –772 с.

147. Сикорский И.А. О действии алкоголя на психическую сферу. – Киев, 1898. –8 с.

148. Сикорский И. А. Психологическая борьба с самоубийством в юные годы. – Киев: Тип. И.Н. Кушнерева, 1913. – 44 с.

149. Сикорский И.А. Сборник научно-литературных статей по вопросам общественной психологии, воспитания и нервно-психической гигиены: В 5-ти кн. Кн. 2. Статьи по вопросам воспитания. – Харьков: Южно-русское издательство Ф.А. Иогансона, 1899.–336 с.

150. Скопинский А. К вопросу о перевоспитании порочных подростков // Тюремный вестник. –1908. –№ 6–7. –С. 502 – 511.

151. Сытин Ф. Понятие наказания // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915–№ 5. –С. 3–7.

152. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. – Спб.: Тип А.М. Котомина, 1871. –149 с.

153. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. I. –Спб.: Гос. тип., 1887. – 380+14 с.

154. Тальберг Д. Исправительные приюты и колонии в России // Журнал гражданского и уголовного права. – Спб., 1882. –Кн. 6. –С. 33–66.

155. Тарасова Е.П. Детский суд за границей и в России. – М.: Тип. Русского товарищества, 1912. – 90 с.

156. Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. – Спб.: Изд. К. Риккера, 1888. –261 с.

157. Термен С.Э. Призрение несчастнорожденных в России. – Спб.: Тип. Ю. Мансфельд, 1912. – 245 с.

158. Ткачев П. Рабоче-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников // Юридический вестник. –1864. –№ 1. –С. 25–59.

159. Трахтенберг А. О самоубийствах среди учащихся // Русская школа. –1908. – № 11. – С. 59–68.

160. Трахтенберг А. Г. Половой вопрос в семье и школе // Труды первого всероссийского съезда по семейному воспитанию. – Т. 2. – С. 421–427.

161. Трошин Г.Я. Антропологические основы воспитания / Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. – Пг.: Изд. школы-лечебницы д-ра медицины Г.Я. Трошина, 1915. –959 с.

162. Трудовая помощь. –1900 – № 3. –С. 308.

163. Труды 1 всероссийского съезда по семейному воспитанию. – Спб: Тип. И.Л. Ныркина, 1914. –Т. 1.–672 с; Т. 2. – 775 с.

164. Труды съезда Московских благотворительных учреждений, призревающих детей. – М.: Тип. И.Н. Кушнерева, 1886. –178 с.

165. Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел 11 –16 мая 1914 г. – Пг.: Тип. В. Безобразова, 1914. –743 с.

166. Тюремный вестник. –1908. –№ 1. – С. 32–39.

167. Тюремный вестник. –1912. – № 10. – С. 28–29.

168. Тютрюмов И.М. Колонии и приюты // Россия. –1896. – Кн. 3.

169. Тютрюмов И. Принудительное воспитание малолетних // Юрист. –1903. –№ 7. – С. 219–224.

170. Укше С. Детский суд, как первый шаг в деле реформы суда // Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью. –1915. –№ 5. – С. 7 – 9.

171. Ульянова А. Самоубийства детей // Свободное воспитание. – 1909–1910. – № 8. – С. 27–34.

172. Ушинский К.Д. О преступности в Англии и во Франции. Собр. соч.: В 11-ти т. – Т. 1. – М. – Л.: АПН СССР, 1948 –С. 624-654.

173. Ушинский К.Д. Необходимость ремесленных школ в столицах. – Т. 3. – С.589-597.

174. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. – Т. 8. – С. 11–679.

175. Фельдштейн Т.С. Патронат. Его необходимость и принципы организации. – Спб., 1900. –56 с.

176. Феноменов М.Я. Причины самоубийств в русской школе. – М.: Изд-во А. Снегиревсй, 1914. – 131 с.

177. Фидлер А.А. О мерах борьбы с детской преступностью. – М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1905. – 24 с.

178. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – Спб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889–503 с.

179. Фортова Л.К. Антиалкогольное воспитание школьников в России конца XIX–начала XX веков: Автореф. дис. канд. пед. наук. – Владимир, 1993. –15 с.

180. Хлопин Г.В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений. – Спб.: Сенатская типография, 1906, –95 с.

181. Хлопов Г. Указ о малолетних преступниках от 26 июня 1765 г. // Журнал Министерства юстиции. –1915. –№ 6. – С. 248–261.

182. Хорошко В.К. Самоубийства детей. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1909. – 115 с.

183. Чернышевский Н.Г. Письмо родным от 30 августа 1846 г. / Полн. собр. соч.: В 16-ти т. – Т. 14. – М.: Гослитиздат, 1949. –С. 43 – 48.

184. Чичагова Е.И. О положении в семье и о беспризорности девочек, привлекаемых к суду // Труды 1 Всероссийского съезда по семейному воспитанию. – Т. 2. –С. 572–576.

185. Швецов Б. Самоубийства в средней школе // Русская школа. – 1906. – № 10. – С. 117–127.

186. Шелгунов Н.В. Избранные педагогические сочинения. – М.: АПН РСФСР, 1954. –403 с.

187. Ширяев В.Н. Особые суды для подростков // Вопросы права. – 1910. – Кн. IV. –С. 109–146.

188. Щеглов А.Л. Об умственной работоспособности малолетних преступников. – Спб.: Гос. тип., 1903.

189. Эрисман Ф. Влияние алкоголя на детский организм и борьба с алкоголизмом среди молодежи // Вестник воспитания. –1897. –№ 4. – С. 120–132.

190. Яблоков Н. В. Призрение детей в воспитательных домах. – Спб. : Гос тип., 1901. –71 с.

Глава 2. РАЗВИТИЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1935 гг.)

Пришедшая в конце 1917 года на смену Временному правительству Советская власть поставила грандиозные задачи в области охраны детства (полностью ликвидировать беспризорность и связанные с ней деструктивные проявления – детскую преступность, наркоманию, проституцию, воспитать из «социально опасных» подростков сторонников нового строя), которые стимулировали интенсивные научные поиски в этой сфере, оформившиеся рядом концептуальных подходов.

В основе дифференциации концепций профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в послеоктябрьский период лежали различные представления о факторах, способствующих и мешающих гармоничному развитию личности в детском возрасте.

В первые послереволюционные годы питательной почвой для криминальной активности несовершеннолетних стала массовая беспризорность. Беспризорный, обычно обладавший букетом физических, психических, моральных и социальных изъянов, постоянно балансировавший на грани небытия, ввергнутый в атмосферу хаоса и ничтожности человеческой жизни, в обыденном сознании воспринимался как асоциальный элемент, как неисправимый, дефективный.

В научной литературе данное положение отразилось в концепции, постулирующей биологическую заданность определенного контингента

детей на асоциальные формы поведения. В большевистской редакции эта концепция получила обобщенное название теории «моральной дефективности» (на самом деле это была одна из модификаций антропологической доктрины преступности). Её последователи (П.Г. Бельский, А.И. Граборов, Н.П. Гришаков, Т.П. Симсон и др.) исходили из того, что девиантное поведение подростков является результатом прежде всего наследственной (психогенетической) дегенерации. При этом средовым условиям придавалось факультативное (усугубляющее или ослабляющее действие психобиологических факторов) значение. Важнейшей превентивной задачей «психогенетики» считали создание благоприятных условий для погашения врожденной или приобретенной патологии через организацию дифференцированной сети детских учреждений коррегирующего профиля.

Нельзя не заметить, что признавая биологическую компоненту ведущей в генезисе отклоняющегося поведения, представители названной концепции отнюдь не говорили о наследственной обреченности к асоциальности, отмечая, что речь идет о факторах предрасполагающих, а не фатально детерминирующих её [3, с. 13].

Вульгарная трактовка этой теории приводила к огульному зачислению в разряд морально-дефективных не только реально дезадаптированных несовершеннолетних (беспризорников, наркоманов, правонарушителей и др.), но даже вполне нормальных школьников, которых отличала недисциплинированность, грубость, упрямство, шаловливость, курение. Ввиду почти полной неисправимости морально-дефективных, предлагалось оградить общество от их влияния путем принудительной изоляции в особого рода режимные учреждения [65, с. 65-67].

Тенденция стигматизировать дезадаптированного подростка, наложив на него клеймо неисправимого преступника, морально-дефективного, имела под собой реальную почву – мировоззрение некоторых неофитов советской педагогики, не желающих утруждать себя крайне сложной, а подчас и небезопасной работой по воспитанию беспризорников. Об этом наглядно свидетельствуют документы той эпохи. Так, в отчете Народного Комиссариата Социального Обеспечения Совету Народных Комиссаров за период с апреля 1918 по декабрь 1919 года указывалось: «Педагогический персонал почти повсеместно или не соответствовал своему назначению, или вовсе отсутствовал» [56]. По заявлению одного из работников Московского отдела народного образования, персонал детских домов менялся почти два раза в месяц [23, с. 155-156].

Теория «моральной дефективности» была подвергнута сокрушительной критике официальной педагогикой.

Педагоги-марксисты заявляли, что дефективность ребенка порождается не дурной наследственностью, а деструктивными социальными условиями, при изменении которых от дефективности не остается и следа. Беспризорные, правонарушители – это в массе своей психически полноценные, здоровые, но социально запущенные дети. Их ненормативное поведение – естественная защитная реакция на пребывание в зоне социального неблагополучия. Негативная среда обусловливает особые черты их характера, психической структуры, морального сознания, которые ввиду своей необычной, осложненной формы вызывают проблемы в становлении таких детей как социальных субъектов, и одновременно обнажают трудности в работе с ними педагогов. Поэтому это не ущербные, дефективные, а трудновоспитуемые дети. Они поддаются воспитанию, так как человеческая природа трансформируется в процессе общественного развития и целенаправленного педагогического воздействия [8; 33; 46].

Исходя из принципа материалистического монизма, т.е. доказывая ведущую роль социальной составляющей в структуре личности, педагоги-марксисты не отвергали в ней наличие природной компоненты. Отрицание этого было бы равносильно покушению на марксистское учение и считалось недопустимым. Поэтому воздействие средовых факторов на формирование конкретной личности, согласно их позиции, нельзя рассматривать в отрыве от биологической организации.

У ребенка биологическое начало выражено более рельефно. Подпитывая собой разнообразные индивидуальные проявления. Недоучитывать этот момент, указывали педагоги-марксисты, недопустимо в воспитательной и воспитательно-профилактической работе. Отсюда вытекали требования интегративного, комплексного подхода к личности в единстве её социальных и биологических параметров, необходимости пристального изучения их связей в детском возрасте.

В то же время биологическое для адептов марксистского направления в педагогике однозначно означало производность, вторичность от первичного социального. (Кстати, сами основоположники марксизма никогда не использовали оппозицию «социальное-биологическое».) Биологическому отказывали в самодостаточности, в наличии собственной логики развития, наконец, в способности существенно влиять на процесс социального становления личности. Все это приводило к отчетливой абсолютизации

социальных факторов в генезисе девиантного поведения несовершеннолетних, которая осуществлялась за счет принижения роли психобиологических. Такое нередко случалось даже при объяснении деструктивных действий подростков, произведенных на фоне явных клинических нарушений психики [53, с. 9-24].

Принцип социальной детерминации девиантного поведения детей и подростков, выдвинутый в качестве основополагающего педагогами-марксистами, сфокусировал внимание на социуме как особой системе жизнеобеспечения и жизнеопределения индивида в статусе социального существа, которое творит себя, изменяя окркжающий мир. Это давало возможность ставить вопрос об использовании среды как инструмента воспитания, а также переделки личности по институциональным стандартам. «Организуемая в детучреждении среда, - писал в 1925 году С. Моложавый, - должна укрепить в детях то, что для нас важно и ценно, исправить то, что противоречит нашим воспитательным целям» [50, с. 6-7]. Более того, правильно организованная (педагогизированная) среда рассматривалась как важнейшее превентивное средство, как надежный предохранитель от деструктивных поступков со стороны несовершеннолетних [61]. Её полномочным представителем выступал коллектив.

Обозначенные общие положения официальной советской педагогики применительно к решению проблемы профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних нашли свое конкретное воплощение в научных концепциях, разрабатывающихся в русле марксистской методологии. Сюда в первую очередь следует отнести концепцию, получившую в нашем исследовании наименование социально-педагогической обусловленности детской деструктивности. Её сущность раскрыта в работах Л.С. Выготского, М. Левитиной, Е.С. Лившица, А.В. Луначарского, В.П. Кащенко, С.Е. Копелянской, Н.К. Крупской, В.И. Куфаева, А.С. Макаренко, М.М. Пистрака, М.С. Погребинского, П. Поталака, В.Н. Сороки-Росинского, С.Т. Шацкого.

По мнению сторонников данной концепции, объяснение ненормативного поведения детей и подростков следует искать не в дефективности их сознания, а в дефективности, определенных социальных явлений, социальных отношений. Девиантность – это прежде всего испорченные связи между требованиями личности и требованиями общества [45, с. 508].

Исходя из этого, генеральная превентивная цель заключается в создании гармоничных отношений между обществом и личностью, между

социальными идеалами, ценностями и смысложизненными установками, устремлениями подрастающего поколения.

Борьба с подростком как носителем разрушительных интенций полностью исключается и заменяется борьбой с условиями, причинами, порождающими эту деструктивность. При этом социальные факторы влияют на ребенка не прямо, а косвенно, через индивидуальные особенности личности, через его психобиогенную организацию. Однако она не автономна, а опосредована внешней средой, то есть в той или иной степени социализирована.

Итак, отклоняющееся поведение несовершеннолетних следует рассматривать не как посягательство на норму закона, а лишь как поведение, в силу которого государство принимает меры к охране физического и психического развития подростка от дурных социальных условий, приведших к подобного рода реагированию на них. Под влиянием неблагоприятной среды у несовершеннолетних развиваются черты поведения, идущие вразрез с установленными нормами общежития [35, с. 22-23, 145-146].

Таким образом квалифицируя отклоняющееся поведение несовершеннолетних, представители концепции социально-педагогической обусловленности деструктивности в то же время указывали, что в подростковом возрасте границы между нормативным и девиантным поведением наиболее размыты и подвижны, в связи с чем возникают сложности в выборе диагностически объективных показателей девиаций. «Чтобы признать эти уклонения от нормы, - писали В.П. Кащенко и Г.В. Мурашов, - нужно, чтобы они так или иначе практически отражались на поведении ребенка в обществе…» [29, с. 22].

Общеизвестен вклад Л.С. Выготского в решение данной проблемы. Им были обоснованы положения методологической значимости: подлинное назначение диагностики в этой области состоит не в формальной регистрации внешних проявлений отклоняемости, а в постижении внутренних законов и логики развития личности, которые стоят за ними; изучение дезадаптированного ребенка следует подчинять конкретным воспитательно-превентивным целям; диагностика отклонений должна носить последовательный, системный характер, обладать мощным прогностическим потенциалом [16; 18].

Диагностически ключевые признаки девиаций могут быть обнаружены лишь посредством пристального анализа деятельности ребенка, которая, являясь источником его развития, определяет психический облик,

отличительные психологические параметры. Такая мысль наиболее последовательно проводилась а работах С.Н. Сороки-Росинского и С.Т. Шацкого. Предлагая изучать трудновоспитуемого ребенка в основных сферах деятельности (игровой, познавательной, трудовой, спортивной, художественной, коммуникативной), они требовали «докапываться» до настоящих причин отклонений, разбираться в многообразии влияний на подростка, выделяя среди них главные, фокусировать поисковую направленность на тех социальных отношениях и качествах личности, с помощью которых можно «выпрямить» её [66; 69; 70; 71].

Сходную позицию на проблему диагностики отклоняющегося поведения детей и подростков занимал А.С. Макаренко. По его мнению, если девиантность есть следствие деструктивных отношений между обществом и личностью, то в первичные задачи диагностики входит определение уровня и глубины этой деструкции для определения социально-педагогической базы осуществления воспитательно-профилактических программ. В свою очередь эти задачи опосредованы необходимостью выявления истинных причин и мотивов девиаций (которые погружены в патогенный социум или сопряжены с педагогической некомпетентностью), а также установлением точной взаимосвязи между ними. Все это в совокупности составляет как бы начальный этап диагностики Её последующий этап, по Макаренко, связан с организацией процесса ресоциализации, который проходит через включение подростка в систему новых, коммунистически ориентированных отношений социально конструктивной среды (коллектива) и требует фиксации изменений, происходящих как на уровне личности, так и на уровне специально организованной среды [44, с. 88-92; 46, с. 405; 47, с. 363].

Таков был в общих чертах подход представителей концепции социально-педагогической обусловленности детской деструктивности к вопросу её диагностики. При этом к девиациям в данной концепции чаще всего относили детскую преступность, проституцию, половую распущенность, алкоголизм, наркоманию, суицид. Основными маркерами отклоняющегося поведения считались: склонность к бродяжничеству, агрессивность, сексуальная развращенность, принадлежность к социально чуждому классу и внутренне неприятие советской власти [67, с. 105].

Стоит заметить, что последние два признака расширяли зону отклоняющихся форм поведения по идеологическому критерию, что было явно

нехарактерно для предоктябрьских научных разработок в области превентивной педагогики.

Несовершеннолетних, которые совершили девиантные действия, или склонных к ним, сторонники концепции социально-педагогической обусловленности деструктивности обычно обозначали как трудновоспитуемых детей.

Сама трудновоспитуемость определялась как состояние, обусловленное длительным влиянием неблагоприятных для психофизического и социального развития детей условий, или отягощением патологической наследственностью, ведущее к количественным накоплениям отклонений в поведении, а затем к качественным изменениям в характере. Отсюда следовало выделение двух групп трудновоспитуемых: социогенных и биогенных [57, с. 415-418]. Первую группу составляли дети беспризорные, безнадзорные, правонарушители (их называли еще социально запущенные), сода же входили и подростки, трудновоспитуемость которых была вызвана педагогическими причинами (педагогически запущенные). К категории биогенных трудновоспитуемых относились дети, в целом здоровые, имеющие лишь незначительные отклонения психического или физического характера (неврозы, нарушения речи, моторики и т.д.).

Как видим четкого разделения между этими группами не устанавливалось: и в той, и в другой могли быть беспризорные, правонарушители, педагогически запущенные. Этим подчеркивался тот факт, что между социогенной и биогенной трудновоспитуемостью нет пропасти: случается, что первая приводит к тяжелым психопатическим дисфункциям, а вторая спровоцирована травмирующей социальной ситуацией. Часто и социальные, и биологические факторы одновременно являются источниками трудновоспитуемости, и тогда очень сложно определить, что же стало её первопричиной. Важно заметить, что из категории трудновоспитуемых исключались дети, страдающие различными хроническими заболеваниями и требующие особых мер медико-педагогического воздействия (умственно отсталые, слепые, глухонемые, с клинически выраженными психическими расстройствами и т.д.).

Педагоги, придерживающиеся концепции социально-педагогической обусловленности деструктивности, стремились выявить корреляцию между степенью (глубиной) проявления трудновоспитуемости и характером девиантной активности подростков с целью дифференциации превентив-

ных и коррекционных усилий. Проведенные в этом направлении исследования вылились в интересные типологии трудновоспитуемых.

Так, В.И. Куфаев по названному критерию выделил среди них три группы. В первую он определил несовершеннолетних с глубокой степенью трудновоспитуемости: совершавших как систематические, так и единичные серьезные преступления: вожаков уличных асоциальных групп, разлагающе действовавших на детей; злостных хулиганов, связанных с преступным миром; постоянных нарушителей режима учебно-воспитательного учреждения. Подростков этой группы отличает антисоциальность, агрессивность, жестокость, стремление к независимости, оправданию своего деструктивного поведения для поддержки положительного представления о себе, сохранения целостности структуры личности. В отношении такого рода несовершеннолетних необходимы усиленные реадаптационные меры, связанные с помещением в социально конструктивный контекст педагогически организованной среды. Вторую группу составляли несовершеннолетние со средней степенью трудновоспитуемости. Они совершали несистематические и незначительные правонарушения и проступки. Между тем нередко у этих подростков наблюдалась неадекватная реакция на предъявляемые педагогические требования, возникало болезненное представление о собственной ущербности, неполноценности, чувство подавленности, угнетенности. Необходимо было продуманными социально-педагогическими средствами (систематический надзор и помощь в сочетании с контролем и строгими требованиями) вытеснить эти комплексы, сформировать систему мотивов и установок, ориентирующих на просоциальные пути самореализации. Наконец, к третьей группе относились подростки с легкой степенью трудновоспитуемости – попавшие под дурное влияние и совершившие мелкие проступки. Эти несовершеннолетние характеризовались небольшими отклонениями в социальном развитии, отсутствием сформированных механизмов различения положительного и отрицательного, неустойчивостью поведения, зависимостью, ушаемостью. Воспитательно-превентивная тактика относительно данной категории подростков заключалась в восстановлении позитивных межличностных связей с окружающими, формировании социально одобряемых привычек, развитии волевого начала, стимулировании самостоятельности и других качеств, снижающих риск девиантной активности [36, с. 305-306].

Оценивая данную типологию, нельзя не отметить, что принцип, положенный автором в её основание, считается достаточно продуктивным до

настоящего времени, так как обладает высоким научным и практическим потенциалом, выходя на проблемы применения сугубо индивидуализированных воспитательно-превентивных технологий.

Итак, в соответствии с концепцией социально-педагогической обусловленности деструктивности, необходимыми предпосылками для конструктивного ведения воспитательно-профилактической работы с трудновоспитуемыми детьми и подростками являлось осознанное представление об её конечном результате, а также знание подлинных причин и мотивов девиантного поведения, его ключевых признаков и способов их распознавания. Однако этого недостаточно. Требовался особый превентивный инструмент, рычаг, с помощью которого только и возможно, с одной стороны, «снимать» действие негативных факторов на формирующуюся личность, а с другой, стимулировать развитие и закрепление социально ценных форм поведения.

Таким превентивным рычагом в данной концепции выступал коллектив как особым образом организованная и функционирующая микросоциальная структура, имеющая просоциальную интенцию. Причем, в данной структуре процессы воспитания, ресоциализации и профилактики слиты в органическое целое посредством общего целеполагания и целеосуществления через механизм погружения несовершеннолетних в систему коллективистических отношений, опосредованных многообразными формами социально одобряемой деятельности.

По глубокому убеждению приверженцев этой концепции, коллектив есть архитектор личностного становления, от него зависит характер формирования высших психических функций [7, с. 147], то есть осевой поведенческой линии, которая в концентрированном виде представлена в направленности личности (её ценностно-мотивационной структуре). Просоциальная (коллективистическая) направленность предполагает превалирование в мотивационной структуре мотивов группового характера над индивидуальными. Только тогда, писал А.С. Макаренко, когда личность будет учитывать прежде всего интересы коллектива, а уж потом свои собственные, можно говорить о настоящем воспитании коллектива и отдельной личности [42, с. 144]. Поведение личности коллективистического типа есть принятие индивидом групповых норм в качестве регуляторов собственной активности. Покушение на них должно восприниматься как покушение на общественные нормы в целом, что одновременно грозит внутренней дезорганизацией личности. Потерей ей ощущения целостности и

защищенности, приобретаемого в сообществе под названием коллектив. Формирование коллективистической доминанты личности не означает пренебрежительного отношения к индивидуальному началу в ней. Коллективное и индивидуальное в воспитательно-профилактической работе должны быть гармонизированы.

Основные положения концепции социально-педагогической обусловленности деструктивности были творчески реализованы в деятельности талантливейших педагогов: А.С. Макаренко, М.С. Погребинского, П.В. Поталака, С.Н. Сороки-Росинского, которые на практике демонстрировали огромные превентивные возможности, заложенные в коллективистическом подходе. (На наш взгляд, результативность этого подхода определялась не только талантом названных педагогов, но и почти беспроигрышным расчетом на то, что несовершеннолетние, пусть даже с асоциальными установками, с готовностью примут коллективистические принципы жизнедеятельности, так как они гармонировали с их, по существу, народными представлениями о социальной справедливости, с ментальностью, не приемлющей и отторгающей индивидуализм.) Однако его массовое растиражирование в качестве единственно правильного, автоматически обеспечивающего позитивный профилактический результат, неизбежно приводило к упрощению и вульгаризации идей коллективного воспитания, что нашло отражение в одном из базисных принципов советской педагогики: личность – продукт коллектива.

В то же время будет неправильным отрицать, что если этот принцип не был артикулирован соавторами коллективистического подхода, то он не прочитывался в нем. Логика его развертывания приводит к ассоциированию коллектива с машиной по производству коллективистического типа личности, ориентированного исключительно на групповые нормы. Понятно, что в таком контексте личность оценивается лишь в системе социальных координат, из неё «выпадает» её уникальность, неповторимость, что, собственно, и позволяет называть индивида личностью. Кроме того, если полностью полагаться в поступках на коллектив, станут реальными ошибки, основанные на его ограничениях или, что ещё хуже, квази- и антиценностях. И именно такой путь строительства личности чреват перспективой её деструктивной по отношению к людям, не входящим в группу, направленности. Одновременно становление личности может обрести ущербный характер оттого, что её поступки будут недостаточно ответственными. Не случайно поэтому в условиях однобоко понимаемого коллективизма у нас

в массовых масштабах наблюдался синдром «коллективной безответственности». Все это и явилось оборотной стороной концепции социальной деструктивности. К сожалению, именно её теневая сторона востребовалась в течение долгих лет.

Анализ концепции социально-педагогической обусловленности деструктивности был бы однобоким, если не сказать, что в 20-е годы прошлого века в её границах существовали различные частные направления, которые, в целом не оспаривая её генеральных положений, развивали те или иные «периферейные» аспекты. Здесь нельзя не отметить труды В.П. Кащенко [29; 30; 31], который разработал комплексную систему коррекции недостатков характера и отклоняющихся форм поведения детей и подростков, не потерявшую своей значимости и сегодня. Исследования М.О. Гуревича [21], В.Н. Мясищева [51], Н.И. Озерецкого [52; 53; 54; 55], Д.С. Футера [67; 68] вскрывали зависимости между девиантностью и различными проявлениями психической патологии у несовершеннолетних. Работы М. Левитиной [39], А. Мирандова [48] были посвящены изучению роли и поведения педагога в учреждениях для трудновоспитуемых детей. В рамках концепции социальной обусловленности деструктивности проводились изыскания, посвященные конкретным видам отклоняющегося поведения несовершеннолетних: преступности [20; 35; 36; 40], наркомании [25; 60; 68], алкоголизму [11;12; 49], девиантной сексуальной активности [13;14; 15; 37].

Теперь дадим краткую характеристику другой концепции, сложившейся в исследованиях ненормативного поведения несовершеннолетних в постоктябрьский период, которую условно можно обозначить как бихевиористскую. Её в той или иной степени поддерживали И.А. Арямов, М.Я. Басов, П.П. Блонский, А.С. Грибоедов, А.А. Дернова-Ярмоленко, А.Г. Иванов-Смоленский, А.Г. Калашников, Р.Я. Лехтман и др.

Рассматривая человека преимущественно как природное существо, бихевиористы трактовали поведение как совокупность реакций организма на внутренние и внешние раздражители (стимулы), находящиеся, соответственно, в биологической структуре личности и в социуме [1, с. 62; 28, с. 15]. Если доминантными признавались внутренние раздражители, то речь шла о биологическом, если внешние – о социальном бихевиоризме. Последний в те годы занял более прочные позиции по сравнению с первым, так как находился в целом в плоскости материалистической доктрины личности.

Отдельные сторонники социального бихевиоризма (А.С. Грибоедов, Р.Я. Лехтман и др.) доказывали, что ребенок непосредственно заимствует из среды формы поведения, которое само является не чем иным, как способом адаптации к динамическому социуму. Если социум патогенен, то и формы приспособления к нему обычно деструктивны. Это положение наиболее рельефно выразилось в идее социального наследования девиантности (П.П. Блонский).

Все же большинство бихевиористов признавало, что на поведение личности кроме социальных (формирующих условные рефлексы) влияют и генетические (представленные в безусловных рефлексах) причины, которые в совокупности определяют тот или иной тип реагирования. Он будет максимально конструктивен, т.е. определенно лежать в рамках нормативного поведения, если биологическая подструктура не поражена дефектими и развивается в условиях комфортного социума. Наоборот, он принимает деструктивную направленность, когда сопрягаются неблагоприятные конституционные свойства личности с отрицательными характеристиками среды. Все остальные реакции располагаются между этими двумя полюсами.

Организовать эффективную воспитательно-профилактическую работу, по мнению бихевиористов. Попросту невозможно без установления характера взаимодействия раздражителей и реакций на них в структуре личности, который и является индикатором её поведенческой направленности (рефлексологического типа ребенка). В связи с этим представителями данной концепции усиленно разрабатывались специальные методики [32], с помощью которых можно было диагностировать уровень рефлексорной адаптации личности ребенка, а значит. С научно обеспеченных позиций выходить на вопросы коррекции его поведения в желательном для педагога направлении.

В ходе экспериментальных исследований бихевиористы выявили несколько типов детей с рефлексорной дезадаптированностью, т.е. с деформированным способом реагирования. Сюда были отнесены прежде всего отягощенные наследственными заболеваниями, обладающие слабой нервной системой, повышенной тревожностью, возбудимостью, зависимостью, ригидностью. Выделялись также группы детей с менее глубокой формой рефлексорной дезадаптированности – ленивые, упрямые, безвольные, с опережающим либо отстающим темпом психосексуального развития. При этом подчеркивалось, что практически любой дисгармоничный способ ре-

агирования составляет благоприятную почву для возникновения различного рода девиаций, особенно если он подпитывается негативными внешними раздражителями [22, с. 3-4; 26].

Если в генезисе девиантного поведения, указывали бихевиористы, лежит механизм негативной стимульной бомбардировки, обусловливающий искривленные способы реагирования, то соответственно, оптимальная превентивно-воспитательная стратегия должна заключаться в создании механизма позитивной стимуляции. Для этого предполагалось осуществлять параллельное воздействие на биологическую и социальную компоненты развития через погружение ребенка в среду, предопределяющую возникновение у него исключительно общественно требуемых реакций. Они. По мысли бихевиористов, должны элиминировать влияние патогенной наследственности, а также способствовать формированию социально приемлемой, а впоследствии и социально ценной линии поведения.

Среди специализированных средств воспитательно-профилактического и коррегирующего воздействия на дезадаптированных детей и подростков, которые разрабатывали и использовали бихевиористы, акцентированное значение придавалось внушению, методам оживления прямых ассоциаций и установления дисциплины порядка. Несмотря на некоторые внешние отличия, все они базировались на идее организации искусственных условий для получения заранее намеченных реакций.

Изложенные основные положения бихевиористской концепции девиантного поведения несовершеннолетних дают достаточно определенное представление о её сильных и слабых сторонах. К числу достоинств, применительно к тому времени, можно отнести внимание бихевиористов к генетическим истокам детской асоциальности, стремление выявить корреляты между патогенезом личности ребенка, социально деструктивным контекстом и риском девиантного самоутверждения. Однако они смазывались, как верно подмечали некоторые исследователи той эпохи [7, с. 14; 38, с. 45], механистическим пониманием влияния среды, упрощенным взглядом на личность, не учитывающим её своеобразия. Бихевиористы за поведением не видели живую, активно действующую и ответственную за свои поступки личность. Она их интересовала постольку, поскольку её поведение должно быть предельно конформным, соответствовать требуемым стандартам. Иначе говоря, личность в бихевиористской концепции выступала не иначе как объект манипуляции

отчужденных от личности структур, которые прикрывались тем, что якобы лучше знали её подлинные потребности.

Даже несмотря на столь привлекательные для формирующегося авторитарного режима идеи, которые нес в себе бихевиоризм, в 30-годы XX века он был обвинен в отрыве от материалистических корней (ведь он признавал немаловажную роль наследственности в генезисе девиантности), а значит, в смыкании с буржуазным идеализмом и расизмом – что было вполне достаточно для тотального уничтожения данного научного направления.

В постоктябрьский период материалистический подход в изучении подростковой девиантности выражала и социологическая школа, сформировавшаяся ещё на рубеже XIX и XX веков. Её немногочисленные сторонники – М.Н. Гернет [19, с. 84], А.Н. Рубашева [62] и др. – продолжали настаивать на том, что среда монопольно и спонтанно определяет особенности поведения личности, поэтому детская асоциальность есть прямое следствие отрицательных социально-экономических факторов: нищеты, голода, плохих жилищных условий, безнадзорности, беспризорности, невежества, аморального образа жизни родителей, негативного давления со стороны товарищей, влияния питейных обычаев и традиций, распространенных в маргинальном сообществе и т.д. Понятно, что при полном растворении личности в среде, «главной и наиболее действительной мерой предупреждения и борьбы с преступлением являются все те мероприятия общесоциального характера, которые улучшают жизненные условия в целом» [62, с. 177].

Само собой разумеется, что социологизаторский подход, рассматривающий среду в качестве неизменной, монолитной субстанции и отрицающий значимость активного начала в личности как имманентного фактора её социализации, был подвергнут обструкции со стороны официальной (марксистской) науки и разделил участь прочих «буржуазных» течений.

В ходе проведенного исследования было установлено, что в первые годы советской власти наряду с проанализированными концепциями девиантного поведения несовершеннолетних, циркулировала еще одна. Её выражало очень небольшое число приверженцев психоаналитического учения в Советской России [58; 64; 72].

Они в целом солидаризировались с основоположником психоанализа З. Фрейдом, полагавшим, что детско-подростковая деструктивность объясняется травматическими переживаниями, первоисточник которых нахо-

дится в подавленной либидозной энергии. Поэтому в профилактике и коррекции девиаций основной расчет должен делаться на высвобождение подавленной энергии и её использование в конструктивных целях (сублимацию).

Так, И.А. Перепель, предпринявший в начале 20-х годов попытку систематического клинического обследования личности социально недостаточного (дефективного, правонарушителя) ребенка по методу психоанализа, установил, что в содержании различных форм детской аморальности, патология поведения создается, главным образом, через слабость сублимирующей деятельности и недостаточность реактивных образований. В основе подобных отклонений могут лежать конституциальные или специфические социальные условия, или те и другие вместе, причем взаимодействие их друг с другом приводит через деформацию самооценки, возникновение нарциссических и аутических к извращению всего нормального хода этического развития. К тому же, инфантильная сексуальность может выступать благоприятной почвой для появления бессознательного чувства собственной виновности, которое иногда становится побочным или даже самостоятельным мотивом разнообразных правонарушений несовершеннолетних [58, с. 19].

Полагая, что основным недостатком современной ему дефектологии является тактика борьбы со следствиями тех причин патологического поведения, которые, в силу погруженности в бессознательное, целиком остаются за пределами досягаемости педагогов, Перепель приходит к выводу, что психоналитическая точка зрения, базирующаяся на идее о строго детерминированных психических процессах, способна успешно преодолеть названный недостаток и дать целостную, последовательную картину патологии личности ребенка. Как верно замечает ученый, преимущество психоанализа, являющегося, по существу, особой системой воспитания, состоит в том, что терапевтическое её назначение строится на понимании природы каждого отдельно взятого случая патологии, тем самым достигается эффект предельной индивидуализации воздействия [58, с. 13-17].

Подлинный психоанализ с его обостренным вниманием к внутреннему миру человека, к его индивидуальности, опирающийся на принцип педагогического сотрудничества, диалогического подхода к воспитаннику, обладающий колоссальными объяснительными и прогностическими ресурсами, во второй половине 20- х годов стал нетерпим для официальной педагогики, которая стремилась его искоренить или, на худой конец. «при-

способить» к решению сугубо классовых задач. Примером такого использования фрейдовской теории может служить статья П.Г. Бельского «Хулиганство в детском и юношеском возрасте», опубликованная в 1927 году, где автор предлагал в превентивно-коррекционной работе применять следующие формы сублимации: изменение целевой установки эмоций через перевод хаотической агрессивности в агрессивность по отношению к социально враждебному буржуазному классу; обращение эмоции в её противоположность, когда агрессивность, садизм к людям, животным может превращаться под влиянием коллектива воспитанников. Воздействия педагога, социальных оценок в нежную любовь, в уход за больными, слабыми, младшими детьми, животными; раскупорка интравертированных эмоций путем широкого, социально радостного общения с окружающим коллективом; наконец. Как завершающая фаза воздействия – полное направление психической (любовной) энергии на коллектив [4, с. 114-115].

Такова, на наш взгляд, была в послеоктябрьскую эпоху общая панорама концептуального знания о природе отклоняющегося поведения несовершеннолетних и путях его предупреждения. Для воссоздания более детального представления о сущности и специфике рассмотренных концепций мы посчитали целесообразным включить в ткань данной главы материал, доказывающий их качественные особенности на примере отношения к наиболее сложному виду подростковой девиантности – отклонениям в сексуальном поведении.

В первые годы Советской власти сексуальное поведение молодежи в его нормативных и девиантных вариантах стало предметом столкновения различных научных представлений, среди которых постепенно господствующее положение заняли социоцентрические взгляды.

Исследователи, разделявшие эти позиции, утверждали, что для гармоничного психосексуального развития ребенка, прежде всего, необходимы благоприятные средовые условия. Соответственно, нарушения психосексуального здоровья также имеют социальную природу, причем их диагностика, профилактика и коррекция представляют серьезные затруднения, так как малейшие неправильности, аномалии сексуального развития сильно и безудержно завладевают ребенком, надолго укореняются в его психофизической структуре [9, с. 117; 31 , с. 127].

К числу половых отклонений несовершеннолетних приверженцы данной концепции относили нарушения двух типов:

а) не представляющие серьезной общественной опасности, но отличающиеся от характерных для того или иного возраста поведенческих стереотипов (онанизм, ускоренное или замедленное развитие полового инстинкта, эксгибиционизм, фетишизм, садизм, мазохизм, гомосексуализм, инцест);

б) аномалии, в которых явно просматривается их антисоциальная направленность (сексуальная распущенность, проституция, половые преступления) [31, с. 129; 41, с. 174; 53].

Относительно первого типа отклонений подчеркивалась их тесная связь с особенностями сексуальной жизни ребенка. Так, по мысли П.П. Блонского, она полна атавизмов, и это делает ее больше похожей на патологическую, нежели на нормальную половую психологию взрослого человека, хотя для ребенка это не аномалия, но неразвитость. Аномальной она становится под воздействием негативных средовых факторов: невежества, ханжества родителей и педагогов, развращающего влияния со стороны уличной компании, школьных товарищей, взрослых аморальных элементов, средств массовой информации, пропагандирующих «свободные нравы» [10, с. 47].

Указывая на ключевое значение внешних обстоятельств в генезисе половых расстройств у детей и подростков, исследователи оговаривались, что в отдельных, весьма не частых случаях, в их происхождении могут играть роль врожденные или наследственные аномалии, общее психопатическое развитие личности, которое к тому же отягощается «гормональной бурей» в период пубертатного кризиса [54, с. 284].

Поведение несовершеннолетних со сложившимися антиобщественными установками (совершавшими половые преступления или проституировавшими) также выводилось из патогенного социума. В этом плане показательна работа Н.И. Озерецкого «Половые правонарушения несовершеннолетних», который, доказав на фактах, что запрещенные законом сексуальные действия чаще всего совершают дети с пораженной психикой, делает прямо противоположный вывод: причину такого рода проступков следует искать не в психопатологических свойствах личности несовершеннолетних, а в уродливых формах быта, развращающем влиянии взрослых, безнадзорности подростков, отсутствии правильно поставленного полового воспитания [53, с. 9-25]. Примерно то же объяснение получила и детская проституции. Ее исследователи констатировали, что она идет рука об руку с разрухой, безработицей, голодом, эпидемиями,

плохими жилищными условиями, безнадзорностью, что и требует применения в первую очередь мер социально-педагогической направленности [37, с. 29-31; 41 с. 174-175]. Характеризуя причины, толкнувшие несовершеннолетних на путь деморализации, некоторые ученые [15, с 319; 34, с. 169] отмечали, что больше трети девочек стали проституировать после совершенного над ними акта совращения или изнасилования, который на длительное время определил их паттерн сексуального поведения.

В 20-е годы XX века была выявлена зависимость между детской проституцией и другими видами отклоняющегося поведения несовершеннолетних: алкоголизмом, наркоманией, преступностью, особенно на сексуальной почве. Криминологи обнаружили скрытый сексуальный мотив в ряде правонарушений подростков, формально не связанных с нарушением половой нравственности. Выяснилось, что у девочек он присутствует в таких социальных действиях, как поджог, кража, ложный донос, у мальчиков – инициирует побеги, бродяжничество, насильственные преступления [40, с. 133].

Авторы коллективного исследования «К вопросу о сексуальных переживаниях у современного нормального и дефективного детства» (1926 г.) выяснили, что значительная доля воспитанников детских домов активно живет половой жизнью, девочкам старших групп нередко приходится прибегать к абортам. Среди подростков имелись венерические больные, садисты, мазохисты, были отмечены случаи скотоложства, изнасилований, констатировалось массовое распространение онанизма и педерастии [27, с. 8-16]. Половая распущенность воспитанников детских домов объяснялась следующими причинами:

а) постоянным пополнением этих учреждений деморализованным контингентом «детей улицы», заражавшим своим настроением остальных ребят;

б) скоплением детей в необорудованных и неприспособленных помещениях, где не соблюдались элементарные гигиенические требования (к примеру, выяснилось, что в некоторых интернатах девочки спят в одной постели с мальчиками, практикуется совместное купание воспитанников и воспитанниц в одной ванне и т.д.);

в) отсутствием квалифицированного персонала, плана учебно-воспитательной работы, каких-либо регламентирующих начал во взаимоотношениях между детьми и педагогами и между самими детьми;

г) наличием лишь одной голой идеи нового социального воспитания, не обеспеченной продуманными мерами педагогического воздействия на дезадаптированных несовершеннолетних.

В итоге исследователи пришли к выводу, что сексуальная распущенность детей есть следствие того хаоса, который создался при первых массовых попытках реализации провозглашенной руководителями Наркомпроса идеи социального воспитания [27, с. 35].

При определении стратегии реабилитации несовершеннолетних с отклоняющимся сексуальным поведением советские ученые исходили из того, что если «половой фактор социален по своей природе, то и воспитывать его можно главным образом социальным путем» [63, с. 39].

Такой путь подразумевал не уничтожение половой энергии, а ее использование в общественных интересах, посредством оздоровления социальной среды и формирования социально продуктивных установок на сексуальные отношения, которые в совокупности должны были «покорить» низменные инстинкты, или не дать им проявиться в нежелательном виде.

Оздоровление социальной среды включало в себя комплекс мероприятий общепрофилактического характера (осуществление материальной и педагогической помощи маргинальным слоям населения, борьба с беспризорностью, с пьянством и алкоголизмом, пропаганда гигиенических знаний, установление тесного союза школы, семьи и общественности и т.д.), а также, самое главное, - создание массы педагогически организованных зон (коллективов), способных выполнять параллельно профилактические, воспитательные и ресоциализирующие функции через погружение детей в систему социально приветствуемых отношений и видов деятельности [34, с. 168; 63, с. 37-39].

Рассматривая актуальные проблемы полового поведения и воспитания, отдельные исследователи той эпохи совершенно справедливо связывали вопросы общественного благополучия с ответственным сексуальным поведением каждого человека. Так, Т.А. Баткис писал: «Очевидно, что в основе правил полового поведения, своеобразной общественной морали переживаемого периода должно лежать осознание ответственности за правильное гармоничное расходование своих сил, ответственность за прямые последствия половых отношений (семья, дети) и ответственность за здоровье, которое перестает быть только личным благом, но становится и основой общественного благополучия» [2, с. 189].

Некоторые исследователи (В.И. Куфаев, П.И. Люблинский) акцентировали внимание на социально-правовом аспекте профилактики девиантных форм сексуального поведения несовершеннолетних. В частности, В.И. Куфаев ратовал за усиление правовой охраны несовершеннолетних от половых посягательств на них. Полагая, что советское законодательство в этом плане далеко от совершенства, он требовал считать преступным всякое половое сношение с лицами, не достигшими брачного возраста, независимо от достижения половой зрелости [34, с. 169].

Чрезвычайно актуальными и полезными (вплоть до сегодняшнего дня) являлись разработанные Куфаевым методические рекомендации социальным работникам, столкнувшимися со случаями сексуальной эксплуатации подростков [34, с. 171-172].

Один из крупнейших знатоков детской преступности тех лет, П.И. Люблинский настоятельно советовал оперативно заняться подготовкой специалистов (детских социальных инспекторов) по предупреждению отклонений в области полового поведения. Понимая, что в отношении подростков со сложившимися асоциальными установками в половой сфере явно недостаточно потенциала коллективистской педагогики, он предлагал дополнить его целесообразными методами медицинского воздействия. Диссонировала с официальными положениями и его точка зрения на то, что следует подходить к проституции с мерами социальной политики, направленной как на устранение ее источников, так и на поднятие ответственности в самом лице, занимающимся этой деятельностью, за ту опасность, которую он причиняет обществу [41, с. 176-178].

Подобная позиция, на наш взгляд, заслуживает внимания и в настоящий момент.

Однако, к сожалению, не эти работы определяли общую тональность научной дискуссии. К середине 20-х годов официальной точкой зрения на решение обсуждаемого вопроса стала вульгарно-социологическая позиция А.Б. Залкинда, доказывавшего, что «половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая» [24, с. 58].

Отсюда вытекал набор следующих теоретических посылок: сексуальность направлена против социальности, она отвлекает от борьбы за социализм, то есть мешает развитию личности.

В отношении детей данные лозунги трансформировались в идею их максимальной десексуализации через педагогически организованные виды

деятельности. Любые проявления сексуальной активности несовершеннолетних должны контролироваться (фактически - подавляться) со стороны коллектива, что, по мнению Залкинда, обеспечивает здоровое половое развитие. Следуя такой логике, единственной причиной сексуальных отклонений у детей (под которыми подразумевались любые «сексуальные состояния») признавался лишь недостаток коллективизма, при устранении которого эта проблема якобы полностью снимается.

Значительный вклад в понимание природы сексуальных девиаций у детей и подростков внес основоположник отечественной психоневрологии В.М. Бехтерев.

Базируясь на предположении, что среда – это система различного рода стимулов (раздражителей), Бехтерев установил прямую зависимость между сексуальными извращениями и ненормальными половыми раздражителями. К ним он относил раннее сексуальное развращение, половое насилие, применяемое к детям, эротизирующее влияние окружающей обстановки, образующие в незрелой психике ребенка устойчивые рефлекторные связи (по Бехтереву – сочетательные рефлексы) и формирующие механизмы аномальных форм сексуального поведения. Так, истинными причинами гомосексуализма и онанизма часто являются развращающие действия по отношению к детям, которые постепенно закрепляются и становятся привычными поведенческими актами. Первичным источником садизма и мазохизма нередко выступает сильная сексуальная эмоция, возникшая «при условиях, связанных с действительными истязаниями или при одной картине тех или иных истязаний…» [5, с. 313].

Здесь, на наш взгляд, Бехтерев вплотную подошел к раскрытию механизма сексимпрессинга как «потрясающего впечатления», воспринимаемого в особо чувствительные периоды развития, нейрофизиологическим субстратом которого являются образующиеся при этом прочные рефлекторные связи, детерминирующие стереотип сексуального поведения.

Соглашаясь с Фрейдом в том, что подлинная мотивация большинства сексуальных нарушений кроется в глубинных пластах психоэмоциональной сферы индивида, Бехтерев предлагал использовать методы коррекции, адекватные самой природе этих девиаций – гипноз и самовнушение, способные нейтрализовать деструктивную рефлекторную цепь, сформировав на ее месте новую, конструктивную.

Высказанная Бехтеревым мысль о значимости влияния первичных «потрясающих» половых переживаний на последующий сексуальный ре-

пертуар индивида получила поддержку и дальнейшее развитие в трудах П.П. Блонского. В «Очерках детской сексуальности» он доказывал, что сексуальное впечатление, вызвавшее сильное неприятное чувство (страх, боль, отвращение и т.п.), склонно сохраняться очень долгое время, деформируя не только половое, но и все поведение в целом [9, с. 111-117].

Для гармоничного психосексуального развития ребенка, как полагал Блонский, необходимы благоприятные условия окружающей среды. Она не должна быть агрессивной в отношении чувств ребенка, преждевременно эротизировать его.

Много ценных идей по проблеме полоролевой социализации содержится в работах выдающегося советского психолога Л.С. Выготского. Как и З. Фрейд, Выготский решительно не соглашался с теми, кто считал ребенка до начала полового созревания абсолютно асексуальным существом, а поэтому ставил под сомнение целесообразность полового воспитания в общей системе педагогических воздействий. По мнению Выготского, надо различать половое воспитание как формирование конструктивного нравственно-полового мировоззрения от полового просвещения (под которым он понимал ознакомление детей с самого раннего возраста с научным взглядом на половую жизнь), имеющего ограниченный характер (человек может быть очень хорошо и правильно просвещен в половом отношении и очень дурно воспитан). Посредством организации в образовательных учреждениях целенаправленной и научно обоснованной системы полового воспитания, по убеждению Выготского, вполне возможно педагогизировать, т.е. очеловечить, окультурить мощный сексуальный инстинкт, перевести его энергию в конструктивные – социально приемлемые и личностно развивающие формы [18, с. 106-111].

Несколько иной, нежели у Выготского, была позиция А.С. Макаренко по данному вопросу [43, с. 338-345]. С одной стороны, основоположник коллективистического подхода в педагогике признавал особую сложность воспитательно-профилактической и коррекционной работы с детьми, прошедшими школу разврата и сексуальной распущенности. С другой стороны, Макаренко считал половое воспитание излишним, особенно в семье, рекомендовал детские вопросы, касающиеся сексуальных отношений, «тактично отводить», а в беседах с подростками в первую очередь обращать внимание на стимулирование высоких чувств любви, благородства, рыцарского отношения к женщине, стремления создать

крепкую советскую семью. Эта точка зрения, сводящая половое воспитание к воспитанию любви как большого глубокого чувства без малейшего намека на «физиологию», была в конце 30-х годов признана единственно правильной, определившей фактически на весь советский период существования нашей страны, научные восприятия данной проблемы и способы ее решения.

Определенное распространение в отечественной сексологии получил и психоаналитический подход. Его представители (И. Перепель, В. Шмидт и др.) разделяли точку зрения Фрейда, что ребенок – активное сексуальное существо с первых дней своей жизни. В процессе его роста могут возникать ситуации (конфликты, травмы и др.), вызывающие задержку развития либидо на какой-то стадии. Она, как правило, и становится первопричиной сексуальной патологии. Значит, для нормального психосексуального развития ребенка необходимо создать такие средовые условия, которые бы максимально снизили возможность закупорки сексуальной энергии и вытеснения ее в бессознательную сферу.

На практике реализовать подобные взгляды решилась Вера Шмидт, организовавшая в августе 1921 года в Москве детский дом. Он разительно отличался от прочих детских учреждений того времени. В нем полностью отказались от любых наказаний и поощрений. Оценке подвергался объективный результат деятельности ребенка, а не он сам. В присутствии детей педагоги должны были проявлять максимальную сдержанность. Они не могли делать замечаний по поводу особенностей характера или поведения воспитанников. Предметы, окружающие ребенка, подбирались в зависимости от его потребностей и возраста, а также, исходя из стремления разбудить в нем жажду деятельности и творческие силы. Детям не мешали удовлетворять их естественные потребности: в движении, в коммуникации, в познании, что относилось и к сексуальным стремлениям. Воспитанники знали, что их сексуальные побуждения будут оцениваться так же, как и любые другие. Поэтому они спокойно, без стеснения удовлетворяли свое сексуальное любопытство на глазах воспитателей, так же как голод или жажду, что позволяло детям избегать скрытности, не приводило к ощущению постыдности и запретности сексуальных действий, не возбуждало чувств вины и стыда за них, а наоборот – укрепляло их доверие и привязанность к педагогам, способствовало радостной идентификации себя с окружающим миром и создавало таким образом благоприятную почву для конструктивного развития [72, с. 6-30].

Данный подход, исходящий из точки зрения, что свобода детских инстинктов является необходимой предпосылкой их сублимации, т.е. культурной реализации, давал возможность педагогам шаг за шагом наблюдать сексуальное развитие детей, помогать им решать возникающие половые проблемы, облегчать усвоение общественных ценностей, избегать ненужных травмирующих конфликтов. Таким образом, он решал и профилактические задачи, являясь барьером для возникновения деструктивных форм сексуальной активности.

Почти сразу попав в немилость к властям из-за своих «сомнительных» экспериментов, детский дом Веры Шмидт просуществовал чуть больше года, и под натиском проправительственных сил был закрыт [59, с. 91].

С конца 20-х годов XX столетия проведение исследований в области полового поведения подростков, его конструктивных и деструктивных форм, становится все более и более затруднительным в связи с усилением тоталитарного режима в нашей стране. А во второй половине 30-х годов эта проблематика была «закрыта» на долгие годы.

Кратко обобщим сказанное в главе.

В первые послереволюцинные годы в нашей стране, переживавшей эпоху коренной модернизации всего уклада жизни, оказалось громадное число дезадаптированных детей, склонных к различным девиациям. Так как социальные факторы, вызывающие дезадаптацию (нищета, голод, разруха, маргинализация населения, отсутствие систематического образования, контроля со стороны семьи, государства, общественных объединений и др.) невозможно было быстро устранить, то основной акцент в предупредительной работе делался на педагогические средства. Именно педагогические, а не правовые структуры, по мнению советских властей, должны были заниматься вопросами профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Тем самым объективно задавался приоритет педагогической науки и имманентного ей гуманистического подхода в решении данной проблемы. Это, в свою очередь, не могло не способствовать развитию превентивной педагогики как отрасли педагогического знания, пытающегося, исходя из специфики своего предмета, объяснить особенности деструктивного поведения детей и подростков и разработать совокупность педагогически целесообразных средств по его эффективному предупреждению.

Теория превентивной педагогики в ту эпоху развивалась в пространстве острых дискуссий между представителями нескольких концепций отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

В основе маркировки этих концепций лежали различные представления о факторах, способствующих и мешающих гармоничному развитию личности в детском возрасте.

Сторонники психогенетической концепции считали детскую девиантность результатом в первую очередь наследственной дегенерации; социологической – социальной дезорганизации; бихевиористы – негативного средового стимулирования; психоаналитики – неполного удовлетворения инстинктивных побуждений и, наконец, представители концепции социально-педагогической обусловленности деструктивности – дефективности отношений между обществом и личностью.

Соответственно, генеральная превентивная задача у психогенетиков заключалась в создании внешних и внутренних условий для минимизирования врожденной или приобретенной патологии через организацию дифференцированной сети учреждений коррегирующего профиля; у социологизаторов – в улучшении жизненных обстоятельств в целом; у бихевиористов – в формировании механизма положительной стимуляции; у психоаналитиков – адекватного высвобождения либидозной энергии; у адептов концепции социально-педагогической обусловленности детской деструктивности – коллективистической мотивации.

Многообразие превентивных концепций, существовавших в первое послеоктябрьское десятилетие, объективно способствовало развитию научного знания о природе отклоняющегося поведения подростков и технологиях его предупреждения, обогащало воспитательно-профилактическую практику. Но в конце 20-х годов наметилась тенденция подчинять решение специальных научных проблем политическим приоритетам, что привело к идеологизации теоретических разработок и в сфере противодействия подростковой деструктивности. Психогенетическая, бихевиористская и психоаналитическая превентивные концепции были обвинены в смыкании с буржуазным идеализмом и признаны научно несостоятельными. Лишь концепция социально-педагогической обусловленности деструктивности, и то в упрощенно-вульгаризированном виде, прошла проверку на «идеологическую чистоту». Это неизбежно вело к обезличиванию научных поисков в области предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних, затормозило развитие отечественной превентивной педа-

гогики. Тем не менее, как свидетельствуют проанализированные материалы, к концу 20-х годов XX века в общем виде произошло её конституирование. Теоретическим фундаментом отечественной превентивной педагогики стала концепция социально-педагогической обусловленности деструктивности, самым ярким выразителем которой был А.С. Макаренко.

Использованные источники

1. Басов М.Я. Методика психологических наблюдений над детьми. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 350 с.

2. Баткис Т.А. Половое воспитание и просвещение в условиях Советского строя // Венерология и дерматология. – 1925. – № 6. – С. 188-192.

3. Бельский П.Г. Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних, отклоняющихся от нормы в своем поведении. – М.: Юрид. Изд-во, 1924. – 90 с.

4. Бельский П.Г. Хулиганство в детском и юношеском возрасте //Хулиганство и преступление. Сб. ст. – Л.-М.: Рабочий суд, 1927. – С. 91-116.

5. Бехтерев В.М. Об извращении и уклонении полового влечения с рефлексологической точки зрения. – М.-Л., 1926. – С. 293-325.

6. Бехтерев В.М. Половая деятельность с точки зрения рефлексологии // Половой вопрос в свете научного знания. – М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 143-181.

7. Блонский П.П. О некоторых встречающихся у педологов ошибках // На путях к новой школе. – 1931. - № 6. – С. 11-18.

8. Блонский П.П. О так называемой моральной дефективности // На путях к новой школе. – 1924. - № 4-5. - С. 172-176.

9. Блонский П.П. Очерки детской сексуальности. – Л.-М., 1935. – 125 с.

10. Блонский П.П. Половое воспитание // Народное просвещение. – 1920. № 16-17. – С. 44-53.

11. Богомолова Т.М. К вопросу о школьном алкоголизме и борьбе с ним // Вопросы наркологии. – Сб. 2. – М., 1928. – С. 54-58.

12. Вайнштейн А.С. Алкоголизм среди детей и подростков // Профилактическая медицина. – 1929. - № 12. – С. 38-42.

13. Василевский Л.М. Голгофа ребенка (Беспризорность и дети улицы). – Л.-М.: Книга, 1924. -101 с.

14. Василевский Л.М., Василевская Л.А. Проституция и новая Россия. – Тверь: Октябрь, 1923. – 135 с.

15. Вислоух В.И. Проституция и наркомания. // Рабочий суд. – 1925. – № 7-8. – С. 319-320.

16. Выготский Л.С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. – М., 1936. – 78 с.

17. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Соч.: В 6-ти т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – С. 6-328.

18. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.

19. Гернет М.Н. В защиту детства. – М.: Новая жизнь. – 1924. – 130 с.

20. Грибоедов А.С. На пути к преступлению (Трудновоспитуемые дети). – Л.: Рабочий суд, 1928. – 121 с.

21. Гуревич М.О. Психопатология детского возраста. – М.: «Мосполиграф», 1927. – 21 с.

22. Дернова-Ярмоленко К вопросу об упрямстве и разрушительных наклонностях // Педологический журнал. – 1923. – № 2. – С. 1-12.

23. Забугин Ф. Пять лет работы с дефективными детьми // Вестник просвещения МОНО. – 1922. № 9. – С. 150-163.

24. Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. – Л., 1926. – 128 с.

25. Зиман Р.М. О кокаинизме у детей // Вопросы наркологии. – Сб.1. – М.: Изд. Мосздравотдела, 1926. – С. 28-33.

26. Иванов-Смоленский А.Г. Учение об условных рефлексах и попытка приложения его к естественно-научному анализу поведения человека – нормального и патологического // Новые идеи в психопатологии и психиатрии. – Пт., 1924. – С. 25-30.

27. К вопросу о сексуальных переживаниях у современного нормального и дефективного детства. – Харьков, 1926. – 37 с.

28. Калашников А.Г. Очерки марксистской педагогики. – М.: Работник просвещения, 1930. -376 с.

29. Кащенко В.П., Мурашов Г.В. Исключительные дети: их изучение и воспитание. – М.: Работник просвещения, 1929. – 125 с.

30. Кащенко В.П. Нервность и дефективность в дошкольном и школьном возрасте. – М., 1919. – 122 с.

31. Кащенко В.П. Педагогическая коррекция. – М., 1992. – 240 с.

32. Козлов И. Основные вопросы рефлексологической педагогики // Путь просвещения. – 1925. - № 10. – С. 9-14.

33. Крупская Н.К. К вопросу о морально-дефективных детях // Пед. соч.: В 10-ти т. – М.: АПН РСФСР, 1960-1962. – Т.2. – С. 151-153.

34. Куфаев В.И. Охрана детства в СССР. – М.-Л., 1932. – 208 с.

35. Куфаев В.И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. – М.: Работник просвещения. – 1927. – 167 с.

36. Куфаев В.И. Юные правонарушители. – М.: Новая Москва, 1925. – 356 с.

37. Левин Д.М. Борьба с проституцией // Административный вестник. – 1926. - № 1. – С. 29-35.

38. Левинсон И.М. Структура личности в свете современных рефлексологических исканий // Психоневрологические науки в СССР. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – С. 45-46.

39. Левитина М. Беспризорный и педагог // На путях к новой школе. – 1923.- № 3 (6). – С. 68-73.

40. Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. – М., 1923. – 301 с.

41. Люблинский, П.И. Преступления в области половых отношений. – М.-Л., 1925. – 245 с.

42. Макаренко А.С. Дисциплина, режим. Наказание и поощрение // Соч.: В 7-ми т. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958-1960. – Т.5. – С. 133-163.

43. Макаренко А.С. Книга для родителей. – М.: «Просвещение 1969. – 359 с.

44. Макаренко А.С. Методика организации воспитательного процесса. – Т. 5. – С. 9-100.

45. Макаренко А.С. О «взрыве». – Т.5. – С. 507-510.

46. Макаренко А.С. Тезисы доклада «Организация воспитания трудного детства». – Т. 7. – С. 404-406.

47. Макаренко А.С. Художественная литература о воспитании детей. – Т. 5. – С. 358-387.

48. Мирандов А. Роль и поведение педагога в учреждениях для трудных детей // Детский дом. – 1929. - № 5. – С. 32-37.

49. Михайлов А.С. Алкоголизм среди учащихся // Гигиена и эпидемиология. – 1930. - № 3. – С. 18-30.

50. Моложавый С. Проблемы трудовой школы в марксистском освещении. – М.: Работник просвещения, 1925. – 138 с.

51. Мясищев В.Н. Трудные дети и школа // Трудные дети в массовой школе. – Л.: Изд-во ЛПИ, 1933. – С. 6-21.

52. Озерецкий Н.И. Несовершеннолетние правонарушители (по данным Московского трудового дома) // Преступник и преступность. - Сб. 2. – М.: Изд. Мосздравотдела, 1927. – С. 218-234.

53. Озерецкий Н.И. Половые правонарушения несовершеннолетних. – М., 1930. – 30 с.

54. Озерецкий Н.И. Психопатология детского возраста. – Л.: Гос. учебно-пед. изд-во НКП РСФСР, 1938. – 328 с.

55. Озерецкий Н. Социально запущенные дети // Преступник и преступность. – Сб. 1. – С. 68-76.

56. Отчет Народного Комиссариата Социального Обеспечения за период с апреля 1818 по декабрь 1919 г. – М.: Изд-во Наркомсобеса, 1919. – С. 32-33.

57. Педагогическая энциклопедия / Под ред. А.Г. Калашникова. – М.: Работник просвещения, 1930. – Т.2. – С. 349-427.

58. Перепель И.А. Опыт применения психоанализа к изучению детской дефективности. – Л.: Изд. Автора, 1925. – 20 с.

59. Райх В. Сексуальная революция. Борьба за «новую жизнь» в Советском Союзе / пер. с нем.– Тверь, 1992. – 113 с.

60. Рапопорт А.М. Кокаинизм и преступность // Преступник и преступность. – Сб. 1. – М.: Изд. Мосздравотдела, 1926. – С. 77-96.

61. Резолюция 1-ой Московской конференции по больбе с беспризорностью // На путях к новой школе. – 1924. - № 4-5. – С. 172.

62. Рубашева А.Н. Дети-убийцы. – Харьков: Юрид. Изд-во Наркомюста УССР, 1926. – 179 с.

63. Рубинштейн, М.М. Задачи, пути и средства полового воспитания / М.М. Рубинштейн // Половой вопрос в школе и жизни. – Л., 1925. – С. 23-48.

64. Рыжков В. Психоанализ как система воспитания // Путь просвещения. – 1922. - № 6. – С. 196-218.

65. Симсон Т. Причины детской преступности // Вестник просвещения. – 1923. - № 2. – С. 64-68.

66. Сорока-Росинский В.Н. Школа Достоевского. – М.: Знание, 1978. – 48 с.

67. Футер Д. К постановке проблемы трудновоспитуемого детства // Современная психоневрология. – Т. VIII, 1929. - № 1 (45). – С. 103-109.

68. Футер Д. О детях-наркоманах // Московский индицинский журнал. – 1925. - № 10. – С. 59-63.

69. Шацкий С.Т. К вопросу о хулиганстве // Пед.соч.: В 4-х т. – М.: АПН РСФСР, 1964. – Т. 2. – С. 392.

70. Шацкий С.Т. Кто виноват? – Т. 3. – С. 170.

71. Шацкий С. О ликвидации второгодничества // На путях к новой школе. – 1931. – № 5. – С. 10-15.

72. Schmidt V. Psyhoanalytische Erzichung in Sovjet Russland. . – Leipzig, 1924. – 32 s.

Раздел II. ПОДХОДЫ К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Глава 1. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ КАК ПРОБЛЕМА ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Жестокое обращение с детьми как социальный и психолого-педагогический феномен

Инвайромент, среда, окружающая ребенка, – это, прежде всего общество, его культурные традиции, преобладающая идеология, уровень развития образования, науки, искусства, экономики, основные религиозные течения, текущий исторический этап, - все это, а также ближайшее социальное окружение: родители, другие взрослые, члены семьи, затем воспитатели, учителя, сверстники, непосредственно влияют на развитие ребенка, определяя процесс его социализации.

Т. Парсонс определяет социализациюкак «общественную форму восприятия индивидом необходимой для процесса адаптации в среде социальной информации; при этом восприятие предполагает личностное отношение к получаемой информации» [83, с.114].

Данную формулировку уточняет К. Хуррельманн: «человеческий индивид развивается непрерывно в зависимости от социальных и культурных факторов и строит свою личность в ходе процессов социальной интеракции; личность формирует свои черты и функции в ходе всего жиз-

ненного процесса в конкретном, исторически определенном мире; развитие личности подчинено естественным законам, воздействующим на человеческие существа» [111, с. 18].

Л.С. Выготский вводит понятие «социальная ситуация развития», трактуя ее как специфическое для каждого возраста отношение между ребенком и социальной средой. Взаимодействие ребенка со своим социальным окружением определяет путь его развития, который приводит к возникновению возрастных новообразований [17, с. 78].

В отечественной педагогике термин «социализация» связан с именем видного российского педагога П.Ф. Каптерева, который в своем фундаментальном исследовании «История русской педагогики» писал, что культура, нередко очень жестокая, создает обширный класс лиц, не могущих воспитывать своих детей в семье. Любовь родительская является чувством драгоценным, но она не может заменить собой педагогического умения и педагогической подготовки, которой часто бывают лишены родители. Да и дети, даже при хорошем воспитании в семье, рвутся к товарищам, нуждаются в более широком обществе, чем общество братьев и сестер [32, с. 8].

Современная педагогическая система сохраняет статус одного из основных институтов социализации личности, предопределяющей исключение паттернов девиантного поведения. Сегодня необходим комплексный подход к вопросу социализации детей и подростков, что позволит на качественном уровне решать вопросы:

- своевременного выявления и коррекции отклоняющегося поведения ребенка;
- адаптации детей и подростков в социуме;
- формирования культурной среды;
- снятия эмоционального напряжения и агрессии посредством социокультурной терапии;
- привития интереса к самообслуживающему труду на базе современной бытовой техники;
- обучения здоровому образу жизни при интенсивной физической активности [34, с. 46].

Общество и индивид взаимозависимы, как на уровне процесса познания и формирования образа «Я», так и на уровне общественного поведения, доступного стороннему наблюдению. Дж. Тернер отмечает, что собственное «Я» ребенка:

- конструируется в социальных условиях;

- изменяется в зависимости от социального контекста и собственной идентичности;

- определяет установки и поведение человека [90, с. 8].

То есть в многоуровневом неоднозначном процессе, связанном с формированием личности, внутриличностные когнитивно-информационные компоненты не являются единственно детерминирующими, они действуют также в соответствии с социальным нормативным контекстом.

Современное российское общество переживает тяжелый переходный период трансформаций и реформ, с которыми связаны многочисленные нерешенные социальные проблемы, провоцирующие жестокость и насилие, утрату у гражданчувства безопасности и уверенности в завтрашнем дне.

На этом фоне жестокое обращения с детьми как социальный и психолого-педагогический феномен все чаще становится предметом научных общетеоретических и прикладных исследований.

Анализ отечественной литературы дает основания утверждать, что в проблематике насилия обозначилось наличие множества понятий: насилие, жестокое обращение, плохое обращение, дурное обращение, принуждение, эксплуатация, синдром опасного обращения с детьми, злоупотребление, управление и манипуляция поведением детей и т.д. При этом указанные понятия используются как синонимы, что обусловлено, очевидно, многозначностью английского термина «abuse», переводимого на русский язык как жестокое, плохое, дурное обращение, злоупотребление [115, с. 6].

В англоязычной литературе применительно к проблеме насилия в отношении детей используются только два понятия childabuse и neglect (жестокое обращение и пренебрежение нуждами ребенка), объединяемые аббревиатурой CAN. Такой подход исключает внесение в контекст двойного смысла, искажение содержания и затруднение понимания проблемы.

С этой точки зрения, представляется продуктивным подход А.В. Очировой, считающей целесообразным ограничить понятийный аппарат проблематики насилия над детьми основными дефинициями: насилие, жестокое обращение, злоупотребление правами [63, с. 143-145].

В зарубежной науке насилие ассоциируется, прежде всего, с физическим принуждением, силовым воздействием на организм человека.

В универсальном Оксфордском словаре английского языка насилие определяется как «использование физической силы для нанесения телесных повреждений или разрушения…» [116, с. 1937].

В словаре современного английского языка издательства Лонгман подчеркивается, что насилие – это использование физической силы по отношению к другому [114, с. 175].

Аналогичное определение насилия содержится в словаре американского варианта английского языка: «Насилие – этофизическая сила, используемая для нанесения телесных повреждений, порчи или разрушения [118, с. 1490].

Такое понимание насилия характерно также для ряда западных ученых (Д. Харрис, Д. Рише, М. Вольфган). Так Г. Грэхем и Т. Гурр считают: «насилие выступает как поведение, направленное на нанесение физического вреда людям или их собственности [110, с. 27].

В отечественной науке узкое понимание феномена «насилие», связанное только с применением физической силы и ущемлением прав собственности человека, доминировало на ранних этапах исследования проблемы. В настоящее время принятоболее широкое толкование насилия как конструкта, включающего как физическую, так и психологическую составляющую.

В словаре С.И. Ожегова обозначено: «Насилие – 1. Применение физической силы; 2. Принудительное воздействие на кого-либо; 3. Притеснение, беззаконие (книжн.) [60, с. 334].

В Толковом словаре живого великорусского языка насилие определяется «как насильственное состояние, быть, жить под гнетом» [20, с. 469].

Большой толковый социологический словарь трактует насилие как причинение физического ущерба телу или собственности человека с помощью силы или оружия [10, с. 454].

Заслуга разработки и использования расширительного подхода к содержанию данного понятия принадлежит, в частности, юристам.

Авторами юридического словаря дается следующее определение насилия:

«Насилие – в российском праве физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией РФ право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле» [12, с. 297].

Г.И. Козырев понимает под насилием «нанесение любого ущерба (физического, морального, психологического, идеологического и др.) или любые формы принуждения в отношении других индивидов или групп» [36, с.85].

Насилие трактуется также как физическое, психическое, социальное воздействие на человека со стороны другого человека, семьи, группы лиц или государства, вынуждающее его прерывать значимую деятельность и исполнять другую, противоречащую ей, либо угрожающую его физическому или психическому здоровью и целостности [26, с. 29].

В самом общем виде насилие как форму принуждения со стороны одной группы людей (одного человека) по отношению к другой группе (отдельному человеку) с целью приобретения или сохранения выгод и привилегий, завоевания политического, экономического и любого другого господства представляют В.А Ситаров, В.Г. Маралов [80, с. 36].

Г.Н. Киреев определяет насилие как: «особый тип отношений между людьми, сложившийся на базе противоположного отношения к природным, объективным условиям их существования и, несмотря на то, что субъективный фактор опосредован и определен материальными отношениями, насилие существует там, тогда и постольку, где, когда и поскольку имеет место присвоение, подавление, подчинение воли субъекта, господство над ним [35, с. 18].

Термин «жестокое обращение с детьми» является более широким по отношению к термину «насилие», так как охватывает почти все стороны насильственных действий, совершаемых в отношении ребенка.

Жестокое обращение с детьми, - считает А.А. Реан, – это умышленное нанесение физического или психологического насилия в виде избиения, издевательств, лишения пищи или одежды, оскорбления, унижения человеческого достоинства, посягательства на сексуальную неприкосновенность, убийства, доведение до самоубийства [75, с. 189].

По мнению О.А. Никитиной, жестокое обращение с детьми включает все формы физического или психического насилия, причинение побоев или нанесение оскорблений, невнимательное, небрежное обращение, эксплуатацию, включая сексуальные посягательства на ребенка; намеренное нанесение детям психологических или физических травм [57, с. 56].

В книге «Защита детей от жестокого обращения», вышедшей под редакцией Е.Н. Волковой, дается определение понятия «жестокое обращение с детьми», классифицируемое как умышленное или неосторожное обращение или действия со стороны родителей или лиц, их заменяющих, других людей, которые привели к травмам, нарушению в развитии, смерти ребенка, либо угрожают правам и благополучию ребенка [26, с. 28].

Нам представляется, некорректным использование понятия «неосторожное обращение» в качестве показателя жестокого обращения с детьми, поскольку неосторожность зачастую может быть обусловлена невозможностью, в силу объективных или субъективных обстоятельств, предусмотреть грозящую ребенку опасность.

В этой связи, мы считаем оправданной позицию А.В. Очировой, подразумевающей под жестокими обращением с детьми такие деяния, мучительный характер которых осознается субъектом и входит в его намерения, то есть при которых имеет место прямой или косвенный умысел [64, с.154].

Вслед за А.В. Очировой, мы предлагаем унифицировать понятие «жестокое обращение с детьми» в контексте рассматриваемой проблемы и использовать его в качестве универсального по отношению к данному объекту и данному типу феномена насилия.

Толкование термина «насилие» как применение в отношении ребенка физической силы значительно сужает понимание рассматриваемого феномена, поскольку физическое насилие есть лишь одна из форм жестокого обращения с детьми, которая предполагает активные действия. В то время как жестокость по отношению к ребенку может проявляться также в форме бездействия, когда ребенок, оказавшийся в сложной жизненной ситуации, сталкивается с индифферентностью близких.

Таким образом, наиболее выверенным представляется определение, данное А.В. Очировой: «Жестокое обращение с детьми – любые умышленные, повторяющиеся действия или бездействие по отношению к ребенку со стороны родителей, лиц, их заменяющих, в результате чего нарушается его здоровье и благополучие или создаются условия, мешающие оптимальному физическому или психическому развитию, ущемляются его права и свободы [64, с.153].

При этом под бездействием мы понимаем поддержание условий эмоциональной и сенсорной депривации, проявление равнодушия к нуждам ребенка, отказ в психологической поддержке и обеспечении безопасного окружения, неоказание помощи в случае болезни, неучастие в делах ребенка, унижение его человеческого достоинства, исключение возможностей для личностного роста и развития.

Э. Берн считает, что « с биологической точки зрения эмоциональная и сенсорная депривация приводит к изменениям на уровне органики. Недостаточная стимуляция ретикулярной формации головного мозга может

привести к необратимым изменениям в нервных клетках. Тот же эффект наблюдается в случае недостаточного питания… Если депривация чрезмерна, то от сенсорного и эмоционального голода через апатию запускается механизм дегенерации нервных клеток, что приводит к необратимым изменениям и, возможно, к смерти» [8, с.10].

В рамках рассматриваемой проблематики активно используется также термин «злоупотребление правами». В отечественной литературе он употребляется исключительно в правовом контексте.

Юристы под злоупотреблением правами понимают « превышение пределов дозволенного правом осуществления своих полномочий путем осуществления их с незаконной целью или незаконными средствами, нарушая при этом права и законные интересы других лиц [11, с. 228].

А под злоупотреблением родительскими правами подразумевается «осуществление родительских прав в противоречии с их назначением, в процессе которого причиняется вред интересам детей (это - принуждение детей работать, запрещение посещать школу, принуждение к участию в религиозных сектах, деятельность которых опасна для психического и физического здоровья, вовлечение детей в преступную деятельность, проституцию, употребление психоактивных веществ, а также психически и физически жестокое обращение» [50, с. 74].

Международные правовые акты не дают конкретного определения жестокого обращения с ребенком. Так, в ч. 1 ст. 19 Конвенции ООН о правах ребенка сказано, что государства-участники должны принять все необходимые меры, в том числе и законодательные, для защиты ребенка от всех форм физического и психического насилия, оскорбления или злоупотребления, грубого обращения или эксплуатации. Указанные понятия должны конкретизироваться в национальном законодательстве каждой страны с учетом ее традиций и культуры [41, с.36].

Таким образом, мнения большинства ученых (Т.Я. Сафонова, 1993; Н.Г. Веселов, 1996; Г.П. Тимченко, 1998; Д.Н. Исаев, 1998; Е.Н. Волкова, 2007) сводятся к тому, что жестокое обращение с детьми включает в себя:

- физическое (в том числе сексуальное) насилие;
- психическое (эмоциональное) насилие;
- пренебрежение нуждами (интересами) ребенка.

Физическое насилие – одна из самых распространенных форм насилия над детьми. В нашей стране физические наказания до сих пор являют-

ся обычной практикой. Многим взрослым кажутся допустимыми и оправданными наказания ребенка за провинности: пощечины, подзатыльники, тычки, избиение различными случайно оказавшимися под рукой предметами. Физическое насилие может проявляться в виде совершения действий, которые причиняют вред здоровью или представляют угрозу для жизни ребенка: родители или лица, их заменяющие, выгоняют ребенка в мороз на улицу без теплой одежды; раздевают маленького ребенка и растворяют настежь двери и окна в доме; запирают на длительный срок в кладовке, в туалете, лишают еды и питья и т.д. Нередко окружающие считают, что родители вправе воспитывать ребенка так, как считают нужным, а сами родители, применяющие наказание,- уверены, что помогают ребенку «набраться ума-разума» [27, с. 56].

Сексуальное насилие, совершаемое по отношению к ребенку, по своим последствиям относится к самым тяжелым психологическим травмам. По оценкам Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского, органы внутренних дел в России ежегодно регистрируют 7-8 тыс. случаев сексуального насилия над детьми, по которым возбуждаются уголовные дела. Но в реальности эти показатели значительно выше [22, с. 48].

Психическое (эмоциональное) насилие может выражаться в постоянном или периодическом вербальном оскорблении ребенка, в обвинениях в его адрес, в виде угроз со стороны родителей, опекунов, учителей, воспитателей, в виде принижения его успехов, унижения его человеческого достоинства, в запугивании ребенка, совершении в присутствии ребенка насилия по отношению к другим членам семьи, в виде похищения ребенка.

В подростковом возрасте эмоциональное насилие может спровоцировать попытки совершения самоубийства. Подросток теряет смысл, цель в жизни, и это приводит его к принятию решения о суициде.

Е.Т. Соколова считает, что различные формы психологического насилия в семье в не меньшей, а может быть, в большей мере, чем насилие физическое, создает ситуацию, непригодную для жизни ребенка.

Такие феномены, как неадекватные родительские установки, желание «переломить» ребенка, эмоциональная депривация, психологическое манипулирование ради достижения личных целей в ущерб интересам ребенка, унижения и угрозы, репрессивные по своей природе, заставляют детей жертвовать своими насущными потребностями, чувствами, мировоззрением в угоду ожиданиям, страхам, амбициям или воспитательным принципам родителей [86, с. 88].

Типичными примерами пренебрежения нуждами ребенка являются: оставление его без присмотра (что может привести к несчастным случаям, отравлениям и другим опасным для жизни и здоровья ребенка последствиям); гигиеническая запущенность; антисанитарные жилищные условия; непредоставление ребенку питания, одежды, жилья; отказ в предоставлении ребенку необходимой медицинской помощи; отсутствие должного внимания, опеки, защиты; отсутствие возможности получения адекватного образования и пр.

Статистика показывает, что пренебрежение нуждами ребенка наиболее распространено в младшей возрастной группе – 23% случаев касались детей в возрасте от рождения до двух лет. Плохой уход, полное пренебрежение нуждами ребенка чаще исходит от женщин (61%), чем от мужчин (39%) [31, с.16].

Российские дети, как и дети других стран, подвергаются насилию в семье, в школе, со стороны общества и государства, становятся жертвами межнациональных конфликтов и т.д.

За 1995-2005 годы детско-подростковое население нашей страны сократилось более чем на 4 млн. человек. Здоровье детского населения ухудшается: каждый пятый ребенок рождается больным или заболевает сразу после рождения; более 1 млн. детей являются практически инвалидами; за время школьного обучения число физически здоровых детей сокращается в пять раз. Лишь 14% выпускников средней школы можно считать действительно здоровыми.

Не менее красноречивы показатели социального здоровья детей и подростков. Около 2,5 млн. детей школьного возраста нигде не обучаются (на них приходится 40% преступлений, зафиксированных среди несовершеннолетних). Более 2 млн. детей и подростков бродяжничают; число детей-сирот превысило 650 тыс. (причем 95% из них – социальные сироты, имеющие живых родителей). Около 40% детей подвергаются насилию в семьях, в школах, 16% учащихся испытывают физическое, а 22% - психологическое насилие со стороны педагогов.

За последние 10 лет смертность от самоубийств среди детей и подростков выросла на 100%. В 1996 году покончили с собой 2756 детей и подростков, уже отмечаются самоубийства среди детей 5-9 лет. К 17 годам половина подростков составляет группу риска по алкоголизму в связи с частым употреблением алкогольных напитков (причем девушек среди них на 10% больше, чем юношей). Заболеваемость сифилисом среди детей до

14 лет за последние три года выросла в 2,4 раза, а среди подростков – более чем в 20 раз. Растет заболеваемость туберкулезом, СПИДом, гепатитом С [117, с.19].

За все годы, когда проводились исследования, среди случаев жестокого обращения с детьми отмечается преобладание нанесения легкого вреда здоровью (около 22% случаев). Но особое внимание привлекают так называемые несостоявшиеся травмы, которые в общем числе травм не учтены, ибо не потребовали врачебной помощи. Эти случаи (55% от общего количества) оказываются без наказания виновных [91, с.147].

Зарубежные авторы (Rowan J., 1978; Jeanneretetall, 1980) сравнивают всю ситуацию с детским травматизмом с феноменом «айсберга». По их мнению, случаи, по поводу которых обращались к врачу или которые закончились смертью, составляют видимую и самую малую часть проблемы. Существует еще большая, невидимая часть, к которой относятся повреждения, не потребовавшие медицинской помощи, и «несостоявшиеся травмы». Авторы считают, что только изучение всего «айсберга» даст возможность разрешить проблему детского травматизма.

В современной отечественной и зарубежной литературе жестокое обращение рассматривается как одно из ведущих причин асоциального детства (С.А. Беличева, Е.Н. Волкова, Е.М. Вроно, И.Н. Григович, В.Е. Дружинин, Р.Н. Клайберг, А.А. Реан, А.А. Северный, Б.Ю. Шапиро, Т.И. Шульга, G.G. Conger, A. Guggenbuhl, R. Soonets, A.C. Huston, G. Kagan и др.).

Как определенные последствия различных видов насилия изучаются особенности детей, которые оказываются вне семьи, беспризорных и безнадзорных детей (А.В. Бабушкин, М.И. Буянов, А.Я. Варга, Н.В. Возвроктнутов, Е.М. Вроно, В.С. Собкин и др.), а также детей с девиантным и делинквентным поведением (Б.Н. Алмазов, Г. Беккер, К. Бэйли, Р. Джонсон, Э. Дюркгейм, Ж. Кетле, Р.К. Мертон, А.М. Прихожан, М. Раттер, Д.И. Фельдштейн и др.).

С каждым годом увеличивается число детей и подростков с проблемами поведения или с проявлениями социальной дезадаптации – таких детей от 48 до 63 % по данным разных авторов [101, с.18].

Доля несовершеннолетних правонарушителей составляет 12,4 % от общей численности лиц, совершивших преступления. По данным опросов ВЦИОМ, 36 % респондентов полагают, что к довольно распространенным

явлениям следует отнести плохое воспитание детей, их заброшенность и беспризорность [112].

Получили распространение социально обусловленные заболевания подростков, которые приводят к хроническому нарушению здоровья и преждевременной смерти. С 1993 года у детей регистрируются и устойчиво растут (к 2004 году) алкоголизм – в 2,2 раза, токсикомания – в 3 раза, наркомания – в 20 раз, сифилис – в 65 раз. Среди школьников IX – XI классов 70% употребляют алкоголь, 11% формируют группу риска по этому показателю; около 40 % курят, 6-10% - хотя бы один раз пробовали наркотики. Число болезней, передающихся половым путем, у девочек до 14 лет за 1990-2002 гг. увеличилось в 87 раз, что объясняется ранним опытом половых отношений, в том числе связанным с сексуальным насилием, и вовлечением девочек в проституцию [59, с. 39].

Выделение проблемы насилия над детьми в самостоятельную социальную и психолого-педагогическую проблему свидетельствует о ее чрезвычайной важности. В современном обществе назрела необходимость разработки комплексной системы профилактических, коррекционных и реабилитационных мер, направленных на ее разрешение.

Г. Силасте было выявлено, что насилие в семье – столь же обычное явление, как и насилие на улицах городов. Насильственные действия в той или иной форме совершаются в каждой четвертой «отечественной семье». Подлинным национальным бедствием стали и убийства с целью избавления от больных и немощных детей, в том числе, чтобы завладеть их имуществом [79, с. 42].

По материалам НИИ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, источником насилия чаще всего выступают семьи:

- с условиями неправильного, неадекватного психофизическим или личностным возможностям ребенка стиля воспитательных и внутрисемейных отношений (эмоциональное отвержение ребенка, хронические разнонаправленные со стороны родителей конфликтные отношения, гиперопека или гипоопека, сохраняющаяся вера в воспитательный потенциал физических наказаний, отсутствие прародительской семьи);

- нестабильные (неполные), семьи в ситуации развода, с длительным раздельным от родителей проживанием детей;

- асоциальные семьи, дезорганизованные семьи с систематической алкоголизацией и наркотизацией, аморальным образом жизни, криминаль-

ным поведением родителей и старших членов семьи, проявлениями немотивированной семейной жестокости [41, с. 58].

Статистика, приведенная Н.К. Асановой, свидетельствуют о том, что органы внутренних дел ежегодно регистрируют 7-8 тысяч случаев сексуального насилия над детьми, по которым возбуждаются уголовные дела. На самом деле, далеко не все жертвы обращаются за помощью в правоохранительные органы: только одна жертва из ста прибегает к помощи милиции в случае сексуальной агрессии [3, с. 109].

В России, по данным Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и молодежи, ежегодно около 2 миллионов детей в возрасте до 14 лет систематически подвергаются избиению в семье. Более 50 тысяч ребят спасаются бегством из дома. Беглецы чаще подвергаются опасности насилия и являются более уязвимыми и психологически и физически. Общая статистика такова: мальчиков избивают в три раза чаще, чем девочек, 60% пострадавших - дошкольники и 40% - школьники. Среди зверски избитых и помещенных в стационар детей 10% погибают от травм и различных осложнений.

Как признано мировым сообществом и провозглашено ”Конвенцией ООН о правах ребенка”, дети как особая, не являющаяся правоспособной и вместе с тем значительная часть общества, нуждаются в специальных механизмах защиты и реализации их прав. Тем более что родители или официальные попечители, призванные защищать права ребенка, не всегда способны выполнить эту функцию, а зачастую сами являются злостными нарушителями.

Из общего числа случаев жестокого обращения с детьми чаще всего виновниками являются родители (94,2%), из них 85% - родители родные. Родители или замещающие их лица плохо ухаживают за ребенком (88%), совершают физическое насилие (87%).

Родные матери виновны в плохом обращении и уходе почти в два раза чаще, чем отцы (75% против 41%) [58, с. 7].

Насилие со стороны близкого, в котором ребенок всегда пытается найти опору и поддержку, наносит больший вред ребенку, чем насилие со стороны постороннего лица. В данном случае нарушается основной принцип семьи – безопасное и комфортное существование любого ее члена. В западной литературе такой род насилия носит название «насилие доверия» (D. Silvermanetall, 1990).

«Общество ждет от матерей не просто того, что всем прочим занятиям они станут предпочитать любовь к своим детям и заботу о них; любовь к детям и забота о них - обязанность матерей, а если этого нет, то женщина признается не просто плохой матерью, но и вообще никудышным человеком» [90, с. 17].

Н.Д. Ярославцева, анализируя случаи жестокого обращения с детьми со стороны несовершеннолетних, обращает внимание на:

- виктимность ребенка как следствие определенного криза, детерминированного возрастными особенностями;

- осознанную или мало осознанную, как правило, не совпадающую с общественными требованиями и нормами установку несовершеннолетних на маргинальную позицию;

- неприятие подростково-юношеской средой ценностей общества, в котором она существует, но основы жизни которой не хочет принимать;

- приспособление несовершеннолетних к «играм, в которые играют взрослые», когда наркотизация, проституция, криминализация несовершеннолетних – это удобные формы инструментального использования подростков циничной и расчетливой взрослой асоциальной средой [107, с. 14].

Тенденции последних лет показывают, что все большее число детей школьного возраста оказываются вне школы. Среди основных причин этого специалисты выделяют:

- материальное неблагополучие семей - 45%;

- социально-педагогическую запущенность - 33%;

- болезни - 17%;

- другие причины - 5%.

В структуру нарушений поведения детей, предоставленных самим себе, входит:

- бродяжничество - 95%;

- воровство - 94%;

- хулиганские действия - 60%;

- ранняя алкоголизация и наркотизация - 41%

- сексуальные девиации - 4,5% [6, с. 79].

По нашему мнению, результативность педагогической деятельности по профилактике жестокого обращения с детьми напрямую связана с достоверностью данных о количестве таких детей.

Определяющей детерминантой жестокого обращения с детьми является общий агрессивный фон, характерный для современного общества. Средства массовой информации дают описания разного рода враждебных действий, направленных на причинение страдания, физического или психологического вреда, ущерба либо даже на уничтожение отдельных людей или общностей.

Несомненно, проблемы насилия тесно связаны с вопросами агрессии. Насилие выступает одной из форм проявления агрессии.

”Агрессия представляет собой тенденцию или совокупность тенденций, проявляющихся в реальном времени или фантазировании, цель которых заключается в том, чтобы нанести ущерб, вред другому человеку или группе, уничтожить, унизить, принудить к каким-либо действиям” [82, с.19].

Таким образом, агрессия – это психологический механизм, программное обеспечение насилия. Насилие – поведенческая реакция агрессии. Насилие всегда социально, тогда как агрессия может быть детерминирована не только социальным окружением, но и психическими и биологическими факторами [63, с. 145].

Психологически за агрессией всегда стоит внутренняя агрессивность. Проявление агрессивности как причины жестокого обращения с детьми связано с тем, что каждый человек должен иметь право на самоутверждение, а лишенный его – на самозащиту, чтобы восстановить чувство своей значимости. Блокирование самозащиты ведет к агрессивности, если же блокирована и агрессия, спираль ее принимает еще более крутую форму, взрыв насилия происходит по психологическим причинам, приобретая экстатический характер и становится для личности самоцелью [62, с. 16].

В контексте нашего исследования представляют интерес такие виды агрессии, как экспрессивная, импульсивная, аффективная агрессия.

Экспрессивная агрессия – это устрашающе агрессивное поведение, главной целью которого является выражение своих потенциально агрессивных намерений, запугивание оппонентов; это, тем не менее, не всегда выражается в непосредственно разрушительных действиях.

Импульсивная агрессия – это спровоцированное, мгновенно возникающее и достаточно быстро реализующееся агрессивное поведение. Оно носит прерывистый, импульсивный характер, возникая как бы волнами в виде своеобразных «приливов» и «отливов».

Аффективная агрессия – чисто эмоциональный феномен, практически лишенный действенного компонента. Этим данный вид агрессии отличается от экспрессивной формы. Аффективная агрессия представляет собой наиболее впечатляющий, но и самый бессмысленный вид агрессии, требующий немедленных, любой ценой, жертв и разрушений [37, с.18-24].

Метью Липман считает, что существует два источника насилия. Один из них – бездумная импульсивность индивидов. Другой – внутренняя или внешняя агрессивность социальных институтов [44].

Учитывая этот тезис:

1. Мы связываем факторы, обусловливающие отдельные инциденты агрессии, с наличием ситуационных обстоятельств, а также провокационных действий оппонентов.
2. Среди факторов, провоцирующих агрессию как систему взаимоотношений в семье, и предопределяющих жестокое обращение с детьми, мы выделяем:

- социальные (безработица, социальное неравенство, социальная и правовая незащищенность);

- экономические (низкооплачиваемая работа, низкий уровень дохода, материальная нужда);

- правовые (правовое невежество, правовой нигилизм, правовые формы функциональной безграмотности);

- психолого-педагогические (ощущение фрустрации, крушение надежд, напряженные отношения между членами семьи, дефицит психолого-педагогических знаний, снижение воспитательного воздействия социальных институтов);

- медико-физиологические (хронические психосоматические и соматические заболевания, физическая усталость, злоупотребление алкоголем, наркотиками, другими психоактивными веществами);

- морально-этические (нивелирование моральных ценностей, утрата нравственных ориентиров, дефекты воспитания).

Значительную травму наносит ребенку ситуация, в которой он является свидетелем насилия по отношению к другим людям. Статистические данные показывают, что 3,3 млн. детей в возрасте от трех до 17 лет подвергаются риску наблюдать жестокое обращение со своими матерями; в 90 % случаев детям известны случаи насилия по отношению к их матерям; 62 % сыновей в возрасте после 14 лет пострадали, стараясь защитить своих матерей от насилия со стороны их партнеров. Дети, ставшие свидетелями

насилия в семье, проявляют те же симптомы, что и дети, сами подвергшиеся насилию [26, с. 56].

Существует ряд общих признаков, характеризующих переживания и поведение детей из семей, в которых практикуется насилие:

1) эмоциональные реакции детей:

-ощущение собственной никчемности и бессилия;

-чувство вины и ответственности за совершаемое насилие;

- страх за себя и за своих близких (за мать, братьев, сестер и др.);

- чувство гнева, смущения, унижения;

- оправдание насилия;

2) поведенческие реакции детей:

- частое проигрывание ситуации насилия;

- стремление к уединению;

- стремление угодить насильнику;

- проявление беспокойства, неспособность сконцентрироваться;

- проявление насилия и агрессии для самовыражения;

- прогулы и плохая успеваемость в школе;

3) психические и физические реакции детей:

- получение травм и повреждений при вмешательстве в конфликт;

- энурез;

- потеря аппетита;

- нарушение сна;

- соматические заболевания, головные боли;

- отставание в развитии и др. [26, с. 124].

Подросток живет в своем мире. Именно в подростковом возрасте возникает ситуация, когда человек уже не способен к тому типу принятия окружающей действительности, который был характерен для ребенка и еще не способен к тому терпению, которое присуще взрослому. Подростковый суицид в значительной степени обусловливается ограничениями возможностей такой маргинальной толерантности подростка [65].

Исправление ситуации представляется возможным лишь на основе профилактической деятельности, предполагающей социальное партнёрство государственных органов и общественных объединений, широкую просветительскую работу, направленную на формирование сознательного неприятия случаев насилия над личностью и их категорическое осуждение, повышение уровня правовой и педагогической культуры родителей, пра-

вового обеспечения решения проблем насилия в семье, расширения и развития специализированных учреждений помощи жертвам насилия.

Нам представляется, что просвещение населения в этой связи должно включать такие аспекты, как отказ от ментально и культурологически оправдываемых форм насилия, прежде всего, в сфере воспитания; полный отказ от физических наказаний; принятие на личностном уровне ценностного отношения к детям и детству; формирование здорового образа жизни и культуры здоровья личности; реализация условий для повышения уровня социального самочувствия; смягчение воздействия всевозможных стрессов, порождаемых природными, техногенными, экологическими, политическими, военными катаклизмами, преступностью в обществе; воспитание психологической и педагогической толерантности, развитие функциональной грамотности; формирование активной жизненной позиции.

Целью такого подхода является создание новых общественных доминант, переключающих социальные напряжения и агрессию на устремление к родительским заботам о детях, на развитие их культуры и духовности, ослабление группового и индивидуального эгоизма, проявления низменных инстинктов, националистических тенденций, на формирование установок по защите детства, материнства, особого поля добра и милосердия.

Степень тяжести последствий перенесенного насилия коррелирует с тяжестью самого насилия. Т.Я. Сафонова и Е.И. Цымбал различают ближайшие и отдаленные последствия жестокого обращения с детьми.

К ближайшим последствиям они относят: физические травмы, повреждения, головные боли, гематомы, кровоизлияния в глазные яблоки, а также острые психические нарушения, которые могут проявляться в виде ответной агрессии, возбуждения, стремления куда-то бежать, спрятаться, либо в виде глубокой заторможенности, индифферентности. При этом ребенок охвачен острейшим переживанием страха, боли, тревоги и гнева. У детей старшего возраста возможно развитие тяжелой депрессии с чувством собственной неполноценности.

Среди отдаленных последствий жестокого обращения с детьми ученые выделяют нарушения физического и психического развития ребенка, различные соматические и психосоматические заболевания, личностные и эмоциональные нарушения, а также социальные последствия [76, с. 24].

Социальные последствия жестокого обращения с детьми проявляются в двух аспектах: вред для жертвы и вред для общества.

Дети, пережившие любой вид насилия, не усваивают норм социально положительных отношений: у них нарушены связи со взрослыми, нет соответствующих навыков общения со сверстниками, они не обладают достаточным уровнем знаний и эрудицией, чтобы завоевать авторитет в школе и в дворовой компании, легко становятся участниками криминальных акций и т.д. Нередко бывшие жертвы превращаются в насильников, и происходит процесс воспроизводства жестокости.

Неустойчивый характер воспитания и эмоциональное отвержение, пренебрежительное отношение к нуждам ребенка часто становятся причиной его аутодеструктивного поведения, сопровождающегося формированием алкогольной, наркотической, игровой зависимости, токсикоманией, злоупотреблением табакокурением, склонностью к асоциальному поведению и совершению преступлений, к росту авитальных и суицидальных проявлений.

Такие поведенческие и личностные особенности детей делают их малопривлекательными и даже опасными для общества [76, с. 58].

Как уже было сказано, проблема исследования феномена «жестокое обращение с детьми» является одновременно социально-экономической, психолого-педагогической, медицинской, правовой, но при этом она остается и морально-нравственной проблемой.

Современная школа во многом устранилась от вопросов воспитания детей, игнорирует права родителей, которые требуют организовать преподавание гуманитарных предметов на основе традиционных духовно-нравственных идеалов.

Сегодня в обществе резко ухудшилось отношение к детям и к родительским обязанностям, возникло и распространяется движение «ChildFree» (Свобода от детей). Размыто само понятие семьи, которое постепенно вытесняется фиктивными идеями «равноправия», феминизма и половой свободы.

Жизнь без принципов, в отсутствие цели и смысла, без нравственных ценностей и веры способствует дезинтеграции и личности, и семьи. Супружество становится временным союзом без обязательств и ответственности. В случае каких-либо трудностей нет тормозов для сдерживания и управления своей агрессией, вызванной фрустрацией и несбывшимися ожиданиями. Семья, в которой нет настоящей любви, которая не в состоянии заботиться о благе ближнего, становится местом насилия, страдания и

эксплуатации. Недостаток любви становится как бы стержнем, основанием, к которому присоединяются очередные звенья насилия.

Мировое сообщество признает проблему насилия, жестокого обращения и пренебрежения нуждами детей как одну из самых острых и актуальных проблем современного мира. Всемирная организация здравоохранения и Международное общество по предупреждению насилия над детьми и пренебрежения их нуждами (ISPCAN) объединяют свои усилия для тщательного и всестороннего исследования и анализа существующей проблемы в контексте междисциплинарного изучения личности и формирования механизмов надежной защиты детей и подростков от жестокого обращения.

Интегративный подход к проблеме организации превентивной работы по защите детей от жестокого обращения

Основы современных научных представлений о проблеме жестокого обращения с детьми заложены в 60-х годах XX века. В это время вышла в свет книга R.S. Kempe, C.H. Kempe «Child Abuse», в которой авторы подробно представили педиатрические, психиатрические, юридические аспекты проблемы и впервые привели сводные статистические данные о распространении насилия над детьми в США [113, с. 79].

Во второй половине XX века на Западе сложилось самостоятельное научное направление - валейнсология, представляющее собой междисциплинарное знание и рассматривающее насилие в социологическом, психологическом, юридическом, международном дискурсе [26, с. 22].

Исходя из этого, можно заключить, что и такая сложная психолого-педагогическая проблема, как профилактика насилия над детьми требует комплексного подхода и реализации действенного потенциала всех заинтересованных служб (медицинских учреждений, служб социальной защиты, правоохранительных органов, учреждений образования, а также родителей или лиц, их заменяющих).

Нам представляются чрезвычайно актуальным в современный период развития нашего общества педагогический подход к профилактике насилия и жестокого обращения с детьми.

Можно утверждать, что проблема насилия над детьми носит вполне педагогический характер, хотя ее механизмы находятся в ведении преимущественно психологии, добившейся наиболее существенных результа-

тов в изучении природы агрессивного поведения человека, а меры борьбы с проявлениями насилия – прерогатива юриспруденции, где трудно переоценить значение превентивных мер и профилактической работы с неблагополучными семьями.

Тем не менее, единственно педагогика, опираясь на опыт и достижения смежных наук, может дать ответ на вопрос: как сделать детство безопасным, а детей - защищенными.

Основные направления педагогической работы в отношении обозначенной проблемы состоят в следующем: 1) раннее выявление фактов жесткого обращения с детьми и 2) участие школы в образовании родителей, хотя существует мнение, что навыки воспитания детей и потребность родителей защищать своих детей являются инстинктивными и естественными для человека и не требуют дополнительного обучения [108, с. 19].

Специалистами Государственного Научно-исследовательского института семьи и воспитания расширена картина гуманистических принципов организации профилактической работы, в том числе направленной на защиту детей от жестокого обращения, рассмотрены новые аспекты их реализации:

1. Принцип центрирования деятельности специалистов по защите прав и законных интересов ребенка. Реализация этого принципа основана на соблюдении следующих требований:

- раннее выявление проблем, трудностей ребенка, своевременность оказания ему необходимой помощи и поддержки для скорейшего преодоления социально опасной ситуации;
- обеспечение сохранности жизни детей и защиты от внешних угроз, противодействие разрушению их физического, психического. нравственного здоровья;
- создание условий, позволяющих ребенку освободиться от насилия, жестокого обращения, подавления, почувствовать себя психологически защищенным;
- обеспечить ребенку права принятия самостоятельных решений относительно своих социальных проблем: формы обучения, выбора профессии, способа взаимодействия с семьей и т.д.;
- установление субъект-субъектных отношений родителей с детьми, стимулирование активности детей во взаимоотношениях;
- сотрудничество с детьми работников специализированных учреждений и других субъектов профилактической деятельности, их искренняя заинте-

ресованность в изменении социального самочувствия детей и благополучном решении возникших социальных проблем;

- создание для детей адаптивной среды, которая позволила бы им реализовать наиболее значимые потребности личностного роста и самореализации;

- обеспечение защиты законных прав детей на медицинское обслуживание, отдых, образование, сохранение принадлежащего им имущества и жилья и т.д.

2. Принцип толерантности во взаимодействии с детьми, который базируется на:

- безусловном принятии ребенка таким, каким он стал под влиянием неблагоприятных условий жизни и воспитания; понимании того, что у большинства проблемных детей блокирована потребность в уважении и любви как одной из фундаментальных потребностей человека;

- реакции специалистов на негативное поведение детей, исключающей враждебность, аффекты, упреки, чувство безнадежности; ориентации на создание у ребенка позитивной перспективы;

- стремлении специалистов к установлению эмоционального контакта с ребенком, утверждении теплых доверительных отношений;

- овладении специалистами навыками конструктивного взаимодействия с детьми, позволяющими устанавливать контакт без назойливого морализаторства, нажима и давления на ребенка;

- создании условий для упражнении ребенка в реализации права выбора, самоопределения;

- разумной снисходительности, правильной дозировке разрешаемого и запрещаемого в повседневной жизни детей.

3. Принцип развития положительного потенциала детей. Реализация этого принципа предполагает:

- направленность диагностики не только на выявление нарушений в развитии ребенка, но и на определение сильных сторон его личности;

- побуждение ребенка к накоплению опыта самооценивания, самопознания и самовоспитания;

- помощь ребенку в избавлении от неадекватного представления о себе, в правильной оценке своих достоинств, в актуализации сильных сторон характера и способностей, которые в дальнейшем могут определить его жизненный путь;

- признание ребенка как самобытной уникальной личности, имеющей способности, которые могут быть развиты, вера в способность ребенка к возрождению;

- ориентация на возвышение личности ребенка, на восстановление его в правах прежде всего перед самим собой, формирование у него самоуважения, уверенности в своих возможностях;

- вовлечение ребенка в разностороннюю деятельность, в которой он может проявить себя с положительной стороны, обнаружить свои способности;

- создание условий для успешности ребенка в значимых для него видах деятельности и общения.

4. Принцип взаимодействия субъектов профилактики средовой дезадаптации детей. Реализация данного принципа становится возможной при условиях:

- гуманизации отношений к ребенку всех субъектов системы профилактики (сотрудников специализированных учреждений, педагогов школы, учреждений дополнительного образования, специалистов правоохранительных органов, близких взрослых). Отношения должны строиться на основе понимания причин отклонений в поведении детей, сочувствия и сострадания к социально обездоленному ребенку, внимания к нему как к личности, уважении его прав, тактичной помощи. Взрослые во взаимодействии с ребенком должны выполнять роль партнера, советчика, консультанта, старшего товарища;

- использования разных форм партнерства, повышающих его продуктивность, обеспечивающих всесторонний подход к профилактической работе.

При этом в качестве способов взаимодействия специалистам предлагается использовать:

- взаимную информацию о состоянии здоровья ребенка, его поведении, отношении к школе, к родителям, сверстникам, о привлекательных и непривлекательных чертах характера, жизненных ориентирах и т.д.;

- согласование методов воздействия, содержания поддержки и помощи ребенку и его семье и т.д.

- совместную деятельность, то есть процесс, при котором каждый специалист, используя свои методы и возможности совместно с другими субъектами взаимодействия, участвует в решении той или иной проблемы ребенка и его семьи;

- взаимное обучение участников профилактической работы, направленное на формирование гуманистических установок в работе с детьми, освоение инновационных технологий такой работы [73, с. 22].

Метью Липманом предложены педагогические идеи, связанные, во-первых, с тем, что детей следует значительно больше, чем сейчас принято, но столь же систематически, как и другим школьным предметам, учить умению самостоятельно рассуждать о смысле моральных, юридических, социальных понятий, таких как личность, свобода, право, ответственность, уважение к другим людям, компромисс, насилие и т.п. Во-вторых, у них должно быть как можно больше практики по овладению способами разрешения эмоциональной напряженности, проявлению терпимости и нахождению разумных компромиссов. Иначе говоря, еще до выхода детей в большой мир требуется на обычных для них ситуациях вырабатывать навыки мирного улаживания конфликтов и создавать стойкий иммунитет к насилию [44] .

Принципиальной позицией М. Липмана является требование, чтобы обучение миротворчеству не скатывалось к скучному назиданию и морализаторству; нахождение оптимального решения той или иной проблемной ситуации должно быть сопряжено с интеллектуальным удовлетворением, закрепляться позитивной эмоциональной подпиткой [106].

Направление, связанное с идеями педагогики ненасилия, в отечественной науке возникло относительно недавно. Интегрируясь с такими направлениями, как педагогика сотрудничества, педагогика успеха, диалоговая педагогика, педагогика ненасилия реализует на практике идеи педагогической и психологической толерантности.

Основоположники концепции ненасильственной педагогики А.Г. Козлова, В.Г. Маралов, В.А. Ситаров предлагают воспитывать толерантность как личностное свойство с дошкольного детства через тренировку и развитие выдержки, в младшем школьном возрасте через формирование элементов терпимости, в подростковом и старшем школьном возрасте – через развитие терпимости [81, с. 130].

Проблема профилактики жестокого обращения с детьми, защиты детства является междисциплинарной и должна включать в себя социальные, правовые, медицинские, психологические и педагогические аспекты. Запросы практики требуют разработки моделей функциональной системы совместной консультационной работы и командной деятельности по решению социально-правовых и психолого-педагогических проблем.

Во многих странах мира создаются государственные и общественные организации, занимающиеся проблемами детства без насилия и жестокости. Комплексный подход к решению проблемы насилия может быть обеспечен при условии слаженной работы междисциплинарной команды (МДК) специалистов, целью которой является развитие сотрудничества и скоординированной деятельности профессионалов в интересах ребенка.

Командообразование – это процесс целенаправленного формирования особого способа взаимодействия людей в группе, позволяющего эффективно реализовать их энергетический, интеллектуальный и творческий потенциал сообразно целям команды [30, с. 22].

Междисциплинарная команда по проведению профилактической работы и оказанию практической помощи семье и детям, пережившим насилие и жестокое обращение, – это группа специалистов разных профессий, объединенная помимо единой цели четкой иерархией, стандартами взаимодействия и функционально-ролевой специализацией.

В состав МДК должны входить: психиатр, педагог, психолог, социальный работник, социальный педагог, специалист по охране прав детства, сотрудник комиссии по делам несовершеннолетних, участковый милиционер [52, с. 16].

Формирование МДК предполагает наличие особых условий взаимодействия специалистов, которые обозначены Е.Н. Волковой в качестве принципов создания междисциплинарной команды:

- принцип системности означает, что создание служб многопрофильной помощи детям связано не только с участием представителей разных профессий (психологов, педагогов, педиатров, юристов, социальных работников и др.), но и многочисленные, разнохарактерные отношения между ними;

- принцип целостности позволяет при создании МДК учесть требование внутреннего и внешнего целевого единства данной организации;

- принцип добровольности определяет степень внутренней готовности членов команды, продуманность их решения заниматься деятельностью по оказанию помощи детям, подвергшимся насилию;

- принцип активности предполагает содержательную направленность действий каждого сотрудника с учетом его индивидуальных способностей;

- принцип открытости характеризует возможности создаваемой команды постоянно учитывать внутренние и внешние проблемы, спо-

собности привлекать к своей деятельности и охватывать ею самые разные слои общества;

- принцип развития учитывает возможные внутренние изменения команды, появление новых форм и способов ее существования;

- принцип диалогичности предполагает признание ценности и необходимости для достижения цели работы каждого члена команды;

- принцип диалектичности раскрывает внутренние причины самодвижения, самоорганизации службы многопрофильной помощи детям, поскольку любое насилие находится во взаимосвязи с жертвенностью. И даже в одном человеке, совершившем насилие, мы одновременно имеем дело и с жертвой [27, с. 98].

По нашему представлению, функции МДК предполагают:

- социальный мониторинг;

- работу по психолого-педагогической диагностике детей, находящихся в группе риска;

- информационно- просветительскую деятельность;

- аналитическую деятельность;

- организационно-профилактическую работу;

- практическую помощь ребенку в конкретной ситуации;

- коррекционно-реабилитационную работу;

- координационную работу и т.д.

Исследователи (Б.Ю. Шапиро, Т.А. Сидоренкова, М.И. Либаракина, Р.Р. Максудов, М.Г. Флямер) выделяют общие типы стратегий работы МДК с клиентами:

1. Стратегия параллельных действий. Каждый член команды имеет собственный план действий; деятельность профессионалов координируется на встречах и совещаниях членов команды.

2. Стратегия почтового ящика. Члены команды собираются для совместной работы, получая приглашение от лидера команды. Который в свою очередь получил запрос от клиента. Далее дело может вести один из профессионалов, не обращаясь за помощью к группе.

3. Стратегия приема и распределения. Команда вырабатывает решение, основываясь на первичном анализе ситуации, и переадресовывает решение проблемы одному из членов команды.

4. Стратегия приема, обследования и распределения. Перед тем как решить, необходимо ли вмешательство в ситуацию клиента, и если необходимо, то какое, группа проводит полное обследование случая. Далее на

уровне группы решается вопрос о том, кто из членов команды будет вести данный случай.

5. Стратегия приема, обследования, распределения и анализа. При использовании данной стратегии после этапа вмешательства включается этап анализа. Анализ проблемы сопровождается отчетом члена группы, ответственного за данный случай, рассмотрением ситуации в семье, оценкой результатов взаимодействия с семьей, разработкой рекомендаций на будущее. Получив подробную информацию, междисциплинарная команда решает, стоит ли продолжать работу по данной проблеме.

6. Смешанная параллельная стратегия. Взаимодействие междисциплинарной команды и независимых профессионалов, которые могут включаться в общую деятельность на различных этапах [99, с. 20].

Процесс социально-педагогической поддержки, организуемой командой специалистов, реализуется в несколько этапов:

- диагностический этап предполагает фиксацию проблемы, использование педагогических, психологических, социологических методик для ее идентификации, оценку проблемы с точки зрения значимости ее для ребенка;

- поисковый этап связан с определением совместно с ребенком причин возникновения проблемы и анализ сложившейся ситуации;

- договорный этап включает проектирование действий специалиста и ребенка по решению проблемы и заключение договора в любой форме о совместной деятельности по преодолению возникших трудностей;

- деятельностный этап предполагает непосредственную реализацию комплекса мер по решению проблемы ребенка;

- рефлексивный этап характеризует обсуждение результатов предыдущих этапов деятельности, рефлексию, осмысление ребенком и специалистом нового жизненного опыта [87, с. 45].

Умение работать в команде требует от специалиста аналитических навыков для определения своей деятельностной позиции, а также деятельностной позиции других специалистов, способности соотнесения идеальной цели и возможностей ее реализации, глубинных знаний о структуре деятельности.

Направленность на системный подход в работе с семьей и командный принцип такой работы специалистов должны быть закреплены нормативными документами, регламентирующими функциональные обязанности сотрудников, их нагрузку, частоту и место встреч команды для обсуждения порядка взаимодействия между ее членами [77].

При изучении процесса профессионализации педагога, в том числе в свете требований, предъявляемых работой с социально неадаптированными детьми и детьми, подвергающимися жестокому обращению, наиболее актуальными являются синергетический, акмеологический, аксиологический компетентностный и гендерный подходы.

Синергетический подход (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, В.Е. Лапшин, Г.Г. Малинецкий) предполагает рассмотрение субъекта профессионализации в качестве сложной динамической системы, которая характеризуется нелинейностью и неравномерностью. С этой точки зрения системными качествами личности педагога выступают профессионально важные (функциональная грамотность, коммуникативность, стрессоустойчивость, педагогическая и психологическая толерантность, способность к волевому и убеждающему воздействию, эмпатия и т.д.) и социально значимые качества (приверженность здоровому образу жизни, общественная активность, склонность к лидерству, профессиональная позиция и т.д.).

Акмеологический подход (Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А. А. Деркач) объединяет некоторый набор принципов, приемов и методов, позволяющих решать проблемы прогрессивного развития зрелой личности. Педагогическая акмеология представляет пути достижения высокого профессионализма в труде учителя, который следует рассматривать как устойчивое свойство субъекта, обеспечивающее высокую продуктивность педагогической деятельности, ее гуманистическую направленность.

В русле аксиологического подхода к педагогическим явлениям и процессам личность рассматривается как высшая ценность общества (М.В. Богуславский, З.И. Равкин). Профессиональное становление предполагает при этом введение человека в общекультурный мир ценностей, в котором он реализует себя как профессионал (К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Гершунский, В.Г. Воронцова, Н.С. Розов и др.).

Компетентностный подход (И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Н.А. Селезнева) получил распространение сравнительно недавно в связи с дискуссиями о проблемах и путях модернизации российского образования. Компетентностный подход представляет собой совокупность общих принципов определения целей образования, отбора его содержания, организации образовательного процесса и оценки его результатов. В таком контексте профессионализация педагога – это, с одной стороны, постоянное самосовершенствование в профессии, в том числе с использованием

современных инновационных средств и методов, а с другой – самореализация в педагогической деятельности.

Как считают некоторые исследователи (Л.Н. Ожигова, Г.М. Бреслав, М. Римашевская, Б.И. Хасан С.В. Львова, В.А. Деминский и др.), сохранение в ближайшем будущем процесса феминизации школы обусловливает необходимость применения гендерного подхода в современных исследованиях профессионального становления педагога.

С позиций гендерного подхода профессионализацию учителя можно рассматривать как особую форму взаимодействия женщины-педагога и ее окружения (семья и учительский коллектив), базовой характеристикой которой будет оценка профессиональной деятельности [21, с. 76].

Деформации социального развития ребенка, обусловленные, в частности, жестоким обращением с ним могут проявляться в виде школьной дезадаптации, или педагогической запущенности, или в виде более глубокой степени дезадаптации – в виде социальной запущенности [5, с. 80].

Поведение ребенка в значительной степени обусловлено позицией, которую он занимает в обществе, его социальным статусом и социальными ролями. Уже сам процесс выделения различных проблем или характера ограничений в возможностях детей предполагает, что внешние обстоятельства, в которых они находятся, или состояние их здоровья не соответствуют определенным, принятым в данном обществе нормам. Конструирование норм и стандартов поведения – это результат процессов интеракции, который приводит, в свою очередь, к постоянным изменениям, как в чертах личности индивида, так и в свойствах окружающей его среды.

Для педагогически запущенных детей характерны отклонения поведенческого характера в сфере школьного учебного процесса: негативное отношение к учебной деятельности, к нормам школьной жизни, устойчивая неуспеваемость, стремление уклоняться от активной мыслительной работы, дезорганизация отношений в классном коллективе, сопротивление требованиям учителей и т.д.

Им, как правило, свойственны проявления асоциального поведенческого характера – сквернословие, курение, дерзкие выходки. В таких условиях учитель является источником формирования позитивных интересов школьника, его отношения к школе [103, с. 12].

Школа, воспитательные функции которой в последе время значительно нивелированы, как правило, дистанцируется от таких детей. Педа-

гоги ограничиваются поучениями, наказаниями и не стремятся вовлечь ребенка в конструктивную деятельность, создать условия для его успеха.

Фактором школьной дезадаптации выступает дефицит гуманного отношения к детям с трудной судьбой, преобладание директивно-дисциплинарной модели педагогического взаимодействия, пренебрежение к их стремлению утвердить себя среди сверстников.

Школьная неуспеваемость, конфликты с учителями и успевающими одноклассниками порождают эмоциональное неблагополучие таких детей в стенах школы, побуждают их к поиску референтной группы из себе подобных, в которой они находят более благоприятную среду. Чаще всего это компании с бессодержательным времяпрепровождением, вне сферы социально значимых интересов, что может стать питательной средой для криминализации, возникающей на основе подростковой бравады, уродливых форм самоутверждения, сопровождающихся нередко приобщением к курению и употреблению алкоголя.

Одним из наиболее существенных дефектов в социальном развитии этих детей является либо полное отсутствие, либо низкий уровень осознания реальных, привлекательных для них жизненных перспектив. Отсутствие планов на будущее, неуверенность в себе, низкий уровень притязаний, неразвитость чувства собственного достоинства и постоянное ощущение психологического дискомфорта создают предрасположенность к криминогенно опасным отклонениям в поведении [74, с. 46].

Однако деформация социального статуса педагогически запущенных детей имеет относительный характер: дети еще удерживаются в стенах школы и продолжают пребывать в семье, которая сохраняет для них свою значимость.

Очевидно, что педагогическая запущенность детей – это следствие не только взаимодействия со школой, но и результат семейного воспитания. Как правило, педагогически запущенные дети растут в семьях крайнего социального риска, находящихся в социально опасном положении, т.е. из семей, которые в силу различных обстоятельств не могут обеспечить детям надлежащее содержание и воспитание и нуждаются в социальной поддержке и помощи для адекватного выполнения своих функций. Как писал святой Августин: «Дайте мне других матерей, и я дам вам другой мир» [109, с. 62].

Более глубокая степень десоциализации детей квалифицируется как социальная запущенность.

В эпицентре причин социальной запущенности детей находится семья с выраженной асоциальной направленностью, практикующая жестокое обращение с детьми, физическое, психическое или сексуальное насилие над ними. Такая семья оказывает на ребенка прямое десоциализирующее воздействие.

Низкий нравственный, культурный, экономический уровень, примитивные влечения, сексуальная распущенность, эмоциональная тупость, грубый эгоцентризм, немотивированная агрессивность и жестокость родителей, антисанитария в быту – все это свидетельствует о несостоятельности таких семей как института социализации детей и предопределяет обреченность детей на проживание вне семьи.

Таким образом, в качестве главного признака социальной запущенности ребенка необходимо выделить глубокую деформацию или полное разрушение социальных связей ребенка с ведущими институтами социализации: школой и семьей.

Отсутствие эмпатии по отношению к ребенку со стороны взрослых деформирует его представления о самом себе, формирует у него неадекватную самооценку, а жестокость в семье воспитывает недоверие к взрослым, чувство опасности, затрудняет общение. Возможно, поэтому в качестве своеобразного «коммуникативного допинга» они используют алкоголь, токсические, а нередко и психоактивные вещества.

Неудовлетворенность основных психических потребностей ребенка в семье и социальном окружении негативно влияет на его психологический статус, обусловливает задержки физического и психического развития, несформированность мотивации к познанию, к труду, определению жизненных перспектив.

Исследователи (Н.Н. Толстых, С.А. Кулаков) обнаруживают отсутствие у таких детей и подростков планов на более или менее отдаленное будущее. Их эмоциональное состояние и поведение определяют главным образом сиюминутные события. Это проявление называют психогенным инфантилизмом [92, с. 98].

В мотивации социально запущенных детей снижены интерперсональные связи и преобладает направленность, связанная с личной автономией, индивидуализмом, защитой собственного «Я». В сочетании с блокировкой временной перспективы этот фактор, безусловно, препятствует развитию личности.

Социально запущенных детей характеризует множество отклонений в поведении, таких как аффективная несдержанность, драчливость, мелкое воровство, курение, употребление спиртного, хулиганство, бродяжничество и т.д.

Степень социальной дезадаптации детей и уровень социальной опасности, исходящей от их семей, предопределяют характер проводимой с ними профилактической работы.

Профилактическая работа по отношению к ребенку, находящемуся в
группе риска с точки зрения вероятности жестокого обращения с ним, представляет собой систему мер помощи ребенку, когда жизненно важные для него социальные связи хотя и деформированы, но еще не разрушены. Ключевыми понятиями, характеризующими профилактическую работу, являются следующие: предупреждение, предохранение, предостережение, устранение неблагоприятных факторов и условий и т.д.[73, с. 15].

Такая работа, рассчитанная на детей со школьной дезадаптацией и педагогической запущенностью, представляет собой своеобразный вид социальной помощи детям и семьям, положение которых расценивается как социально опасное. Это оказание помощи ребенку, у которого жизненно важные социальные связи являют собой явную недостаточность тех или иных материальных или духовных ресурсов, необходимых для его социализации и индивидуального развития.

Профилактическая работа представляет собой процесс локализации, блокирования условий и обстоятельств, провоцирующих жестокое обращение с детьми, их социальную дезадаптацию, отчуждение от семьи и школы. Одновременно профилактическая работа направлена на сохранение и развитие условий для сохранения физического, психологического и социального здоровья ребенка, для последовательного устранения направленных на него неблагоприятных воздействий [73, с. 17].

Педагогическая профилактика социальной дезадаптации детей должна быть нацелена, с одной стороны, на преодоление тех отклонений в жизненных ориентациях, поведении и деятельности ребенка, которые являются признаками педагогической запущенности. С другой стороны, - на изменение ситуации в ближайшем окружении [48, с.78].

С помощью профилактических мер можно провести социальное оздоровление среды обитания, от которой исходит угроза для нормальной жизни и здоровья ребенка. При этом необходимо преодолеть или ослабить

факторы, которые нарушают воспитательную роль семьи, снижают ее социальную функцию.

Профилактическую деятельность, таким образом, следует расценивать как инструмент поддержки семьи в трудной жизненной ситуации.

Профилактическая работа предполагает также изменение школьной ситуации ребенка путем взаимодействия специалиста по социальной работе с детьми с педагогами и психологом школы.

Мы считаем, что профилактическая работа должна быть ориентирована на решение следующих конкретных задач:

- налаживание детско-родительских отношений;

- снятие психотравмирующих ситуаций в ближайшем окружении ребенка;

- содействие улучшению социального самочувствия ребенка;

- снижение значимости уличной компании за счет расширения круга социальных интересов и повышения социальной компетентности ребенка;

- изменение представлений ребенка о самом себе и об отношениях с окружающими людьми;

- осуществление социальной поддержки семьи ребенка, оказание ей необходимой помощи, направленной на стабилизацию ее социального функционирования, и, прежде всего, на восстановление в полном объеме воспитательной функции;

- формирование здорового образа жизни и культуры здоровья ребенка;

- развитие функциональной грамотности ребенка [1, с. 15], включающей, в частности, правовую, психолого-педагогическую, финансово-экономическую, духовно-нравственную компоненту.

В основе современных подходов к осуществлению профилактической работы с детьми положена охранно-защитная концепция, которая пришла на смену административно-карательной. Охранно-защитная концепция ориентирована на меры гуманистического характера, которые могут гарантировать каждому ребенку реальное право на достойное существование в социальной среде.

Изменение парадигмы профилактической работы влечет за собой гуманизацию принципов, на которых она базируется. Для организации профилактической работы наиболее значимыми являются принципы ненасильственного взаимодействия с детьми, сотрудничества детей и взрослых,

индивидуального подхода к каждому ребенку, комплексного подхода к работе с детьми [33, с. 98].

Для эффективного функционирования системы защиты детей от насилия и жестокого обращения необходимы следующие виды служб помощи и профилактики:

- службы кризисного реагирования (кризисные центры для детей или центры временного пребывания, кризисный телефон доверия);
- службы, выполняющие функции опеки и попечительства (детские дома, интернаты, дома ребенка, приемные семьи и т.д.);
- службы помощи и реабилитации (социально-психологические центры, юридические консультации, поликлиники, детские больницы, центры социальной реабилитации);
- службы организации досуга (детские клубы, дома творчества, музыкальные школы, спортивные школы и секции).

К сожалению, деятельность большинства из имеющихся в России служб при всей своей важности и позитивности, не лишена недостатков, к которым следует отнести:

- методологическую, методическую и организационную рассогласованность в деятельности множества существующих и вновь создаваемых центров, организаций, служб и т.д.;
- ведомственные барьеры, препятствующие решению проблемы предотвращения насилия над детьми;
- ограниченный опыт взаимодействия специалистов разных профилей;
- неразработанность подходов к подготовке квалифицированных кадров для служб профилактики жестокого обращения с детьми;
- отсутствие у специалистов навыка командной работы;
- неумение распределять и нести коллективную ответственность;
- недостаточное количество учреждений специальных служб в пересчете на количество детского населения в стране;
- недоступность служб для части населения в силу территориальной удаленности или платности оказываемых услуг [26, с.169].

Одним из важнейших условий эффективного функционирования системы защиты детей от жестокого обращения является наличие специальных знаний по этой проблеме, как в среде профессионалов, так и на бытовом уровне.

Без понимания взаимосвязи дифференциации и интеграции научного знания, без видения форм и границ целесообразного использования в педа-

гогике знаний, опыта и методов других наук невозможна правильная организация исследовательской работы, особенно комплексных разработок.

Существует четыре формы связи педагогики с другими науками: использование идей, обобщающих выводов других наук; применение общенаучных методов исследования; использование конкретных результатов исследования, полученных другими дисциплинами; непосредственное участие в комплексных междисциплинарных исследованиях. В самой большой мере это относится к таким наукам как философия и психология, которые традиционно, с давних времен оказывают огромное влияние на педагогику.

Педагогическая культура родителей и педагогов предполагает открытость, внимание к проблемам ребенка. Современная школа должна быть многоцелевым учреждением, приоритетом которого становится нравственное воспитание. Роль педагога состоит в том, чтобы помочь ребенку осознать себя, научиться заботиться о других, с благодарностью принимать заботу о себе.

Общество через систему образования, через реализацию специальных программ, рассчитанных на современного человека, его разум, должно систематически развивать миролюбие своих членов, чтобы не стать заложником насилия.

1.3. Роль семьи и общеобразовательной школы в системе профилактики жестокого обращения с детьми

В изменяющихся социально-экономических условиях современной России наблюдается резкое снижение эффективности воспитательной функции семьи и школы как основных институтов социализации, призванных осуществлять первичную социализацию ребенка и его воспитание вплоть до достижения им социальной зрелости.

Спектр факторов, обусловливающих этот процесс, достаточно широк. К ним относятся: экономические условия жизнедеятельности семьи; медико-социальные проблемы (инвалидность, хронические заболевания членов семьи, включая алкоголизм и наркоманию, безработица, низкая материальная обеспеченность, неблагоприятные жилищные условия); социально-демографические факторы (неполная или многодетная семья, семья с повторным браком и сводными детьми, нежеланный ребенок); социально-психологические проблемы (незрелость, эгоизм родителей,

их педагогическая несостоятельность, деструктивные эмоционально-конфликтные отношения между супругами, родителями и детьми, озлобленность родителей, разочарование в жизни, асоциальная направленность их поведения и т.д.).

Любой из этих факторов может стать стимулом, обусловливающим жестокое обращение с ребенком, несет в себе опасность для его социально-психологического развития.

Исследователи (В. Ермаков, Н. Крюкова, М.Г. Черникова, Е.Г. Гукова) особо подчеркивают сильную дестабилизирующую роль слабого, неустойчивого экономического положения семьи. Такая ситуация негативно сказывается на реализации семьей воспитательной функции [23, с. 98].

По мнению А.В. Мудрика, воспитание можно определить как относительно осмысленное и целенаправленное взращивание человека в соответствии со спецификой задач и целей его субъектов, а также организаций и групп, в которых оно осуществляется [54, с.10]. Среди таких организаций и групп первое место принадлежит семье.

Исследователями (Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л.) выделяются следующие аспекты воспитательной функции семьи:

- познавательные, связанные с передачей ребенку знаний об окружающем мире;

- опекунские, обеспечивающие всем членам семьи опеку и оказание услуг в различных жизненных ситуациях;

- социализации детей и подростков, имеющей целью передачу членам семьи основных норм и принципов поведения, принятых в данном обществе, а также обычаев и традиций, сформировавшихся в процессе исторического развития народа;

- подготовки к творческой жизни и будущей профессии;

- стимулирования развития интересов, увлечений и способностей детей;

- организации для ребенка воспитательных ситуаций в семье и вне ее;

- удовлетворения эмоциональных потребностей ребенка в безопасности, любви и признании [40, с. 54].

Недостатки в подготовке детей к самостоятельной жизни семьи склонны приписывать детскому саду, школе, обществу в целом, улице.

Эффективность воспитательной функции семьи обусловлена помимо экономических социальными, политическими, демографически-

ми, психолого-педагогическими факторами объективного и субъективного характера.

К ним, с нашей точки зрения, можно отнести: образ жизни (стиль жизни, уровень жизни, качество жизни, полноту жизни) и систему ценностей семьи; характер взаимоотношений в семье; уровень образования и степень функциональной грамотности членов семьи, их психологические особенности и педагогические способности; ресурс времени, предназначенный для семьи; наличие социальных аномалий; структуру семьи; социальную инфраструктуру жизнедеятельности семьи и т.д.

В качестве критериев качества выполнения семьей воспитательной функции мы предлагаем использовать:

- формирование позитивных коммуникативных и деятельностных интенций ребенка;

- уровень адекватности поведения детей в различных сферах жизнедеятельности в соответствии с требованиями общества;

- наличие внутреннего механизма самосовершенствования ребенка;

- стремление ребенка к добродеянию, соблюдению норм морали и нравственности;

- отзывчивость ребенка по отношению к воспитательным воздействиям родителей, взаимопонимание между детьми и родителями.

Воспитательный потенциал семьи характеризует реальные способности семьи к использованию имеющихся ресурсов для достижения намеченной цели. Это комплекс условий и средств, определяющих педагогические возможности семьи. Среди его параметров можно выделить: материальные и бытовые условия, численность и структуру семьи, развитость семейного коллектива и характер отношений между его членами, а также идейно-нравственную, эмоционально-психологическую и трудовую атмосферу, жизненный опыт, образование и профессиональные качества родителей [40, с. 56].

Оценивая потенциальный уровень и реальную степень родительского влияния, нужно учитывать множество автономных факторов:

1. Возраст ребенка. В раннем детстве ключевой фигурой, как правило, бывает мать. Затем с ней сравнивается и иногда перевешивает отец. Позже их обоих теснят сверстники и общественные институты социализации.

2. Пол ребенка. Родители по-разному и с разным успехом воспитывают детей своего и противоположного пола, причем для мальчиков внесемейное окружение важнее, чем для девочек.

3. Наличие других агентов социализации как внутри семьи, так и вне ее.

4. Специфические особенности межпоколенной трансмиссии культуры в данном обществе в данный исторический период (например, как велики различия в условиях жизни и ценностных ориентациях родительского поколения и поколения детей).

5. Амбивалентность самих родительских чувств и их социально-психологических последствий. Детоцентризм общественной психологии XVIII – XIXвв. означал усиление заботы о детях, но – одновременно – ограничение их внутренней свободы, принудительную инфантилизацию, следствием чего явились равнодушие и социальная безответственность, на которые горько жалуются современные родители, не понимая связи этих явлений с их, родителей, собственной воспитательной практикой.

6. Многочисленные и совершенно неизученные компенсаторные механизмы самой социализации, уравновешивающие или сводящие на нет многие воспитательные усилия; например, эффект встречной ролевой дополнительности, когда ребенок имеет перед глазами хороший родительский пример, но не вырабатывает у себя соответствующих навыков, так как семья в них не нуждается, родители все делают сами [38, с. 476].

Показательны в данном контексте результаты исследования Лаборатории проблем семейной политики ГНИИ семьи и воспитания, проведенного в рамках проекта «Московская семья 2006».

Большинство респондентов в целом тратят на воспитание детей меньше времени, чем им хотелось бы (или считают, что необходимо уделять семье больше времени), причем ярче выражена эта тенденция у родителей из неполных семей и у мужей из полных. Важнейшими чертами, воспитание которых необходимо у детей, родители признали ответственность, трудолюбие, порядочность, здоровый образ жизни, умение строить взаимоотношения с людьми. Большое значение москвичи придают успешной социализации ребенка. Подавляющее большинство респондентов ответило, что дети должны ходить в детский сад и учиться жить в коллективе.

Наиболее часто возникающие сложности в воспитании связаны с чрезмерным увлечением детей телевизором, видео, компьютером. Серьезной проблемой для семей является невозможность контролировать поведение ребенка, что связано с повышенной занятостью родителей [40, с. 59].

Ранее любое обнаруженное совпадение установок и ценностных ориентаций детей и их родителей автоматически приписывали родительскому влиянию. Теперь, принимая во внимание когортные и исторические различия, преемственность социального статуса семьи и другие факторы, ученые стали осторожнее в выводах. Реальная степень и длительность родительского воздействия зависят и от возраста детей, и от сферы жизнедеятельности, к которой относятся изучаемые установки.

Невозможно переоценить роль школы в формировании личности. Но нередко именно школа провоцирует проявления насилия по отношению к ребенку: родители реагируют на жалобы учителя.

В случае поступления таких жалоб, считают родители, они должны принять меры, но не всегда эти меры морального или физического воздействия оказываются объективными и справедливыми.

В основе механизма формирования агрессивности ребенка, проявляющейся в разных видах, лежит, так называемый строгий стиль воспитания, при котором в качестве основного средства воздействия на личность используется наказание [37, с.18-24].

Выявлена тесная связь между родительским воздействием и проявлениями детской враждебности. Наказание зачастую провоцирует проявление агрессивных побуждений, неадекватных ситуации.

В настоящее время подавляющее большинство исследователей признает, что применяемое в отношении детей наказание (особенно физическое) выступает как модель агрессивного поведения. Эскалация физического наказания в воспитании имеет абсолютно противоположный результат относительно преследуемой цели.

«Ни одного доброго слова нельзя сказать про физические наказания. Исследования показали, что дети, которых отшлепали, совсем не помнят, за что их наказали. Они убегают от взрослых, кипя злостью, а вовсе не раскаиваясь. Часто взрослый, наказывая, только унижает ребенка. Вы даете ему почувствовать себя беспомощным и никчемным, неспособным быть «хорошим». Надо дать ребенку понять, каковы результаты его собственных опрометчивых действий, о которых ему приходится жалеть. Любое другое наказание воспринимается ребенком как месть, как желание утвердиться за его счет» [19, с. 18]. Ибо, «кто ругает детей, тот ругает себя. Дети в мир ангелами приходят. Кем они потом станут, зависит от взрослых» [71, с. 382].

Л.С. Выготским были высказаны принципиальные взгляды на природу наказания: «всякое наказание, - пишет он, - является вредным» [16, с. 267].

Аналогичной точки зрения придерживается И. Бентам: « Надобно помнить, что наказание само по себе есть издержка (expense), само по себе оно есть зло…Очень легко произвести ненужное страдание, которое делает наказание неумеренным» [7, с. 248].

«Авторитарный принцип должен быть разрушен послушание должно быть заменено свободной социальной координацией» [16, с. 264].

Быстро накапливается и информация об обратном влиянии детей на родителей. Такое влияние заключается: 1) в обогащении внутрисемейных связей; 2) в расширении круга интересов семьи; 3) в эмоциональном удовлетворении, продолжающемся всю жизнь; 4) в возможном возвращении к пройденным этапам жизни; 5) в контроле за развитием новой человеческой личности; 6) в более глубоком понимании жизни и ее истинного смысла [38, с. 141].

Процесс деморализации и даже криминализации личности, неразрывно связанный с жестоким обращением с ребенком, протекает в условиях отрицательно воздействующей социальной микросреды – в условиях семейного и школьного неблагополучия, в негативных группах сверстников.

Первостепенной задачей в деле профилактики семейного неблагополучия является наиболее раннее выявление криминогенных и аморальных семей с тем, чтобы как можно быстрее исключить их отрицательное влияние на детей.

Нарушение обязанностей по надлежащему воспитанию детей, являющихся, кстати, конституционными обязанностями, влечет за собой семейно-правовую ответственность родителей. Это предусматривает защиту не только интересов ребенка, но и интересов общества в целом. Мерами такой ответственности являются: лишение родительских прав (ст.69 Семейного кодекса РФ), отобрание ребенка без лишения родительских прав (ст. 73 Семейного кодекса РФ) и др. Отличительной особенностью семейно-правовой ответственности является то, что она может наступить независимо от наличия вредных для ребенка последствий, поскольку основная цель законодателя состоит в предотвращении этих последствий.

Особую сложность представляет профилактика криминогенности псевдоблагополучных семей, в которых отрицательное влияние родителей

на детей осуществляется более скрыто, завуалировано внешним формальным благополучием.

Внутрисемейные отношения, нравственно-психологический климат семьи играют ведущую роль в процессе социализации ребенка. Э.А. Пармон определяет нравственно-психологический климат семьи как синтез следующих компонентов: личностные качества супругов, уровень их общей нравственной культуры, их психологическая совместимость и характер эмоциональных контактов, отношение к детям, принятые формы общения [67, с. 36].

Семья оказывает социализирующее воздействие на личность посредством нормативного и информационного влияния.

Нормативные влияния предписывают определенные образцы, паттерны поведения, что позволяет индивиду действовать в соответствии с принятыми в данной социокультурной среде и усвоенными личностью стереотипами. В механизме воздействия нравственно-психологического климата на формирующуюся личность важное место занимает личный пример родителей [15, с.122].

Однако среда, в которой оказывается ребенок, подвергающийся жестокому обращению, в большинстве случаев носит маргинальный характер, и поведение родителей характеризуется асоциальностью. При этом ребенок с ранних лет сталкивается с алкоголизмом, наркоманией, воровством, стяжательством и т.д.

Для семей, где насилие является привычным, выделяется ряд общих признаков:

- внутрисемейное общение лишено тепла, отсутствуют проявления заботы;

- в межличностных взаимоотношениях доминируют разъединение, неприязнь, взаимные обвинения;

- обычно такие семьи демонстрируют нежелание обсуждать свои проблемы с кем-либо из окружающих, поэтому семья избегает поддержки со стороны школы, служб социальной защиты, соседей и т.д.;

- у членов таких семей легко возникает состояние тревоги и паники по отношению к семейным проблемам;

- имеется тенденция разрешать различного рода конфликты на эмоциональном уровне;

- дети, предоставленные сами себе, нередко проявляют склонность к аддикциям, девиантному и делинквентному поведению, приобретают вредные привычки и т.д.

Обилие и сложность семейных проблем, вызванных современными социально-экономическими реформами, усиливают невротизацию родителей. Известно, что высокий уровень невротизации матерей неизбежно сказывается на детях, которые тоже начинают страдать неврозами. По данным А.И. Захарова, у детей из семей, члены которых имеют психопатические отклонения и психические заболевания или страдают хроническим алкоголизмом, нарушаются коммуникативные связи с окружающими взрослыми, со сверстниками, растет школьная неуспеваемость [25, с. 79].

Деструктивное влияние оказывает и негативный потенциал неполных семей. Сам факт наличия неполной семьи может рассматриваться как возможный источник социальной дезадаптации детей. Многочисленные исследования (педагогов, психологов, юристов) фиксируют связь между неполной структурой семьи и отклоняющимся и даже противоправным поведением детей [73, с.12].

Предразводная ситуация в семье также негативно сказывается на детях, вызывает повышенное напряжение в отношениях с ребенком. Это выражается в чрезмерно строгих ограничениях и наказаниях, настраивании ребенка родителями одним против другого, вымещение на ребенке нервного перевозбуждения и недовольства, нередкое принуждение к выполнению взаимоисключающих ролей. Такая ситуация часто оказывается непосильной для психики ребенка.

Распространенным источником конфликтов между родителями и детьми является педагогическая несостоятельность родителей, которая выражается в их беспомощности в деле воспитания детей. В современных условиях значительно снизился уровень взаимодействия школы и семьи, ушли в прошлое формы психолого-педагогического просвещения родителей: родительские университеты, школы для родителей, снизилась воспитательная функция школы, ослабла индивидуальная работа с родителями, нуждающимися в педагогической поддержке.

Среди ошибок родителей, ведущих к разладу детско-родительских отношений, утрате взаимопонимания, отдалению ребенка от семьи можно выделить:

- неумение учитывать возрастные изменения ребенка, сохранение во взаимоотношениях модели, используемой в предшествующем возрастном периоде;
- непоследовательность требований, предъявляемых ребенку, их неприемлемая форма, рассогласованность требований со стороны отца и матери;
- односторонность трактовки мотивов и паттернов поведения ребенка с негативным акцентом;
- использование наказания, не адекватного тяжести проступка;
- неприязнь к друзьям ребенка, к формам его времяпрепровождения;
- нетерпимость к особенностям характера ребенка, стремление его переломить;
- неумение соизмерять претензии к ребенку с его возможностями, переоценка способностей ребенка;
- индифферентность в отношениях с ребенком, отсутствие заинтересованности в его делах.

Во всех рассмотренных вариантах семейного неблагополучия налицо конфликтность, которая оказывает «дезадаптирующее влияние на ребенка не столько через образцы аморального поведения или антиобщественные действия родителей, сколько косвенно, но при этом ослабляет социализирующую и воспитывающую функцию семьи», - считает С.А. Беличева [5, с. 79].

В таких семьях у ребенка формируется тяга к иным образцам взаимоотношений. Если он не находит их в школе, то у него один путь – улица, неформальная компания, усиление конфронтации с родителями или уход из дома.

Неправомерный подход родителей к воспитанию приводит к серьезным осложнениям в их взаимоотношениях с детьми, оборачивающимся нередко жестокостью по отношению к детям.

По данным Управления внутренних дел г. Саратова, в 2003 году отобраны родительские права у родителей 247 детей, в 2004 году – у родителей 265 детей, в 2005 году – у родителей 300 детей.

«У нас ребенок может умереть только потому, что так решила бабушка,- говорит сотрудник комитета здравоохранения Саратова Людмила Сердюкова,- ее внучка обожглась, но в больнице не осталась». Бабуля сказала: «Заколют там до смерти». В результате ребенок погиб от ожоговой болезни. И это при 5% повреждения поверхности тела. Знаменитая на весь Саратов семья М. тоже похоронила мальчика. Папа решил, что уколов

слишком много и заставил ребенка пить травку. Но отцовское лечение не помогло. Ребенка не стало. А есть такие родители, для которых собственные дети – лишь способ легко заработать. Папе нужны дети для того, чтобы заниматься попрошайничеством. Он говорит, что чем меньше ребенок, тем больше дают. И этот список страшных примеров можно продолжить [14].

Семейное неблагополучие ребенка может и должно компенсироваться школьным благополучием. Однако в большинстве случаев происходит как раз наоборот: семейное неблагополучие подростка усугубляется его школьным неблагополучием; ситуация отчужденности, непонимания, одиночества в семье – дополняется аналогичной ситуацией в школьном классе.

Основной путь преодоления школьного неблагополучия – устранение из педагогического процесса формализма и авторитарности. Антигуманная педагогика, отравляющая нравственную атмосферу в школе, искажающая межличностные отношения школьников с учителями и родителями, порождающая паттерны их противоправного поведения, провоцирующая правонарушения должна уступить место педагогике сотрудничества, основанной на уважении и доверии к личности ученика, обеспечивающей демократизацию школьной жизни.

Многие издержки, упущения в деятельности школы являются следствием того, что с детьми, имеющими проблемы, не проводится индивидуально-профилактическая работа. При этом понимание сущности самого индивидуального подхода не должно быть сопряжено только с учетом отдельных особенностей ребенка.

«Индивидуальный подход, - писал А.С. Макаренко, - не означает возню с уединенной капризничающей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание. Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывает и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Индивидуальный подход в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным способностям и склонностям сообщить ему качество личности, определяемое общественным характером воспитания» [46, с. 118].

Индивидуальный подход не есть стремление во что бы то ни стало искоренить отдельные недостатки ребенка, - это апелляция к имеющимся у него достоинствам, их стимулирование и развитие.

Работу с детьми, оказавшимися в затруднительных жизненных обстоятельствах, необходимо начинать с установления в школьном коллективе доброжелательного, уважительного отношения учителей, воспитателей ко всем учащимся, к трудным в первую очередь. Это отношение должно быть искренним со стороны всех педагогов и сотрудников школы. Тон здесь должен задавать директор школы, как говорят, каков поп, таков и приход.

Дефицит дружеского общения, эмоциональную депривацию, которые испытывают дети в семье, могут и должны восполняться учителями и воспитателями. Доверительное общение необходимо в первую очередь для преодоления механизма отчуждения, часто возникающего между педагогом и трудным учащимся. Причиной появления этого отчуждения является излишне строгое, формальное, а иногда и бездушное отношение педагога к учащемуся, его стремление находить как можно промахов, ошибок в поведении ребенка. Педагог при этом постоянно делает замечания учащемуся, высказывает упреки, выносит наказания. Самолюбие ребенка страдает, его поведение принимает форму защитной реакции, проявляющейся в виде негативизма, протеста, пренебрежительного отношения к педагогу и т.д.

Для формирования доброжелательных отношений с воспитуемым очень эффективной является методика положительного стимулирования, суть которой заключается в нивелировании даже малейшего оттенка предвзятости, необъективности в отношениях между учителем и трудным ребенком, каким бы колючим и ершистым он ни был.

Уход от предвзятости в отношениях с трудновоспитуемыми детьми является предпосылкой для следующего этапа положительного стимулирования, который состоит в оказании им доверия, которое развивает у многих чувство долга и ответственности. Одной из характерных особенностей педагогически запущенных детей является их обостренная реакция на дефицит доверия к ним со стороны взрослых – родителей, учителей, воспитателей. Зачастую этот дефицит они стараются восполнить отношениями равноправия в неформальных группах, где ищут понимания и поддержки.

Методика положительного стимулирования характеризуется также умелым использованием разнообразных форм поощрения – одобрения, похвалы, благодарности, награды и т.д.

Доброжелательные отношения между учащимися и педагогами, воспитателями, сотрудниками школы должны сопровождаться распространением этих отношений и на родителей трудных детей.

Необходимо, прежде всего, изменить негативно окрашенное эмоциональное отношение к неблагополучным семьям, перестать неприязненно относиться к родителям трудных детей, ругать их за плохое поведение детей в школе. Следует чаще отмечать то хорошее, что удалось подметить в поведении и учебе детей. хвалить их при посещении семей и публично – на родительских собраниях во время бесед с родителями в школе. Хвалебные отзывы о воспитательной работе родителей с детьми целесообразно посылать на предприятия, в организации, где они работают.

Установление эмоционально положительных отношений учителей, воспитателей с родителями трудных детей позволяет расположить их к школе; подавляющее большинство родителей при таких условиях будут более серьезно ориентированы на воспитательную работу с собственными детьми.

Самым трудным этапом индивидуально-профилактической работы с трудными детьми является пробуждение у них потребности в самовоспитании.

Педагогическую запущенность невозможно преодолеть без формирования и стимулирования самовоспитания « поскольку в случае использования только внешнего воздействия и контроля коррекция негативного поведения будет только внешней, сведется к выработке в лучшем случае к конформности учащегося, т.е. следования запретам и указаниям без внутренней солидарности с ними. Потому что иначе возможны неприятности. Сколько-нибудь серьезного испытания на прочность такая позиция не выдерживает: групповое давление, соблазны и тому подобные факторы немедленно приводят к срыву, так как личная ответственность за свое поведение, собственные поступки не выработана или заглушена» [94, с. 259].

В худшем случае трудный ребенок будет стремиться свести к минимуму контакты с учителями, воспитателями, придерживаясь прежней линии поведения, включая во время бесед механизм отчуждения, отделываясь пустыми обещаниями, невыполнимыми заранее.

На начальном этапе самовоспитания важную роль играет вовремя замеченный и отмеченный успех учащегося, любое, пусть самое незначительное усилие с его стороны, направленное на преодоление отрицатель-

ных свойств характера, дурных привычек, вредного влияния окружения, других неблагоприятных жизненных обстоятельств.

Успех самовоспитания у трудного учащегося во многом зависит от наличия у него нравственного идеала, образца для подражания. Таким образцом может выступать любимый учитель, мастер производственного обучения, руководитель кружка и т.д., глубоко увлеченный своим делом специалист, человек с чистой совестью и самоотверженной верой в силу добра и справедливости.

Система воспитания нравственно-волевых качеств учащихся должна строиться на основе важнейших педагогических принципов: антропоцентризма, аксиологического подхода, целостности, культуросообразности, поликультурности, диалога, деятельностного подхода, игрового взаимодействия.

Принцип антропоцентризма обусловливает центральное положение ребенка в образовательном пространстве школы, предполагает создание условий для его самоактуализации, познания самого себя, своего организма, красоты тела и его движений, способов сохранения своего здоровья, построения здорового образа жизни. При таком подходе ученик становится не пассивным реципиентом внешнего воздействия, а активным участником построения траектории собственного развития, способным делать самостоятельный нравственный выбор и нести за него ответственность.

В современных условиях антропоцентризм образования означает понимание учителем изменчивой, сложной природы ребенка, необходимость ее непрерывного изучения через создание педагогических ситуаций, обеспечивающих ревизию прежних представлений, поиск нравственных оснований своих поступков, превращение объективных значений в личностные смыслы.

Аксиологический подход предполагает освоение детьми ценности здорового образа жизни, который складывается как результат воспитания важнейших моральных и волевых качеств личности. Он предполагает, в частности, принятие идеалов физической и нравственной красоты, построение гармоничных межличностных отношений.

Принцип целостности определяет комплексное воздействие на учащихся в процессе воспитательно-образовательной деятельности, которое обусловливает формирование у них восприятие самого себя как уникального создания природы, живущего по ее законам, а также как органичной части социума.

Принцип культуросообразности предполагает подход к образованию как к процессу, целью которого является создание в школе среды, обеспечивающей формирование личности учащегося как субъекта культуры.

Принцип поликультурности предусматривает межэтническое взаимодействие в процессе знакомства с ценностями культуры. Реализация этого принципа позволяет каждому школьнику чувствовать свою неповторимую индивидуальность, при одновременном ощущении единства в многообразии межкультурных проявлений.

Принцип диалога предполагает совместную деятельность всех участников педагогического процесса – учителей, детей, родителей, специалистов школы, направленную на создание условий для роста и развития детей.

Деятельностный подход определяет формирование нравственно-волевых качеств личности ребенка, способствующих реализации осознанных действий, направленных на творческое преобразование себя и окружающего мира [2, с. 67-73].

Особое место среди обозначенных подходов занимает принцип игрового взаимодействия. Игра – одно из важнейших и эффективнейших средств развития личности средств. На ее огромный воспитательный потенциал обращали внимание многие отечественные ученые-педагоги. Так, К.Д. Ушинский писал: «В игре формируются все стороны души человеческой, его ум, его сердце и его воля, и если говорить, что игры представляют будущий характер и будущую судьбу ребенка, то оно верно в двойном смысле: не только в игре высказываются наклонности ребенка и относительная сила его души, но и сама игра имеет большое влияние на развитие детских способностей и наклонностей, а, следовательно, и на его будущую судьбу» [93, с. 516].

Основной путь преодоления школьного неблагополучия – устранение из педагогического процесса формализма и авторитарности. Антигуманная педагогика, отравляющая нравственную атмосферу в школе, искажающая межличностные отношения школьников с учителями и родителями, порождающая паттерны их противоправного поведения, провоцирующая правонарушения должна уступить место педагогике сотрудничества, основанной на уважении и доверии к личности ученика, обеспечивающей демократизацию школьной жизни.

Многие издержки, упущения в деятельности школы являются следствием того, что с детьми, имеющими проблемы, не проводится индивиду-

ально-профилактическая работа. При этом понимание сущности самого индивидуального подхода не должно быть сопряжено только с учетом отдельных особенностей ребенка.

«Индивидуальный подход, - писал А.С. Макаренко, - не означает возню с уединенной капризничающей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание. Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывает и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Индивидуальный подход в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным способностям и склонностям сообщить ему качество личности, определяемое общественным характером воспитания» [46, с. 118].

Индивидуальный подход не есть стремление во что бы то ни стало искоренить отдельные недостатки ребенка, - это апелляция к имеющимся у него достоинствам, их стимулирование и развитие.

Работу с детьми, оказавшимися в затруднительных жизненных обстоятельствах, необходимо начинать с установления в школьном коллективе доброжелательного, уважительного отношения учителей, воспитателей ко всем учащимся, к трудным в первую очередь. Это отношение должно быть искренним со стороны всех педагогов и сотрудников школы. Тон здесь должен задавать директор школы, как говорят, каков поп, таков и приход.

Дефицит дружеского общения, эмоциональную депривацию, которые испытывают дети в семье, могут и должны восполняться учителями и воспитателями. Доверительное общение необходимо в первую очередь для преодоления механизма отчуждения, часто возникающего между педагогом и трудным учащимся. Причиной появления этого отчуждения является излишне строгое, формальное, а иногда и бездушное отношение педагога к учащемуся, его стремление находить как можно промахов, ошибок в поведении ребенка. Педагог при этом постоянно делает замечания учащемуся, высказывает упреки, выносит наказания. Самолюбие ребенка страдает, его поведение принимает форму защитной реакции, проявляющейся в виде негативизма, протеста, пренебрежительного отношения к педагогу и т.д.

Необходимо, прежде всего, изменить негативно окрашенное эмоциональное отношение к неблагополучным семьям, перестать неприязненно относиться к родителям трудных детей, ругать их за плохое поведение де-

тей в школе. Следует чаще отмечать то хорошее, что удалось подметить в поведении и учебе детей, хвалить их при посещении семей и публично – на родительских собраниях во время бесед с родителями в школе. Хвалебные отзывы о воспитательной работе родителей с детьми целесообразно посылать на предприятия, в организации, где они работают.

Установление эмоционально положительных отношений учителей, воспитателей с родителями трудных детей позволяет расположить их к школе; подавляющее большинство родителей при таких условиях будут более серьезно ориентированы на воспитательную работу с собственными детьми.

В педагогической литературе представлены различные взгляды по вопросу о месте школы в системе мер, форм и способов предупреждения насилия над детьми. Большинство исследователей и практических работников признают именно за школой приоритет в решении этой задачи (Антонян Ю.М., Богачева О.П., Дубягин Ю.П., Ильина С.В.)

Ряд авторов (Волкова Е.Н., Волков В.В., Балашова Т.Н., Ладыкова О.В.), оценивая важную роль школы в предупреждении насилия над детьми, полагают, что она может выполнять эту роль только в содружестве с другими социальными институтами и учреждениями: семьей, местными организациями, учреждениями социальной защиты, милицией и т.д.

Наконец, третья группа авторов (Лубовский Д.В., Григорьева А.И.) ограничивает роль школы лишь функциями распознавания и информирования общества о фактах жестокого обращения с детьми.

Нам представляется, что для достижения цели улучшения положения детей существует необходимость создания целостной системы помощи семьям и каждому ребенку, пострадавшему от насилия.

Педагоги, врачи и психологи, работая по специальным программам, могли бы восстановить у детей уважение к себе, повысить уверенность в своих силах и защитные качества, утверждая право каждого на здоровье и безопасность.

Анализ отечественной литературы дает основания утверждать, что в проблематике насилия обозначилось наличие множества понятий: насилие, жестокое обращение, плохое обращение, дурное обращение, принуждение, эксплуатация, синдром опасного обращения с детьми, злоупотребление, управление и манипуляция поведением детей и т.д. При этом указанные понятия используются как синонимы, что обусловлено, очевидно,

многозначностью английского термина «abuse», переводимого на русский язык как жестокое, плохое, дурное обращение, злоупотребление

В англоязычной литературе применительно к проблеме насилия в отношении детей используются только два понятия childabuse и neglect (жестокое обращение и пренебрежение нуждами ребенка), объединяемые аббревиатурой CAN. Такой подход исключает внесение в контекст двойного смысла, искажение содержания и затруднение понимания проблемы.

С этой точки зрения, представляется продуктивным подход А.В. Очировой, считающей целесообразным ограничить понятийный аппарат проблематики насилия над детьми основными дефинициями: насилие, жестокое обращение, злоупотребление правами.

В книге «Защита детей от жестокого обращения», вышедшей под редакцией Е.Н. Волковой, дается определение понятия «жестокое обращение с детьми», классифицируемое как умышленное или неосторожное обращение или действия со стороны родителей или лиц, их заменяющих, других людей, которые привели к травмам, нарушению в развитии, смерти ребенка, либо угрожают правам и благополучию ребенка.

Мы считаем, некорректным использование понятия «неосторожное обращение» в качестве показателя жестокого обращения с детьми, поскольку неосторожность зачастую может быть обусловлена невозможностью, в силу объективных или субъективных обстоятельств, предусмотреть грозящую ребенку опасность.

По нашему мнению, оправданной является позиция А.В. Очировой, подразумевающей под жестокими обращением с детьми такие деяния, мучительный характер которых осознается субъектом и входит в его намерения, то есть при которых имеет место прямой или косвенный умысел.

Вслед за А.В. Очировой мы предлагаем унифицировать понятие «жестокое обращение с детьми» в контексте рассматриваемой проблемы и использовать его в качестве универсального по отношению к данному объекту и данному типу феномена насилия.

Толкование термина «насилие» как применение в отношении ребенка физической силы значительно сужает понимание рассматриваемого феномена, поскольку физическое насилие есть лишь одна из форм жестокого обращения с детьми, которая предполагает активные действия. В то время как жестокость по отношению к ребенку может проявляться также в форме бездействия, когда ребенок, оказавшийся в сложной жизненной ситуации, сталкивается с индифферентностью близких.

Таким образом, наиболее выверенным представляется определение, данное А.В. Очировой: «Жестокое обращение с детьми – любые умышленные, повторяющиеся действия или бездействие по отношению к ребенку со стороны родителей, лиц, их заменяющих, в результате чего нарушается его здоровье и благополучие или создаются условия, мешающие оптимальному физическому или психическому развитию, ущемляются его права и свободы».

При этом под бездействием мы понимаем поддержание условий эмоциональной и сенсорной депривации, проявление равнодушия к нуждам ребенка, отказ в психологической поддержке и обеспечении безопасного окружения, неоказание помощи в случае болезни, неучастие в делах ребенка, унижение его человеческого достоинства, исключение возможностей для личностного роста и развития.

В современной отечественной и зарубежной литературе жестокое обращение рассматривается как одно из ведущих причин асоциального детства (С.А. Беличева, Е.Н. Волкова, Е.М. Вроно, И.Н. Григович, В.Е. Дружинин, Р.Н. Клайберг, А.А. Реан, А.А. Северный, Б.Ю. Шапиро, Т.И. Шульга, G.G. Conger, A. Guggenbuhl, R. Soonets, A.C. Huston, G. Kagan и др.).

Тенденции последних лет показывают, что все большее число детей школьного возраста оказываются вне школы, а зачастую и вне семьи.

По нашему мнению, результативность педагогической деятельности по профилактике жестокого обращения с детьми напрямую связана с достоверностью данных о количестве таких детей.

Метью Липман считает, что существует два источника насилия. Один из них – бездумная импульсивность индивидов. Другой – внутренняя или внешняя агрессивность социальных институтов.

Учитывая этот тезис:

1. Мы связываем факторы, обусловливающие отдельные инциденты агрессии, с наличием ситуационных обстоятельств, а также провокационных действий оппонентов.
2. Среди факторов, провоцирующих агрессию как систему взаимоотношений в семье, и предопределяющих жестокое обращение с детьми, мы выделяем:

- социальные (безработица, социальное неравенство, социальная и правовая незащищенность);

- экономические (низкооплачиваемая работа, низкий уровень дохода, материальная нужда);
- правовые (правовое невежество, правовой нигилизм, правовые формы функциональной безграмотности);
- психолого-педагогические (ощущение фрустрации, крушение надежд, напряженные отношения между членами семьи, дефицит психолого-педагогических знаний, снижение воспитательного воздействия социальных институтов);
- медико-физиологические (хронические психосоматические и соматические заболевания, физическая усталость, злоупотребление алкоголем, наркотиками, другими психоактивными веществами);
- морально-этические (нивелирование моральных ценностей, утрата нравственных ориентиров, дефекты воспитания).

Эффективная профилактика жестокого обращения с детьми предполагает социальное партнёрство государственных органов и общественных объединений, широкую просветительскую работу, направленную на формирование сознательного неприятия случаев насилия над личностью и их категорическое осуждение, повышение уровня правовой и педагогической культуры родителей, правового обеспечения решения проблем насилия в семье, расширения и развития специализированных учреждений помощи жертвам насилия.

Нам представляется, что просвещение населения в этой связи должно включать такие аспекты, как отказ от ментально и культурологически оправдываемых форм насилия, прежде всего, в сфере воспитания; полный отказ от физических наказаний; принятие на личностном уровне ценностного отношения к детям и детству; формирование здорового образа жизни и культуры здоровья личности; реализация условий для повышения уровня социального самочувствия; смягчение воздействия всевозможных стрессов, порождаемых природными, техногенными, экологическими, политическими, военными катаклизмами, преступностью в обществе; воспитание психологической и педагогической толерантности, развитие функциональной грамотности; формирование активной жизненной позиции.

Мы считаем чрезвычайно актуальными в современный период развития нашего общества педагогические подходы к проблеме насилия и жестокого обращения с детьми.

Система воспитания нравственно-волевых качеств учащихся должна строиться на основе важнейших педагогических принципов: антропоцен-

тризма, аксиологического подхода, целостности, культуросообразности, поликультурности, диалога, деятельностного подхода, игрового взаимодействия.

Междисциплинарный характер рассматриваемой проблемы обусловливает необходимость участия в профилактической работе команды специалистов, имеющей в своем составе педагогов, социальных работников, психологов, медиков, юристов, работников культуры.

По нашему представлению, функции междисциплинарной команды специалистов предполагают:

- социальный мониторинг;
- работу по психолого-педагогической диагностике детей, находящихся в группе риска;
- информационно- просветительскую деятельность;
- аналитическую деятельность;
- организационно-профилактическую работу;
- практическую помощь ребенку в конкретной ситуации;
- коррекционно-реабилитационную работу;
- координационную работу и т.д.

Деформации социального развития ребенка, обусловленные, в частности, жестоким обращением с ним могут проявляться в виде школьной дезадаптации, или педагогической запущенности, или в виде более глубокой степени дезадаптации – в виде социальной запущенности.

В изменяющихся социально-экономических условиях современной России наблюдается резкое снижение эффективности воспитательной функции семьи и школы как основных институтов социализации, призванных осуществлять первичную социализацию ребенка и его воспитание вплоть до достижения им социальной зрелости.

Эффективность воспитательной функции семьи обусловлена многими социальными, политическими, экономическими, демографическими, психолого-педагогическими факторами объективного и субъективного характера. К ним, с нашей точки зрения, можно отнести: образ жизни (стиль жизни, уровень жизни, качество жизни, полноту жизни) и систему ценностей семьи; характер взаимоотношений в семье; уровень образования и степень функциональной грамотности членов семьи, их психологические особенности и педагогические способности; ресурс времени, предназначенный для семьи; наличие социальных аномалий; структура семьи; социальная инфраструктура жизнедеятельности семьи и т.д.

В качестве критериев качества выполнения семьей воспитательной функции мы предлагаем использовать:

- формирование позитивных коммуникативных и деятельностных интенций ребенка;

- уровень адекватности поведения детей в различных сферах жизнедеятельности в соответствии с требованиями общества;

- наличие внутреннего механизма самосовершенствования ребенка;

- стремление ребенка к добродеянию, соблюдению норм морали и нравственности;

- отзывчивость ребенка по отношению к воспитательным воздействиям родителей, взаимопонимание между детьми и родителями.

Если ребенок оказался в условиях семейного неблагополучия, остается надежда на то, что оно может быть компенсировано школьным благополучием. Однако в большинстве случаев происходит как раз наоборот: семейное неблагополучие подростка усугубляется его школьным неблагополучием; ситуация отчужденности, непонимания, одиночества в семье – дополняется аналогичной ситуацией в школьном классе.

Доброжелательные отношения между учащимися и педагогами, воспитателями, сотрудниками школы должны сопровождаться распространением этих отношений и на родителей трудных детей.

Система воспитания нравственно-волевых качеств учащихся должна строиться на основе важнейших педагогических принципов: антропоцентризма, аксиологического подхода, целостности, культуросообразности, поликультурности, диалога, деятельностного подхода, игрового взаимодействия.

Работу с детьми, оказавшимися в затруднительных жизненных обстоятельствах, необходимо начинать с установления в школьном коллективе доброжелательного, уважительного отношения учителей, воспитателей ко всем учащимся, к трудным в первую очередь. Это отношение должно быть искренним со стороны всех педагогов и сотрудников школы.

При изучении процесса профессионализации педагога, в том числе в свете требований, предъявляемых работой с социально неадаптированными детьми и детьми, подвергающимися жестокому обращению, наиболее актуальными являются синергетический, акмеологический, аксиологический компетентностный и гендерный подходы.

Однако следует иметь в виду, что теоретическая подготовка педагога, практическое использование накопленного им опыта могут

оказаться неэффективными без формирования и стимулирования самовоспитания учащихся.

Проведенный анализ дает основания сделать вывод о том, что в настоящее время в стране существует необходимость создания целостной системы специально организованной профессиональной многопрофильной медико-социально-юридическо-психолого-педагогической помощи детям, заключающейся в выявлении, определении и разрешении их проблем с целью реализации и защиты прав каждого ребенка на полноценное развитие и образование.

Структурно-функциональная модель педагогической профилактики жестокого обращения с детьми

Насилие и ненасилие – этические понятия, характеризующие взаимодействие человека с окружающей действительностью: с природой, обществом, с предметным миром и миром человеческих отношений.

Идея ненасилия как общечеловеческой ценности представлена в гуманистической философии (А.А. Гусейнов, В.С. Соловьев, В.С. Степин), гуманистической психологии (А. Маслоу, Ю.М. Орлов, Ф. Перлз, К. Роджерс), отечественной гуманистической педагогике (К.Н. Вентцель, Л.Н. Толстой) и в исследованиях педагогики ненасилия (А.Г. Козлова, В.Г. Маралов, В.А. Ситаров), рассматривающих ненасилие как отказ от принуждения.

Педагогика ненасилия утверждает признание ценности человека и его жизни, отрицание принуждения как способа решения проблем и конфликтов в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения. Это высший уровень творческого педагогического управления, переходящий в самоуправление личности ученика, позволяющий ему в случае необходимости решительно и обоснованно принимать правильные решения.

По нашему определению ненасилие как принцип педагогики выступает в качестве детерминанты доверительного, бесконфликтного, эффективного и продуктивного педагогического взаимодействия, в качестве способа проявления педагогической толерантности.

Конкретные задачи педагогики ненасилия могут быть представлены в виде двух взаимосвязанных блоков:

- задачи, связанные с воспитанием у подрастающего поколения миролюбия, духа ненасилия;

- задачи, связанные с гуманизацией процесса обучения и воспитания, взаимодействия взрослых и детей [36, с. 85].

Особое значение имеет личность учителя, его доброжелательность, эмпатия, компетентность, умелое управление классом, способность к установлению психологически комфортного климата в коллективе.

Педагог, обладающий позицией ненасилия, способен не раздражаться, не обижаться, эмоционально устойчив, уверен в себе, обладает позитивной открытостью, терпим к чужому мнению и к другому человеку, умеет сдерживать свою агрессивность и формировать в сознании намерения, связанные с ненасильственными действиями, позитивно оценивает детей, снижает у них уровень напряженности, тревожности и страхов [68, с. 38].

Специфика педагогической деятельности обусловливает высокие требования к психологической устойчивости и эмоциональному статусу учителя. Однако, как показывают исследования санкт-петербургских ученых, уровень невротизма у учителей начальных и старших классов достигает показателей 38,6% и 40,8% соответственно. По данным таллиннских исследователей, высокий уровень тревожности проявляют 72,5% учителей начальной школы и 59,3% преподавателей в старших классах. Такому состоянию способствует ощущение несвободы, о котором говорили 70,2% респондентов, отсутствие душевного равновесия - 58,4%, потеря веры в себя - 51,8%. Отмечено, что 92% опрошенных учителей не уверены в своем будущем, а 64% считают, что ограничены в своих возможностях [66, с.131].

Как признано мировым сообществом и провозглашено ”Конвенцией ООН о правах ребенка”, дети как особая, не являющаяся правоспособной и вместе с тем значительная часть общества, нуждаются в специальных механизмах защиты и реализации их прав. Тем более, что родители или официальные попечители, призванные защищать права ребенка, не всегда способны выполнить эту функцию, а зачастую сами являются злостными нарушителями.

Решение проблемы представляется возможным лишь на основе социального партнёрства государственных органов и общественных объединений через широкую просветительскую работу, направленную на формирование сознательного неприятия случаев насилия над личностью и их ка-

тегорическое осуждение, повышение уровня правовой и педагогической культуры родителей, правового обеспечения решения проблем насилия в семье, расширения и развития специализированных учреждений помощи жертвам насилия.

Принимая во внимание все сказанное, можно утверждать, что проблема насилия над детьми носит вполне педагогический характер, хотя ее механизмы находятся в ведении преимущественно психологии, добившейся наиболее существенных результатов в изучении природы агрессивного поведения человека, а меры борьбы с проявлениями насилия – прерогатива юриспруденции, где трудно переоценить значение превентивных мер и профилактической работы с неблагополучными семьями. Тем не менее, единственно педагогика, опираясь на опыт и достижения смежных наук, может дать ответ на вопрос: как сделать детство безопасным, а детей - защищенными.

Говоря о насилии над детьми, нужно принимать во внимание тот факт, что воспитанием и развитием детей занимается педагогика, хотя каков может быть результат воспитания, когда в семье процветает насилие, главным способом взаимодействия взрослых и детей является подавление, ограничение, ущемление прав ребенка?

Жестокое обращение с детьми отделяет их от семьи, может служить причиной их агрессии по отношению к сверстникам, а в дальнейшем – и разлада в их будущих семьях. Дети-жертвы насилия, как правило, отстают в развитии, часто болеют и очень редко получают полноценное образование.

Основные направления педагогической работы в отношении обозначенной проблемы состоят в следующем: 1) раннее выявление фактов жесткого обращения с детьми и 2) участие школы в образовании родителей, хотя существует мнение, что навыки воспитания детей и потребность родителей защищать своих детей являются инстинктивными и естественными для человека и не требуют дополнительного обучения [108, с. 19].

Зачастую профессиональная несостоятельность учителей и педагогическая – родителей порождает ситуации, дающие нам «трудных» индивидов, «образование» которых обычно завершается в криминогенных группах [68, с. 133].

Как писал Питирим Сорокин: «Родители и учителя в своей совокупности влияют на ход истории своего народа не меньше, а больше, чем гла-

ва государства или глава церкви, а потому и ответственность первых за судьбы общества не меньше, чем ответственность последних. Это следует помнить всякому народу, желающему процветать» [88, с. 57].

Педагогика ненасилия утверждает признание ценности человека и его жизни, отрицание принуждения как способа решения проблем и конфликтов в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения. Это высший уровень творческого педагогического управления, переходящий в самоуправление личности ученика, позволяющий ему в случае необходимости решительно и обоснованно принимать правильные решения.

На педагоге лежит огромная ответственность за формирование личности воспитанника, поэтому чрезвычайно важно быть чутким, деликатным к развивающемуся человеку, терпимым к его недостаткам. «Настоящая любовь воспитателя к воспитанникам – огромное необратимое желание дать им то, что есть в вас доброго для вас самих» [89, с. 61].

«Существует два способа изменения поведения людей, - считает Дж. Тернер, - первый осуществляется через личное и добровольное принятие взглядов, норм, существующих в социальном окружении, когда поведение человека меняется благодаря тому, что чьи-то взгляды становятся его собственными, хотя сначала они, возможно, весьма различались (вспомним героиню рассказа А.П. Чехова «Душечка» - авт.).

Второй способ реализуется через давление, принуждение, когда происходит подчинение авторитету или большинству и имеет место конформность, но это изменение не затрагивает сущности человека» [90, с. 7].

Предлагаемая нами концептуальная модель формирования ненасильственного межличностного педагогического взаимодействия, которая включает в себя теоретико - методологический, организационно - практический, инструментально - деятельностный и личностно - индивидуальный компоненты, может быть реализована в рамках культурно-воспитательного и образовательного пространства общеобразовательной школы (Рис.1).

Превентивная воспитательная работа должна проводиться с ориентацией на систему оценки ее эффективности, которая имеет следующие уровни:

- первый - когда объект педагогического воздействия не только освободился от присущих ему ранее отклонений, но и помогает в исправлении других членов коллектива;
- второй – воспитуемый признает правомерность и необходимость превентивных педагогических действий и положительно реагирует на них;
- третий – воспитуемый не готов к превентивному влиянию, не осознает его значимости и необходимости;
- четвертый – воспитуемый агрессивно воспринимает превентивные усилия педагога, всячески противится профилактическим воздействиям и взаимодействиям [18, с.113].

В.Н. Герасимов [18, с. 98] предлагает классификацию направлений педагогической профилактики негативных проявлений со стороны детей, входящих в группу риска, и соответствующих им методов воспитания (Табл. 1).

Таблица 1

Направления педагогической профилактики негативных проявлений в поведении детей и соответствующие им методы воспитания

Направление педагогической профилактики (классификационное основание)	Методы воспитания
реализация диагностической и восстановительной функций	переубеждение переучивание «реконструкция характера»
реализация исправительной и компенсирующей функций	метод «взрыва» (А.С. Макаренко – авт.) разрыв нежелательных контактов
реализация корректирующей и прогностической функций	метод критики и самокритики опосредованное педагогическое воздействие метод перспективных линий
реализация стимулирующей и побуждающей функций	самоисправление соревнование поощрение принуждение

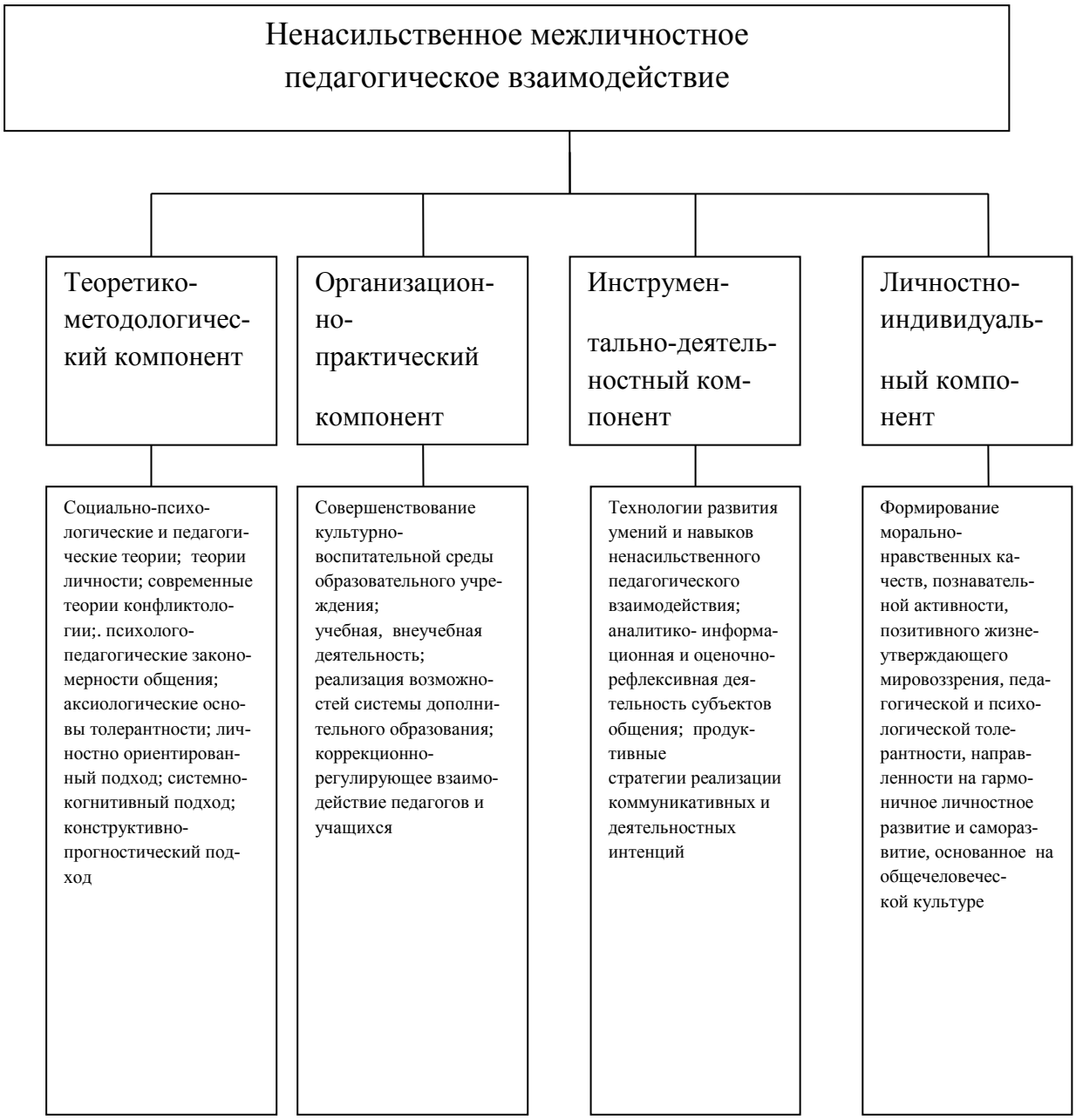

Рис. 1. Концептуальная модель формирования ненасильственного межличностного педагогического взаимодействия

Реализация того или иного приема превентивной воспитательной деятельности характеризуется созданием определенной педагогической ситуации. При этом под приемами превентивных воздействий подразумеваются частные способы решения воспитательных задач превентивного характера.

Исходя из этого определения, Э.Щ. Натанзон предлагает разделить такие приемы на две условные группы: созидающие, то есть способствующие формированию положительных норм, привычек поведения, и тормо-

зящие – способствующие преодолению различных отклонений в поведении воспитуемых (Табл. 2) [55, с. 202].

Таблица 2

Приемы превентивных педагогических воздействий

Созидающие приемы	Тормозящие приемы
1. Разъяснение 2. Доказательство 3. Доверие 4. Доброта, внимание, забота 5. Обходное движение 6 Акцентирование 7. Анализ ошибочных суждений 8.Косвенное воздействие 9. Просьба 10. Активация духовных чувств 11. Вовлечение в интересную деятельность 12. Организация успеха в учебе 13.Нравственное упражнение и др.	1. Опровержение 2. Осуждение 3. Возмущение 4.Приказание 5. Наказание 6. Параллельное педагогическое действие 7. Педагогический упрек 8. Намек 9. Мнимое безразличие 10. Возбуждение тревоги о предстоящем наказании 11. Обострение борьбы мнений и др.

На основании комплексного подхода к решению рассматриваемой проблемы нами разработана структурно-функциональная модель педагогической профилактики жестокого обращения с детьми, которая включает в себя следующие компоненты:

-теоретическую и методическую подготовку педагогов к работе по профилактике жестокого обращения с детьми;

- педагогическую работу с детьми в рамках культурно-воспитательной и образовательной среды школы;

- психологическую работу с детьми и с семьей (родителями);

- активное взаимодействие с органами социальной защиты, социально-психологическими службами и медицинскими учреждениями, с органами правопорядка.

При этом содержание каждого направления профилактической деятельности, совокупность их методического и диагностического обеспечения способствуют достижению эффективных результатов профилактической работы, а именно: ориентированию детей на здоровый образ жизни,

на развитие позитивных поведенческих стратегий, личностных ресурсов, креативных способностей, перцептивных и коммуникативных навыков; снижению уровня дезадаптации детей; формированию готовности детей, педагогов и родителей к объединению усилий в рамках педагогической профилактики насильственных форм взаимодействия (Рис. 2).

Рис. 2. Структурно-функциональная модель педагогической профилактики жестокого обращения с детьми

Период переломных изменений в общественной жизни России, предопределяет приоритетность мягкого толерантного управления воспитанием с использованием культурно-воспитательного и образовательного потенциала специфической внутришкольной среды.

В организации и регулировании среды виделась Л.С. Выготскому основная роль педагога. При этом должная степень активности требуется и от воспитанников, и от педагогов, считал Л.С. Выготский: «активен ученик, активен учитель, активна заключенная между ними среда» [16, с. 89].

Среда школы не является сама по себе фактором личностного развития учащегося, она влияет только тогда, когда включена в образовательный процесс, когда школьник интериоризирует содержащиеся в ней ценности, смыслы и нормы. В этом значении среда уже не просто некое пространство – это уже важнейшая социокультурная характеристика школы.

Несмотря на широкое употребление, понятие «среда» не имеет четкого и однозначного определения в научной литературе. В самом общем смысле «среда» понимается как окружение [61, с. 660].

Наряду с термином «среда» в литературе активно используется целый ряд других терминов, таких как «среда человека», «среда людей», «человеческая среда», «окружающая среда», «жизненная среда», «человеческое окружение» и т.д.

Среда человека охватывает комплекс природных (физических, химических, биологических) и социальных факторов, которые могут влиять прямо или косвенно, мгновенно или долговременно на жизнь и деятельность людей. Чем больше и полнее личность использует возможности среды, тем успешнее происходит ее свободное и активное саморазвитие.

В главной педагогической работе Януша Корчака «Как любить ребенка», впервые изданной в 1919 году в Варшаве, описаны четыре типа «воспитывающей среды»: догматической, идейной, среды безмятежного потребления и среды внешнего лоска и карьеры.

Догматическая среда, по Я. Корчаку, - это традиция, авторитет, обряд, веление как абсолютный закон, необходимость как жизненный императив. Дисциплина, порядок, добросовестность. Серьезность, душевное равновесие и ясность, вытекающая из твердости, ощущения прочности и устойчивости, уверенности в себе, в своей правоте. Самоограничение, самопреодоление, труд как закон, высокая нравственность как навык. Благоразумие, доходящее до пассивности, одностороннего игнорирования прав и правд, которых не передала традиция, не освятил авторитет, не закрепил механически шаблон поступков.

Личность, воспитывающаяся в догматической среде, как правило, пассивна, зачастую ее спокойствие трансформируется в отрешенность и апатию.

Сила идейной среды не в твердости духа, а в полете, порыве, движении. Здесь не работаешь, а радостно вершишь. Творишь сам, не дожидаясь повеления. Нет повеления – есть добрая воля. Нет догм – есть проблемы. Нет благоразумия – есть жар души, энтузиазм. Сдерживающее начало здесь – отвращение к грязи, моральный эстетизм. Бывает, здесь временами ненавидят, но никогда не презирают. Терпимость тут не есть половинчатость убеждений, а уважение к человеческой мысли, радость от того, что мысль парит на разных уровнях и в разных направлениях – сталкиваясь, снижая полет и вздымая – наполняет собой просторы. Отважный сам, ты жадно ловишь звуки чужих молотов и с любопытством ждешь завтрашнего дня, его новых восторгов, недоумений, знаний, заблуждений, борьбы, сомнений, утверждений и отрицаний.

В идейной среде формируется личность, которая характеризуется активностью освоения и преобразования окружающего мира, высокой самооценкой, открытостью и свободой своих суждений и поступков.

Среда безмятежного потребления определяется Я. Корчаком как среда, где царят душевный покой, беззаботность, чувствительность, приветливость, доброта; трезвости сколько надо; самосознание, какое добывается без труда. Нет упорства ни в желании сохранить, продержаться, ни в стремлении достичь, найти. Индивид живет в атмосфере внутреннего благополучия и ленивой, консервативной привычки, снисходительности к современным течениям, среди привлекательной простоты. Здесь он может быть всем, чем он хочет: сам - из книжек, бесед, встреч и жизненных впечатлений - создает себе основу мировоззрения, сам выбирает путь.

По мнению Я. Корчака, в подобной воспитывающей среде формируется личность, которая, в принципе всегда довольна тем, что у нее есть. Основной чертой такой личности можно считать жизненную пассивность, неспособность к напряжению и к борьбе. Встречаясь с трудностями и препятствиями, такой человек предпочитает самоустраниться от их разрешения, продолжая скрываться в своем иллюзорном мире, как улитка скрывается в своей раковине.

Среда внешнего лоска и карьеры характеризуется присутствием упорства, но оно вызвано к жизни холодным расчетом, а не духовными потребностями. Ибо нет здесь места для полноты содержания, есть одна лукавая форма – искусная эксплуатация чужих ценностей, приукрашивание зияющей пустоты. Лозунги, на которых можно заработать. Этикет, которому надо покоряться. Не достоинства, а ловкая самореклама. Жизнь не как труд

и отдых, а вынюхивание и обхаживание. Ненасытное тщеславие, хищность, недовольство, высокомерие и раболепие, зависть, злоба, злорадство. Здесь людей не любят и не воспитывают, здесь их только оценивают, теряют на них или зарабатывают, покупают и продают.

Основные черты личности, формирующейся в такой среде, - фальшь и лицемерие, искусная игра и точно пригнанная маска, стремление к карьере за счет хитрости, подкупа, высоких связей и т.д. [105].

Типология «воспитывающей среды» Корчака носит, на наш взгляд, эвристический характер и может рассматриваться в качестве методологической основы для формирования культурно-воспитательной среды современной школы.

Сознание личности формируется благодаря информации, получаемой из внешней среды. Сам в себе человек никакой информации образовать не может. Если человека с детства поместить в информационный вакуум, человека не будет. Чтобы сформировать личность, необходимо поступление информации извне. Какая информация будет поступать, такая личность будет формироваться [71].

Учебное заведение – наиболее удобное место для проведения профилактической работы, так как здесь осуществляется систематическое целенаправленное обучение на протяжении ряда лет. В общий учебный план должны включаться создаваемые специально для данного образовательного учреждения профилактические программы, реализуемые в ходе регулярных занятий.

При создании профилактических программ необходимо руководствоваться системно-структурными, социальными, психологическими подходами и соответствующей им совокупностью принципов [78, с. 6].

К системно-структурной группе принципов относятся непрерывность профилактической работы, повторение сведений, конкретность и доступность, системность, стратегическая целостность (единая, целостная стратегия профилактики), многоаспектность.

В социальной группе принципов можно выделить деловитость, активную инициативу и опережение, выработку индивидуальных и социальных установок.

Принципы психологической группы – правдивость, доверие, поддержка и стимулирование собственного поиска информации, познание себя и других, адресность (учет гендерных, возрастных и психологических особенностей детей).

В силу психологических особенностей возрастного периода школьники открыты для отношений с взрослыми, в основном доверяют им и, несмотря на усиливающееся значение общения со сверстниками, продолжают ориентироваться на взрослых, на их нормы и ценности. Подростки ждут предоставления им равенства прав с взрослыми, они хотят ощущать свою «взрослость». Вместе с тем подросток осознает, что его «взрослость» не совсем еще подлинная. Для подростка более важно признание его самостоятельности, его равных прав с взрослыми, чем действительная их реализация.

В отрочестве, объединяющем предподростковый, младший подростковый и средний подростковый возраст, открывается возможность перехода к новой, более высокой форме учебной деятельности, в которой для учащихся раскрывается ее смысл как деятельности по самообразованию и самосовершенствованию. Переход от младшего школьного возраста к подростковому есть одновременно переход к иной, более высокой форме учебной деятельности и новому отношению к учению, приобретающему в этот период личностный смысл [104, с. 267].

Важно также использовать то, что центральное место в учебной мотивации школьника занимает мотив самоутверждения. Таким образом, профилактическая и развивающая работа будет эффективна настолько, насколько она способствует удовлетворению важнейших потребностей подростка в общении и самоутверждении и насколько она включена в широкий контекст общего личностного развития школьника.

Кроме того, представляется особо важным использование потенциала гуманитарных предметов, преподаваемых в школе, в целях формирования у учащихся позитивного мировоззрения, миролюбия, мотивации ненасильственного межличностного взаимодействия.

Л.К. Фортова считает, что педагогическая деятельность по профилактике жестокого обращения с детьми, реализуемая в условиях школы, должна строиться на следующих принципах:

1. Компетентность разработчиков профилактических программ.
2. Разумный выбор объектов профилактики.
3. Привлечение широкого спектра средств для пропаганды здорового образа жизни [97, с. 54].

При этом педагог решает общие задачи. К которым относятся:

- инициирование субъективного опыта учения;
- развитие индивидуальности ребенка;

- признание самобытности, самоценности, уникальности каждого ученика [43, с. 16].

Психологическая работа с учащимися, направленная на профилактику жестокого обращения, связана со сложной задачей выделения четких критериев, свидетельствующих о насилии над ребенком и получением достоверной информации о фактах насилия.

Данная проблема сложна для диагностики потому, что связана с эмоциональными переживаниями и исследователя, и респондента. Факты большинства насильственных действий часто просто скрываются потерпевшим в силу разных причин.

Опираясь на научные данные, группа авторов под руководством Е.Н. Волковой [26, с. 133] разработала систему показателей, которые прямо или косвенно могут свидетельствовать о распространенности насилия над детьми в России (Табл. 3).

Таблица 3

Показатели распространенности случаев насилия над детьми

Показатели	Обоснование показателей
- численность детей, отобранных у родителей, лишенных родительских прав; - численность детей, отобранных у родителей без лишения родительских прав; - количество несовершеннолетних матерей; - количество семей, находящихся на учете социальных служб по поводу жестокого обращения с детьми	данные показатели являются косвенными и дают возможность анализа семей группы риска
- смертность детей и подростков от неестественных причин в возрасте 0- 14 лет (в частности, от несчастных случаев, травм и отравлений); - количество самоубийств в детском и подростковом возрасте; - заболеваемость вследствие травм, отравлений и других внешних причин; - заболеваемость детей и подростков болезнями, передаваемыми половым путем; - прерывание беременности у женщин в возрасте до 16 лет;	некоторые поведенческие нарушения, а также нарушения здоровья и смертность в детском и юношеском возрасте свидетельствуют о возможном совершении насилия по отношению к детям

- численность детей и семей, обслуженных в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, в социальных приютах, для детей и подростков, в кризисных центрах для женщин, в других учреждениях социального обслуживания семьи и детей; - численность детей с нарушениями питания, рахитом, анемией; - численность детей, отстающих в физическом и психическом развитии; - количество детей, находящихся в специальных школах для совершивших общественно опасные деяния; - количество детей-беспризорников и бродяг; - количество детей до 14 лет, не посещающих школу; - количество детей, которые не имеют родителей; - количество детей, которые воспитываются в неполной семье; - количество детей в домах-интернатах; - численность подростков, совершивших преступления и правонарушения	
- убийство матерью новорожденного; - умышленное причинение вреда здоровью детей и подростков; - половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 14 лет; - развратные действия; - торговля несовершеннолетними; -неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних; - вовлечение детей и подростков в занятия проституцией; - другие виды преступлений по отношению к детям и подросткам	зарегистрированные преступления, совершенные взрослыми в отношении несовершеннолетних, напрямую отражают ситуацию насилия и жестокого обращения с детьми и подростками

Задачам первичной профилактики жестокого обращения с детьми отвечают программы, направленные на восполнение различных личностных дефицитов (например, развитие уверенности в себе и соответствующего поведения), преодоление жизненных трудностей (например, программы развития навыков конструктивного взаимодействия в сложных

жизненных ситуациях), снижение тревожности (школьной, самооценочной, межличностной) как показателя неблагополучного личностного развития, формирование адекватной самооценки, снижение агрессивности, конфликтности и т.д.

Понятием психогимнастика обозначают очень широкий круг упражнений: письменных и устных, вербальных и невербальных. Они выполняются в группах, могут быть специализированными и воздействовать преимущественно на ту или иную психическую характеристику или носить более универсальный характер, оказывать более генерализованное воздействие.

Существует ряд программ, направленных на помощь родителям в развитии навыков по воспитанию ответственных и самостоятельных детей. Среди них можно выделить: программу «Воспитание на основе здравого смысла» [27, с. 202], программу «Изменение проблемного поведения ребенка» [27, с. 208], программу «Дети, совершившие преступление» [51, с. 65], комплексную профилактическую программу С. Дж. Купер [39, с.58], содержащую семинары для детей и родителей и др.

Большинство родителей способно воспитывать детей приемлемыми в обществе методами. Тем не менее, совершенно очевидно, что многим родителям в определенное время требуется помощь и поддержка.

В ряде случаев подростки из тех семей, где родители мало интересуются делами ребенка (невысокий образовательный и культурный уровень родителей) имеют негативное влияние на окружающих сверстников. Так происходит снижение авторитета родителей у детей референтной группы. Преодоление данной ситуации начинается с формирования позитивных интересов у детей, с вовлечения родителей в совместную с детьми деятельность.

В последнее десятилетие образование родителей завоевало большую популярность как средство повышения компетентности в вопросах воспитания и ухода за детьми. В процессе этой деятельности вместе с навыками и знаниями о ”родительстве”, семьям как бы предъявляется некий стандарт адекватной роли родителя.

Вместе с тем следует отметить, что популярность образования родителей способствовала формированию ошибочного мнения о том, что это своего рода панацея от всех бед, связанных с проблемой жестокого обращения с детьми. Тем не менее, информирование родителей необходимо, дабы они не оказались беспомощными в кризисной ситуации.

Так, например, И.С. Кон в своей книге «Социологическая психология» советует: « На тот случай, если ваш ребенок подвергся сексуальному нападению, есть несколько простых правил.

Сохраняйте спокойствие. От вашей реакции во многом зависит, как ребенок воспримет и переживет инцидент.

Внимательно отнеситесь к словам ребенка, не отбрасывая их как нечто невероятное. Даже если эти факты не имели места, очень важно понять истоки его фантазии.

Поговорите с ребенком. Постарайтесь узнать точные факты, но не давите, не вымогайте исповедь насильно. Внимательно вслушайтесь в то, что ребенок говорит сам, добровольно.

Успокойте ребенка. Дайте ему понять, что вы любите и ни в чем не обвиняете его, избавьте его от чувства стыда и вины.

Будьте честны. Скажите ребенку, что вы собираетесь делать, и спросите его, согласен ли он с вашими намерениями (например, пойти к врачу или в милицию).

Подбодрите ребенка. Не заставляйте его делать ничего, к чему он не готов, и помогите ему как можно скорее возобновить его привычную деятельность.

Наконец, обратитесь за профессиональной помощью – психологической, правовой и медицинской…. Но главное – иметь подготовленные кадры» [38, с. 500].

Социальные аспекты деятельности педагога предусматривают взаимодействие с органами социальной защиты, социально-психологическими службами, медицинскими учреждениями, службами организации досуга детей, учреждениями дополнительного образования, органами правопорядка.

Однако в современной России отмечается опасная тенденция, связанная с уменьшением количества школ и детских садов в сельской местности, хотя более половины всех детей в стране проживает в сельской местности. К сожалению, сокращается число женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий и учреждений, имеющих женские консультации и детские отделения. Следует также отметить, что происходит сокращение не только количества специализированных детских больниц – в 27 субъектах Российской Федерации центральных детских областных и краевых больниц нет - но и числа врачей-педиатров: к 2003 году их число сократилось на 2,2 тыс. человек [26, с. 168].

Крайне мало служб кризисного реагирования – телефонов доверия, кризисных центров, специализированных приютов для детей- жертв насилия.

Особое положение занимают службы организации досуга детей и учреждения дополнительного образования. В сфере досуга создаются особого рода коллективы, основой жизнедеятельности которых является общность интересов и их удовлетворение в процессе добровольного общения. Воспитание в коллективе – важнейший принцип педагогики. Коллектив как совокупность индивидов, объединенных общими целями – это мощная сила, способная сформировать и развить все важнейшие качества личности.

Не смотря на то, что количество досуговых организаций для детей увеличивается, многие из них оказываются недоступными для большинства детей в силу ряда причин: из-за жестких критериев отбора для занятий в кружках и секциях, из-за высокой платы за обучение, из-за территориальной удаленности и т.д.

Кроме того, в России практически отсутствуют некоторые службы, необходимые для полноценной профилактической работы по предотвращению насилия (например, институт уполномоченного по правам ребенка, специализированные междисциплинарные центры по предотвращению насилия и жестокого обращения с детьми), недостаточно развит институт приемной семьи и т.д. [26, с. 169].

В экстренной ситуации, угрожающей жизни ребенка, его изымают из семьи и помещают в больницу, отдают родственникам или в приют временного пребывания.

В 2000-2002 г.г. в справочниках «Детство без насилия и жестокости» были опубликованы данные о более чем трехстах общественных организациях, занимающихся проблемами асоциального детства в России. Это серьезная сила, способная оказать действенную помощь для решения проблем детей, попавших в трудную жизненную ситуацию [13, с.78].

В результате реализации разработанной нами структурно-функциональной модели педагогической профилактики жестокого обращения с детьми в конкретной школе можно рассчитывать на формирование готовности педагогов, школьников и их родителей к объединению усилий в рамках мероприятий по превенции насилия по отношению к детям.

Использованные источники

1. Акатова Т.И. Языковая функциональная грамотность и языковая культура студентов: психолого-педагогический аспект: Монография.-М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006.-237 с.

2. Алиев М.Н., Гусейнов А.Г. Воспитание нравственно-волевых качеств у детей средствами физической культуры // Педагогика.-№ 1.- 2008.- С.67-73.
3. Асанова Н.К. Руководство по предупреждению насилия над детьми.- М.: Издательский гуманитарный центр ВЛАДОС, 1997.- 160 с.
4. Баринова А.Н. Педагогические аспекты профилактики вредных привычек у юношей. Дис. … канд. пед. наук.-Владимир, 2006.-212 с.
5. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. - М.: Редакционно-издательский центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1993.- 199 с.
6. Беляничев В.В. Изучение средовой адаптации детей с делинквентным поведением. Сборник тезисов международной конференции: Подростки и молодежь в меняющемся обществе (проблемы девиантного поведения).- М.: Новый отсчет, 2001.- 189 с.
7. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства.- М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.- 415 с.
8. Берн Э. Игры, в которые играют люди.- М.: Изд-во Эксмо, 2004.-320 с.
9. Большой психологический словарь. – М.: Просвещение, 2003. – 535 с.
10. Большой толковый социологический словарь. В 2 тт. М., 1999.- 784 с.
11. Большой юридический словарь.- М., 1997.-568 с.
12. Большой юридический словарь.- М., 1998.-584 с.
13. Боннер Б., Балашова, Т., Чаффин М., Соонетс Р. Краткий очерк по развитию предотвращения насилия над детьми в Восточной Европе.- Будапешт, 2004.- 176 с.
14. Бородич С. В мерии обсудили вопросы жестокого обращения с детьми http://saratov.rfn.ru/rnews.html? id=41581
15. Валиева С.Ф. Роль семьи в процессе социализации ребенка //Вестник МГУ. Серия 18. -1997.-№3. - С.122-125.
16. Выготский Л.С. Педагогическая психология.- М., 1991.- 456 с.
17. Выготский Л.С. Проблемы дефектологии.-М., 1985.-348 с.
18. Герасимов В.Н. Основы превентивной педагогики: Монография.- М.: Ву, 195.- 225 с.
19. Григорьева А.И., Егорова Л.Г.Педагог в гуманистической воспитательной системе школы.- Тула: ТОИРО, 1996.-168 с.
20. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4.- Т.2. – М.: Русский язык, 1978.- Т.2, 1979.-779 с.

21. Деминский В.А. Гендерный подход к психологическому исследованию профессионализации педагога // Педагогика 2008.- № 1. - С. 74- 78.
22. Догадина М.А.. Пережогин Л.О. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших.- М., 2000.-189 с.
23. Ермаков В., Крюкова Н, Несовершеннолетние преступники в России.- М., 1999.-196 с.
24. Ермоленко В.А., Перченок Р.Л., Черноглазкин С.Ю. Дидактические основы функциональной грамотности в современных условиях: Пособие для работников системы образования /Рос. Акад. Образования, теории образования и педагогики.- М., 1999.-228 с.
25. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков.-Л., 1982.- 168 с.
26. Защита детей от жестокого обращения / Под ред. Е.Н. Волковой.- СПб.: Питер, 2007.-256 с.
27. Защита детей от насилия и жестокого обращения. Рабочая книга /Под ред Е.Н. Волковой.- Нижний Новгород, 2004.-244 с.
28. Зверева Н.М., Касьян А.А. Методологическое знание в содержании образования // Педагогика. – 1993. – № 1. – С. 9-12.
29. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня.- 2003.-№ 5.-С.34-42.
30. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Фролов Д.Ф., Грабенко Т.М. Теория и практика командообразования. Современная технология создания команд .-СПб., 2004.-144 с.
31. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации.- СПб., 2003.-242 с.
32. Иванова Н.Н. Социализация и социальная адаптация детей с когнитивными нарушениями в системе дополнительного образования: Монография.- Тамбов: ЧП Першина Т.В., 2004.-176 с.
33. Иващенко Г.М. Общие принципы организации профилактической и реабилитационной работы и условия их реализации.- М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 1999.-179 с.
34. Ильчиков, М.З. Социология воспитания / М.З. Ильчиков, Б.А. Смирнов.- М., 1996.-111 с.
35. Киреев Г.Н. Сущность насилия.- М., 1990.- 244 с.
36. Козырев Г.И. Проблема насилия в теории, массовом сознании и реальной жизни //Вестник МГУ. Сер.7. Философия.-2000.-№ 6.-С.85-92.

37. Колосова С. Агрессия и агрессивность //Школьный психолог, 2000.-№ 26.-С.18-24.
38. Кон И.С. Социологическая психология.- М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999.-560 с.
39. Купер Салли Дж. Пособие для работников проекта по предотвращению насилия по отношению к детям.- Нью-Джерси, 1978.- 146 с.
40. Кучмаева О.В., Марыганова Е.А., Петрякова О.Л. Мониторинг воспитательного потенциала семьи //Педагогика.-№ 3.-2008.-С. 53-59.
41. Ладыкова О.В. Психологические особенности взаимодействия команды специалистов, работающих по предотвращению насилия и жестокого обращения с детьми. Дисс. канд. психол. наук.- М., 2004.-176 с.
42. Левина М.М. Технологии профессионального педагогического образования: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Педагогика, 2001. – 346 с.
43. Лешер В.Ю. Развитие творческого потенциала подростка в учреждениях дополнительного образования. Автореф. дис. канд. пед. наук.- Оренбург, 2000.-24 с.
44. Липман М. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия http://www.philosophy.ru/iphras/library/deti/ch2.Html
45. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история.- М., 1996. - 540 с.
46. Макаренко А.С. Лекции о воспитании детей //Соч. в семи томах. Т.4. - М., 1957.- 464 с.
47. Макеева А.Г. Педагогическая профилактика наркомании в школе.- М.: Сентябрь, 1999. - 206 с.
48. Макеева А.Г. Все цвета, кроме черного: педагогическая профилактика наркотизма школьников: метод. пособие для учителя 10-11 кл./ под ред. М.М. Безруких. - М.: Просвещение, 2005. – 64 с.
49. Максимова Н.Ю. Психологическая профилактика алкоголизма и наркомании несовершеннолетних: Учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 384 с.
50. Малиновский А.А. Злоупотребление правом.- М., 2002.-188 с.
51. Морозова Л.Б. Консультация по переписке с подростками, отбывающими наказание. Руководство для практических психологов.- Нижний Новгород, 2001.- 164 с.
52. Морозова Л.Б. Междисциплинарный подход в работе с трудными семьями.- Н.Новгород, 2003.- 109 с.

53. Мудрик А.В. Мои методологические штудии.-М.: МСЭИ, 2008. - 36 с.
54. Мудрик А.В. Создание условий развития личности в воспитательных организациях. - М.: МСЭИ, 2008.-246 с.
55. Натанзон Э.Щ. Приемы педагогического воздействия.- М.: Просвещение, 1972.- 342 с.
56. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед учеб. заведений: В 3 кн. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – Кн. 3.: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. – 640 с.
57. Никитина О.А. Жестокое обращение с детьми.- Магнитогорск, 2000.-169 с.
58. О положении детей в Российской Федерации. Государственный доклад 2002 г.- М., 2002 - 120 с.
59. О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год.- М., 2002.-189 с.
60. Ожегов С.И. Словарь русского языка.- М.: Рус. яз., 1984.- 797 с.
61. Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред Н.Ю. Шведовой.-М.: Рус. Яз., 1984.-797 с.
62. Ольшанский Д.В. Психология масс.- СПб.: Питер, 2001.- 202 с.
63. Очирова А.В. К вопросу об анализе понятийного аппарата проблемы жестокого обращения с детьми в семье. Образование и насилие. Сборник статей / Под ред. К.С. Пигрова.-СПб.: Издательство Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004.- 288 с.
64. Очирова А.В. Образование и насилие. Сборник статей / Под ред. К.С. Пигрова.- СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004.-288 с.
65. Орлов А.Б., Шапиро А.З. Толерантность http:// www. krugosvet. ru/articles/ 10 /1001072/ 1001072al. Htm
66. Остапов В. Профессиональные страхи учителей //Народное образование.- 2000.-№ 1 С. 129-134.
67. Пармон Э.А. Нравственно-психологический климат семьи и его влияние на формирование личности. - М., 1988.-240 с.
68. Перминова Л.А. Современные проблемы деструктивного поведения несовершеннолетних. – Материалы 4-х научно-педагогических чтений факультета педагогики /Под ред. Л.В. Мардахаева.- М.: Издательство МГСУ «Союз», 2001. - 228 с.

69. Педагогические технологии: Учебное пособие для студентов педагогических специальностей /Под общ. ред. В.С. Кукушкина. - Серия «Педагогическое образование». – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. - 189 с.
70. Поташник М.М., Лоренсов А.В., Хомерин О.Г. Управление инновационными процессами в образовании. - М., 1994. - 516 с.
71. Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути.- М.: Эксмо, 2007.- 448 с.
72. Проект Россия. Выбор пути.- М.: Эксмо, 2007.- 448 с.
73. Профилактическая и реабилитационная работа специализированных учреждений для несовершеннолетних: Научно-методическое пособие / Под ред. Г.М. Иващенко.- М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2001.-208 с.
74. Профилактика отклонений в нравственном развитии и поведении учащихся: Сб. научн. тр. / Под ред. Ю.В. Гербеева.-М., 1991.- 188 с.
75. Реан А.А. Психологические деформации семьи //Психология подростка. Полное руководство / Под ред. А.А. Реана.-СПБ., 2003.-246 с.
76. Сафонова Т.Я., Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми.- М., 1993.-269 с.
77. Серкин В.П. Проблемы подготовки студентов к работе в социальных сферах и междисплинарных командах http://www.supporter.ru/lib.phtml?idr=59&id=241
78. Сизанов А.Н., Хрипкова В.А. Модульный курс профилактики курения. Школа без табака. 5-11 классы. М.: ВАКО, 2004. - 272 с.
79. Силасте Г.Э. Закон в тупике (Семья должна быть защищена от насилия) //Обозреватель.-1998.-№ 2.- С.39- 44.
80. Ситаров В.А., Маралов В.Г. Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе: учебное пособие для студ. высш. пед. учебн. заведений /Под ред. В.А. Сластенина.-М., 2000.-289 с.
81. Ситаров В.А., Маралов В.Г. Педагогика и психология в образовательном процессе.- М.: Академия, 200.-289 с.
82. Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. д-ра ист. наук проф. Е.И.Холостовой - М.: Юрист, 1997.- 296 с.
83. Современная западная социология.-М., 1990.-358 с.
84. Советский энциклопедический словарь /Под ред. А.И. Прохорова.-М.: Советская энциклопедия, 1990.-1632 с.
85. Современные педагогические технологии как средство развития интереса и творческих способностей учащихся по биологии http://www.orenipk.ru/kp/|distant_kurs/kurs_vibor/biolog.Htm

86. Соколова Е.Т. Психотерапия детей, переживших насилие // Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой.-М., 2000.-164 с.
87. Соколова Н. Социально-педагогическая поддержка ребенка в учреждениях дополнительного образования // Социальная педагогика.-2003.-№ 1.-С.42-45.
88. Сорокин П.А. Социальная роль семьи и школы. Педагогическое наследие русского зарубежья.- М., 1993.-248 с.
89. Сухомлинский В.А. Разговор с молодым директором школы // Избр. пед. соч. Т.3.- М., 1981 - 468 с.
90. Тернер Дж. Социальное влияние.-СПб.: Питер, 2003.-256 с.
91. Тимченко Г.П., Семенова И.В. Проблема жестокого обращения с детьми и пути ее решения // Альманах судебной медицины. – 2001.-№ 2. С.146-149.
92. Толстых Н.Н., Кулаков С.А. Изучение поведения подростков, имеющих пагубные привычки // Вопросы психологии.-1989.-№ 2.- С.98-102.
93. Ушинский К.Д. Собр. соч. - М., 1950. Т.10.-589 с.
94. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания // Педагогические сочинения в шести томах. Т. 6.-М., 1990.- 489 с.
95. Фортова Л.К. Педагогические основы профилактики алкоголизма и наркомании среди детей и подростков.- Владимир: ВГПУ, 2002. – 390 с.
96. Фортова Л.К. Социально-педагогические основы профилактики алкоголизма и наркомании среди детей и подростков.- Владимир: ВГПУ, 2002. – 190 с.
97. Фортова Л.К. Социально-педагогические основы профилактики алкоголизма и наркомании среди детей и подростков. Дисс. … д-ра пед. наук. - М., 2002. – 582 с.
98. Черникова М.Г., Гукова Е.Г. Социальная деформация семей и проблематика семейной конфликтности // Семья в процессе развития (Материалы международной научно-практической конференции). - М., 1993.-202 с.
99. Шапиро Б.Ю., Сидоренкова Т.А. и др. Социальные работники за безопасность в семье /Под. ред. М.И. Либоракиной.- М., 1999.-246 с.
100. Широкова Е.Ф. Педагогическая технология – важный компонент профессиональной подготовки современного учителя http://bspu.ab.ru/journal/pedagopedagog_ 2p_ schir.Html
101. Шульга Т.И. Олиференко Л.Я., Быков А.В. Социально-психологическая помощь обездоленным детям: опыт исследований и практической работы.-М., 2003.-148 с.

102. Щуркова Н.Е. Педагогическая технология (педагогическое воздействие в процессе воспитания школьника). – Краснодар, 1993.-268 с.
103. Щукина Г.И. Педагогические проблемы познавательных интересов учащихся.- М., 1988.- 148 с.
104. Эльконин Д.Б. Детская психология: Учебное пособие для вузов.-М.: Академия ИЦ. 2008.- 328 с.
105. Экспертиза и проектирование образовательных сред http:// www. liceum1550. ru/ projects/ expertiza_edu. Htm
106. Юлина Н.С. О педагогической методике обучения миролюбию М. Липмана http://hghltd.yandex. net/ yandbtm? url= http% 3 A% 2 F%2 Fwww.PHILOSOPHY.ru% 2F
107. Ярославцева Н.Д. Посттравматические стрессовые нарушения у детей - жертв сексуального насилия и оказание им психологической помощи //Мир психологии.- М., 1998.- 144 с.
108. Corby B. Childabuse: Towardsa Knowledge Base, Open University Press Breckigham, PA..-185 p.
109. De Mause L. Theevolutionofchildhood //History of Childhood Quarterly. Spring, 1974. V. I. № 4.- P. 56 – 63.
110. Graham H.D., Gurr T.R. Thehistory of violencein America: historical and comparative eperspectives. 1969. 242 p.
111. Hurrelmfnn K. Einfuhrungindie Sozialisationstheorie: Uberden Zummenhand von Socialstructurund Personlichkeit. Basei, 1989.- 289 p.
112. http:// wciom. ru /arkhiv/ tematicheskif- arkhiv/ item/ single/ 4049. Html
113. Kempe R. S. Kempe C. H. Child Abuse.- London, 1978.-248 p.
114. Longman Dictionary of Contemporary English: Newedition. Burnt Mill, Harlow: Longman, 1987.- 1688.- P. 175, XXVI
115. Macmillan English Dictionary Bloomsbury Publishing Plc 2002.- 1692/- P. 6
116. Oxford Universal English Dictionary/ Prepared by W. Little et. Al.Oxford: Oxford University Press.1990. – 2011p., P. 1937, Vol. X.
117. Volkova E N The Interdisciplinary Approach to the solution of Asocial Childhood Problems X th ISPCAN European Regional Conference on Child Abuse and Neglect New Developments in Science and Practice Influences on Child Protection Germany Berlin 11 14 September 2005.- 196 p.
118. Websters New Worlddictionary of American English /Ed.- in- chief V. Neufeldt. N. Y.; W Websters New World, 1988.-1696 p.

Глава 2. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ретроспективный обзор проблемы профилактики алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи

В России в конце XIX – начале XX веков на общем фоне социально – экономического и культурного подъема стала проводиться целенаправленная и систематическая работа по профилактике различных видов отклоняющегося поведения молодежи. Одной из актуальных задач в данной деятельности являлась профилактика алкоголизма и наркомании.

Необходимо отметить, что в конце XIX-го - начале XX-го веков в России сложилась четкая система антиалкогольного воспитания школьников, включающая культурно – просветительное, учебно-воспитательное и организационно – методическое направления.

В рамках культурно – просветительского направления большое значение придавалось школам трезвости. Их деятельность носила экспериментально – показательный характер. Первая российская школа трезвости открылась в 1908 году в Сергиеве. Суть обучение сводилась к тому, что каждый предмет включал в себя сведения о вреде алкоголизма для здоровья человека. В школах имелись модели внутренних органов, одна из которых принадлежала здоровому человеку, а вторая – алкоголику. Это необходимо было для того, чтобы теоретическое объяснение подкреплялось наглядно [8, с.12].

В данный исторический период в России издавалось большое число журналов, затрагивающих вопрос оздоровления: “Педагогический сборник” (1871), “Русский педагогический вестник” (1860), “Трезвая жизнь” (1861), “Ясная поляна” (1864), на страницах, которых решались вопросы антиалкогольного воспитания в начальной и средней школе.

Основными формами антиалкогольного воспитания выступали: световые картины, газеты, научно – популярная и художественная литература, “Окна сатиры”. Устная форма работы – лекции, беседы – литературные вечера, устные журналы. Беседы проводились не более 30 минут. Перед началом специалисты тщательно изучали возрастные и индивидуальные особенности школьников, что помогало делать беседы более тактичными и корректными. Опыт педагогической работы показал, что воздействие на

учащихся было более действенным, если оно шло по нескольким каналам, например, демонстрация световых картин, плакатов, диаграмм и чтение лекций.

Воспитательная работа среди учащихся в школах России конца XIX века проводилась педагогами, психологами и врачами планомерно. Главным правилом являлось заполнение досуга школьников увлекательными делами, чтобы не оставалось свободного времени на негативные проявления.

Все антиалкогольное воспитание школьников XIX -XX веков проводилось с внедрением в их жизнь установок здорового времяпровождения, воспитания интереса к искусству, литературе, физической культуре.

Учебно-воспитательная работа занимала центральное место в антиалкогольном воспитании школьников. В 1911 году в Москве вышла работа Г.Ф. Маркова “Практическое руководство для науки трезвости”. Г.Ф. Марков предложил разбить весь теоретический курс по антиалкоголизму понедельно. Суть этой идеи состояла в том, что на каждой неделе учащиеся усваивали правило, касающееся разрушительных последствий алкоголизма, затем шли антиалкогольные темы для диктантов, арифметические задачи и т.д.

Антиалкогольная работа в школах России опиралась также на такие научно методические пособия, как хрестоматия Д.Г. Булгаковского. В предисловии к хрестоматии автор указывал, что школе должна отводится одна из первых ролей в деле профилактики алкоголизма. Школы, по мнению автора, должны были обеспечиваться учебниками по антиалкоголизму для учителей и учеников, а, кроме того, необходимо организовывать кружки и общества трезвости во главе с учителем [11, с. 35].

В 1914 году в России вышел сборник задач противоалкогольного содержания. Это пособие предназначалось для преподавания арифметики в низших школах всех ведомств [5, с. 16].

Составили этот сборник учитель М.М. Беляев и врач С.М. Беляев. В докладе, который был ими прочитан на общем собрании “Кружка деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом” 21 марта 1914 г., они утверждали, что введение противоалкогольного просвещения в школах создает почву для антиалкогольной пропаганды. Авторы проводили мысль о том, что “нельзя тенденциозно приспособлять школьные науки к проведению идей трезвости” т.к. то, что постоянно воспринимается школьниками, скоро

становится привычным и перестает интересовать. Они призывали организовать преподавание алкоголизма в связи с гигиеной, анатомией и физиологией. В начальной же школе советовали вводить антиалкогольное обучение на уроках арифметики. Исследователи критиковали задачи, печатающиеся в “Листках трезвости для школьника”, в журнале “Трезвая жизнь” и др. изданиях за индивидуальный характер. “Схема такова, - писали М.М. Беляев и С.М. Беляев, - некто привык выпивать в день «x» стаканов водки по «y» копеек за стаканчик. Если бы он бросил пить, то, сколько бы сберег от этого денег в «z» единиц времени? Далее авторы справедливо отмечали, что в таких задачах значение алкоголизма, как фактора социальных бед, не затрагивалось, поскольку по этой теории получалось так, что если этот гипотетический “некто”, расставшись со своими стаканчиками, скопит столько-то сотен рублей, то все будет состоять благополучно” [5, с. 19].

По мнению составителей, трудность перенесения антиалкогольной статистики на уроки арифметики обуславливалась такими причинами, как невозможность предложения учащимся действий над очень большими числами, между тем, как статистика массового потребления алкоголя состояла из огромных цифр (ежегодное употребление алкоголя в России исчислялось десятизначным числом бутылок водки); ограниченной возможностью пользоваться дробями, так как курс математики в начальной школе был представлен целыми числами; отсутствием в курсе арифметики начальной школы действий на проценты, тогда как официальная статистика алкоголеведения опиралась преимущественно на процентные вычисления.

М.М. Беляев и С.М. Беляев попытались обойти эти трудности следующим образом. Они округляли 9-10-значные числа, если без них невозможно было обойтись, превращая последние 5-6 цифр в нули; в других случаях последние шесть цифр заменяли словом “миллион”; в этих случаях действие над 10-м числом переводилось к действию над 4-м, а это уже не представляло для учащихся больших трудностей. Для того чтобы ученики имели реальное представление об истинном значении этих больших цифр, авторы предлагали пользоваться методом сравнения. Они советовали учащимся вычислить, например, какое расстояние займут все выпиваемые в России бутылки водки, если их поставить в ряд одну за другой? В результате это расстояние оказывалось в 4 раза больше экватора.

Своим оппонентам, которые критиковали их за неточность при использовании дробных чисел в задачах, авторы отвечали, что главное

“пусть ребенок узнает, что половину всех преступлений совершает водка, а будет ли точность процента алкогольных преступлений 49,51 или 53 – не все ли равно” [5, с. 19]. Исследователи Беляевы выражали сожаление по поводу того, что если бы в низших школах учащиеся были знакомы с процентными вычислениями, это позволило бы наиболее убедительно продемонстрировать алкоголь как фактор социальных бедствий. Однако они пользовались опять методом сравнения общего количества рассматриваемых явлений (преступлений) с числом явлений, вызванных употреблением алкоголя (преступления в пьяном виде), когда можно было пользоваться теми арифметическими действиями, которые для них знакомы – сложение, вычитание и др. Содержание сборника представлено 2-мя частями: в первой части – задачи научного характера, во второй – так называемые бытовые задачи, часто в форме рассказов, шуток и т.д. (см. Приложение). Научные задачи Беляевы подразделяли на стратегические, в которых затрагивались темы душевного и массового потребления спиртных напитков в России, сумма пропиваемых денег, количество продуктов, которое тратиться на производство алкоголя, число и рост винокуренных заводов и др.; социальные задачи показывали влияние алкоголя на смертность, самоубийства, несчастные случаи, преступность и т.д. Далее шли задачи об алкоголе как яде, отражавшие математическую зависимость между весом тела и смертельной дозой этилового спирта. Предлагалось рассчитать, во скольких бутылках различных спиртных напитков содержалась эта смертельная доза и т.д. В последнем разделе шли задачи смешанного характера.

По мнению известных ученых, отечественных гигиенистов: И.П. Мордвинова, Г.Ф. Маркова, П. Панчулидзевой, борьба с пьянством и алкоголизмом должна быть дополнена таким важным элементом, как антиалкогольное воспитание подрастающего поколения.

Проведенный анализ имеющейся литературы по антиалкогольному воспитанию школьников показал, что в дооктябрьский период не было четко обозначено само понятие “антиалкогольное воспитание”. Каждый учитель вкладывал в него свой смысл. Однако большинство видели в нем специально организованную и целенаправленную деятельность педагога по формированию у детей антиалкогольных убеждений, выработке в них устойчивых трезвеннических взглядов и установок на здоровый образ жизни [15, с.167].

Антиалкогольное воспитание включало два аспекта. Первый из них совпадал с общими задачами воспитания, так как именно издержки воспи-

тания, приводящие к нарушению в развитии личности, предрасполагают к пьянству и алкоголизму. При всей сложности и многообразии воспитания, при его осуществлении русские педагоги, психологи, врачи исходили из трех основных принципов.

Первый: требования родителей, учителей к ребенку должны быть четкие и определенные, что являлось бы основой формирования у него нравственных установок.

Второй: требовательность, не подавляющая личность и не ставящая непосильных задач, но предлагающая обязательное выполнение необходимого.

Третий: ласка и доброта – основа развития уверенности в себе, защищенности, психологической устойчивости. Только сочетание всех трех принципов и реальное их осуществление в процессе воспитания могло дать желаемый результат.

Второй аспект антиалкогольного воспитания – это система воздействия на ребенка, подростка, юношу, ведущая к выработке у него критического отношения к алкоголю и злоупотребляющим им людям, к моральному осуждению пьянства и алкоголизма. Этот аспект антиалкогольного воспитания строился на трех принципах.

Первый: направленность воспитания не просто на алкоголизм в целом как некое нерасчлененное явление, а на каждый из его элементов, на каждое его проявление; алкоголизм - сложное заболевание, имеющее ряд фаз, отражающее как степень развития наркотической зависимости человека, так и степень нарастания его антисоциальности и увеличение сложности борьбы с ним. Противоалкогольное воспитание учитывало конкретные моменты взаимоотношений человека с алкоголем, группы людей и алкоголя, группы людей, употребляющих алкоголь, между собой [26, с. 24].

Второй: направленность воспитания, в первую очередь, на предотвращение последствий употребления алкоголя, которые могли развиться в ближайшее время, а не через 10-15 лет и позже. Подростки и юноши, а тем более дети, не склонны (а часто и неспособны в связи с возрастом) реально задуматься над тем, что может случиться с ними через 10-15 лет, но для них может быть действенной мысль о том, что именно они теряют от употребления алкоголя в данный период жизни.

Третий: вырабатывалось отрицательное отношение к алкоголю не столько на основе разъяснения негативных последствий злоупотребления им, столько на основании отрицательной оценки всех отдельных моментов

поведения пьющих, на дискредитации всего того, что пьяницами и алкоголиками использовалось – самоутверждения.

Просветительная работа сыграла, несомненно, важную роль в становлении антиалкогольного воспитания, однако ей не хватало связи с жизнью, масштабности и последовательности. В России конца XIX – начала XX веков усилиями видных русских педагогов, психологов, врачей (И.И. Горбунов-Посадов, В.О. Португалов, В.Я. Каннель, С.Г. Успенский и др.) создавались предпосылки для возникновения системы антиалкогольного воспитания и просвещения школьников. В этой работе учитывался ряд факторов. Первое – необходимо было четко представлять назначение избранной формы воспитательного воздействия, была ли это лекция, беседа, дискуссия или объяснение в ходе урока по антиалкоголизму или в контексте других предметов. Второе: у школьников должно было сложиться мнение о том, что они лично, конкретно могут сделать для уменьшения и, в конечном итоге, искоренения пьянства. Третье – учитель должен был наметить, против каких ошибочных мнений, позиций, установок направит свою деятельность [20, с. 46]. Учитель должен быть готов к тому, что значительная часть учеников, а часто большая часть, была скептически настроена к подобным лекциям, беседам или урокам. Имелись и такие, которые морально и психологически смирились с пьянством взрослых и полагали, что здесь мало, что можно сделать, тем более силами общественности. Они считали, что только государство могло решить эту проблему, а при свободной продаже алкогольных изделий борьба с их злоупотреблением, по мнению этих учеников, бесперспективна.

Учителя школ России не делали лишний акцент в обсуждении пьянства, алкоголизма, поскольку это порождало у учеников настроение “это не про нас, а стало быть, и не для нас”. Важно было показать, какие тяжелые социальные последствия порождает “обыкновенное” пьянство, т.е. умеренное употребление алкоголя, возбудить у ребят чувство ответственности за судьбу поколения.

Определив ближайшие темы лекции или беседы о вреде пьянства и борьбе с ним, учитель обычно начинал, как правило, с частного, с вопросов, более близких классу.

“Местного” материала было достаточно из газет и журналов, использовался анализ и житейских ситуаций. В качестве примеров приводились факты, помогавшие уяснить связь “обыкновенного” употребления алкого-

ля, т.е. такого употребления, которое свойственно большинству, с последствиями чрезмерного опьянения.

Учителя школ исходили из того, что использование и анализ чрезвычайных событий в лекции или беседе само по себе не предосудительны, если не превращались в самоцель, а служили более углубленному раскрытию проблемы и помогали нагляднее и доходчивее представить ученикам опасность “обыкновенного” употребления алкогольных напитков. Но врачи и педагоги прекрасно понимали, что злоупотребление изложениями трагических происшествий, связанных с пьянством, превратило бы просветительскую, воспитательного значения лекцию или урок в пересказ “страшных” историй и, в лучшем случае, возбуждало бы внимание к проблеме, но не учило ее пониманию и поиску средств ее решения.

Когда учитель чувствовал, что внимание класса привлечено, он переходил к описанию общей картины пьянства и его последствий. Обязательно приводились и данные статистики, характеризовавшие употребление алкоголя как одну из основных причин преступных действий. Что очень важно, педагоги дореволюционной России приводили в жизнь принцип единства слова и дела, т.е. сами они не употребляли алкогольные напитки и имели моральное право обучать антиалкоголизму школьников.

На уроках химии, естествознания проводились беседы о вреде употребления алкоголя, о его разрушающем влиянии на здоровье и нравственность человека.

В помощь учителям выпускались газеты и журналы трезвеннического характера: “Вестник трезвости”, “Трезвая жизнь”, “Русская школа” и др.

Позитивную роль сыграли и общества трезвости, организованные детьми и их родителями, когда дети порой доказывали взрослым, что праздники, свободное время можно проводить без вина. Большое значение в антиалкогольном воспитании в России в предоктябрьскую эпоху имела пропаганда безалкогольных обычаев. Учителя школ ссылались на исторические примеры.

Одним из главных достоинств в организации антиалкогольной работы в школах России конца XIX - начала XX веков являлось наличие дифференцированного подхода. Как показал ретроспективный анализ, антиалкогольная работа в школе требовала умелого использования возможностей урочного и внеурочного времени, повседневной вдумчивой деятельности всего коллектива школы. Учитель должен был знать особенности алкогольной ситуации в школах и семьях учащихся. Необходимо было знать

особенности психофизиологического развития детей и подростков на разных возрастных этапах, чтобы всю работу по антиалкогольному воспитанию строить с учетом дифференцированного подхода.

В деле трезвеннического воспитания учителя конца XIX - начала XX веков искали такие моменты, периоды в жизни школьников, когда противоалкогольное воздействие было наиболее эффективным; определяли сам характер воздействия, его педагогические формы.

Учителя низшей школы на первых уроках по антиалкоголизму начинали приобщать младших школьников к регулярным занятиям по формированию трезвеннических установок, давали информацию о вреде алкоголя, воспитывали чувство ответственности за свои поступки. Еще К.Д. Ушинский утверждал, что задача воспитания - формирование характера, а характер складывается из привычек. Приобретение привычки и есть тот процесс, в ходе которого убеждения превращаются в наклонности, а мысль переходит в дело [15, с. 166-169].

Вырабатывая у учащихся трезвеннические привычки, учителя избегали давать трафаретные рекомендации или готовые решения. Они предоставляли ученикам возможность самим оценивать свои действия и поступки.

На основании проанализированных источников можно утверждать, что в этот период при изучении темы "Организм человека и охрана его здоровья" в курсе естествознания низших классов в доступной для детей форме рассказывалось о вреде алкоголя для здоровья человека, более частой подверженности сердечно-сосудистым, простудным и другим заболеваниям людей, употреблявших спиртные напитки. Продолжалась эта работа и в процессе нравственно-этического, правового воспитания детей младшего школьного возраста, в ходе бесед с ними о правилах поведения на улице, в семье, в обществе, при обсуждении тем "Твой режим дня", "Твой досуг", "Любимые занятия в выходные дни", "Что такое хорошо и что такое плохо?" и др.

Воспитание трезвости у учащихся среднего звена имело свою специфику. Обусловлено это было возрастными особенностями школьников и тем, что учащиеся переходили уже на предметное обучение. Это давало возможность учителям расширить антиалкогольное воздействие. Трезвенническая ориентация в данном возрасте сводилась к активной выработке у детей негативных установок по отношению к алкоголю за счет комплексной, многоплановой антиалкогольной пропаганды. В стар-

ших классах, когда происходит нравственное становление личности, закреплялись трезвеннические убеждения. Учителя направляли основные усилия на формирование у учащихся антиалкогольного мировоззрения. С этой целью углублялась научная противоалкогольная работа. Среди старших школьников формировались детские общества трезвости, проводящие идеи антиалкоголизма как среди родителей, так и среди взрослых.

Антиалкогольное воспитание в школах России конца XIX - начала XX веков проводилось с учетом того, чтобы привить детям антиалкогольные установки, сформировать отвращение к выпивкам, уважительно относиться к трезвому образу жизни.

Антиалкогольная пропаганда - составная часть антиалкогольного воспитания - проводилась с учетом возраста и пола учащихся.

Исследователи проблемы алкоголизации подростков Каннель В.Я. [26] и Вирениус А.С. [13, с. 159-163] выделили следующие основные принципы антиалкогольной работы с несовершеннолетними:

1) начало антиалкогольного воспитания с младшего школьного возраста;

2) целесообразность и преемственность в проведении антиалкогольного воспитания;

3) планирование антиалкогольных мероприятий с учетом психологических особенностей различных возрастных групп учащихся;

4) соответствие гигиенического и нравственного, эмоционального и содержательного аспектов в антиалкогольной ориентации учащихся;

5) организация полноценного в социально-нравственном плане досуга и повышение общественной активности школьников;

6) комплексный подход к антиалкоголизму;

7) участие учащихся старших классов в противоалкогольной работе;

8) индивидуальная воспитательная работа с угрожаемым в отношении употребления алкоголя контингентом.

Антиалкогольное воспитание формировало уважение к трезвости, соблюдению трезвого образа жизни, активную защиту трезвости.

В процессе антиалкогольного воспитания, на всех его стадиях, учитывались особенности школьников, а также факторы алкоголизации детей и подростков.

Проблема молодежной наркомании приобрела свою актуальность к концу первой мировой войны. Дети, лишившись родителей,

"путешествуя" по огромным территориям, сами нарушали закон или становились объектом преступных действий. Беспризорность и безнадзорность закономерно стимулировали детскую преступность, проституцию, наркоманию.

Положение усугублялось отсутствием специальной литературы, опыта профилактики и лечения наркомании, как среди взрослых, так и детей.

Справедливо полагая, что детская наркомания - следствие беспризорности и безнадзорности, властные структуры решили оказать таким детям материальную помощь, предоставить кров, пищу, организовать сеть учебно-воспитательных учреждений с надежной материальной базой и квалифицированным персоналом, в которых бы дети могли учиться, работать, творить. Такими учреждениями стали детские дома, трудовые коммуны, колонии, общеобразовательные школы. Для детей и подростков, страдавших шизофренией, эпилепсией и др. психическими недугами, а также злоупотребляющих наркотическими препаратами, Наркомат Здравоохранения открыл специальные учреждения медико-педагогического характера - психоневрологические школы-санатории.

В 1927 году таких учреждений было 11: в Ленинграде, Воронеже, Казани, Саратове и некоторых др. городах.

В школах-санаториях детей лечили и обучали по программам школ Іступени, кроме того, дети занимались производительным трудом в слесарных и переплеточных мастерских, на земельных участках.

Систематически проводились культурно-массовые мероприятия и идейно-политическая работа. И, как результат, большинство детей, ранее употреблявших наркотики, после лечения возвращались в массовую общеобразовательную школу [39, с. 14].

Дифференцированная сеть воспитательных учреждений для беспризорных детей позволяла не только сосредоточить большинство детей-наркоманов в специальных заведениях, но и научно изучать их, лечить и обучать.

Большую роль в борьбе с наркоманией детей и подростков сыграл Народный Комиссариат Здравоохранения. В начале 20-х годов в Москве открылась Наркосекция по борьбе с наркотизмом среди детей. Это учреждение с помощью студентов и преподавателей Московского Педагогического института Детской Дефективности проводило серьезные исследования причин, условий, факторов, приводящих детей к употреблению

наркотических веществ, рассматривало психологические особенности личности детей-наркоманов, стремилось выяснить механизм действия наркотиков, изучало криминогенный и клинический аспекты данной проблемы [17, с. 34-38].

В 1925 г. открылось Детское Клиническое Отделение Наркодиспансера для беспризорных детей-наркоманов. Работа Отделения носила практический характер и заключалась в серьезном медицинском изучении данного контингента с целью дальнейшего эффективного их лечения и воспитания в соответствующих детских учреждениях [36].

Профилактика наркомании среди несовершеннолетних требовала квалифицированных специалистов. С этой целью с середины 20 -х годов XX века открываются курсы подготовки и усовершенствования работников в этой области. В январе-марте 1927 г. Московским наркологическим обществом и наркосекцией Мосздравотдела были организованы специальные курсы по наркологии, на которых освещались медицинские и педагогические аспекты наркомании. Лекции на курсах читали известные врачи-наркологи, психиатры, педиатры: А.С. Шоломович, Ф. Забугин и др. Практические занятия со слушателями проводились в наркодиспансерах, психиатрических больницах института Мозга, Нервно-Психиатрическом диспансере. Врачи и педагоги проявляли большую заинтересованность в обсуждении вопросов изучения, лечения и профилактики детских наркоманий [24, с. 213].

Поскольку практическая деятельность по борьбе с наркоманией детей и подростков требовала научного обоснования, всестороннего теоретического изучения, вопросами профилактики, лечения этого недуга занимались представители различных наук - медицины, психологии, педагогики, юриспруденции.

Врачи, психологи, педагоги, юристы, выясняли условия, способствующие распространению наркотизма среди несовершеннолетних, психологические особенности личности ребенка-наркомана, механизм воздействия наркотических веществ, социально-педагогические последствия наркотизации, разрабатывали эффективную систему превентивного характера и т.д.

Большинство советских исследователей считали, что распространение различных видов наркомании среди молодежи обусловлено социально-экономическими, социально-психологическими, психологическими, социально-культурными и биологическими причинами. Незрелость, противоречивость общественно-экономических отношений, глобальные измене-

ния, происходящие в структуре всего общества, не могли не вызвать потребность неустойчивых индивидов, к числу которых в первую очередь принадлежат дети и подростки, в иллюзорном представлении действительности, уходе от реальности.

В первые годы Советской власти основными причинами употребления детьми и подростками наркотиков являлись: детская беспризорность, отсутствие какого бы то ни было воспитания со стороны общественных институтов, воздействие отрицательной микросоциальной среды [37]. К числу основных факторов, способствующих формированию наркотической зависимости, ряд ученых относили: социально-психологический механизм подражания, особенно характерный для подростков, и, в этом случае, большую роль играло отрицательное влияние сверстников, любопытство, стремление к эйфории, повышенному настроению, личному удовольствию, наслаждению, душевному комфорту.

На наш взгляд, очень важным моментом в исследовательской работе ученых 20-х годов XX века было стремление к комплексному изучению психологических, клинических, педагогических, правовых сторон данного явления. Обращая внимание на связь делинквентного поведения (воровства) с потребностью иметь деньги на приобретение наркотиков, ученые приходят к выводу о родственности антисоциальной активности и наркомании у детей. Одни исследователи (Р.М. Зиман, Д. Футер) считали именно длительную наркотизацию ведущей детерминантой антиобщественного поведения детей и подростков, другие же (А.М. Рапопорт) полагали, что криминальное значение наркотиков заключается, главным образом, в общем психофизическом и социальном деградировании личности, и только спорадически некоторые преступления совершаются из-за непосредственной потребности в наркотиках [25; 38; 41].

Большое значение в литературе, освещающей вопросы детской и подростковой наркомании, отводилось изучению эмоциональной, физической и интеллектуальной сферам личности ребенка-наркомана. Исследователи, изучающие проблему наркомании, осознали, что, не выяснив психофизических особенностей личности таких детей в типичных чертах и индивидуальных различиях, не зная общих основ механизма воздействия наркотических веществ на организм подростка, невозможно эффективно ни бороться, ни предупреждать наркоманию. Клинические и психологические исследования подростков-наркоманов, проведенные в 20-30 годы XX века, позволили в

общем виде представить картину тех изменений в личности и во всех областях ее жизнедеятельности, которая происходит под действием регулярного употребления наркотических веществ. Исследования выявили, что у детей и подростков, систематически употребляющих наркотики, отмечается резко выраженная патология поведения, раздражительность, граничащая с импульсивностью, часто переходящая в агрессивность. Дети-наркоманы по своему психологическому тонусу расхлябаны, развинчены, не способны к длительному волевому усилию и сосредоточению, не могут заниматься делом, к которому ранее был проявлен интерес. Духовная жизнь этих детей бедна и ограничена удовлетворением возникающих потребностей из области низших эмоций [19, с. 104].

Ранняя наркотизация нарушает процесс гармонического развития личности, отрицательно сказывается на физическом, эмоциональном и интеллектуальном здоровье подростка. Значительно замедляется тип мышления. Нравственные ограничители, как правило, отсутствуют, эмоции бедны; у подростков нивелируются творческие способности; в поведении доминирует эгоцентрическая ориентация [35, с. 256]. Наркотики оказывают неблагоприятные воздействия на половую систему подростков: потенция или резко снижена, или непомерно усилена, в последнем случае это часто приводит к промискуитету. Эти положения нашли отражение в концепции А.М. Рапопорта и Ф. Васильева [38, с. 46-55].

Исследователи проблемы детской наркомании 20-х годов доказали специфические свойства патологического воздействия хронической интоксикации на еще не сформировавшийся организм подростка. Это явилось их большой заслугой. Р.М. Зиман, Д. Футер установили, что у несовершеннолетних, по сравнению со взрослыми наркоманами, наблюдается более быстрый темп зависимости от наркотических веществ, наступление эйфории от небольших по величине доз, тяжелое протекание абстиненции, повышенная толерантность. Кроме анатомо-физиологических изменений параллельно протекает социально-психологическая декомпенсация и аморализация подростков. Дети утрачивают интерес к тому, что не связано с наркотизацией, теряют силы, необходимые для жизни, антисоциальное поведение наркомана начинается с вынужденных противозаконных действий для приобретения наркотика. Сама среда, в которую входит наркоман или которую он активно формирует, снижает уровень нравственности, повышает преступность. Дети-наркоманы не способны критически оценить свое состояние [25, с. 28-36].

Раннее выявление наркомании, профилактические мероприятия являлись важнейшим средством борьбы с ней.

Первый этап профилактики, по мнению некоторых исследователей (В.Г. Дубрович, Д. Футер), заключается в оперативном выявлении и научной диагностике степени наркотизации подростка. Для этого должна проводиться система социальных, медицинских, педагогических, воспитательных мер, направленных на предотвращение наркомании путем устранения ее причин и условий возникновения и развития, а также на повышение устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов окружающей природной, социальной и бытовой среды. Если вторичная профилактика выявляла начало заболевания наркоманией, предупреждала рецидивы, прогрессирование болезненного процесса, его возможные осложнения, то первичная профилактика сохраняла здоровье в ненарушенном состоянии, не допускала воздействие вредных факторов социальной среды, которые могли повлиять на пристрастие к наркотикам. Прогноз, в свою очередь, определяется психофизическими особенностями личности пациента, деятельностью интоксикации, уличного стажа, характером социально-бытовых условий, микросоциальной среды [21, с. 65-70].

Наряду с общими мерами борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, улучшением условий быта и воспитания, предлагалось осуществить комплекс специфических мероприятий, направленных на профилактику собственно наркомании среди несовершеннолетних. Прежде всего, это организация социальных лечебно-воспитательных учреждений с длительным сроком лечения и воспитания. Создание этих учреждений преследовало, в первую очередь, практические цели - выявить и вылечить детей-наркоманов. У детей сравнительно легко воспитать привычку к длительной активности, занятиям физкультурой и спортом, вниманию к окружающим, рациональному режиму. Эти привычки способствовали противодействию факторам, способствующим возникновению и развитию наркомании. Для эффективности лечебно-воспитательной работы в подобного рода учреждениях необходимо было подготовить кадры высококвалифицированных специалистов. К сожалению, в данный исторический период эта задача не была полностью решена, однако курсы переподготовки и подготовки медицинского персонала в своих планах и программах уделяли повышенное внимание вопросам наркомании, в том числе и детской [31].

В целях предупреждения рецидива заболевания предлагалось медицинским и педагогическим работникам установить контроль и

наблюдение над выписавшимися из наркодиспансера подростками-наркоманами, изолировать их от асоциальных влияний, вовлечь в различные виды общественно-полезной деятельности - учебную, производственную, культурно-массовую и т.п. [31]. Предполагалось формировать у детей и подростков жизненную потребность в рациональном использовании свободного времени. Считалось, что активизация пропаганды здорового образа жизни во многом зависит от того, насколько слаженно участвуют в ней наряду с медработниками, сотрудники органов и учреждений просвещения, культуры, средства массовой информации, общественность. Эта работа должна начинаться с детства и быть неотъемлемой частью воспитания и образования не только в детских дошкольных учреждениях, школах, профессионально-технических заведениях, но и в каждой семье.

Работа по профилактике наркомании среди несовершеннолетних охватила в 20-30-е годы широкие массы общественности. Врачи, педагоги, юристы призывали развернуть энергичную и действенную борьбу с потреблением детьми наркотиков, ставили вопросы об издании соответствующей популярной и научной литературы, о запрещении продажи детям лекарств, содержащих наркотические вещества. Велась широкая санитарно-просветительская работа среди родителей школьников по оздоровлению семейно-бытовых отношений. В эту работу вовлекались учащиеся, педагоги, медики. Детские, спортивные, профсоюзные и др. общественные организации помогали в выявлении детей-наркоманов, вели усиленную пропаганду здорового образа жизни в рабочих коллективах, учебных заведениях, среди широких слоев населения.

Профилактика употребления наркотиков в семье, неразрывно связанная с общественной профилактикой, являлась определяющим условием формирования здорового образа жизни и призвана была обеспечивать высокий гигиенический уровень содержания жилища, рациональное питание, отдых, физическую активность, условия, исключающие появления вредных привычек. Ученые стремились доказать, что здоровая психологическая и нравственная обстановка в семье - важные условия воспитания физически и духовно развитых поколений, сознательно охраняющих свое здоровье, и здоровье других членов общества.

Таким образом, в конце XIX и первой трети XX века в России были разработаны теоретические основы и накоплен богатый практический опыт предупреждения алкоголизма и наркомании среди детей и подростков. Этот опыт имеет большое значение для проведения эффективной комплексной и

скоординированной работы на современном этапе, когда вопрос профилактики алкоголизма и наркомании среди молодежи является острым и актуальным.

Весь мир знаком с основными аддикциями: алкогольными, наркотическими и табачными. Однако самой быстрорастущей аддикцией в развитых странах является гэмблинговая (от англ. gambling- азартная игра на деньги, имущество, заключение пари, при неизвестном результате, связанные с риском) [1, с. 543].

Сам по себе гэмблинг стар как мир. Археологи находили обработанные кости животных, которые использовали в игре доисторические люди 40000 лет назад. Игральные кости были обнаружены в египетских гробницах. Древние греки и римляне любили играть в азартные игры. Они метали астрагал (бедренные кости животных) и "костяшки", взятые из голеностопного сустава костей овец. Астрагал имел четыре ребра, на каждом из которых были вырезаны метки в виде точек. Игры на удачу обнаружены практически во всех культурах и в разные периоды истории. Предшественники современных игральных костей и карт не всегда использовались для азартных игр в современном понимании этого слова. Часто ими пользовались для того, чтобы интерпретировать сны, предсказывать будущее [Thomson, W.N. (1994). Legalized Gambling. Santa Barbara, Calif. ABC-Clio.]. Сходство между гаданием и гэмблингом было подмечено антропологом Edward Tylor, который, исходя из перспектив теории социального развития, сделал предположение, что светский гэмблинг развился из религиозной практики предсказаний и ворожбы [59].

По мнению Й. Хёйзинги: « ... даже мир в целом мыслится как некая игра в кости, в которую играет Шива со своею супругой. Когда в мире утвердился порядок, боги сошлись для игры в кости, чтобы распределить правление разными частями света» [54, с. 319]. Согласно греческой мифологии в результате метания костей, Зевс стал властелином неба, Аид - повелителем подземного царства, а Посейдон - морей и океанов. Космогонический гэмблинг рассматривается как способ случайного создания мира. Боги играли на удачу, и, таким образом, мир получился таким, какой он есть сейчас [63]. В библейские времена тянуть жребий (метать кости) было обычным делом, чтобы прийти к какому то решению или распределению.

В истории Запада азартные игры на деньги рассматривались как порок. Гэмблинг захватил в свои «сети» поколение подростков, которые делают ставки на сумму более чем один миллиард долларов в год.

Хотя подростковый гэмблинг является нелегальным во всех штатах, многочисленные исследования Lesieur H., профессора Иллинойского государственного университета, показывают, что в США примерно 8% подростков уже в возрасте от 13 до 17 лет являются проблемными игроками [56, с. 43-50].

Исследователи называют гэмблинг самой быстро растущей аддикцией среди учащихся старших классов и колледжей. Их уровень игровой зависимости превышает в 2 раза уровень зависимости взрослых. Как считает Shaffer H.J., директор медицинского школьного центра в Гарварде, изучающего аддикцию, «сегодня подросток испытывает воздействие от рекламы гэмблинга в большей мере, чем от наркотиков». Согласно мнению Shaffer, существует независимая группа людей, свидетельствующая о нелегальном гэмблинге среди подростков, который растет пропорционально уровню роста легального гэмблинга [58].

Журнал USA Today подчеркивает, что игровые видеоавтоматы используют образы знаменитых героев фильмов, например, Остина Пауэрса[1], что сильно привлекает внимание подростков к азартным играм. Несмотря на закон, запрещающий игру в казино людям в возрасте до 21 года, опрос подростков старших классов средней школы в Атлантик Сити выявил, что 64% школьников играли в местном казино, не достигнув 14 летнего возраста.

Каждый год персонал и охрана казино в Атлантик Сити выводят из зала игровых автоматов до 20000 детей в год, это только тех, которые были замечены [47, с. 37-62]. «Это опасный социальный эксперимент. Это первое поколение молодежи, взращенное в атмосфере, где гэмблинг не только разрешен законом, одобряется обществом, но и находится в собственности правительства», говорит Derevensky J., профессор психологии и детский психолог при МакГил университете в Монреале (Канада).

Дети втянуты в азартные игры на невообразимо высокий уровень. Более 80% подростков, в основном юноши средней школы, играют, по меньшей мере, один раз в год. Этот уровень намного превышает уровень потребления наркотиков, алкоголя и табака. Более чем треть из них играет

[1]Остин Пауэрс (англ. Austin Powers) - международный человек-загадка в комедийном фильме-пародии на шпионские триллеры 1960-х годов о Джеймсе Бонде. Кассовые сборы от фильма в США - $ 54 000 000.

примерно 1 раз в неделю. Зависимость от азартных игр отмечается уже в возрасте 10 лет [47, с. 37-62].

В 10 лет 37% детей потребляли алкоголь, 18% уже курили, 3,5% попробовали наркотики, но 79% - уже пробовали и продолжают играть в азартные игры [27, с. 9].

Нет практически ни одной школы в США, где бы дети не делали ставки на спортивные мероприятия, которые проходят у них в школе. Этот факт подтверждает Jacobs O., профессор психиатрии университета Лома Линда в Калифорнии, который изучал подростковый гэмблинг в течение нескольких лет. Его исследования показывают, что в 2007 г. уже один из семи подростков имел проблему, связанную с азартными играми. Эти проблемы включают проигрыши таких сумм денег, которые они не могут себе позволить, как следствие - продажа или отдача собственных вещей, чтобы делать ставки дальше. Находясь в состоянии игровой зависимости, подростки не могут остановиться, совершают преступления для того, чтобы оплатить долги от гэмблинга. В каждом классе из 30 подростков двое или трое из них уже имеют проблемы, относящиеся к азартным играм [55].

Достаточно двух лет игры, как патологическое пристрастие к азартным играм захватывает подростка, это значительно быстрее, чем взрослого игрока. Из-за строгости законов, касающихся детского азарта, подростки находят альтернативные выходы для помещения своих ставок. «Подростки делают ставки на свои школьные футбольные игры, на профессиональный спорт с друзьями, тайно покупают лотерейные билеты или играют на терминалах в видео-лотерею, присоединяются к друзьям во время игры в карты, часто в покер», подчеркивает проф. Derevensky J. [47].

Исследователи предупреждают, что родители, рассматривающие гэмблинг как безобидное время препровождение, сильно ошибаются. R. Evans, профессор психологии университета в Хьюстоне, утверждает, что гэмблинг идентифицируется с «активностями за воротами», с такими, как потребление алкоголя и наркотиков. Более того, дети не осознают тех последствий от безответственных азартных игр взрослых и не видят опасности, позволяя в игре выйти себе за рамки меры и потерять контроль. «Они и не хотят думать о последствиях этих игр в будущем, они думают только в настоящем», считает R.
Evans [51].

Анализируя проблему игровой зависимости среди подростков в США, рассмотрим социализацию этой группы в Лас-Вегасе. В последнее время

Лас-Вегас стал местом семейного отдыха, миллионы детей приезжают туда с родителями на каникулы, и, естественно, азартные игры на деньги притягивают их внимание. И лотереи, и казино являются главными факторами в создании проблем игровой аддикции подростков. Но родители не предпринимают никаких шагов, чтобы проверить, играют ли их дети в азартные игры. «Некоторые родители могут сами предложить пиво своему ребенку или даже косячок марихуаны. Норма для родителя купить ребенку лотерейный билет, по-дружески заключить пари или купить ему билет на скачки. Все это может стать тем фатальным триггером к гэмблинговой аддикции подростка», считает Derevensky J. [48].

Родители сами должны контролировать свои действия и действия своих детей. Evans R. называет это моделированием (от англ. - modeling - копирование по образцу, лепка по модели), где дети перенимают ту активность, которой занимаются их родители [51]. Альберт Бандура считает, что позднее моделирование превращается в процесс социализации, в ходе которого формируются привычные модели реакций. Растущие дети подражают различным примерам, взятым из их социального окружения [4, с. 158].

На наш взгляд, родители несут ответственность за своих детей. Они должны быть уверены, что их дети не играют, сами не должны играть в азартные игры вместе с детьми, не пропагандировать притягательность таких игр, а образовательные учреждения должны помогать убрать тот гламурный ореол, который ассоциируется у подростка с заключением пари или со ставками на тотализаторе.

В Канаде первые легализованные лотереи появились только в 1991 г., видеоигровые автоматы - в 1992 г., а крупномасштабные казино, управляемые партнерами из США, начали свою работу в 1995 г. Игорный бизнес в Канаде строго следует модели США, но он менее масштабен по распространению и получению доходов. Несмотря на это, только в районе Квебека (Канада) из 1612 опрошенных в 1998 г. подростков 76% играли раз в жизни, 65% _ постоянно делали ставки в течение года, 24% - играли раз в неделю, 5,6% - не могли остановить свою игру, и 1,7% - являлись проблемными игроками [7, с. 389].

«Родители могут обвинять игорные заведения, но проблема не в том, что существуют казино, а в том, что нет контроля со стороны родителей», делает заявление R. Evans [51, с. 187]. Это подтверждает и Derevensky, «гэмблинг сам по себе не является корнем проблемы аддиктивных детей.

Более того, гэмблинг является инструментом, который они используют для того, чтобы избежать своих личных проблем. Чаще всего у таких подростков либо низкая самооценка, либо семейные проблемы или проблемы в школе» [53, с. 135].

Сегодня 3/4 американцев одобряют азартные игры, но с серьезными оговорками. Почти половина американцев за то, чтобы сохранить гэмблинг на его сегодняшнем уровне, тогда как остальная часть делится на тех, кто желает распространить его больше, и на тех, кто хочет его сократить или даже запретить совсем. Социальный опрос по проблеме гэмблинга был проведен институтом Гэллапа в 2006 году. Были опрошены 1523 взрослых американцев в возрасте 18 лет и старше и 501 Подросток в возрасте от 13 до 17 лет, проживающих на территории США. Интервью было проведено по телефону на английском и испанском языках. Для чистоты опроса была сделана поправка на +/- 3% у взрослой категории опрашиваемых и +/- 5% у подростковой. Этот опрос показал, что почти 63% взрослых американцев одобряют легализованный гэмблинг, а 32% против него. Подростки в возрасте от 13 до 17 лет поддерживают гэмблинг - 52%, против - 47% [39, с. 14].

Лотереи являются самым любимым видом азартных игр американцев. 57% взрослых игроков в прошлом году покупали лотерейные билеты и 31% играли в казино. Но только 26% из них могут сказать, что продвинулись вперед в своем выигрыше, а 49% - только потеряли свои деньги. Были выявлены азартные игроки разного уровня достатка, образования и принадлежности к религиозной общине. Результаты были такими: 75% среди тех, кто зарабатывает около 73000 долларов в год и 63% игроков, получающих 25000 долларов в год, принимают участие почти во всех видах гэмблинга; что касается образования, то 72% игроков это выпускники колледжей и 61% тех, кто даже не окончил среднюю школу. Игроков мужчин больше, чем женщин. А среди представителей религиозных групп, католики - более частые посетители казино, чем протестанты и др. 11 % взрослых гэмблеров признают, что они играют больше, чем должны бы были. Это мнение мужчин, и именно с них начинаются проблемы в семье. 9% взрослых и 10% подростков признают, что азартные игры являются причиной драм в их собственных семьях, а также 41 % взрослых и 28% подростков могут назвать кого-то со стороны, у кого проблемы в семье из-за гэмблинга. Гэллап открыто публикует данные исследования в подростковом гэмблинге: молодые игроки настроены более позитивно и 61% считают, что

увеличили свои выигрыши по сравнению с прошлым годом, и только 26% взрослых могли сказать то же самое. 29% подростков признались, что сделали свои первые ставки в возрасте 10 лет или даже раньше. Большинство подростков делали ставки на профессиональный спорт (27%) или на свою спортивную команду (18%) в школе или колледже. Это притом, что легальный гэмблинг для лиц, не достигших 18 лет, в стране запрещен [39].

Почему же азартные игры так процветают? В своей диссертации исследователь Devereux E.C. пришел к выводу, что азартные игры имеют успех по следующим характеристикам:

1. Протест против бюджетного сдерживания. Игрок может протестовать в легкой форме против "тирании в бюджете" или безработицы.

2. Протест против рациональности, т.к. многие жизненные удовольствия контролируются рациональностью, гэмблинг позволяет игроку быть свободным от них полностью.

3. Протест против этики. Никакой этики в уме игрока.

4. Поиск приключений. Азартная игра помогает избежать скуки, которая обычно связана с обыденной активностью.

5. Соревновательность и агрессия. Азартная игра позволяет выплеснуть данные эмоции.

6. Решение искусственно созданных проблем. Азартная игра как кроссворд или шахматы создает искусственно проблемы и дает возможность их быстро разрешить (за которыми могут последовать проблемы уже в реальной жизни).

7. Целенаправленная мотивация. Ни в школьной среде, ни на работе такие идеи, как " философия" и "интуиция" не поддерживаются, а гэмблинг является единственной популярной ареной, где превалируют такие понятия, как "удача" и "фанатизм".

8. Доступность. Азартная игра как социальная активность доступна даже застенчивому подростку [47, с. 51].

Что касается азартных игр в глобальной сети, очень мало американцев поддерживает их, хотя 76% взрослых и 70% подростков полагают, что это самый легкий и лучший доступ к гэмблингу, особенно для подростков [39].

Интернет является информационным полем, охватывающим практически всю планету. Информационные ресурсы, доступные пользователям Интернет, поистине безграничны. Легкость доступа к интернет-ресурсам является определяющим фактором роста интернет-коммерции, и, как следствие, доступности ее для широких слоев пользователей. Дополнительным

фактором является электронная система расчетов и неполный контроль со стороны Государства за коммерческой деятельностью в Сети. Это делает интернет-коммерцию особенно привлекательной для молодых пользователей, включая пользователей подросткового возраста, обеспечивая, в узком смысле этого слова, их социализацию, а нередко – профессиональный, карьерный материальный рост.

Расцвет игромании в России приходится на начало 90-х годов XX века. Постсоветскую Россию захлестнула волна криминала и мошенничества. В многолюдных местах, обычно на вокзалах и площадях, аферисты устанавливали «самодельные механизмы удачи», в народе получившие название «лохотроны», которые втягивали доверчивых граждан в «игру» обещаниями быстрого и легкого выигрыша крупной суммы денег. Крушение надежд на благополучное будущее, массовое обнищание и безработица, отсутствие реальных путей к достижению достойного уровня жизни пробудили у широких слоев населения России мечту о «сказочном чуде» - моментальном обогащении, воплотившуюся в предрасположенность россиян к манипулированию «игровыми» мошенниками. Люди проигрывали последние сбережения, имущество, оставались без каких-либо средств к существованию.

В начале XXI века страну охватила эпидемия игромании, но уже в новом, общероссийском масштабе. «Лохотроны» усовершенствовались и вышли на новую стадию эволюции, их место заняли электронные автоматы с компьютерной начинкой. В российских городах на каждом шагу появляются «казино для бедных». Это название закрепилось за многочисленными павильонами игровых автоматов. В настоящее время игорный бизнес - бурно развивающаяся отрасль экономики. Он распространен в 65 субъектах Российской Федерации. Наибольшего развития он достиг в Краснодарском крае, в Новосибирской и Ростовской областях, в Москве и Санкт-Петербурге. Сегодня в городах России помимо салонов, игровые машины с «фруктами» и «однорукими бандитами» можно увидеть в самых неожиданных местах - на улицах, рынках, в продовольственных и продуктовых магазинах. Игорный бизнес в современной России не просто легализован, но является суперприбыльным. Прибыль крупнейших систем игровых автоматов составляет десятки млн. долларов в год.

Зависимость от игры развивается в России ускоренными темпами. Главной причиной этого является то, что большинство россиян, особенно в возрасте 30-45 лет, т.е. те родители, у которых дети на сегодняшний день

находятся в подростковом возрасте, очень инфантильны. Авторитарная власть воспитала в людях стойкое убеждение, что вот-вот - и произойдет чудо. И оно происходит - в виде совпавших лимонов и мандаринов на экране игрового автомата [4, с. 184]. Об азартных играх Аристотель говорил: это совершенно бесплодное умение, которое вовсе не обогащает душу, сковывает и растрачивает массу интеллектуальной и духовной энергии, которой можно было бы найти, куда лучшее применение ... » [6, с. 84].

В 2005 г. глава Саратовской епархии епископ Лонгин выступил с открытым обращением о необходимости юридических ограничений распространения игорного бизнеса. По словам Лонгина, «существует такое понятие, как «социальная болезнь», то есть болезнь всего общества, когда нет никакой гарантии, что смертельная угроза минует тебя самого и самых близких тебе людей. Социальные недуги всегда имеют своей первопричиной недуги духовные, и так же, как и многие другие тяжёлые болезни, они распространяются стремительно, бесконтрольно и заканчиваются гибелью больного: не только духовной, но и физической. Можно говорить совершенно уверенно, что в обществе не только появилась, но и приобрела страшную власть над душами россиян новая социальная болезнь, которую можно условно назвать игроманией» [64].

Владельцы казино и залов игровых автоматов сознательно превращают свои заведения в огромные центры удовольствия. К сожалению, психотерапевтов, специализирующихся на излечении от игромании, в России крайне мало. В США и Канаде существуют специализированные клиники.

В России же первый анонимный клуб людей, страдающих игровой зависимостью, открылся в 2005 г. Основной контингент играющих в автоматы - несовершеннолетние. И хотя администраторам в игровых залах запрещено обслуживать подростков, никто всерьез эти запреты не принимает. В большинстве игровых залов разрешается курить, практически в каждом салоне продается алкоголь, в некоторых - наркотики для ослабления тормозящих механизмов психики играющего, в каждом салоне ходят свои легенды о неком конкретном человеке, который за один раз «снял» с автомата несколько тысяч рублей, часто в нарушение закона в залог принимают мобильные телефоны, украшения, вещи. В 2005 - 2006 гг. было зарегистрировано большое количество преступлений подростков, связанных с игровыми автоматами [10, с. 15].

В 2006 г. Президент РФ В.В. Путин предложил депутатам радикально изменить правила ведения игорного бизнеса. Он уточнил, «мы, ко-

нечно, будем учитывать опыт иностранных государств, где развит игорный бизнес, но должны принять решения, которые соответствуют нашим реалиям».

Таким образом, мы выявили социокультурные предпосылки возникновения алкоголизма, наркомании, азартно-игровой и интернет-аддикций среди подростков в России и за рубежом. Надо отметить, что развитие легализованной гэмблинговой активности в США относится к 1976 г., а в России игровая активность приходится на 90-е годы, т.е. позже на 20 лет. Это говорит о том, что проблема профилактики азартно-игровой аддикции среди подростков не стояла так остро в российской педагогике до 90-х годов прошлого века.

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: “Как преодолеть отдаленность, как достичь единства, как выйти за пределы собственной индивидуальной жизни и обрести единение?”. Человек, живущий в гармонии с миром, не нуждается в том, чтобы искажать свое восприятие. Неприятие человеческого мира, отчуждение от мира и от себя самого побуждает человека на поиск средств, преодолевающих это отчуждение. Такими средствами часто выступают одурманивающие вещества.

Алкоголь, наркотики, азартные игры используются детьми и подростками, чтобы ослабить гнет деструктивных отношений и снять с себя ответственность за них, либо, чтобы лучше чувствовать себя рядом с другими и заглушить чувство собственной неполноценности и неадекватности, либо чтобы избегать контактов с людьми.

Перечисленные взгляды в центр внимания ставят самого ребенка, его отношение к себе и к миру, но не одурманивающие средства. Злоупотребление алкоголем и другими наркотиками рассматривается в одном ряду с другими видами саморазрушающего поведения, такими, как булимия, азартные игры, промискуитет, суицид и т.п.

Не может быть выработано единое универсальное средство профилактики. Результаты исследований показали, что широкий общественный резонанс в предупреждении наркомании и игромании неэффективен, особенно в тех случаях, когда опасность подчеркивается путем сообщения сенсационных фактов. Такая односторонняя информация может оказаться контрпродуктивной. Образ алкоголика, наркомана и игромана должен быть демистифицирован и сведен к реальным пропорциям. Тема наркоти-

ков должна быть лишена табуированности и присущих ей эмоциональных и сенсационных обертонов.

Методы, направленные на изменение в познаниях детей и подростков, возбуждающие страх или фокусирующие внимание на долгосрочных последствиях для здоровья, не меняют форм начала или продолжения использования наркотиков. Инициативы, включающие в себя социоэкономическую и культурную эмансипацию, кажутся, на наш взгляд, более полезными в плане профилактики алкоголизма, наркомании и игромании у детей и подростков, чем последовательность устрашающих сообщений.

Сущность и содержание феномена аддиктивного поведения подростков

Зарубежные исследователи под аддиктивным поведением обычно понимают злоупотребление различными веществами, изменяющими психическое состояние, включая алкоголь и курение табака, до того, как от них сформировалась зависимость (Miller, 1984; Landry, 1987). Отечественный исследователь Ц.П. Короленко (2000) дает более широкую трактовку определения аддиктивного поведения: это одна из форм деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема ПАВ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активных видах деятельности, что сопровождается развитием интуитивных эмоций [29].

А.Е. Личко подчеркивал, что важную роль в развитии АП играют преморбидные особенности личности, точнее особые типы акцентуации характера. Подростки с акцентуациями неустойчивого, эпилептоидного, гипертимного и истероидного типа наиболее склонны к употреблению ПАВ. Наркотизация этих подростков – результат их тяготения к легким развлечениям, способности легко попадать под дурное влияние. Побудительный мотив – эйфория. Общей характерологической особенностью, которая предрасполагает этих подростков к употреблению ПАВ, является смешанная способность к самоконтролю, тенденция действовать по минутному впечатлению. А.Е. Личко подчеркивал, что именно акцентуанты наиболее подвержены риску развития АП в целом, поскольку именно у них наиболее развита реакция группирования со сверстниками [57, с. 27].

Ц.П. Короленко выделяет наиболее характерные черты личности подростков, которые могут способствовать развитию АП: сниженная переносимость трудностей, скрытый комплекс неполноценности, стереотипичность, повторяемость поведения, тревожность [29, с.140].

Рядом исследований (Д.В. Четвериков и др.) установлено наличие трех психологических механизмов в возникновении АП [42, с. 246]:

1. Конвенциональный механизм – следствие аддиктивной социализации. В инициации АП имеет значение прямая индукция группы сверстников, недостаточный родительский контроль (0,83), психологический инфантилизм, алкогольная семья, на интенсивность аддикции в большей степени влияют неудовлетворенный гедонизм, неполная семья, антисоциальность сверстников. Социальные расстройства (криминальное поведение) в большей степени определяет косвенная индукция компании сверстников, психологический инфантилизм, гипопротекция, экономические проблемы в семье. На большинство характеристик АП негативно влияет семейный алкоголизм. Формирование личности связано с аморфностью личностной структуры лиц ближайшего окружения. Родители обычно малокультурные люди, с узким кругом интересов. В 22 наблюдениях конвенциальная ориентация формировалась у пресыщенных детей в семьях успешных бизнесменов. В 15 случаях конвенциональные нормы выявлены у детей выросших в детском доме. При формальном удовлетворении жизненных потребностей, воспитание здесь не формировало четкой иерархии потребностей, а черты автократизма подавляли инициативу, тормозя развитие мотивационной структуры личности.

2. Диссоциальный механизм (40 респондентов). Формировался в неблагоприятной микросоциальной среде при аффективных и диссоциальных расстройствах.

В 20 случаях респонденты росли в условиях с социально–негативной ориентацией – в семьях больных агрессивным алкоголизмом, где пьянство кражи, безнравственность и преступность являлись стилем жизни, который интериоризовался по механизму прямой инкорпорации. Поиск референтных объектов и ситуаций опьянения был естественным продолжением формирования девиантных установок. В 20 случаях инициальным моментом формирования такого механизма являлась реакция протеста против родителей и школы, следующее за которой отрицание общепринятых норм-правил, обусловило диссоциальный выбор референтной среды. Подростки втягивались в группы старших подростков с криминальным пове-

дением, усваивали их систему ценностей, жаргон, форму поведения. В 26 ситуациях причиной инициации АП стали дисфорические мании, признаки которых появлялись в возрасте 14-16 лет. Они дебютировали психопатоподобными нарушениями с расторможенностью, бестактностью, склонность к алкогольным и сексуальным эксцессам. При диссоциальных расстройствах личности (20 человек) отмечен скудный эмоциональный резонанс – сопереживание, благодарность, страх. В становлении АП при этом механизме индуктивное воздействие невелико, а респонденты сами являлись индукторами для конвенциональных личностей – каждый из них в год инициировал наркоманию у 8-10 человек, тогда как в других группах этот показатель не более 3 человек.

3. Интегрирующий механизм. Развивался в ситуациях острой и хронической фрустрации, жизненной неустроенности, при несоответствии внутренней и внешней культуры, при своеобразии социальных и сексуальных установок, переживаниях психической или физической измененности с невозможностью управлять психикой и руководить поступками, стремлении избавиться от тревоги, чувства вины или внутренней пустоты. Развитие механизма может быть связано с эндогенными причинами (шизофрения, аффективные психозы). Эти факторы являются причинами, запускающими поиск опьяняющих веществ и ситуаций. Интенсивность АП при данном механизме определяет депрессивная симптоматика. Социальные нарушения определяются также депрессивными расстройствами.

По мнению Л.Н. Собчика (1998), инициальная мотивация у подростков представлена в основном несколькими наиболее частыми мотивами, которые встречаются при разных формах АП. При злоупотреблении разными веществами мотивы неодинаковы. Например, для первого употребления наркотического средства в опьяняющих дозах мотивом чаще всего служит реакция группирования со сверстниками, “чтобы считали своим”. Мотивация первого употребления галлюциногенов чаще сводится к стремлению испытать неизведанные раньше ощущения и переживания (“любопытство”) [40, с.29].

А.Н. Галагузов предлагает рассматривать причинный комплекс в тройном аспекте:

1. Причины отклоняющегося поведения в целом
2. Причины отдельных видов отклонений (ПАВ).
3. Причины отдельных поступков.

Причины могут быть главные и второстепенные, внешние и внутренние. Главная причина – та, которая определила существенные черты следствия. Внутренние причины имеют основу в закономерностях саморазвития предметов, в их основных противоречиях. Причины, которые основаны на взаимодействии данной вещи с другими, а также порождаемые внешними противоречиями, относятся к внешним. Внешними причинами употребления ПАВ, очевидно, следует считать некоторые процессы, происходящие на уровне всего общества, внутренними – личностные, возрастные и индивидуальные особенности подростков, побуждающие их к употреблению ПАВ [16, с. 69].

Одной из социально – психологических причин употребления детьми и подростками ПАВ являлись неблагополучные семейные обстоятельства и недостатки семейного воспитания. Отсюда следует, что превентивную деятельность с подростками, склонными к употреблению ПАВ начинать с тщательного изучения их семей, устанавливая степень и характер их неблагополучия. В ряде исследований [18, с. 73] было, выявлено более 20 разнообразных причин, из которых 15 типичных недостатков мы обнаружили в ходе своего исследования. Они отражены в таблице №1.

Таблица № 1.

п\п	Основные причины неблагоприятной семейной обстановки и недостатков семейного воспитания
1.	Наличие наркоманов-членов семьи
2.	Раскрытие факта усыновления
3.	Развитие психоза у одного из родителей
4.	Непосредственно предшествующие злоупотреблению трагические события в семье (суицид одного из родителей и т.п.)
5.	Помещение в спец. интернат для трудных подростков
6.	Лишение роли “кумира семьи”
7.	Положение “золушки” в связи с изменением состава семьи (появление отчима, мачехи, свободного сиблинга и т.п.)
8.	Бунт против чрезмерной опеки со стороны родителей и других членов семьи
9.	Алкоголизм матери
10.	“Семейный крах”, резко изменивший социальный и психологический статус молодого человека

11.	Эмоциональное отвержение со стороны матери
12.	Постоянные конфликты между родителями
13.	Жестокое обращение с подростком в семье
14.	Алкоголизм отца
15.	Недостаточное воспитательное воздействие семьи, обусловленное неполным ее составом

Из таблицы видно, что основной причиной употребления детьми и подростками ПАВ является недостаточное воспитательное воздействие семьи, обусловленное неполным ее составом. Практика свидетельствует, что само по себе наличие неполной семьи или более низкий образовательный уровень родителей непосредственно не являются отрицательными причинами и не всегда приводят к АП подростков. Причинами употребления подростками ПАВ, прежде всего, служит функциональное неблагополучие, т.е. несостоятельность семьи в педагогической работе с детьми.

Кроме употребления ПАВ молодым людям свойственна патологическая игровая зависимость. Патологическая игровая зависимость определяется Американской Ассоциацией Психиатров как психологическое расстройство по типу DSM-III.

Но по многим критериям, схожим с психологическим расстройством при потреблении наркотиков и алкоголя, приписывается к DSM-IV [10].

Патологическая игровая зависимость (рекуррентное неадекватное поведение), распознается, как минимум, по 11 признакам:

1. Озабоченность. Все мысли и переживания направлены на азартную игру, либо которая уже состоялась, либо которая состоится, или состоится фантазиях;

2. Привычка. Как и с потреблением наркотиков, азартная игра требует все более частых пари. Это тот же экстаз, наслаждение, кайф;

3. Беспокойство или раздражение, которое испытывает игрок после попыток сократить или остановить рискованную игру;

4. Бегство. Идея игры направлена на улучшение настроения или на то, чтобы избежать каких-то жизненных проблем;

5. Гонка. Попытка отыграть проигранную сумму денег с помощью того же вида азартной игры;

6. Ложь. Попытка скрыть свою игровую активность перед семьей, друзьями или врачами;

7. Потеря контроля. Неудачные попытки остановить рискованную игру, даже при большом проигрыше;

8. Неправовые действия. Нарушение закона с целью добыть деньги любым путем для восполнения потерь при азартной игре;

9. Потеря связей с близкими и дорогими людьми. Несмотря на риск потерять семью, учебу, работу игрок продолжает свою деятельность;

10. Финансовая помощь. Игрок постоянно обращается к семье, друзьям или к третьей стороне за финансовой поддержкой для продолжения игровой активности;

11. Нейробиологическая основа [18].

"Патологический гэмблинг является хроническим возвратным заболеванием мозга, как алкоголизм" (ют S.W.) [30, с. 164].

Исследователи Comings, Rosenthal, Lesieur, обнаружили, что 50% исследуемой группы патологических игроков являются носителями DRD2-гена, варианта, встречающегося в других аддикциях и даже еще сильнее выраженного. Индивид, который является носителем этого рецепторного варианта, с большей вероятностью может стать проблемным игроком [46].

Выводы по исследованию проблемного гэмблинга подростков, например, в США следующие: проблемный гэмблинг ассоциируется с факторами риска; подростки второго и третьего уровней гэмблинга - чаще всего юноши, которые начинают свою азартно-игровую активность со средней школы и имеют родителей-гэмблеров; уровень проблемного гэмблинга подростков двигается в тандеме с проблемным поведением их родителей. Эти выводы подтверждаются исследованиями, сделанными Govoni, Rupcich, Frisch, Wallish, Winters в других штатах Америки и в Канаде [52]. Еще один фактор риска, связанный с проблемным гэмблингом, это потребление наркотических веществ. Подростки, в основном старшеклассники, которые курят, потребляют наркотики, являются потенциальными гэмблерами второго и третьего уровней [36, с. 138].«Дети с азартно-игровой аддикцией пропускают занятия в школе, они с большей вероятностью могут оказаться за решеткой, имеют проблемы с одноклассниками, страдают от низкой самооценки, и у них высокий уровень депрессии и попыток суицида», - утверждает проф. Derevensky [49, с. 13].

Чрезмерная увлеченность Интернетом привела к новому виду аддикции. Проблема интернет–аддикции начала обсуждаться сравнительно недавно.

Поведенческие интернет – аддикции проявляются в том, что люди настолько предпочитают жить в интеренете, что фактически отказываются от своей реальной жизни, проводя до 18 часов в виртуальной реальности.

Новые виды нехимических зависимостей – игровая и интернет аддикции носят разрушительный характер для здоровья, подрастающего поколения.

Анализ основных причин и недостатков семейного воспитания позволил выделить такие причины, как: жестокое обращение, грубое проявление родительской власти, систематическое применение физических наказаний. Ошибки родителей в выборе мер воздействия на детей проявляются, с одной стороны, в заискивании перед ними, исполнении всех их капризов и безнаказанности, а с другой, - в бессистемной строгости, избиении пьяным отцом, проявление неуважения к ребенку и т.д. Эти ошибки в дальнейшем способствуют формированию у молодежи АП.

В основе фактов употребления ПАВ и игромании среди подростков часто лежит семья с грубыми нарушениями общения родителей и детей. Психодинамические теории считают нарушения межличностных отношений родителей и детей одной из основных причин формирования алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи. Создатель трансактного анализа Э. Берн полагает, что существует игра “алкоголик”, сценарий которой формируется в раннем детстве с помощью поощрения – толчка со стороны родителей в форме высказываний: “Он у нас дурачок, ха-ха”, “Она у нас грязнуля, ха-ха” и т.д. [7, с. 228]. И в зрелом возрасте ребенок, выросший в такой семье, следует сценарному предписанию родителей “убей себя”, заложенному ими еще в детские годы, используя для этой цели алкоголь и наркотики.

Согласно точки зрения австрийского психоаналитика W. Burian, решающим фактором формирования АП в подростковом возрасте является алекситимия – трудности с вербализацией чувств [44, с. 316]. Он считает, что этот дефект возникает в раннем детстве в общении с матерью. В этот период соматическое выражение аффекта - единственная форма коммуникации матери и ребенка. Большинство матерей способствуют формированию у ребенка навыков самонаблюдения и вербального отчета о своих эмоциях. В результате аффект у детей вербализуется и дифференцируется. Если же интеракция ребенка и матери нарушена, то аффект вербализуется неадекватно, остается недифференцируемым и воспринимается как угрожающий, усиливает опасность инфантильных мечтаний. Особую опас-

ность подобный аффект представляет в подростковом возрасте, когда инфантильная связь с родителями должна прекратиться и заместиться зрелыми связями с другими людьми. Разрыв близости с родителями вызывает у подростков, как правило, депрессивное переживание, а невербализованность и недифференцированность делает эту депрессию труднопереносимой. Подросток может начать бороться с ней с помощью ПАВ и патологической игры. W. Burian подчеркивает, что психоактивные вещества, заменив подростку мать как объект привязанности, носят, как и мать, амбивалентный характер: с одной стороны, оказывают поддержку, с другой – представляют опасность.

Другая группа социально - психологических причин АП у подростков связана с недостатками учебно-воспитательного процесса в школе. В ходе исследования проблемы выявлены основные причины недостатков в учебно-воспитательном процессе школы (см. табл. № 2).

Таблица № 2.

Комплекс социально-психологических недостатков в учебно-воспитательном процессе школы

№ п\п	Основные недостатки в учебно-воспитательном процессе школы
1.	Формализм в учебно-воспитательной работе по профилактике употребления ПАВ и азартных игр среди подростков
2.	Подмена антинаркотических воспитательных воздействий администрированием
3.	Слабое вовлечение учеников в творческую работу, спортивную жизнь класса и школы
4.	Запущенность или отсутствие внеклассной и внешкольной работы
5.	Неумение и нежелание педагогов и психологов работать с учениками, употребляющими ПАВ и играющих в азартные игры
6.	Неуспеваемость и слабая успеваемость учащихся
7.	Слабое психолого-педагогическое взаимодействие учителей и родителей в профилактике употребления ПАВ и игромании

На наш взгляд, одной из причин употребления ПАВ и игромании среди учащихся может явиться формализм в учебно-воспитательной работе по профилактике этого явления, недостатки по его организации. В от-

дельных школах учителя идеализируют обстановку, связанную с фактами употребления ПАВ и игромании подростками, скрывают имеющиеся случаи. Работа по антинаркотической пропаганде проводится хаотично, нет системы профилактических мероприятий, в основном имеет место локальная нейтрализация фактов употребления подростками ПАВ и игромании.

Следующей причиной употребления учащимися ПАВ в школе является подмена воспитательных воздействий администрированием. В воспитательной работе с учениками, употребляющими ПАВ и играющими в азартные игры, преобладают одни лишь запреты и наказания.

К основным причинам употребления ПАВ в школе и вовлеченность в азартные игры относятся слабое участие учащихся в творческой и спортивной жизни класса и школы. В то же время учащиеся с АП, наоборот, отстраняются от любых видов деятельности. Практика свидетельствует, что в школе недостаточно уделяется внимания повышению роли общественного мнения коллектива класса.

Одной из важных причин, способствующих употреблению школьниками ПАВ и увлечение азартными играми, является запущенность или отсутствие внеклассной работы. Практика убеждает, что большинство мероприятий, которые проводятся во внеурочное время, часто носят формальный характер. Такие мероприятия не носят превентивного характера и не способствуют предупреждению и преодолению употребления ПАВ и увлеченностью азартными играми среди учащихся.

В превентивной деятельности педагогу целесообразно знать и учитывать такую причину употребления ПАВ в школе, как неумение и нежелание педагогов работать с учениками, замеченными в употреблении ПАВ. Учителя не умеют помочь ученику с АП избавиться от вредной привычки; не знают специфических мер воздействия на учеников, употребляющих ПАВ и играющих в азартные игры.

Неуспеваемость и слабая успеваемость учащихся является также причиной употребления ими ПАВ и увлечения азартными играми. АП для таких учеников – способ самовыражения. Для данной категории школьников есть две реальности: с одной стороны – это слабоуспевающий учащийся в классе, с другой – он равноправный участник наркотической или виртуальной группы, где может быть и лидером. Школьная неуспеваемость,

несоответствие притязаний и возможностей не позволяют молодому человеку добиться желаемого статуса. Если при этом он не может удовлетворить потребность в общении и эмоциональных контактах со значимыми для него людьми (сверстниками, родителями), не может соответствовать своему идеалу, это вполне может привести его к употреблению ПАВ и игромании.

Не менее важной причиной употребления учащимися ПАВ и увлечением азартными играми является слабое педагогическое взаимодействие между педагогами и родителями учеников с АП. Практика доказывает, что родители часто даже не подозревают об употреблении своими детьми ПАВ. Бывает и так, что родители знают о пристрастии к ПАВ и игромании своих детей, но стараются сами отучить их от вредной привычки. Такая несогласованность в вопросах профилактики употребления подростками ПАВ в школе не способствует их прекращению.

Педагогические ошибки и недоработки семейного и школьного воспитания, способствующие наркомании, алкоголизму и игромании усугубляются другими социально-психологическими причинами (см. таблицу № 3).

Таблица № 3.

Комплекс социально – психологических причин, способствующих закреплению АП у подростков

№ п \п	Социально – психологические причины, способствующие закреплению АП у подростков
11.	Отсутствие системы профилактических мероприятий и антинаркотической пропаганды по предупреждению и преодолению употребления подростками ПАВ и игромании в школе
22.	Негативное влияние бесцельного времяпровождения на улице, участие в антисоциальных неформальных группах и объединениях
33.	Следование определенной моде на ПАВ и игроманию в среде сверстников
44.	Низкое состояние воспитательной работы в школе
55.	Отрицательное воздействие ряда средств массовой информации
66.	Другие причины

Среди социально-психологических причин данной группы чаще других отмечается отсутствие системы профилактических мероприятий и антинаркотической пропаганды по предупреждению алкоголизма, наркомании и игромании в школе. Сравнительное изучение этого вопроса показывает, что меры по предупреждению употребления ПАВ и игромания среди школьников носят локальный характер. Чаще всего молодой человек, замеченный в употреблении ПАВ и игромании, просто исключается из школы с мотивировкой, не связанной с АП, чтобы “не выносить сор из избы”.

Не менее важной социально-психологической причиной, способствующей развитию АП у подростков, является негативное влияние бесцельного времяпровождения на улице, участие в антисоциальных неформальных группах и объединениях. Практика показывает, что среди молодежи, употребляющей ПАВ и играющий в азартные игры, существует сложная иерархия, которая вовлекает все новых молодых людей в свою компанию с дальнейшим привлечением их к употреблению ПАВ.

Мода среди молодежи на наркотические вещества является очередной причиной их употребления. Например, ночные дискотеки, пропагандирующие такой музыкальный стиль как “рэйв”, требуют наркотического состояния для полного “слияния” с музыкой и глубинного ее понимания. В данном случае употребляются таблетки “экстази”, в дальнейшем вызывающие привыкание. На таких дискотеках спиртное считается немодным. В основном пьют кока-колу, которая утоляет жажду, вызываемую наркотическими веществами, и создает видимость благородности наркотического поведения. Часто родители радуются, что их дети не пьют спиртного, не подозревая наркотического поведения.

Нельзя не отметить отрицательного воздействия некоторых средств массовой информации, как одну из причин употребления подростками ПАВ и вовлеченности в азартные игры. Анализ показывает, что достаточно часто в прессе появляются явно заказные статьи по тематике алкоголизма, наркомании и игромании. В таких статьях, на первый взгляд, осуждаются ПАВ и азартные игры, но в то же время рассказывается о местах, где можно купить наркотики, сообщаются цены на них, а иногда описываются и рецепты приготовления наркотических веществ, а так же сообщаются адреса игровых салонов.

К другим социально-психологическим причинам употребления молодежью ПАВ и увлеченностью азартными играми следует отнести: неполные или искаженные знания о вреде ПАВ; доступность ПАВ; отвержение со стороны сверстников из-за физических недостатков; подражание подросткам более старшего возраста; неумение отказаться от предложения попробовать какое – либо ПАВ или сыграть на деньги. Наши исследования показывают, что 27% опрошенных молодых людей верят в миф о стимуляции творческих способностей некоторыми ПАВ и азартными играми.

Нами выявлены следующие психологические причины употребления ПАВ и игровой зависимостью среди подростков (см. таблицу № 4).

Таблица № 4.

Комплекс психологических причин употребления ПАВ и игровой зависимости у подростков

№ п\п	Психологические причины проявления АП у подростков
1	Возрастные сложности формирования и развития личности
2	Отрицательные проявления индивидуально – психологических и патохарактерологических особенностей: психических процессов, состояний, свойств, образований и акцентуаций характера
3	Отклонения в психофизическом развитии

Известно, что развитие личности детерминируется как биологическими, так и психологическими факторами. Такие биологические факторы, как особенности возраста (эмоциональная лабильность, ранимость, впечатлительность), возрастные поведенческие кризисы (повышенное внимание к своей фигуре, ложные убеждения в своей физической и половой неполноценности) способствуют употреблению молодыми людьми ПАВ и игромании. В этих случаях они мучительно переживают свою мнимую или действительную неполноценность, у них занижена самооценка, наблюдается отсутствие веры в свои силы, замкнутость, озлобленность, неспособность к направленным волевым усилиям. Для таких лиц наркотические вещества являются средством для снятия эмоционального напряжения и чувства неудовлетворенности, допингом, повышающим фон настроения и самооценки.

Наиболее угрожаемой почвой для алкоголизма, наркомании и игромании среди подростков является неудовлетворенная в своих притязаниях личность, переживающая комплекс “неудачника”, расценивающая себя как «незаурядность», несостоявшуюся в силу внешних причин. Это может звучать как субъективная убежденность молодого человека, “ищущего признание”, с “неадекватно завышенной самооценкой”, но также может быть объективной реальностью, связанной с действительно имеющим место конфликтом между яркими способностями индивида и невозможностью их применить в силу социальных условий, которые не создают предпосылок для самореализации личности. Нереализованные как личность молодые люди составляют основную массу потребителей ПАВ и азартных игроков.

Практика подтверждает, что АП молодых людей в значительной степени зависит от психологической структуры личности. Особую роль в формировании АП играет такая важная психологическая характеристика личности, как направленность, включающая в себя, прежде всего, искаженные мотивы, потребности, интересы, ценностные ориентации и нормативные представления. Сюда относятся также мотивы, отражающие потребность в изменении собственного состояния:

1. Гедонистические мотивы – стремление испытать чувство эйфории;

2. Атарактические мотивы – желание нейтрализовать негативные эмоциональные переживания;

3. Мотивы гиперактивации поведения – стремление выйти из апатического состояния, улучшить на краткий период, интеллектуальную и физическую работоспособность [12, с. 215].

К личностным характеристикам подростков следует отнести: поиск ощущений или потребность в различных, новых, сложных ощущениях и переживаниях и способность подвергаться физическому и социальному риску ради поиска этих ощущений. Психологи выделяют 4 аспекта поиска ощущений:

1. Поиск возбуждения приключений;

2. Потребность в новом опыте;

3. Растормаживание;

4. Скука восприятия.

Человек, жаждущий новых впечатлений, более склонен к употреблению ПАВ (высокая чувствительность к приятным эффектам наркотических средств и азартным играм).

Алкоголизм или наркомания, развивающиеся на почве социально–психологического неблагополучия у дисгармоничной личности молодого человека, в значительной мере усугубляются этой патологией. Сначала происходит резкое заострение акцентированных ранее личностных тенденций с внешне обвиняющим типом реагирования, импульсивным поведением, нарастающей конфликтностью, паранойяльностью, агрессивными проявлениями с утратой контроля над эмоциональными вспышками, с дезинтеграцией собственного “Я”. В дальнейшем разрушение личности проявляется снижением уровня эмоциональных реакций, “уплощением”. Заметное снижение интеллекта проявляется несостоятельностью при проверке памяти, концентрации внимания, способности к счетным процедурам, ухудшается вербализация, опосредованное запоминание выявляет стереотипию и примитивность ассоциаций, проявляется конкретность мышления, выраженные затруднения при общении, плоский юмор и некритичность [41, с.74].

Аддиктивная ориентация современного общества связана с рекламой, которая формирует потребительское поведение человека. Современная аддиктивная субкультура (АСК) в сравнении с описанными ранее популяциями аддиктивных личностей (хиппи, рокеры) дефицитарна в силу отсутствия идеологической основы. Аддиктивные элементы в АСК склонны к индивидуально - психологической генерализации, они определяют как аддиктивные реализации, так и специфическую группу поведенческих стереотипов – преступность, девиантное поведение, созависимость, социальное отчуждение, поиск референтных объектов и пр. Подростков – аддиктов в АСК привлекает совместная аддиктивная реализация, ритуальная окраска приготовления и приема наркотиков, коммуникативные позиции [43, с. 61]. Это подтверждается и нашим исследованием. Так, в ходе бесед с Петром К. и Ольгой Т. мы установили, что впервые приобщение к ПАВ у них произошло на праздновании дня рождения друга, который предложил им наркотик с целью улучшения общения и большего познания друг друга.

Депрессивное состояние, ассоциированное с аддикцией, наблюдается в рамках меланхолических, дисфорических и тревожных депрессий. У подростков страдающих такими депрессиями отмечена астения, потеря инициативы, безразличие к себе и окружающим, отсутствие побуждений к деятельности, обеднение моторики, оскудение эмоциональной и когнитивной сфер [37, с.14].

Изучение данной проблемы мы считаем целесообразным проводить в рамках междисциплинарного научного поиска, интегрирующее направление которого – педагогическое. В средние века религиозный фанатизм стал массовым психологическим феноменом аддиктивного характера, появляются эмпирические описания некоторых аддикций – пьянство, опиомания (T. Syndenham), мании к азартным играм (P. Ustus), аномального пищевого поведения в виде анорексии (потеря аппетита), булемии - волчий аппетит (Ф. Рабле), алчности (О. Бальзак). В XIX веке выделены основные ПАВ – морфин, кокаин, барбитураты, героин. Героин был впервые произведен в 1892 году в Германии, через 92 года после открытия во Франции морфина. U. Leviansatain (1875) показал, что морфинная наркомания сходна со страстью вроде жадности, половых излишеств, булемии. После первой мировой войны в Париже число морфинистов превышало 50 000, из них более половины – дети и подростки. Более поздние исследования показали, что категория морфинистов, употреблявших максимально возможные дозы (свыше 1,5 грамм в день), составляла до 10% от общего числа подростков [22, с. 96].

Согласно статистическим исследованиям, проведенным 1921 году американскими властями, опиомания получила такой размах в США, что американцы употребляли в 12 раз больше опиума, чем любой другой народ в мире. Перед второй мировой войной в Китае производилось 22 000 тонн опиума, в Индии 12 000 тонн, в Иране – 5-6 тыс. тонн [22, с. 51].

В Англии опиомания сначала распространялась, главным образом, среди военных и бывших английских колониальных служащих вернувшихся из Индии. В дальнейшем опиомания стала заурядным явлением среди семей рабочих и их детей. Многие женщины, работавшие на фабриках, одурманивали своих малышей опиумом, чтобы в их отсутствие малыши пребывали в сонном состоянии. Чтобы дети не беспокоили матерей ночью, малыши получали дополнительную порцию наркотика в вечернее время. Молодой организм быстро привыкал к действию одурманивающих средств и уже не функционировал без употребления наркотиков [22, с. 98].

C. Lombroso (1870) показал связь диссоциального поведения, психического неблагополучия и аддиктивного поведения (АП). В литературе 19 века можем найти описание любовных аддикций (Л.Н. Толстой, Стендаль), опиомании (Ш. Бодлер), пищевых аддикций и аномальной скаредности (Н.В. Гоголь).

В первой половине XX века начались исследования АП как психологического и культурного феномена (Blair T.S., 1921; Light A., Torrance E., 1929).

С конца 40-х годов наблюдается подъем потребления наркотиков в Европе и США, происходит трансформация структуры ПАВ, ведущим мотивом их приема становится поиск эйфории. Рост аддиктивных форм поведения – следствие психоделической революции. ПАВ (особенно галлюциногены и марихуана) приобретают социальное значение и используются для постижения внутреннего мира (Liry T., Castaneda C.). И.Н. Пятницкая определяет понятие наркотической зависимости и проводит анализ развития наркомании, не касаясь психологической составляющей.

Около 20 с небольшим лет назад произошло оформление аддиктологии как самостоятельного научного направления в рамках психологии. Было показано, что в процессе АП участвуют 3 компонента – человек, общество и аддиктивный агент (A.R. Lindensmith, 1975). Все концепции АП мы вслед за Д.В. Четвериковым [42, с.10] считаем целесообразным рассматривать в рамках 2 парадигм: биомедицинской, педагогической.

Биомедицинская парадигма связывает АП с особенностями биологической организации человека. Любой психологический феномен (личность, поведенческий паттерн, поступок) может рассматриваться как изменение химизма мозга. Под действием наркотика страдает вся психика в целом, так же, как и все ее отдельные элементы. Блокирование рецепторов приводит к блокированию тех отделов мозга, в которые от них поступает информация. Это приводит к нарушению сознания. Следовательно, эйфория сопровождается сужением, а иногда и более тяжелыми расстройствами сознания.

Первым признаком помрачнения сознания является отрешенность аддикта – затрудненность или невозможность восприятия окружающего мира. События, происходящие в окружающем мире, не привлекают внимание больного, что характерно для состояния оглушения.

Одним из видов отрешенности является загруженность. При частичном (фрагментарном) восприятии мира или при полном отсутствии восприятия наблюдается интенсивный наплыв иллюзий, бреда, галлюцинаций.

Вторым признаком помраченного сознания является дезориентировка в месте, времени, окружающих предметах, а иногда и в собственной личности. Человек не может назвать своего имени, даты или адреса.

Третий признак – бессвязность мышления, сопровождается слабостью и невозможностью суждений, а также различными видами речевых расстройств.

Четвертым признаком является полная или частичная амнезия периода помраченного сознания. Это требует срочной госпитализации, ибо может начаться сопр, кома и смерть.

Подросток, систематически принимающий наркотик, почти ежедневно вызывает нарушения своего сознания. Биологические мотивации – мотивации голода, жажды, страха, агрессии, половые и т.д. названы И.П. Павловым основными влечениями организма. Эти мотивации являются врожденными, так как формируются на основе наследственных механизмов.

В организме все время идут процессы обмена энергией и метаболизма, то есть существуют физиологические сдвиги гомеостатических показателей, которые определяют в данный момент биологические потребности организма. Из нескольких потребностей организм выбирает основную, наиболее важную для выживания. Она и лежит в основе поведенческого акта, направленного на ее удовлетворение.

ПАВ, так же как азартные игры, непосредственно или косвенно стимулируют определенные “зоны удовольствия”, вызывая эйфорию, а нехимические агенты стимулируют их косвенно, через экстремальные переживания. Под сомнение ставится факт “здоровья” в доаддиктивный период онтогенеза личности, а АП трактуется как реализация исходной аффективной патологии (T. Dackis, R. Gold, 1987; U. Terwilliger, 1991).

Вещества пептидной природы – меседжеры информируют специальные зоны мозга о конкретной потребности организма. Возбуждение мотивационных центров осуществляется ритмически – по типу триггерных механизмов. Клетки начинают посылать ритмические разряды вплоть до момента удовлетворения соответствующей потребности.

Биомедицинская модель АП вызывает серьезную критику. Не получено достоверных маркеров ни “недостатка резервных возможностей” мозга, ни психических расстройств в целом. Из концепции вытекает положение о прогрессирующей динамике аддикций, но практика показывает иные реалии – часто на фоне героиномании часто формируются и алкоголизм, и нехимические реализации (фанатизм). Административное принятие биомедицинской модели может стать причиной пенитенциарных мер в отношении аддиктов (В.Е. Пелипас, 1998).

Социально–психологическая парадигма представлена различными направлениями современной психологии. С гедонистическими аспектами потребления связаны психоаналитические интерпретации (P. Cohen, 1984). ПАВ выступают как средство преодоления эмоционального напряжения и давления социального окружения в целях достижения адаптации при расстройствах Я, ассоциированных с декомпенсацией нарциссических тенденций. Зависимость основана на оральной (O. Fenichel, 1946), либо анальной фиксации (E. Glover, 1946). A. DeMijollau S. Shentoub (1972) считают, что в аддикции проявляется неспособность личности достигнуть адекватных отношений с объектом. E. Fromm (1941) рассматривал аддиктивное поведение как механизм бегства от свободы, предполагающий деструктивность в отношении себя и других.

Персонологический подход предполагает, что одни типы личности более склонны к АП, чем другие. D.N. McCielland с соавторами (1972) считает, что личностный смысл АП заключается в потребности во власти, но генерализация данного тезиса ограничена и не интерпретирует ряд социальных аддиктивных паттернов (церемониальное пьянство, пищевые аддикции). В.Ю. Завьялов (1988) показал, что личностный смысл АП заключается в доступе к психологическим ресурсам, предполагающих необычное реагирование в стандартных ситуациях межличностной коммуникации. Установлена связь усвоения аддиктивных норм и типа личности (P. Wutrich, 1977).

При изучении аддиктивных ситуаций рассматриваются ситуативные факторы аддикции, как острые – психологическая травма (война, потеря близкого человека, насилие и другие формы травматического стресса), так и хронические (урбанизационные стрессы). Установлен повышенный уровень аддиктивной готовности у жертв насилия (Buss T.F., Abdu R., 1995), у женщин, убивших своих детей (S. Crimmins с соавторами, 1997), у военнослужащих (Софронов А.Г., 1999), что связано с посттравматическими стрессовыми расстройствами (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 1999). К хроническим дистрессам относят социальную изоляцию семьи (KelleyS.J., 1993), дидактогенные неврозы (Achenbach T.M., 1995), психическую патологию родственников (Brent D.A., 1995) и другие.

Мотивационный подход к АП представляет теорию реактивного сопротивления Y. Brehm (1987). Аддиктивная мотивация актуализируется при угрозе свободе поведения индивида, приводящей к реактивному сопротивлению. Эта концепция близка к теории заученной беспомощности

M. Seligman (1974). Теория ожидаемого действия A. Marlatt (1985) предполагает, что переживания социального дистресса в виде фрустрации и агрессии появляются у индивида при отсутствии иных реакций преодоления. АП рассматривается как альтернативная реакция преодоления, как возможность отвергнуть ответственность за свои действия.

Социально-экологический подход развивают W. O`Connor и P. Ahmed (1979), рассматривая АП как эко – специфичную форму девиантного поведения. Девиантная личность занимает нишу, определяемую нарушением норм – правил в референтной среде.

Согласно гипотезе “самолечения” (Khantzian E.J., 1997) предполагается, что АП возникает при попытках самокоррекции психологической дезадаптации, а эффекты наркотиков меняют спектр болезненных переживаний. Описана определенная тропность к эффектам ПАВ. Биполярные личности с полизависимостью в маниакальной фазе потребляют кокаин, а в депрессивной – героин (Marlowe D.B. с соавт., 1997). Для шизофрении характерны эксперименты с различными наркотиками, но предпочтение отдается тем ПАВ, основной эффект которых тропен к перцептуальным и когнитивным сферам нарушенного психического функционирования (Mueser K.T. с соавт., 1992). Экстраполяция гипотезы сомнительна, поскольку сведение проблемы к самолечению заведомо снижает значение факторов, определяющих формирование аддикции у людей без психоза (Raskin V.D., Miller N.S., 1993) [57, с. 10].

С точки зрения А.Е. Личко и В.С. Битенского [34, с.14], для подростков термин АП представляется наиболее адекватным, поскольку указывает на то, что речь идет не о болезни, а о нарушении поведения. Авторы выделяют 2 пути, по которым развивается аддиктивное поведение. В 1 случае подростки пробуют различные ПАВ: бензин, клей, затем алкогольные напитки, таблетки, сигареты с марихуаной. Последовальность употребления может быть различной, экспериментирование продолжается до того момента, пока не будет окончательно выбрано наиболее предпочитаемое вещество.

Во втором случае – наблюдаются злоупотребления только одним, каким – нибудь ПАВ (никотин, алкоголь и др.). Сосредоточение на одном наркотике обычно связано с недоступностью других, реже происходит произвольный выбор.

Ряд зарубежных исследователей (Чейн, Ловней и др.) связывают этиологию наркомании и игромании с особенностями характера подрост-

ка: его повышенной внушаемостью, безволием, закомплексованностью. По мнению Чейна, в неполных семьях, в частности, где воспитанием занимается одна мать, у подростка наблюдается отсутствие “внутреннего контроля”. При неблагоприятных условиях социальной среды такой подросток более других будет уязвим в отношении употребления одурманивающих веществ [36, с. 164].

Зарубежные психологи и психиатры выделяют “личности, склонные к употреблению наркотиков”. Такие индивиды отличаются недостатком “социального мастерства”, они социально неадекватны, некоммуникабельны. “Госпитализированные наркоманы испытывают особые затруднения в области социальных навыков, необходимых для установления и поддержания тесных и осмысленных межличностных отношений, и самоудовлетворение наркотиками становится суррогатом взаимоотношений” [22, с. 57].

Концептуальное развитие учение об АП получило в работах Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой (1988-2000). АП характеризуется стремлением к уходу от реальности искусственным образом. Оно детерминировано биологическими, педагогическими, психологическими и социальными факторами и является транскультуральным феноменом. Начальный период АП сопряжен с переживанием интенсивных эмоциональных состояний и их фиксацией. Постепенно устанавливается частота реализаций аддиктивных мотиваций, координирующая с фрустрациями и порогом их переносимости. АП становится интегрирующей частью личности, способом реагирования при встрече с реалиями. Развитие приводит к полной доминации АП и определенному стилю жизни. Характерно отчуждение, нарушение контактов на психологическом и социальном уровнях [30, с. 10].

Д.Д. Исаев и др. (1997) описывает несколько моделей АП. Успокаивающая модель. Это один из наиболее распространенных вариантов применения ПАВ и азартных игр с целью достижения душевного спокойствия. Их употребление направлено на снятие напряжения, на то, чтобы расслабиться, успокоиться, забыться, уйти от неприглядной или опасной действительности, от неразрешимых жизненных проблем. Отдельные подростки употребляют ПАВ для изменения эмоционального состояния: тревоги, депрессии, апатии.

Коммуникативная модель. Эта модель пристрастия к наркотикам может возникнуть в связи с неудовлетворенными потребностями в общении, любви, доброжелательности. Прием ПАВ облегчает общение со сверстниками своего и противоположного пола. Преодолевает-

ся чувство замкнутости, стеснительности, появляется уверенность в своих возможностях.

Активирующая модель. Некоторые подростки применяют ПАВ и азартные игры для подъема жизненных сил, бодрости, усиления активности. Будучи неуверенными в своих силах и возможностях, имея пониженную самооценку, подростки пытаются достичь прямо противоположного – уверенности, бесстрашия, раскованности.

Гедонистическая модель. Употребление ПАВ и азартные игры используется также и для получения удовольствия, приятных ощущений, психического и физического комфорта. Потребители стремятся создать фантастический мир галлюцинаторных образов, пережить блаженное состояние эйфории.

Конформная модель. Стремление подростков подражать, не отставать от сверстников, быть принятым группой может привести к употреблению ПАВ и азартным играм с этой целью. Развитие этой модели связано со стремлением подражать лидерам, некритически перенимать все, что касается коллектива, к которому принадлежит подросток.

Манипулятивная модель. Возможно использование ПАВ и азартных игр для манипулирования другими, для их эксплуатации, для изменения ситуации в собственную пользу, для достижения тех или иных преимуществ. Демонстративные подростки, например, желая привлечь к себе внимание своей необычностью, способностью добиться лидирующего положения, охотно пользуются ПАВ.

Компенсаторная модель. Эта модель поведения определяется необходимостью компенсировать неполноценность личности, дисгармонии характера.

Особенностью АП является то, что оно по существу не является заболеванием. Медикаментозное лечение в этих случаях может быть направлено на детоксикацию, если в этом есть необходимость, а психотерапевтические приемы используются с целью психопрофилактики. Главным же при АП являются не медицинские, а воспитательные меры [43, с. 141-142].

Концепции, проанализированные в данном параграфе, основываются на представлении о неслучайности возникновения проблем, связанных с употреблением наркотиков и увлеченностью азартными играми. Использование ПАВ и игромания выступают как средство решения этих проблем. Мы считаем, что акцент профилактики необходимо делать не на предотвращение нежелательного события, а на поиске и овладении адекватными

средствами решения проблем. При реализации такого подхода необходимо содействовать росту возможностей человека, когда выбор делается в пользу самоактуализации, комплексного духовного и психофизического развития, а не на подборе лечебных и реабилитационных программ.

Педагогическая деятельность по профилактике алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи

Старший подростковый возраст считается наиболее уязвимым в отношении употребления психоактивных веществ и игромании. Это период значительных перемен, как на физиологическом, так и психологическом уровнях.

Идет формирование, развитие и изменение Я-концепции. Сильнейшее влияние на нее оказывает социальная среда – семья, школа, формальные и неформальные группы.

Тенденции в развитии характерологических особенностей заключаются в том, что от 12 к 17 годам заметно увеличивается коммуникабельность, настойчивость, соревновательность, в то же время отмечается тенденция к снижению импульсивности. Это тот возраст, когда особенно остро акцентируются некоторые свойства характера. Не будучи сами по себе патологическими, такие акцентуации повышают возможность психических травм и отклонений от норм поведения для самореализации в обществе. Возрастная градация включает систему социально-психологических ожиданий и санкций. От зависимого детства старший подросток переходит к самостоятельной, но ответственной взрослой жизни. Ответственность же, как мы знаем, является важнейшей характеристикой личности, отличающая социально незрелую личность от личности социально зрелой.

Старший подростковый возраст является наиболее сензитивным для формирования ценностных ориентаций, способствующих выработке собственной жизненной позиции. В последнее время существенным деформациям подверглись не только социально-экономические, но и психологические нормы и ценности, которые должно осваивать молодое поколение. При переходе от подросткового к раннему юношескому возрасту резко меняется внутренняя позиция, основной направленностью личности является устремленность в будущее. В центре внимания интересов и планов находится проблема выбора профессии, дальнейшего жизненного пути. Цель воспитания в данный период – формирование жизнеспособной личности,

конструктивно ориентированной по отношению к обществу и к себе самому. Развитие личности в социуме происходит через взаимодействие с другими людьми, поэтому личность преподавателя выступает значимой фигурой процесса воспитания, реализующей такие гуманистические принципы, как уважение, терпимость, милосердие, внимание. По мнению психоаналитиков [2, с. 19; 28, с. 24], если процесс усиления “Я” образа и функций осуществляется постепенно, период перехода юноши во взрослую жизнь протекает достаточно безболезненно. Избыток деструктивных конфликтов является симптомом неудачного преодоления преград. Многие классические теории сводятся к пониманию процесса перехода во взрослую жизнь как адаптация личности к инстинктам. Вместе с тем, ряд ученых отмечает, что развитие детей, подростков, юношей и девушек в немалой степени зависит от “психосоциального моратория”, представляющего собой пространство для экспериментирования, гарантируемое обществом молодому человеку (Э. Эриксон). Обусловленный множеством задач (психофизическое созревание, усвоение роли взрослого, выбор профессии и т.д.) “Нормативный кризис” крайне затрудняет личностную идентификацию. Задача педагога в данной ситуации заключается в том, чтобы оказать молодому человеку помощь в реализации своих будущих ролей, в том числе и самостоятельного, самодостаточного взрослого человека. Развивать идентичность непросто. Достаточно часто возникают психосоциальные кризисы, которые подросток может и должен осознать с помощью квалифицированного, чуткого педагога и воспитателя.

Чтобы педагогические приемы и методы были целесообразными, необходимо понять суть духовного развития. Основные особенности юношеского возраста – развитие “Я” - концепции, рефлексии, осознание собственной непохожести, неповторимости, появление жизненного стержня, установки на сознательные сферы жизни (Шпрангер). Все это направит “Я” на практическое включение в различные сферы жизнедеятельности.

В этом процессе возможны как негативные, так и позитивные проявления. Допубертатный период характеризуется фрустрацией, раздражительностью, диспропорцией в физическом и психическом развитии, противоречивостью чувств, аггравацией, меланхолией, упадком жизненного тонуса. К позитивным проявлениям относятся формирование новых ценностей, потребностей духовного свойства, экологическая и эстетическая зрелость. Важнейшие процессы переходного возраста – расширение жизненного мира личности, круга общения, увеличение числа людей, на которых

ориентируется подросток (К. Левин). Старший подросток внутренне противоречив, у него не определен уровень притязаний, наблюдается склонность принимать крайние позиции и точки зрения. Неопределенность и конфликтность будут тем ярче, чем резче различия между детством и взрослостью.

Психолог Томе придерживается иной точки зрения. Он утверждает, что юношеское развитие протекает постепенно, постоянно и под влиянием окружающих условий. Томе придерживается библиографического подхода, согласно которому поведение направлено на преодоление трудностей как в повседневных, так и в экстремальных ситуациях. Возникающие же проблемы решаются с помощью определенных техник существования – достижение, приспособление, защита, избегание, агрессия.

Стратегии преодоления трудностей в период взросления зависят от типа и свойств проблем, а также от собственных возможностей.

Согласно Лазарусу, преодоление трудностей начинается при столкновении подростка с угрозами, опасностями, требованиями. Этот процесс проходит три стадии: первичная (когнитивная и аффективная) оценка ситуации; вторичная – оценка альтернативных возможностей решения проблемы и третичная – переоценка ситуации и выбор новых альтернатив поведения.

Фокальная теория Колмана, интегрирующая в себе различные теоретические подходы – психологические, социологические, психоаналитические – является наиболее плодотворной, на наш взгляд, для решения воспитательных задач. Психоаналитические подходы, по его мнению, нельзя считать репрезентативными для всей молодежи. Социологические теории связывают молодежь с обновлением или изменением общественных ценностей. Когда анализируются проблемы молодежи, более всего говорят о негативных проявлениях в ее среде – наркомания, алкоголизм, вандализм, промискунтет, что создает основу для восприятия этих проблем как типичных для юности.

Основной проблемой детей и подростков при нормальном ходе процесса становления является проблема развития и соответствия ожиданием общества, которое сегодня достаточно противоречиво. Деятельностный подход рассматривает становление человека как индивида и личность в совокупности биологического и социального. Здесь в развитие вступает новый своеобразный фактор – личность самого подростка.

Более глубокому пониманию других людей способствует самосознание и самоактуализация подростка. Социальная зрелость и социальное развитие, развивающее и формирующее личность, приобретает в самосознании опору для своего дальнейшего развития. Идентичность является наиболее сложным феноменом подросткового возраста. Центральная задача периода взросления – поиск личной идентичности. Сложность в данном случае заключается в том, что трудно согласовать собственные переживания, переживания окружающих и приспособиться к общественным нормам.

“Теория самого себя” - Я-концепция [9, с. 82] – более динамична, нежели “Я-идентичность”. В психологии выделяют две формы Я-концепции - реальную и идеальную. Понятие “реальная” включает представление личности о себе, о том, “какой я есть”. Идеальная Я-концепция – это представление личности о себе в соответствии с желаниями (“каким бы я хотел быть”). Расхождение между реальной и идеальной Я-концепцией может приводить к различным, как к негативным, так и позитивным следствием. С одной стороны, рассогласование между реальным и идеальным “Я” может стать источником серьезных внутриличностных конфликтов. С другой стороны, несовпадение реальной и идеальной Я-концепции является источником самосовершенствования личности и стремления к развитию.

Различные побуждения личности, само ее развитие предполагает координацию новых и уже имеющихся видов деятельности. Это возможно только при существовании дистанции между подростком и побуждением к деятельности (“ролевая дистанция”) или “устойчивостью к неопределенности”. Взросление в данном случае можно рассматривать в двух аспектах: “деятельность в контексте” и “совладание с жизнью”.

В подростковом возрасте, в период пубертата, происходят изменения физического и психического характера. Любую социальную реакцию на эти изменения подростки включают в представление о себе. Многие деструктивные конфликты в этот период напрямую связаны с неадекватным, бестактным отношением к ним взрослых.

Задача воспитателя и учителя, учитывая роль личностной идентификации, интегрировать новые, позитивные, устойчивые ощущения подростков в отношении своей личности. Изменения во внешности оказывают большое влияние на самодостаточность подростков. Неудовлетворенность новым обликом, насмешливое отношение окружающих к этим изменением

может привести к депривационным и фрустрационным симптомам и синдромам, отрицательным конфликтам, депрессии, аггравации, поведенческим девиациям и даже к функциональным дисфункциям (неврозы, неврастении, психопатии).

Потребностно-мотивационная среда детей и подростков напрямую связана с их физическим и психическим соревнованием.

Подростки начинают активно заниматься рефлексией, становятся сексуально активны. У них развиваются способности к дифференциации действенного (поступки) и духовного (мысли, слово). Созидаются новые идеалы и ценности.

Вследствие этих инноваций возрастают претензии против несправедливостей окружающего мира, двойной морали взрослых. Подростковые идеализации переносятся на конкретных людей, становятся эталоном поведения.

Возникающая потребность в безопасности нуждается в реализации либо в семейных отношениях, либо в неформальной группе.

Потребность в независимости проявляется в стремлении к автономности, противодействии навязываемому морализаторству, общественным нормам.

Желание проверить новые когнитивные возможности, добиться высокой самооценки, социального статуса порождает потребность в успехе. Необходимо помнить и учителям, и родителям, что для поддержания мотивации достижения необходима внешняя поддержка. Постепенно идентификация со сверстниками, стремление к ней ослабевает, и подростки начинают ценить индивидуализацию.

В процессе созревания “Я” роль родителей становится не столь ценной для подростков, как ранее. Акцент переносится на референтную группу. Возникает молодежная субкультура. Для социально зрелой личности подростка характерен отказ от эгоцентризма и превалирование развития ответственности за других и определенных моральных обязательств.

По Миду, межпоколенные отношения зависят от типов научно-технического и социального развития. Все большую актуальность приобретает не линейная, односторонняя преемственность, а обратная, двусторонняя связь, когда молодежная интерпретация мира оказывает влияние на родителей, учителей, старшее поколение.

Сфера взаимоотношений подростка с родителями зависит от их эмоционально-духовной близости. Потребность во взаимопонимании в семье

остается для подростков необходимой и важной, тогда как в этом контексте учитель не играет такой роли.

На наш взгляд, можно выделить ряд тенденций развития подростков в период взросления:

1. Социальная зрелость подростков приводит к критике и противодействию установок и ценностей взрослых, что, в свою очередь, может привести к деструктивным конфликтам с родителями, особенно при авторитарном стиле воспитания.

2. В процессе развития ребенка в обществе, происходит смена ролей: группа сверстников, становясь референтной, замещает родителей.

3. К конфликтным ситуациям в семье приводит перенос центра развития из нее в группу сверстников. Это проявляется депривацией, фрустрацией, аггравацией.

4. Отсутствие превалирующей роли родителей в жизни подростков не является абсолютным явлением.

Семья остается важной референтной группой для детей.

Возникает дилемма – взаимоотношения подростков с родителями становятся сложными, порой конфликтными, но, вместе с тем, по-прежнему значимыми. Причиной данной ситуации является то, что дети, а часто и родители, не представляют себе принципов и закономерностей развития взаимоотношений друг с другом, не понимают всей сложности проблем и противоречий, обусловленных психофизиологическими особенностями детей и подростков.

Такое состояние приводит к усилению реакций протеста со стороны подростков, а родители, в свою очередь, пытаются быть еще больше директивными и авторитарными. Как следствие – возрастает фрустрация с той и другой стороны.

Тревожность подростков усугубляется также боязнью не соответствия требованиям, предъявляемым им, как со стороны родителей, так и учителей.

Наиболее значимой для развития личности подростка в этот период становится коммуникативная сфера, которая включает:

- способность наладить вербальный контакт с понравившимся человеком;

- комфортно ощущать себя в референтной группе, ценности и нормы которой импонируют ему;

- ощущать в референтной группе свою самодостаточность и индивидуальность.

Дальнейшее формирование самосознания у подростков, предполагает развитие новых коммуникативных связей, основанных на вполне определенных морально-этических нормах и ценностях. Общение подростков представляет собой имитацию взаимоотношений взрослых людей, развивающихся по механизму импринтинга.

В идеале, отношения взрослеющих детей, родителей и учителей должны быть откровенными, искренними и предполагать реализацию значимой объективной цели.

Для старшего подросткового возраста [14, с. 162] характерна эмоциональная лабильность, быстрый переход от возбуждения к депрессивному состоянию. Аффективные вспышки сменяются ступорообразным состоянием. Депрессивные симптомы, длительно протекающие и часто возникающие, могут привести к суицидам. Для подростков старшего возраста характерна крайняя полярность психоэмоциональных состояний: от импульсивности они легко переходят к неустойчивости, повышенная безапелляционность в суждениях сменяется легкой ранимостью, потерянностью; потребность в коммуникации – желанием уединения, циничность сменяется робостью и застенчивостью; романтизм соседствует с прагматизмом; доброта быстро сменяется враждебностью, жестокостью, вандализмом.

Самосознание в этот период выражается в эмоционально-смысловой оценке своих возможностей, что, в свою очередь, предполагает обеспечение целесообразности действий и поступков. Формирование самосознания связано с появлением специфичных для данного возраста эмоционально-поведенческих реакций:

- Реакция эмансипации. В основе ее лежит потребность подростков в самостоятельности, протекает против порядков, правил, самоутверждение себя как личности. Подросток протестует против гиперопеки, грубости, насмешек со стороны взрослых, однако, сталкиваясь с жизненными трудностями, ждут от взрослых помощи и поддержки, но не хотят открыто это признавать.

Реакция эмансипации делится на два подвида [33, с. 54]:

а) явная эмансипация, характеризующаяся патологическим упрямством, грубостью, игнорированием мнения взрослых, склонностью к алкоголизму, наркомании, игромании, другим видам девиантного поведения;

б) скрытая эмансипация, для которой характерна дромомания, промискуитет, деструктивные референтные группы.

- Реакция группирования со сверстниками. Группа сверстников – это такое объединение, через которое подросток получает необходимую информацию; это та среда, в которой подросток реализуется как личность, получает позитивный, с его точки зрения, социальный статус.

- Реакции увлечения (хобби). Хобби – средство самоактуализации подростков, идентификации, коммуникации, самодетерминации. Иногда – форма психологической защиты.

- Реакции, обусловленные социальными влечениями. На сексуальное развитие подростков оказывает большое влияние полоролевое поведение родителей, первые собственные опыты с сексуальными партнерами. К нарушениям в социальной сфере предрасполагает травмирующий первый сексуальный опыт, оставляя негативное впечатление на дальнейшую половую жизнь.

- Реакции, обусловленные формированием самосознания.

Осознание своей уникальности, непохожести на других, самости важны для любого подростка, но в условиях психотравмы эти вопросы могут приобретать гипертрофированные формы, что часто сопровождается поведенческими девиациями.

В период взросления, следовательно, подросток решает ряд специфических задач, связанных с развитием его личности: идентификация своей внешности, совершенство тела (спорт), грамотно организованный досуг, саморегуляция, искусство, труд; усвоение полоролевого поведения, приобретение социальной зрелости; подготовка к будущей профессии, формирование ответственного поведения, усвоение системы ценностей и развитие этического сознания, умение справляться с деструктивными стрессами, анализ жизни, смерти, высших сил.

Не раскрытые по каким-либо причинам задачи взросления не дают возможностей для личностного роста подростка и для его самоактуализации.

Задача школы сегодня – помочь детям и подросткам решить задачи взросления.

Концепция содействия подросткам в решении этих задач возможна только в случае глубокого понимания учителями, социальными педагогами-психологами их сущности, особенностей подросткового возраста, методологии и методики диалога между поколениями.

Сегодня можно констатировать наличие определенных результатов в осмыслении проблемы алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи силами алкологии, наркологии, психиатрии, биофизиологии, психологии. В то же время существенных результатов в профилактике алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи нельзя, на наш взгляд, добиться без разработки педагогического аспекта профилактики АП.

“Современная превентология, чья главная цель – здоровый образ жизни, актуализирует сложное, системное представление о здоровье. Оно включает три компонента: физиологическое, психическое и духовное (моральное, нравственное здоровье) представляющее по своей природе культурно-исторический феномен. Поэтому, в переходе к первичной профилактике (ПП) с позиций системного представления о здоровье приоритетное значение приобретает идеологическая составляющая и в особенности психогигиеническая функция культуры.

Деструктивные, связанные с запугиванием методы ПП заменяются на конструктивные, направленные не на изменение или разрушение спонтанных аттитюдов (социальных установок), а на формирование таких установок и смысловой ориентации личности, при которых алкоголь, наркотики и патологические игры не являются ценностями” [32, с. 51-52].

Необходимым элементом воспитания трезвого образа жизни в странах Запада стала конструктивная первичная профилактика.

“Предпосылки формирования конструктивной ПП впервые возникли около 30 лет тому назад, когда антинаркотическое информирование детей было объявлено в США одним из национальных приоритетов. Однако уже в 1973 году национальной комиссией по марихуане на антинаркотическое информирование был наложен мораторий. Специальными исследованиями было показано, что информационный подход неэффективен. Широко практиковавшиеся запугивающие сообщения в СМИ, включая свидетельства бывших наркоманов, приводили к искажению баланса информации в пользу мрачных сторон явления. Лекции же специалистов нередко имели обратное ожидавшемуся действие, возбуждая интерес к психоактивным веществам. Детальное изучение потенциальных возможностей использования феномена страха для деструкции нежелательных и формирования желательных аттитюдов выявило их принципиальную ограниченность. Слабая и средняя интенсивность запугивающей информации больше влияет на поведение, чем сильная, а сильная способствует понижению значимости или даже отрицанию угрозы эффективность сильного страха, если и может

быть высокой, то всегда кратковременна. Изучение специальной модели параллельных процессов – страха и аттитюдов – обнаружила, что для реального изменения последних необходимо снабдить запугивающую информацию рекомендациями по целесообразным практическим действиям" [6, с. 9].

Таким образом, устрашающая профилактика наркотизма показала, что углубление знаний о наркотиках и азартных играх недостаточно для изменения социальных аттитюдов подростков, более того, эти знания могут побудить интерес к приобщению психоактивных веществ (ПАВ).

Сегодня недостаточно отказаться от употребления алкоголя и наркотиков в немедицинских целях. Гораздо более важно – духовное совершенствование личности. Духовное оздоровление приводит к выработке позитивной мотивации – духовной доминанты к здоровому образу жизни. Это сложная комплексная проблема, предполагающая ответственность личности за свои поступки, лежит в основе поведенческого подхода.

Главная цель поведенческой первичной профилактики в России – формирование конструктивного поведения детей и подростков в обществе.

"Так, масштабы необходимых изменений выглядят пугающе огромными и неосуществимыми. Однако, как показал опыт информационной ПП, другие пути являются паллиативом. Вне системных изменений в той сфере жизни общества, которая касается психоактивных веществ, эффективная ПП невозможна. Эти изменения предполагают утверждение разумных форм личного и коллективного поведения, а также совершенствование условий жизнедеятельности, т.е. затрагивают обе части системы "подрастающее поколение – общество". Эффективная ПП требует сочетания трех необходимых элементов. Это: специальное обучение и воспитание детей; четкая деятельность правоохранительных органов; создание положительных жизненных альтернатив злоупотреблению наркотиками. Очевидно, что в этом случае цель ПП объединяет представителей всех слоев общества и различных организаций стремлением способствовать здоровому будущему собственных детей" [28, с. 323].

В настоящее время наиболее эффективны следующие модели обучающих программ первичной профилактики для детей: программы обучения жизненным навыкам и программы достижения социально-психологической компетентности.

Приоритетная цель программы достижения социально-психологической компетентности – выработать у молодежи навыки эффективного

общения, цель программы обучения жизненным навыкам – привить умения принимать ответственные решения. Культурологические различия ряда стран вызывают несовпадение доминирующих целей обучающих программ, но любые программы включают три типовые задачи: 1) предупреждение возникновения проблем; 2) выработка навыков самозащиты; 3) развитие социальной и личностной компетентности.

Решение первой задачи предполагает формирование навыков регуляции эмоций, избегания деструктивных стрессов, разрешения конфликтов, приобретение социального иммунитета. Вторая задача ставит своей целью обучить молодых людей умениям отстаивать свой выбор жизненного пути, избегать неоправданного риска, развивать позитивное мышление. Третья задача включает ряд частных: обучить эффективному общению, научить критически мыслить, принимать ответственные решения, вырабатывать адекватную самооценку.

Для решения любой программы необходимо минимум 12-15 психосоциальных навыков, достаточных для реализации здорового образа жизни и умения рационально (эвохомологически) организовать свой досуг.

Учитывая, что одна из классификаций факторов риска включает в себя низкую самооценку, недостаточный самоконтроль, низкую успеваемость, нарушение отношений со сверстниками и т.д. можно сделать вывод, что приобщиться к употреблению спиртных напитков, наркотиков и патологическим играм может практически любой ребенок. Отсюда – поведенческая направленность программ первичной профилактики должна быть направлена на здоровых детей. В ходе реализации программ устраняется или минимизируется действие факторов риска.

Профилактика аддиктивного поведения детей и подростков должна носить конструктивный характер. Именно конструктивная первичная профилактика предупреждает девиантное и делинквентное поведение, способствует формированию гармоничной духовно совершенной личности ребенка. К числу наиболее важных задач относятся: нравственное развитие, коммуникативность, эмпатия, развитие позитивного мышления. Первичная профилактика должна быть универсальной. Аддиктивное поведение – частный случай девиантного поведения, если предупреждать только этот вид девиации, дискомфортность и фрустрированность детей и подростков может найти другой выход, например, в суициде. Следующий важный признак первичной профилактики – опережающий характер воздействия. Формирование до того стойких желательных аттитюдов возможно только

до того момента, когда дети сами усвоят распространенные традиции употребления психоактивных веществ. Проалкогольные и пронаркотические аттитюды искоренять гораздо труднее. На наш взгляд, объектом превентивной работы должны быть все дети дошкольного и младшего школьного возраста. В работу по первичной профилактике, следовательно, должны включаться не только учителя, но и воспитатели детских садов, родители, молодежные клубы и т.д.

Школа – наиболее удобное место для превентивной работы, ибо здесь на протяжении ряда лет осуществляется систематическое целенаправленное обучение. В общий учебный план должны включаться создаваемые специально для данной школы профилактические программы в виде курсов обязательных регулярных занятий. Учителя должны владеть методикой проведения антинаркогенной, антинаркотической и антигэмблинговой работы. Поведенческие обучающие программы не догматичны, они постоянно развиваются.

Существуют три уровня оценки поведенческих программ [23, с. 212]. Первый уровень включает тесты, проводимые до начала занятий и после проведения всего цикла. Тесты оценивают изменение знаний детей.

Второй уровень анализирует динамику факторов риска и антириска у детей. Основным условием этого уровня должна являться охваченность программой всех возрастных групп школы и проведение длительного обучения, например в течение года. Параметрами оценки могут быть различные поведенческие характеристики и социометрические показатели: брутальность, девиации поведения, конфликтность и др.

По мнению алкологов, наркологов, валеологов, психологов, педагогов система противостояния наркогенным и наркотическим веществам должна строиться на следующих принципах:

1. Компетентность разработчиков программ.
2. Разумный выбор объектов профилактики.
3. Широкий выбор средств контрпропаганды.

Подростки, учитывая их психологические особенности, доверяют тому, кого уважают. Отсюда – организатор и руководитель профилактических программ должен быть эрудированным, авторитетным специалистом, вызывающим интерес и доверие у своих слушателей. Это во многом повышает эффективность антиалкогольной и антинаркотической работы.

При антиалкогольной, антинаркотической и антигэмблинговой работе следует избегать ненужной детализации, описывая наркогенные и

наркотические вещества. Подчас подробные сведения могут сыграть роль негативной рекламы и спровоцировать к экспериментированию с ними.

Необходимо учитывать, что прямые, категоричные запреты на употребление алкоголя, наркотиков и азартных игр могут сыграть противоположную роль. Молодые люди еще не обладают социальной зрелостью и не могут принять навязываемых “правильных” схем поведения.

При проведении разъяснительных бесед, акцент желательно делать на том, что психоактивные вещества вызывают преходящую искусственную эйфорию с негативными непредсказуемыми последствиями для человека. Сегодня человек, употребляющий наркогенные и наркотические вещества, играющий в патологические игры не современен, безволен, жалок, ибо наркогенная субкультура, - это культура слабых, зависимых, инфантильных людей, несвободных от привычек.

Беседа, лекция, диспут должны проходить искренне, без патетики и антуража, обращаясь к мнению аудитории, исповедуя принцип: “Критикуя что-то, предложите альтернативу”.

Первичная профилактика употребления психоактивных веществ предполагает целенаправленное воспитание. Нравственное и трудовое воспитание детей и подростков надо направлять на формирование личности с позитивным мышлением, волевой, образованной, развитой когнитивностно, творческими задатками и эвохомологически грамотную (умеющую рационально проводить свободное время).

Учитель, проводящий антиалкогольную и антинаркотическую работу, должен иметь представление о психологических особенностях детей, подростков, повышать свою коммуникабельность, изучать интересы подростков, освоить методы групповой работы, представлять подростковую субкультуру, быть научно осведомленным о медицинских и биохимических аспектах молодежного алкоголизма, наркомании и игромании.

Подготовка учителя, социального педагога-психолога для профилактики алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи в школах должна носить междисциплинарный характер, поскольку такие формы социальной патологии, как алкоголизм, наркомания и игромания – это самый системный феномен.

К задачам организации педагогической профилактики алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи относятся:

- Составление и реализация программ, направленных на раскрытие сути действия спиртных напитков, наркотических веществ и азартных игр. Эти программы должны охватывать основные направления:

1) валеологическое воспитание – установка на здоровый образ жизни, эвохомологическую грамотность (рациональное проведение досуга), обучение методам психофизиологической саморегуляции;

2) воспитание в целом – повышение уровня культуры, самоактуализация, самодетерминация;

3) психокоррекционная работа – работа психологов и педагогов по развитию социальной адаптации, поиску средств для решения проблем взросления, развитию позитивного мышления, профилактике деструктивных стрессов. Ознакомление с общественными и юридическими последствиями употребления наркогенных и наркотических веществ, увлечения азартными играми;

4) социальные меры борьбы – привлечение общественных структур к выделению детей и подростков из группы социального риска, к социально-реабилитационной помощи;

5) правовые средства борьбы – ознакомление с нормативными актами, регламентирующих ответственность за наркоманию и игроманию.

- Организация профилактической работы с детьми и подростками с аддиктивным поведением без психической и физической зависимости. Эта работа включает в себя:

а) просветительную работу с родителями и педагогами;

б) выявление молодых людей группы социального риска, проведение профилактической работы совместно с родителями, с органами социальной защиты и правопорядка.

Для совершенствования всей работы по профилактике алкоголизма, наркомании и игромании среди детей и подростков, целесообразна научно-методическая экспертиза.

Работа по профилактике алкоголизма, наркомании и игромании должна учитывать объект профилактики: дети, подростки или родители, учителя. Лекции, беседы, семинары будут отличаться и содержанием, и формой изложения.

Для детей и подростков главным в профилактической работе будет совместный анализ личного и профессионального будущего школьников. Совместно с педагогом, психологом они приходят к выводу, что будущего у алкоголиков, наркоманов и игроманов нет: прогрессирую-

щая деградация личности детей и подростков, вследствие употребления наркогенных и наркотических веществ и увлечения азартными играми, не позволяет им вести полноценную жизнь и срок этой жизни не превышает (максимум) 30 лет.

Родители и педагоги должны уметь вовремя распознать, что их дети употребляют спиртные напитки, наркотические вещества и играют в азартные игры, знать симптомы алкогольного и наркотического опьянения и отравления, уметь применять методы психолого-педагогического воздействия, находить эмоциональный контакт с детьми.

Профилактика алкоголизма, наркомании и игромании в школе должна идти последовательно и систематически с 1 по 11-ый классы. Эта работа включает:

- Информацию об этиологии, патогенезе, формах и последствиях употребления наркогенных, наркотических веществ и увлечения азартными играми.

- Обучение детей и подростков навыкам анализа, синтеза, критического мышления, умения принимать правильные решения в трудных ситуациях за счет развития позитивного мышления.

- Включение деловых и ролевых игр собриологического (трезвеннического) характера в образовательный процесс, начиная с младших классов и до окончания школы.

- Формирование эвохомологических и собриологических установок у детей и подростков.

- Выделение молодых людей из группы социального риска и работа с ними: психолого-педагогическая, медицинская, психотерапевтическая.

- Групповые и индивидуальные занятия, проводимые подготовленными педагогами и психологами, и направленные на развитие навыков адекватной социализации, саморегуляции, самодетерминации, стрессоустойчивости, опора на позитивные качества личности, формирование четкой жизненной позиции и стиля, ориентированных на успех и удачу, нивелирующих любые формы саморазрушающегося поведения.

- Детей и подростков необходимо вовлекать в просоциальную деятельность, где они смогли бы заниматься любимым делом, вызывающим выделение энторфинов – веществ, которые вызывают здоровую эйфорию, без желания употреблять интоксиканты.

- С детьми и подростками необходимо проводить просвещенческую работу в форме диспутов, дискуссионных аквариумов, круглых столов,

пресс-клубов. Работать должны квалифицированные специалисты – педагоги, психологи, врачи-алкологи, наркологи, правоведы, эвохомологи. Анализируются последствия употребления психоактивных веществ (ПАВ) для здоровья детей и подростков, их перспектив.

Целесообразно выступление бывших алкоголиков, наркоманов, игроманов, спортивных тренеров, психотерапевтов, священников. Примерные темы для выступлений: “Как я понимаю духовное и физическое совершенство человека?”; “Виды психофизиологической саморегуляции”; “Главное предназначение человека”; “Что я понимаю под ЗОЖ (здоровым образом жизни)?”.

Профилактическая работа с несовершеннолетними предполагает привлечение родителей. Они должны быть хорошо осведомлены о последствиях употребления алкогольных напитков и наркотических веществ и влиянии азартных игр на детский и подростковый организм. Тесная эмоциональная связь родителей с детьми поможет родителям лучше узнать своего ребенка и помочь ему найти дело по интересам. Желательно проводить совместно досуг.

Дети и подростки не должны чувствовать себя ущемленными в выборе жизненных ориентиров, но они должны научиться ответственности за поступки и поведение, т.е. быть социально зрелыми.

Таким образом, социально-педагогические основы предупреждения алкоголизма, наркомании и игромании среди молодежи основываются на детерминантах и закономерностях потребления ими наркотических веществ и на знании социально-педагогических особенностей их личности. На наш взгляд, психолого-педагогичесную профилактику алкоголизма, наркомании и игромании необходимо строить с учетом того, что детям и подросткам свойственны реакции имитации и эмансипации. Немаловажное значение в возникновении тяги к алкоголю и наркотикам играет наличие референтного асоциального окружения. Термин “асоциальное” ребенок и подросток рассматривают как просоциальное, поскольку эта группа дает ему возможность утвердиться как личности, реализоваться, определиться. Использование профилактических веществ позволяет ребенку уйти от проблем и сложностей реальней жизни и погрузиться в мир грез и фантазии. На данном этапе подросток испытывает психическую зависимость, появляющуюся только в присутствии "своей" компании. Отсюда - превентивные методы должны быть направлены на самоактуализацию ребенка, подростка, определение его в социально-ценной микросреде.

Сложность превентивной деятельности состоит в том, что в настоящее время среди подростков превалируют тенденции потребительства, гедонических установок, духовной пустоты, социального нигилизма. Учитывая эти особенности, большая работа предстоит эвохомологам (эвохомология - наука о рациональной организации досуга), собриологам (собриология - наука о трезвости), ювенологам (ювенология - наука о юношестве), наркологам.

Превентивная работа с родителями должна быть построена таким образом, чтобы при воспитании детей они учитывали их возрастные, психологические особенности, исключали любые виды депривации (материнскую, сенсорную, социальную). Контроль над поведением детей и подростков должен быть ненавязчивым, не обязывающим. В данном случае нельзя действовать категорично: либо полное подчинение родителям, либо полная свобода, поскольку мы согласны с А.Е. Личко, что "свободой можно отравиться". Социально-незрелый ребенок, подросток, неумеющий и незнающий, как распорядиться своим временем, чувствует себя дискомфортно, и может быть втянут в антисоциальную деятельность, сопряженную с употреблением алкоголя, наркотических средств и вовлечением в азартно-игровую деятельность.

На наш взгляд, мощным фактором противодействия аддиктивному поведению детей и подростком могут служить здоровое хобби и реакции увлечения, например, интеллектуально-эстетического плана (шахматы, шашки, живопись, музыка, поэзия), информативно-коммуникативные увлечения не служат совершенству духовнойжизни, поскольку "салонное", пустое общение не требует интеллектуальней переработки информации и, наоборот, может сочетаться со злоупотреблением алкоголем, наркотическими веществами и игроманией.

Пубертатный период характерен особенностями полового развития. Повышенный гормональный фон у подростков обусловлен формирующимся либидо, а некоторые из токсических веществ (эфир, бензин и др.) способствуют зрительным галлюцинациям, в том числе сексуального плана. У многих подростков вследствие промискуитета отсутствует социальный и нравственный контроль их поведения, и злоупотребление наркотическими веществами при таком образе жизни становится нормой. В этом случае профилактическую работу надо строить с учетом нравственных категорий, дифференцируя истинные понятия чести, достоинства, красоты,

привлекательности от тех дефиниций, которые сложились у детей и подростков-девиантов, дезадаптированных в реальном социуме.

Отягощающим фактором, приводящим ребенка или подростка к аддиктивному поведению, является асоциальная семья, злоупотребляющая спиртными напитками и наркотиками, с криминальными установками и нацеленная на деструкцию жизни в целом. Такое "воспитание" способствует развитию психически неустойчивой личности гипертивного и истероидного плана. Формируется личность, терпимо относящаяся к девиациям от социальных норм, неориентированная на успешную, конструктивную деятельность, склонную к ипохондрии и дезадаптации. В дальнейшем отмечается рост конфронтации по отношению к обществу в целом. Это выражается в потере интересов, в том числе и к учебе, прогрессирующей деградации личности. В этом случае - одно из основных звеньев профилактической работы - своевременное вмешательство в процесс алкоголизации, наркотизации, лудомании детей и подростков, ибо промедление может способствовать нравственной дальнейшей и физической деградации. Психолого-педагогическими установками, ценностными ориентациями, способствующими профилактике алкоголизма, наркомании и игромании у молодежи, являются стабилизация статуса подростка в микросоциуме, реализация социально-ценных мотивов, формирование социально-зрелой, ответственной личности.

Модель педагогической профилактики негативных явлений среди молодежи

В основу создания программ профилактики негативных явлений среди молодежи должен быть положен сильный аргумент, основанный на модели здорового образа жизни. Эта модель демонстрирует свою эффективность и универсальность во всех сферах, касающихся здоровья индивида, в том числе и в отношении аддиктивного поведения. Модель здорового образа жизни предполагает, что проблемы аддикции возникают через обратную связь трех важных элементов: хозяина, агента и среды. Хозяин есть индивид, среда - это социальный и физический контекст, в котором хозяин и агент взаимодействуют. ПАВ и азартные игры в данном случае - агенты. Принимая во внимание модель здорового образа жизни, целью превенции негативных явлений среди молодежи является сокращение повсеместного распространение этих агентов, так как они влекут за собой тяжелые экономические, физические, социальные, правовые, финансовые и духовные последствия для самих подростков, их семей и общества в целом [27, с. 74].

На сегодняшний день существует множество внушающих доверие программ в США и Канаде по превенции аддикций подростков от психоактивных веществ. Эти программы апробированы и широко используются в школах и общинах во всех штатах Америки и Канады. Официально признанных программ по превенции игровой аддикции на сегодняшний день не существует. Однако в течение десяти последних лет был разработаны и оценены несколько программ по превенции проблемно гэмблинга. В своих исследованиях Dickson, Derevensky, Gupta указывают насвязь проблемного гэмблинга с факторами риска, которые вызывают другиевиды проблемного поведения [50].

Исследователи Hawkins, Catalano идентифицировали факторы риска, которые оказывают влияние на проблемное поведение молодежи, включая потребление психоактивных веществ, насилие, деликвентность, подростковую беременность и школьные прогулы [25].

В работах по изучению проблемного поведения Carlson, Moore, Vitaro, Brendgen, Ladouceur, Winters, Stinchfield установили, что многие подростки, которые участвуют в азартно-игровой активности, автоматически вовлекаются в другие виды проблемного поведения [45; 62].

Связь факторов риска с проблемной игровой активностью и другими видами проблемного поведения подтвердили в своей работе Dickson, Derevensky, Gupta [50]. На основе этих исследований мы составили модель профилактики негативных явлений среди молодежи, параллельно указывая на связь проблемного гэмблинга с другими видами девиантного поведения [55].

А. Факторы риска, обусловленные социокультурной средой

Наличие и доступность. В школах, когда дети знают, где достать наркотики, существует повышенный риск их потребления. Свободный доступ к азартным играм, увеличивает трату денег на них и, соответственно, увеличивает число проблемных игроков [17].

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, алкоголь, наркотики (доступность)	Большой доступ к химическим веществам и гэмблингу способствует высокому риску возник-	Сокращение доступа подростков к алкоголю путем изменения политики и практики общества. Распространение информации о том, что потребление химиче-

	новения проблемного поведения (Jacques, 2000; Griffiths, 2002; Brook, 1992; Dickson, 2002).	ских веществ неуместно и недопустимо в их возрасте. Общественные организации должны предложить подросткам конструктивные виды деятельности вне школы: спортивные площадки, корты, вовлечь детей в общественные мероприятия, связанные с праздниками, конкурсами, выставками, религиозной деятельностью.

В. Семейные факторы риска

1. Модели поведения родителей

Многолетние наблюдения за взрослыми людьми, которые в подростковом возрасте были осуждены за антиобщественное поведение, показали, что в период взросления на них сильнее всего повлияло антисоциальное поведение отцов. Более того, именно этот фактор оказался решающим при прогнозировании поведения детей в подростковом и зрелом возрасте. Если ребенок вырос в семье, где существует семейная история алкогольной, наркотической или гэмблинговой аддикции, то существует риск, что этот ребенок будет иметь ту же аддикцию или несколько [18, с. 145].

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, потребление наркотиков, алкоголя (семейная история, аддикции гэмблинговой, наркотической, алкогольной, нелегальной деятельности).	Наибольшая вероятность, что аддикт живет в семье, где родители уже имеют эту аддикцию или вовлечены в антизаконную активность. (Browne, Brown, 1993; Fisher, 1993; Gupta,Derevensky,	Работа с детьми аддиктивных родителей проходит на базе общественных организаций и школы. Просвещение родителей и детей о вреде потребления веществ и о последствиях их потребления. Общественные организации предоставляют альтернативные активности

	1998; Wood, Griffiths, 1998; Grube, Derevensky, 1997) Если ребенок вырос в семье, где родители алкоголики или наркоманы, то существует наибольшая вероятность того, что ребенок будет иметь так же проблемное поведение. (Merikangas,1998; Dickson, 2002).	в районах, организовывают спортплощадки, корты, вовлекают в мероприятия, которые организовывает церковь. Школы отвлекают детей от фактора риска путем вовлечения детей в такие виды активностей, как: походы с палатками на природу, на байдарках по реке, уход за лошадьми и другими животными, работа в мастерских «сделай сам», участие в различных проектах в области искусства, театра, музыки.

2. Проблема семейного менеджмента

Неумение управлять семьей означает отсутствие чётких требований в отношении поведения подростка, несостоятельность родителей руководить и контролировать своих детей, т.е. знать, где и с кем ребенок находится в конкретный момент, а также чрезмерно жестокое, грубое и непоследовательное наказание [38].

Проблемное поведение/фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, потребление алкоголя, наркотиков (Отсутствие знаний об аддикциях у родителей, слабая практика управления семьей, грубое и непоследовательное наказание, ребёнка воспитывает один родитель).	Отсутствие родительских знаний о проблеме подросткового гэмблинга (Ladouceur, 1994; Dickson, 2002). Родительский алкоголизм является причиной детского стресса и бесконтрольности в поведении, аморальная рас-	Проведение семинаров, сфокусированных на превенции жестокости, с родителями на базе школы и обучение - принимать неконфликтные решения. Тренинги родителей нацелены на укрепление родительского авторитета и воспитание причастности родителей к учебной деятель-

	пущенность, противоречивые наказания дают возможность подростку быть вне родительского контроля, потреблять наркотики и алкоголь, играть в азартные игры (Patterson, 1989; Windle, 1996; Reilly, 1979; Dickson, 2002).	ности ребенка. Обучение родителей умению вести последовательную политику в воспитании, быть последовательным в своих требованиях. Превенция направлена на детей с целью приобретения ими опыта социоэмоциональной компетенции (понимание, сочувствие, чувство общности и привязанности к семье). Вовлечение членов семьи в совместную активную деятельность с детьми на базе общины для укрепления семейных уз, развития более эффективных родительских навыков управления поведением подростков. Совместные поездки в летние семейные лагеря для укрепления отношений в семье Духовная помощь церкви.

3. Семейные деструкции

Постоянные серьезные конфликты между главными семейными воспитателями (родителями) или между родителями и детьми повышают риск появления проблемного поведения таких детей [19, с. 101].

4. Индифферентность родителей к проблемному поведению подростков и самововлечение в это поведение

Родительское отношение и поведение в отношении наркотиков, преступлений, насилия и гэмблинга влияет на отношение и поведение к этим явлениям их детей. Если родители одобряют или оправдывают детей в нарушении закона и социальных норм поведения, есть большая вероятность того, что эти дети будут подвержены девиантному поведению [22, с. 166].

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, потребление наркотиков, алкоголя (домашняя атмосфера, основанная на конкуренции, девиантное поведение членов семьи, семейные конфликты, эмоциональные срывы родителей, разводы, потеря работы, отсутствие родительского возражения против деструктивного поведения подростков, родители вовлекают своих детей в аддиктивную субкультуру).	Гипотетическое предположение, что высокая соревновательная ситуация дома приводит позже к проблемному аддиктивному поведению (Gupta, Derevensky, 1997; Carlson, Moore, 1998). Постоянные семейные конфликты ассоциируются с потреблением алкоголя и наркотиков (Norco, 1996; Dickson, 2002; Chassin, 1993; Neddie, 1990).	Превенция направлена на обеспечение группой поддержки детей, испытывающих стрессы, такие, как; конфликты, разводы, смерть члена семьи, безработица. Вовлечение таких детей и их родителей в активности, которые нацелены на совместное творчество. Установление поддержки детей со стороны сверстников, проведение совместных обедов, различных творческих вечеров. Реабилитация родителей, их работа в творческих мастерских вместе с детьми в школе или в общественных организациях. Вмешательство учителей направлено на установление хорошего дружеского общения родителей с детьми, проведение тренингов на понимание родителей своей роли для детей. Видеолекции дают понять родителям, что чувствует ребенок, когда расстаются родители. Церковь обеспечивает поддержку таким детям и родителям в эмоциональном плане.

С. Школа как фактор риска

1. Раннее и постоянное антисоциальное поведение. Юноши-подростки, которые проявляют агрессивность уже с младших классов, и, которые имеют проблему в контролировании своего импульсивного поведения, входят в группу риска девиантного поведения. Когда агрессивность мальчика-подростка в возрасте 10 лет сочетается с изоляцией или отстранением, существует риск получить проблемного подростка в старшем классе. Такой же результат может быть, если агрессивное поведение подростка сочетается с его гиперактивностью или с психическим расстройством, связанным с дефицитом внимания [23, с. 213].

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, потребление наркотиков, алкоголя, делинквентность (слабый контроль импульсивного поведения, поиск острых ощущений).	Предсказуемая связь между импульсивным поведением и проблемным гэмблингом, потреблением наркотиков и криминальным поведением (Vitaro, Brendgen, Tremblay, 2001; Carlton, 1992; Raine, 1993; Ladouceur, 2002; Chassin, Pillow, 1993). Поиск острых ощущений предсказывает раннее потребление наркотиков, вовлечение в азартные игры на деньги и другое девиантное поведение (Cloninger, 1986; Dickson, 2002; Eggert, 1994; Gottfredson, 1990).	Чтение литературы о важных жизненных ценностях, проведение программы по языковому совершенствованию. Специальные тренинги для детей и родителей по правилам поведения в обществе. Групповой тренинг, целью которого является развитие саморегуляции проблемного поведения. Обучение родителей на семинарах, видеолекциях, тренингах навыкам поощрения детей, умению играть с детьми, помогать им учиться, использовать похвалу, умению управлять их поведением без гнева, давать им советы, способствовать навыкам чтения, строить дружеские отношения с учителем.

2. Академическая неуспеваемость и отсутствие школьных обязанностей

Академическая неуспеваемость, начиная с начальных классов, увеличивает риск потребления наркотиков, постоянного пропуска учебных занятий, ранней беременности, жестокого поведения и делинквентности. Подросток перестает видеть свою роль ученика, которая становится для него практически неосуществимой. Подростки, игнорирующие свои обязанности школьника, находятся на высоком уровне рискованного поведения. Академическая неуспеваемость может быть вызвана частыми переездами семьи в другие районы или проблемным поведением, связанным с игровой аддикцией.

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Потребление наркотиков, гэмблинг (низкая академическая успеваемость, частая мобильность семьи).	Предсказуемое раннее потребление наркотиков, пропуск занятий в школе, делинквентность, патологический гэмблинг (Eggert, 1994; Gottfredson, 1990; Kumpfer, Turner, 1991).	Поощрение академических достижений по многим направлениям. Помощь ровесника-наставника неуспевающему ученику, для дополнительного просвещения после занятий, вовлечение в этот процесс и родителей.

D. Фактор риска - индивидуальные качества подростка и влияние референтной группы сверстников

1. Отрыв от общества, недисциплинированность. Оторванный от коллектива, недисциплинированный подросток, не чувствующий себя частью общества, не связанный школьными правилами, не верящий в свою успешность и ответственность, или подросток, который защищается от общества, находится на высоком уровне рискованного поведения [23, с. 146].

Проблемное поведение/ фактор риска	*Выводы исследователей*	*Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция*
Гэмблинг потребление наркотиков (делинквентность, проблемное поведение с детства, агрессивность, жестокость, провокации).	Подростки/проблемные гэмблеры вовлекаются в другие аддиктивные виды поведения (потребление наркотиков, алкоголя) и часто имеют раннюю судимость (Maden, 1992, Ladouceur, 1994; Stinchfield, 2000; Dickson, 2002; Winters, 1993; Loeber, 1999).	Программа направлена на превенцию жестокости в поведении школьника, начиная с младших классов. Превенция имеет целю примирение сверстников. Школьников обучают навыкам разрешения социальных конфликтов путем ненасильственных методов, проводится обучение техникам общения, примирения, разрешения конфликтных ситуаций путем, проводится мониторинг старшеклассников поведения детей с агрессивным поведением во время экскурсий, посадки в школьный автобус. Школы организуют командные! соревновательные мероприятия (футбол, перетягивание каната, волейбол и др.), такие игры, благодаря которым дети учатся ставить цель и добиваться ее, бросать вызов, проявлять командные, дружеские, лидерские качества. Летом организовываются семейные лагеря.

2. Друзья, вовлеченные в проблемное поведение

Подросток, тесно связанный дружбой со сверстниками, которые вовлечены в проблемные виды поведения, такие, как делинквентность, потребление психоактивных веществ, насилие, сексуальная активность, пропуски занятий в школе, азартно-игровая активность, вероятнее всего будет вовлечен в такие же виды девиантного поведения. Это один из последовательных прогнозов, который был идентифицирован в ходе исследований Fisher, Brown, Griffiths. Даже если подросток является выходцем из хоро-

шо управляемой семьи и не проявляет рискованного поведения, но проводит много времени с друзьями, которые вовлечены в проблемное поведение, риск развития проблемного поведения возрастает. Кроме того, в начальной школе дети обычно выражают отрицательное отношение к потреблению наркотиков, к преступности, проявляют просоциальное поведение и имеют смутное представление о том, как это люди потребляют наркотики, совершают преступления, пропускают занятия в школе. Однако в средних классах, подражая другим, они начинают познавать эти активности, их отношение часто сдвигается в сторону огромного желания попробовать и принять такое поведение. Это желание попробовать наркотики, игровая зависимость выводит подростков на высокий уровень рискованного поведения [38].

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, потребление наркотиков(влияние сверстников, благосклонное отношение к гэмблингу, желание попробовать наркотики, гэмблинг).	Подросток имитирует гэмблинговое поведение сверстников, 44% подростков сообщили, что их гэмблинговое поведение началось из-за того, что их друзья были вовлечены в гэмблинг. У подростков гэмблинг считается «обрядом» посвящения во взрослую жизнь (Browne, Brown, 1994; Fisher, 1998; Griffiths, 1990). Воз-	Просвещение на базе школы о вреде потребления химических веществ. Обучение школьников личным исоциальным навыкам, акцентирование внимания на умении не поддаваться влиянию и давлению сверстников, вовлеченных в проблемное поведение. Привлечение старших школьников к проведению тренингов, обучающим умению справляться с жизненными трудностями. Домашние визиты, работа с семьями. Просвещение родителей о вреде и последствиях потребления хим. веществ и гэмблинга. Обучение родителей проявлению родительских качеств, проведение контроля за поведением ребенка. Школа и община предо-

	растание риска потребления подростками психоактивных веществ также подкрепляется примерами сверстников Dishion, 1995; Kandel, 1996).	ставляют альтернативные развлекательные активности, обеспечивающие поддержку подростка со стороны одноклассников, способствуют усилению чувства коллективизма в классе, формированию навыка сопротивления влиянию сверстников и общественному давлению.

3. Раннее проявление проблемного поведения

Раннее проявление зависимого поведения является злободневной темой для острых дискуссий во многих программах по превенции проблемного поведения подростков. Эффективность модели превенции потребления никотина в детском возрасте основывается на полном отказе или индифферентности по отношению к его потреблению. Данная модель превенции показала, что отсрочка возраста начала любого аддиктивного поведения действительно является профилактической мерой, так как снижает риск увлечения подростков нездоровыми видами активностей. Исследователи, Marotta, Hynes, советуют применить эту же модель превенции и к раннему подростковому аддиктивному поведению [10, с. 18].

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, [потребление наркотиков, алкоголя 1 (ранние вьшгрыши, ранний опыт гэмблинга, раннее потребление алкоголя, наркотиков, раннее и постоянное проблемное поведение).	Раннее начало гэмблинга прогнозирует проблемное гэмблинговое поведение (Griffiths, 1989; Gupta, Derevensky, 1997). Увеличивается вероятность потребления наркотиков и других психоактивных ве-	Программа превенции направлена на детей начальных классов. Превенция основана на постоянном проведении в течение года образовательного курса на базе школы. Цель - защитить детей, их семьи, школу от повышенного рискованного поведения. Работа воспитателя-психолога включает три этапа: 1) летний дневной лагерь при

	ществ. Раннее потребление алкоголя инициирует высокий уровень его потребления в 17-18 лет (Hawkins, Catalano, 2002, Dickson, 2002).	школе, где проходит обучение детей навыкам эмоциональной грамотности (сопереживанию, дружбе, управлению эмоциями, решению межличностных проблем, как добиваться успеха), чтению художественной литературы, развитию творческих способностей; 2) создание групп поддержки ровесников, которые поддерживают дружбу с трудными детьми в течение учебного года и на каникулах; 3) поддержка школы осуществляется через консультации, тренинги, активности, которые проходят при мониторинге психолога совместно с родителями.

4. Фактор риска - состояние организма индивида

Данные факторы имеют биологическую или психологическую основу и часто прослеживаются у подростков с таким типом поведения, как: поиск острых ощущений, низкий уровень способности избегать неприятности, отсутствие контроля над своей импульсивностью. Эти факторы увеличивают во много раз вероятность потребления наркотиков, вовлечение в азартные игры, совершение насильственныхактов и преступлений [36, с. 142].

Проблемное поведение/ фактор риска	***Выводы исследователей***	***Соответствующая когнитивно-поведенческая превенция***
Гэмблинг, потребление алкоголя, наркотиков (биохимические-факторы, пол, депрессия, попытки суицида,	Повышенный поиск острых ощущений, психологическое состояние неспокойствия, испыты-	Непосредственная работа с детьми, имеющими биохимические аномалии. Посещение детей на дому. Повышение самооценки. Превенцияде-

низкий уровень способности преодолевать трудности, генетическая предрасположенность, плохая функциональность организма, раннее физическое или сексуальное насилие, травма и отвращение к алкоголю).	ваетвозбуждение во время гэмблинга. Гэмблинг наиболее популярен среди юношей, они играют в азартные игры чаще, чем девушки. Юноши больше зарабатывают и имеют крупные выигрыши, соответственно они чаще подвергаются риску проблемного гэмблинга. Подростки/ проблемные гэмблеры имеют наивысший уровень депрессии и чаще прибегаю к попыткам суицида, испытывают трудности в преодолении неудач (Griffiths, 1989; Derevensky, Gupta, 2007; Ladouceur, 1994; Jacobs, 2000; Lesieur, 1992; Chassin, 1993; Dickson, 2002).	монстрирующих эмоциональные трудности, проблемы с психическим здоровьем. Работа с подростком с раннего возраста направлена на развитие умения справляться с эмоциональными трудностями, обучение навыкам чтения, обсуждение прочитанного, понимание прочитанного. В отношении родителей программы направлены на вовлечение родителей в составление распорядка дня для детей, осуществление проверки домашнего чтения, проведение внушений на создание дружеских отношений с учителями, обучение родителей. Проведение семинаров, тренингов, направленных на обучение детей, таким навыкам, как эмоциональная грамотность (сопереживание,] перспектива заложника, дружба, гнев, управление, межличностныепроблемы, школьные правила, как добиваться успеха). Помощь церкви через вовлечение в религиозные духовные мероприятия.

Вся существующая на сегодняшний день серия программ по превенции аддиктивного поведения основана на модели социального обучения Patterson G.R., в которой подчеркивается важность семьи и учителя в жизни общества, в особенности, когда затрагивается жизнедеятельность детей. Patterson подчеркивает, что «усиление негативных воздействий со стороны

общества развивает и поддерживает детское девиантное поведение, что в свю очередь побуждает родителей и учителей к критике и принудительным действиям. Чтобы изменить поведение детей, надо самим родителям учителям измениться по отношению к детям. Если учителя и родители смогут научиться влиять на проблемное поведение детей и смоделировать позитивное и подходящее решение проблем, выработать методы по установлению дисциплины, дети могут стать социально-компетентными и сведут к минимуму агрессивное поведение как дома, в школе, так и в обществе» [34, с. 229-235].

Педагогическая серия программ включает в себя дискуссии и обучающие программы превенций для школьных консультантов, психологов, которые работают непосредственно с детьми в возрасте от 10 до 18 лет. Каждая программа нацелена на усиление роли учителя в классе, на обучение навыкам стратегий в управлении поведением детей, на поощрение просоциального поведения, решение проблем, на умение организовать группу учеников-лидеров в классе для поддержки учителя в проведении тренингов через ролевые игры, помощь отстающим в выполнении домашних заданий.

В серии представлены программы по обучению родителей, которые имеют проблемы со своими детьми, или сами были проблемными игроками. В данной программе по превенции акцентируется внимание на формировании следующих навыков у родителей: понимание детей, правильное общение, управление гневом, решение проблем дружескими методами.

В программе «В поддержку своему ребенку» акцентируется внимание родителей на методах поощрения и помощи детям в повседневных делах, например, составлении вместе распорядка дня, а также в школьных, делах: проверке домашнего чтения и внушении ребенку модели создания дружеских отношений с учителем [39].

Программа «Все ставки прочь!» - информационный интерактивный семинар-практикум, показывающий переплетающуюся природу аддикций, связанную с факторами риска и их последствиями. Эта программа адресована гэмблерам-подросткам. Программа просвещает молодежь и повышает осведомленность родителей и учителей об опасности игровой аддикций, обеспечивает поддержку в Сети и по телефону. Данная программа обеспечивает защиту от таких факторов риска, как: доступность, благоприятное отношение родителей и общества к аддиктивному поведению, вовлечение

в азартные игры на деньги всей семьи, отсутствие информированности родителей о факторах риска.

Программа «Сталкиваясь с вероятностью или математикой аддикций» - это курс математики для школьников средней ступени обучения, где объясняется математическое понятие «возможности», «вероятности», статистики и математики аддикций. Курс составлен для того, чтобы улучшить возможность критического мышления школьников, понять и развить рациональный взгляд на Аддиктивное поведение и делать уже свой собственный осознанный выбор. Программа направлена на превенцию таких факторов риска, как слабый контроль импульсивного поведения, поиск острыхощущений, раннее начало приобщения к аддиктивной субкультуре. Все программы были оценены контрольными группами, в которые входили учителя, родители, представители различных этнических и возрастных групп населения России и зарубежья [39].

Все методы, которые были адаптированы для использования в качестве профилактических программ, положительно оценены семьями, имеющими детей дошкольного возраста. Методы для составления программ по превенции аддиктивного поведения модифицированы из их оригинальных программ по превенции химических веществ. Эти методы включают распространение информации, профилактику и просвещение, создание альтернативных аддиктивному поведению активностей, раннее выявление факторов риска и их превенцию на базе общественных структур их мобилизацию, регулирование политики и норм поведения в обществе, раннее выявление АП и профилактику на базе школы. На основании изученного материала, мы создали психолого-педагогическую модель профилактики негативных явлений среди молодежи.

Таким образом, существует ряд моделей профилактики негативных явлений среди подростков в России и за рубежом. Наиболее приемлемыми среди них являются те, в которых учитываются особенности подросткового возраста (психофизиологические), с учетом этой специфики строятся и направления превенции: активный отдых, учение с увлечением, рациональное проведение досуга, стремление к образованию, самоактуализации, самореализации и пр. На наш взгляд, созданная нами модель (рис. 1) может быть использована в России, поскольку перечисленные направления профилактики вполне актуальны для молодежи нашей страны.

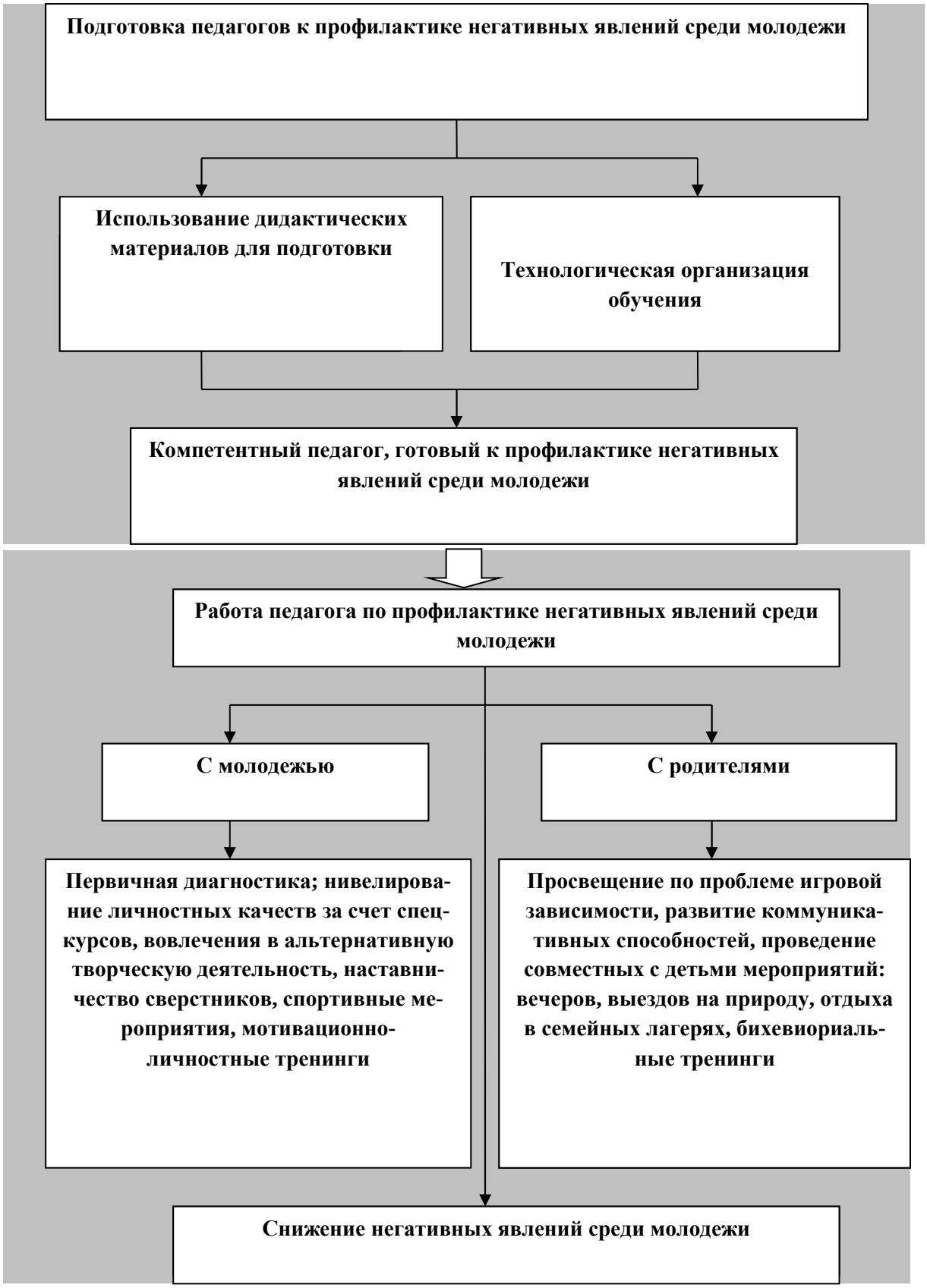

Рис. 1. Модель педагогической профилактики негативных явлений среди молодежи.

Использованные источники

1. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т./ Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В.. – 6-е изд. – М.: Рус. яз.; 2001. – 832 с.
2. Бабаян Э. А., Гонопольский М. Х. Наркомания. – М.: Медицина, 2001. – 345 с.
3. Бакушин О.В. Педагогические основы предупреждения уклонений от воинской службы у солдат и сержантов частей РВСН./ Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М, 1997. - 167 с.
4. Бандура А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений». — М.: Просвещение, 2008. — 202 с.
5. Беляев М.М. Сборник задач противоалкогольного содержания. - М.: Москва, 1914. – 75 с.
6. Березина, С.В., Лисецкого,К.С.. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании. М.: Институт психотерапии, 2000. – 206 с.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Вы сказали «здравствуйте» что дальше? Психология человеческой судьбы.— Екатеринбург: ЛИТУР, 2000.— 576 с.
8. Битенский В.С. и др. Наркомания у подростков. Киев.: Здоровье, 1997. - 144 с.
9. Братусь В.С., Сидоров П.И. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. М.: Изд-во МГУ, 1984. - 144с.
10. Бухановский, А.О. Зависимое поведение: клиника, динамика, систематика, лечение, профилактика: Пособие для врачей / А.О. Бухановский, А.С. Андреева, О.А. Бухановская. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. - 35 с.
11. Булгаковский, Д.Г. Первая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность: для шк. в борьбе с нар. пьянством / сост. Д. Г. Булгаковский. - 3-е изд. - М. : М. В. Клюкин, 1903. - 160 с. : ил. - В 1-м изд. загл.: "Новая русская хрестоматия". РНБ
12. Вахрушева И.Г. Путь к успеху. Пособие по работе с родителями для педагогов дошкольных образовательных учреждений (учебно-методическое пособие). Казань: РИЦ «Парус», 2008.- 321 с.
13. Вирениус А.С. Нравственное чувство / Педагогический сборник, -1900. - № 9. - С. 159-163.

14. Воецкая Т. В. Антиобщественные явления: социальная природа и пути преодоления: Дисс. канд. фил. наук. - Киев, 1990. – 204 с.
15. Воронков А.В. Профилактика алкоголизма среди молодежи в России в конце XIX - начале XX века / А. В. Воронков. // Ученые записки. – 2009. – С. 166-169.
16. Галагузов А.Н. Работа социального педагога с детьми, склонными к алкоголизму //Воспитание детей: Проблемы и опыт образовательной практики Екатеринбурга: тезисы городских пед. чтений Екатеринбург, 2000. - С. 80-81.
17. Гернет М.Н. Сотня детей наркоманов // Вопросы наркологии. - 1926. - № 1. -С. 34-38.
18. Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика. - М.: Изд-во Моск.псих.-соц. ин-та, 2002. - 240 с.
19. Гончаренко Г.С.- Наркомания вчера, сегодня, завтра. Уголовно-правовой и криминалистических анализ. – Ростов н\Д.: Изд. ЗАО «Книга», 2005. –128 с.
20. Горбунов-Посадов И.И. Что должна знать каждая мать о спиртных напитках. М.: И.И.Горбунов-Посадов. Песни Братства и Свободы, 1912. - 100 с.
21. Дубрович В.Г. Клиническая картина кокаинизма в детском возрасте // Вопросы наркологии. - 1928. - № 2. - С. 65-70.
22. Дунаевский В.В., Стяжкин В.Д. Наркомания и токсикомании Л: Медицина, 1990. - 206 с.
23. Егоров А. Ю. Возрастная наркология: Учебное пособие. Ин-т спец. педагогики и психологии Междунар. ун-та семьи и ребенка им. Рауля Валленберга. – СПб. ; М.: Дидактика Плюс, 2002. – 267 с.
24. Елин А.Н. Война с наркоманией: пока без победителей. М.: Книга, - 1995. - 335 с.
25. Зиман. Р.А. О кокаинизме у детей // Вопросы наркологии. М., 1926. - С. 28-36.
26. Канель В.Я. Алкоголизм и школа. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина. – 1909. - 48 с.
27. Колесов Д.В.Антиалкогольное воспитание в семье. - М.: Педагогика. -1990. - 88 с.
28. Колесов Д.В. Эволюция психики и природа наркотизма: учеб.- метод. Пособие. - М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2000. - 395 с.
29. Короленко, Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обзор психиат. и мед. психол.- 1991.- № 1. - С.8-15.

30. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психология. - Новосибирск: Транс-пресс, 1999. - 420 с.
31. КошелеваТ. Из практики участия советской общественности в работе по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью // Детский дом. -1928. - № 3. - С. 30-34.
32. Кулюткин Ю. Н. Творческое мышление в профессиональной деятельности учителя // Вопросы психологии. – 1986. – № 2.
33. Курек Н. С. Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Вопросы психологии. – 1997. – № 2. – С. 48–59.
34. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология: Руководство.- Л.: Медицина, 1991.- 304 с.
35. Наркомания в России: состояние, тенденции, пути преодоления:- пособия для педагогов и родителей. М: Изд. Владос- Пресс, 2003. – 352 с.
36. Попов В.А, Коробкина З.В. Профилактика наркотической зависимости у детей и подростков. - М.: Изд.центр «Академия», 2002.- 256 с.
37. Попов В.А. Борьба с наркоманией и токсикоманией детей и подростков в 20—30-е годы. — Режим доступа: http://www.kcn.ru/school/nodrugs/info/narkhist20s.html
38. Рапопорт А.М. Кокаинизм и преступность // За социалистическое здравоохранение. 1926. - № 1. - С. 46-55.
39. Семенов Д.В. Социально-психологические особенности подростков с аддиктивным поведением: Автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук. - Курск, 2001. – 16 с.
40. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный методисследования личности: методическое руководство. М.: ВНИИТЭМР, 1990. - 76 с.
41. Футер, Д.О. О детях наркоманах // Московский медицинский журнал. — 1925. - № 10.- С.59-63.
42. Четвериков Д.В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности: Дисс. доктора психол. наук. Новосибирск, 2002. — 385 с.
43. Эйдемиллер Э.Г. Детская психиатрия: Учебник.— СПб: Питер, 2005. — 1120 с. (Серия» Национальная медицинская библиотека»).
44. Burian W. Das Modlinger Modell. Die psichodynamische Behahdlung der terapeutischen Gemeinschaftll // Suchtkrankheit. Das Kralksbrger Modell und die Eutwichlung der Behandlung Abhangider. Vien: springer verlog. 1994 - p. 316-322.

45. Carlson, M.J., Moore, T.L., Wilsonville, H. (1998). Gambling Treatment Division- Evaluation Update. Association of Oregon Community Mental Health Programs, Salem, Oregon. 1998. – p. 315.
46. Comings D. E., Rosenthal R. J., Lesieur H. R. et al. A study of the dopamine D2 receptor gene in pathological gambling // Pharmacogenetics. -1996.- V.6.- p.223-234.
47. Derevensky J.L. Children with cancer: An examination of their coping, and adaptive behavior / J.L. Derevensky, A.P. Tsanos, M. Handman II J.Psychosoc. Oncol. -1998. Vol. 16. - № 1. - p. 37-62.
48. Derevensky J.L., Gupta R., Messerlian G. (2005). Youth gambling problems: a public health perspective. International Centre for Youth Gambling Problems and High Risk Behaviours, McGill University, Montreal, Canada, 2005. – p. 298.
49. Devereux, E.C. Gambling / E.C. Devereux // The International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan. - 1979. - Vol. 17. - p. 59-74.
50. Dickson L.M., Derevensky, J.L., Gupta, R. (2002). The Prevention of Gambling Problems in Youth: A Conceptual Framework. Journal of Gambling Studies, Vol.18. - p. 97-159.
51. Evans D.M. Alcohol expectancies, coping responses and self-efficacy judgments: Replication and extension of Cooper et al.'s 1988 study in a college sample / D.M. Evans, N.J. Dunn // Journal of Studies on Alcohol. – 1995. – Vol. 56. – P. 186–193.
52. Govoni R., Rupcich N., and Frisch G.R. (1996) Gambling behavior of adolescent gamblers. Journal of Gambling Studies, 12(3). p. 305-317.
53. Hawkins J. D., Catalano R. F., and Associates. Communities that care. San Francisco, Jossey-Bass Publishers, 1992. — 247 p.
54. Homo Ludens, Хёйзинга, Й.; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В.Сильвестрова; Коммент. Д.Э. Харитоновича. М: Прогресс - Традиция, 1997. – 416 с.
55. Jacobs D.F.(2000) Juvenile gambling in North America: An Analysis of Long Term Trends and Future Prospects. Journal of Gambling Studies, 16(2/3). pp.119-152.
56. Lesieur H. R. Compulsive Gambling // Society, 1992. May-June. - P. 43-50.
57. Raskin V.D., Miller N.S. The effect of smoked marijuana on interpersonal distances in small groups // Drug and Alcohol Depend. 1993. - p. 128-156.

58. Shaffer H.J., Donato A.N., LaBrie R.A., Kidman R.C., LaPlanet D.A. The epidemiology of college alcohol and gambling policies // Harm reduction journal. 2005; 2(1): 1.
59. Thomson, W.N. Legalized Gambling. Santa Barbara, Calif. ABC-Clio,1994. p. 213.
60. Tylor E.B. Primitive culture. London: John Murray, 1871. p. 296.
61. Vitaro F., Brendgen M., Ladouceur R., Tremblay R.E.(2001).Gambling, delinquency, and drug use during adolescence: Mutual influences and common risk factors. Journal of Gambling Studies, 17. - pp. 171-189.
62. Winters K.S., Stinchfield R.D., Fulkerson J. (1993). Patterns and characteristics of adolescent gambling. Journal of Gambling Studies, 9. - pp. 331-386.
63. Whittington
E.M.The sport of life & death: The Mesoamerican ballgame. London: Thames & Hudson, 2001. - p. 288.
64. http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_1632

Глава 3. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЛИМИНАЛЬНОГО И ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Специфика правомерного поведения несовершеннолетних

Подтверждением значимости обращения к проблемам правомерного поведения, разработки типологии юридически значимого поведения, его побудительных сил, механизму обеспечения сознательного соблюдения личностью правовых предписаний является и то место, которое занимает должное правовое поведение в изучении важнейших правовых категорий.

О правомерности поведения необходимо говорить лишь в той степени, в которой оно совпадает с моделью, зафиксированной в норме права. Последняя отражает интересы народа, отдельных социальных групп, предписывает определенные формы поведения, характер взаимоотношений, а также цели и способы их достижения. Регулируемое нормами права поведение должно являться юридически значимым, либо соответствующим требованиям правовых норм, либо не соответствующим им. Право признано запрещать поведение, наносящее ущерб общественным отношениям. Правовые формы либо разрешают, либо запрещают, либо предписывают

определенные варианты поведения. С точки зрения права, поведение может быть правомерным, юридически нейтральным и противоправным.

Проблема понимания сущности категории «правомерное поведение» охватывает комплекс вопросов, связанных с более широким родовым понятием «правовое поведение». По мнению В. Н. Кудрявцева, «правовым поведением является социально значимое поведение людей, предусмотренное нормами права и влекущее юридические последствия». Иными словами, и, на наш взгляд, с этим следует согласиться, правовое поведение может соответствовать, а может и противоречить действующим нормам права [26, с. 72]. По-иному интерпретирует «правовое поведение» Б.Л. Назаров, который считает, что поведение субъектов права, регламентированное нормами права, становится юридически значимым [26, с. 354]. При этом, как указывает Б.Л. Назаров, оно может быть правомерным или противоправным. В связи с изложенным, логично было бы говорить и о «юридически безразличном» поведении, которое либо не нуждается в правовой регламентации, либо законодатель намеренно оставляет для личности свободы действий, свободу выбора варианта поведения в соответствии с интересами данного человека. Аналогичной позиции придерживается отечественный правовед А.С. Шабуров, который, однако, предлагает выделять следующие виды правового поведения:

1) правомерное - социальное полезное поведение, соответствующее правовым предписаниям;

2) правонарушения – социально вредное поведение, нарушающее требования правовых норм;

3) злоупотребление правом – социально вредное поведение, но осуществляемое в рамках правовых норм;

4) объективно противоправное – поведение, не наносящее вреда, но осуществляемое с нарушением правовых велений [26, с. 418].

По нашему мнению, обозначение «злоупотребления правом» в качестве самостоятельного вида правового поведения, причем отличного от правомерного, является весьма дискуссионным, так как «поведение, осуществляемое в рамках правовых норм», неизбежно остается правомерным, по сути, являясь синонимом данной категории.

Спорным является выделение такой разновидности правового поведения, как «объективно противоправное», которое, вне зависимости от того, наносит реальный, действительный ущерб охраняемым законом обще-

ственным отношениям или нет, остается всегда противоправным (например, неоконченное преступление).

Проблемами правомерного поведения занимались многие отечественные ученые-юристы, но наибольший вклад в их разработку внесли В.В. Оксамытный, В.В. Лазерев, М.Ф. Орзих, Р.Т. Жеругов и другие.

Соответственно каждый из них дает свое понятие «правомерного поведения» и его типологию. По мнению В.М. Сырых, правомерное поведение характеризуется такими действиями и поступками субъектов, которые соответствуют действующим законам, иным нормативным правовым актам [55, с. 372]. М.Н. Марченко считает, что правомернее поведение можно определить как такое поведение людей, которое в полной мере согласуется со всеми требованиями норм права [35, с. 621]. По мнению В.Л. Кулапова, правомерное поведение – это «такое поведение, которое, во-первых, отвечает интересам общества, государства и отдельных лиц; во-вторых, соответствует требованиям правовых предписаний; в-третьих, обеспечивается государством» [28, с. 580].

Наиболее удачным надо признать определение, сформулированное В.В. Оксамытным: это обусловленная культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом человека деятельность в сфере социального действия права, основанная на сознательном выполнении его целей и требований. Таким образом, автор подчеркивает, что, во-первых, правомерное поведение является сознательным волевым проявлением; во-вторых, поведение оценивается путем его сопоставления с целями и требованиями права; в-третьих, внутренние регуляторы или мотивы поведения определяются культурно-нравственными качествами и ориентациями личности, также ее жизненным опытом.

Анализ многочисленных публикаций по данной проблеме показывает, что правомерное поведение большинством авторов, в целом, определяется единообразно, в частности, как:

а) совпадающее с требованиями норм права, соответствующее правовым предписаниям;

б) не противоречащее нормам права, то есть не выходящее за их пределы;

в) не запрещенное нормами право.

На основании изучения основных точек зрения на понятие и сущность правомерного поведения, а также изучения личности, мы формулируем определение понятия «правомерное поведение несовершеннолет-

них». Данное определение рассматривается следующим образом: *это тип правового поведения, характеризующийся социально-необходимыми, не противоречащими правовым предписаниям, внешне проявляемыми моторными и психическими реакциями несовершеннолетних на внутренние и внешние раздражители.*

Таким образом, поведение субъектов права, соответствующее требованиям норм права в общем виде, является правомерным.

Социальная природа правомерного поведения в обществе обусловлена сущностью и социальным назначением права. Особенно большое значение имеет изучение условий формирование правомерного поведения. Без детального изучения природы правомерного поведения невозможно познать и исследовать причины, формы совершения правонарушений, а так же средства их предотвращений и методы борьбы с ними. Говорить о правомерном поведении субъектов права можно лишь в том случае, когда их действия соответствуют идеальной модели поведения, закрепленной в нормах права. Социальной сущностью правомерного поведения является его полезность, актуальность и необходимость для всего общества. Правомерное поведение, в данном случае, рассматривается как беспрекословное следование праву, в целях достижения социально-полезного результата, это соответствие поведению предписаниям норм права, то есть субъективным правам и юридическим обязанностям, возникающим на их основе. Необходимость правомерного поведения содержится в нормах права, прежде всего, в запрещающих и обязывающих, а желательность поведения отражается как в управомочивающих, так и поощрительных, рекомендательных, по той причине, что государство заинтересовано в таком варианте поведения членов общества и старается всеми возможными средствами его поддерживать.

Что касается норм правомерного поведения, то они связаны с формами реализации права, в той или иной мере они могут с ними совпадать. Иными словами, правомерное поведение означает реализацию правовых предписаний, в зависимости от характера выступает в форме соблюдения, исполнения, использования и применения права. При исследовании проблемы правомерного поведения есть еще один весьма существенный аспект- механизм его формирования, подробное изучение и анализ которого дает ответ на вопрос, по каким причинам в той или иной ситуации субъект действует правомерно. Формы правомерного поведения в каждом отдель-

ном случае индивидуально, но несмотря на данное обстоятельство, существуют качество, одинаково свойственные всем формам:

- сознательное следование праву для достижения необходимого результата;

- уклонение от неблагоприятных последствий, которые могут наступить вследствие нарушения правовых норм.

Изучение сущности правомерного поведения невозможно без исследования и анализа его основных черт.

В. В. Оксомытный указывает следующие основные черты, присущие правомерному поведению: общественная полезность массовость проявления, сознательность, активность в выполнении установленных правом требований [41, с. 162].

Правомерное поведение разнообразно в своих проявлениях, поэтому возможна различная классификация его типов по различным основаниям. Например, дореволюционный русский юрист С.А. Муромцев в зависимости от рамок нравственного и безнравственного различал «идеальное правомерное» поведение и «внешнее правомерное, принуждаемое правом» [27, с. 36]. В.Н. Кудрявцев, взяв за основу субъектный состав (правомерное поведение гражданина, коллектива, должностных лиц), называет такие разновидности поведения гражданина, как:

1) материальные действия- осуществления своих прав и выполнение обязанностей, социально-правовая активность;

2) инструментальные действия, то есть приобретение прав и обязанностей, защита своих прав и законных интересов [27, с. 67].

В юридической литературе была предложена классификация, согласно которой в зависимости от содержания правосознания различаются:

а) объективно-правомерное поведение, выражающее высокий уровень уважения к праву в целом;

б) ситуативно-правомерное поведение, не выражающее достаточно высокого уважения к праву;

в) законопослушное поведение;

г) поведение не выражающее уважения к праву вообще [2, с. 17].

Наибольшее распространение получила классификация типов правомерного поведения в зависимости от его мотивации. По этому критерию принято выделять четыре типа правомерного поведения: маргинальное, конформистское, стереотипное(привычное), социально-активное [28, с. 580].

Весьма интересной, на наш взгляд, является классификация правомерного поведения в зависимости от социальной значимости того или иного его варианта, предложенная А. С. Шабуровым [54, с. 372]. В частности, ученый выделяет объективно необходимое правомерное поведение (например, защита Родины, исполнение трудовых обязанностей и др.). Варианты такого поведения закрепляются в императивных нормах в виде обязанностей.

Другие варианты поведения, не являясь столь необходимыми, желательно для общества (участие в выборах, вступление в брак). Указанное поведение закрепляется не как юридическая обязанность, а как субъективное право. Варианты такого поведения закреплены в диспозитивных управомочивающих нормах.

Правомерное поведение можно классифицировать и по иным основаниям: по объективной стороне (активные действия и бездействия), по форме реализации норм права (соблюдение, исполнение и использование), по субъектам (индивидуальное и групповое), в зависимости от сферы осуществления правомерных деяний (политические, экономические, социальные и другие), в зависимости от принадлежности к различным отраслям права, на основе которых совершаются правомерные деяния (гражданско-правовые, административно-правовые, трудовые и другие) [35, с. 621].

Подводя краткий итог вышеизложенному, необходимо отметить, что выделение и детальное изучение различных видов правомерного поведения неизбежно позволит глубже понять его природу, содержание, роль в общественной и государственно-правовой жизни.

Правомерное поведение личности несовершеннолетних, отнесенное к нормативному поведению, позитивно оценивается государством и в его лице обществом, предполагает его стимулирование как наиболее желательного для социума. Правомерное поведение отражает личную и общественную (государственную необходимость) и обусловлено наличием соответствующих потребностей и интересов.

В случае правомерного поведения в поведении субъекта права (в нашем случае несовершеннолетних) реализуется право – они соблюдают, исполняют, используют, применяют его.

Подростки, молодые люди ведут себя законопослушно, и это поведение и обеспечивает право, доводя свои требования до конкретных лиц. Классическая формулировка «закон вступает в силу с момента опублико-

вания» нацелена на то, чтобы адресат закона узнал о его появлении и организовал свое правомерное поведение.

Издавна же возникла и проблема: если человек не знал закона и не вел себя в связи с этим правомерно, можно ли принимать отговорку субъекта права об этом как основание для его освобождения от всякой ответственности?

Теория права сформулировала принцип: «незнание закона не освобождает от ответственности». Если государство выполнило свою обязанность обнародовать, опубликовать закон в той или иной форме, то его соблюдение становится основой для правомерного поведения. Обнародование закона выступало в самых различных формах – от стел, на которых выбивались законы во времена правления Хаммурапи [10, с. 533], от глашатаев во времена Средневековья до деятельности самых мощных современных средств массовой информации.

Право как сигнал второго типа (неперсонифицированный сигнал тем, кого это касается) может лежать в основе правомерного поведения только в случае доступности для субъектов права.

Если государство не выполнило своих обязанностей по обнародованию законов, если законодательный акт имеет закрытый или даже секретный характер, то и в этом случае граждане несут наказание, так, порой, и не узнав, что же они нарушили.

Норма Конституции РФ 1993 г. – «закон подлежит официальному опубликованию: неопубликованные законы не применяются» (ст. 15, ч.3 Конституции). Это великое завоевание отечественной демократии, продвижение к развитию прав и свобод российских граждан.

Конституция устанавливает, что «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». При таких условиях принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» действительно может действовать и обеспечивать правомерное поведение.

По каким же путям человек может получить информацию, прежде всего, правовую?

Прежде всего, это официальный канал – ведомства, газеты. Важную роль играет телевидение, придающее в настоящее время новые грани процессу юридизации общества.

Юридические консультации, агентства, фирмы также являются средствами, обеспечивающими правовую осведомленность граждан.

Правовые сведения дают работники различных государственных органов, общественных организаций. В конце XX в. были созданы компьютерные телекоммуникационные системы правовой информации, которые перевели правовую осведомленность граждан на новый уровень.

Для любого человека, и несовершеннолетние в этом случае не исключение, знание общих принципов, начал отечественной правовой системы, которые формируют правомерное поведение, и возможно, и обязательно.

На наш взгляд, отсутствие учебного курса «Основы правоведения» в общеобразовательных школах далеко не лучшим образом влияет на правовую информированность, правосознание и правовую культуру несовершеннолетних.

Если обратиться к истории правовой жизни «Homosapiens», то можно констатировать, что заповеди Моисея, Законы XII таблиц, Билль о правах, основные права и свободы в конституции и т.п. – это главные ориентиры правомерного поведения в разные эпохи, в разных странах. Знать их было всегда возможно. На этой основе несовершеннолетний как субъект права всегда может оценить и организовать свое поведение, определить его общественное значение, осуществить свои права и свободы не за счет прав и свобод других граждан, пожелать или сознательно допустить те или иные последствия своего поведения.

Правомерное поведение может иметь активный характер – соответствующие действия. Но оно же может быть и пассивным, выражающимся в бездействии, воздержании от действия.

Правомерное поведение имеет различные сферы проявления, которые можно соответствующим образом классифицировать: по отраслям права, по субъектам, по областям деятельности, по формам (демократические, автократические), по культуре, традициям. Правовое поведение – это реальная правовая жизнь общества и ее обеспечивает правовой пласт общественной жизни [26, с. 72].

Правовое поведение подростка в школе зависит от его социального статуса. Изолированность ребенка может быть не только причиной, но и следствием того, что он стоит в стороне от коллектива, пренебрегает его ценностями и нормами поведения.

По юридическому статусу и месту в социальной системе, юношеские группы делятся на:

- официальные, признанные обществом, связанные с какими либо государственными или общественными организациями и неофициальные, существующие сами по себе;

- организованные, созданные и руководимые взрослыми, и самодеятельные;

- институционализированные, имеющие некоторую организационную структуру и членство, и спонтанно-стихийные.

По социально-психологическому статусу они делятся на группы принадлежности, в которых подросток состоит реально, будь то школьный класс или дружеская компания, и референтные группы, к которым личность не принадлежит, но на которые мысленно ориентируется и с чьим мнением соотносит свое поведение и самооценку.

По численности они делятся на большие (болельщики некоего спортобщества) и малые, в которых взаимоотношения являются личными «лицом к лицу».

Состав юношеских групп включает такие признаки как возраст (в отличие от школьного класса, большинство стихийно возникающих групп разновозрастные), пол (группы младших подростков чаще однополые, в юношеском возрасте они постепенно становятся смешанными) и социальный состав (только школьники или кто-то еще).

По степени стабильности, длительности своего существования группы несовершеннолетних могут быть постоянными, временными, эфемерными, одноразовыми, случайными (ребят свело вместе какое-либо событие, например, футбольный матч) [23, с. 139].

Мы проанализировали проблему лидерства в стихийных группах и выяснили, что лидерами там чаще всего становятся подростки, не нашедшие применения своим организаторским способностям в школе. Изучив с помощью социометрии положение пятидесяти неформальных лидеров (имеющих самый высокий статус на своих улицах) в тех классах, где они учатся, мы выяснили, что у младших подростков сколько-нибудь резких расхождений между позицией в школе и на улице еще не наблюдается, но к восьмому классу возникает, а в девятых-десятых классах ощутимо просматривается тенденция расхождения статусов: чем выше статус подростка в стихийной группе, тем ниже он в официальном классном коллективе. Этот разрыв в статусе и критерий их оценок школьных и внешкольных ли-

деров создает сложную психолого-педагогическую проблему. Подростковые группы удовлетворяют, в первую очередь, потребность в свободном, нерегламентированном взрослыми общении. Свободное общение – это, на наш взгляд, не только способ проведения свободного времени, но и средство самовыражения, установления новых межличностных контактов.

Вот как описывал свою компанию один из юношей: «Мне 14 лет. У всех моих друзей, как и у меня, есть клички. Наша компания называется «Бродяги». Все мы по вечерам собираемся на крыше девятиэтажки. На первый взгляд, мы можем показаться глупыми, но мы просто любим все необычное. Говорим о кино, хоккее, музыкальных группах и о моде. У каждого из нас есть свое хобби. Один любит лошадей, другой – собак, третий – пробивать кулаком афиши, а что касается меня, то я пополняю свою настенную коллекцию фотографиями знаменитых эстрадных певцов. На праздники мы собираемся все вместе. «Шарим» на гитарах, покупаем бутылки. А на следующий вечер – снова крыша девятиэтажки».

Некоторые из таких компаний перерастают в антисоциальные (от случайной выпивки – к пьянству, от веселого озорства – к хулиганству).

Подростковые группы и их соперничество – это всеобщий факт человеческой истории. Явление это многоуровневое. Самый глубинный, универсальный его пласт – противопоставление «Мы» и «Они» по территориальному принципу – существует практически везде. Ослабление влияния семьи, особенно отцовского начала, повышает степень идентификации мальчика-подростка с группой, создавая «эффект стаи».

Территориальное деление дополняется и усугубляется социально-экономическим: город/пригород, центр/периферия, богатые/бедные и др. В глазах подростка с периферии модная одежда и раскованность поведения его столичного сверстника – несправедливая привилегия. Протест против нее легко принимает агрессивные формы. Социолог Ю.Н. Давыдов писал: «То, что я подавляю в себе самом, так как не могу реализовать, я осуществляю превращенным образом – в акте агрессии против того, кто позволил разрешить себе мне недозволенное … В данном случае перед нами ни просто взаимная ненависть, а, если хотите (по Достоевскому), любовь – ненависть: скрытая, самой себе не признающаяся «любовь» к тому раскованному поведению, которому молодой человек не может следовать «у себя дома», которая превращается в ненависть к человеку, демонстративно утверждающему символы запретного поведения» [14, с. 32]. Такая агрессия представляет серьезную

социальную опасность, поскольку ее можно направить по любому руслу и дать ей благопристойное идеологическое оправдание.

Правомерное поведение несовершеннолетних предполагает социальную допустимость: отправление религиозных культов, обрядов, соблюдение местных (национальных) обычаев и традиций, если они не наносят существенного вреда интересам людей, обществу и государству. Возрастание в настоящее время роль церкви и в целом религии приводит к активизации религиозного начала в нравственном и правовом воспитании граждан. Под этим углом зрения религиозная деятельность не просто допустима, но нередко и желательна. Более осторожными следует быть с такими, ставшими сегодня модными видами деятельности, как экстросенсорика, астрологические опыты и прогнозы и т.п. С точки зрения права эти методы могут считаться допустимыми, если не наносят ущерба обществу и людям. В законодательном отношении здесь много нерешенных вопросов.

Одной из важных черт правомерного поведения выступает его юридическая регламентация. С ней тесно связаны такие моменты (и одновременно признаки правомерного поведения) как его подконтрольность правоохранительным органам (гарантированность такого поведения со стороны этих органов). Доверие граждан к государству, его организациям, должностным лицам укрепляет эффективность обеспеченности правомерного поведения, разрушает их нигилистические установки, ориентации сознания, создает необходимый здоровый нравственный и правовой климат в социуме. Юридическая регламентация может иметь либо гипертрофированный характер, либо быть недостаточной («пробельной»). Но даже при наличии оптимальной регламентации, контрольная деятельность со стороны государственных органов может быть также или жесткой или же, наоборот, попустительской.

Гарантированность правомерного поведения проявляется также в наличии у субъектов права на защиту правомерного поведения, используя всю систему правоохранительных органов, правосудия, соответствующих процедур.

Чрезвычайно важным признаком правомерного поведения является его осознанность субъектом, подчиненность действий правомерной ориентации соответствующим качествам и свойствам, осознания и воли личности.

Правомерное поведение несовершеннолетних, являясь разновидностью правомерного поведения людей в целом, имеет основные общие чер-

ты, ему присущие, но имеется значительная специфика, которая выражается в следующих обстоятельствах. Во-первых, правомерное поведение несовершеннолетних обусловливается неполнотой правового статуса данных лиц. Во-вторых, данное поведение регулируется не только правом, но иными социальными регуляторами в большем объеме, по сравнению с полноправными субъектами правоотношений. В-третьих, существенное влияние на объем правомерного поведения несовершеннолетних оказывает характеристики внутренней его формы, обусловливаемой семейным воспитанием и воздействием референтной группы сверстников. В-четвертых, правомерное поведение несовершеннолетних, несмотря на большую его распространенность (по сравнению с неправомерным поведением), в большей своей части, неосознанно (в связи со слабым представлением о сущем и должном в праве). Как показало проведенное исследование, правомерное поведение несовершеннолетних часто переходит в другие типы правового поведения. В-пятых, правомерное поведение несовершеннолетних может развиваться за счет повышения степени его осознанности с помощью правового воспитания.

Выделение и детальное изучение различных видов правомерного поведения несовершеннолетних позволит глубже понять его природу, содержание, роль в общественной и государственно-правовой жизни.

Противоправное поведение несовершеннолетних

Социальным и юридическим антиподом правомерного поведения выступает неправомерное деяние. Согласно точке зрения правоведов (А.Б. Венгерова, Н.А. Катаева, В.В. Лазарева и др.), правонарушение – это действие (или бездействие), имеющие противоправный характер, то есть нарушающее запреты, не исполняющее обязанности, установленные нормой права. Этим противоправное поведение отличается от безнравственного или дезорганизующего поведения. Правонарушение всегда направлено против охраняемых законом различных интересов: личных, общественных, государственных и иных. Оно причиняет этим интересам физический, имущественный, моральный, социальный, духовный ущерб [43, с. 164].

На наш взгляд, одной из причин противоправного поведения среди учащихся может явиться формализм в учебно-воспитательной работе. В отдельных школах учителя идеализируют обстановку, связанную с правонарушениями, скрывают имеющиеся случаи. Работа по

превенции противоправного поведения проводится хаотично, нет системы профилактических мероприятий, в основном имеет место локальная нейтрализация фактов.

Следующей причиной противоправного поведения несовершеннолетних в школе является подмена воспитательных воздействий администрированием.

К основным причинам противоправного поведения несовершеннолетних в школе относятся слабое вовлечение учащихся в творческую и спортивную жизнь класса и школы. Практика свидетельствует, что в школе недостаточно уделяется внимания повышению роли общественного мнения коллектива класса.

Одной из важных причин, способствующих противоправному поведению подростков в школе, является запущенность или отсутствие внеклассной работы. Практика убеждает, что большинство мероприятий, которые проводятся во внеурочное время, часто носят формальный характер. Такие мероприятия не носят превентивного характера и не способствуют предупреждению и преодолению правонарушений среди учащихся.

Не менее важной причиной противоправного поведения несовершеннолетних является слабое педагогическое взаимодействие между педагогами и родителями учеников.

Среди социально-психологических причин данной группы чаще других отмечается отсутствие системы профилактических мероприятий по превенции противоправного поведения.

Нельзя не отметить отрицательного воздействия некоторых средств массовой информации, как одну из причин противоправного поведения подростков.

Наиболее угрожаемой почвой для развития противоправного поведения среди подростков является неудовлетворенная в своих притязаниях личность, переживающая комплекс “неудачника”, расценивающая себя как «незаурядность», несостоявшуюся в силу внешних причин. Это может звучать как субъективная убежденность молодого человека, “ищущего признание”, с “неадекватно завышенной самооценкой”, но также может быть объективной реальностью, связанной с действительно имеющим место конфликтом между яркими способностями индивида и невозможностью их применить в силу социальных условий, которые не создают предпосылок для самореализации личности.

Ряд зарубежных исследователей (Чейн, Ловней и др.) связывают этиологию противоправного поведения с особенностями характера подростка: его повышенной внушаемостью, безволием, закомплексованностью. По мнению Чейна, в неполных семьях, в частности, где воспитанием занимается одна мать, у подростка наблюдается отсутствие “внутреннего контроля” [1, с. 118-132].

Зарубежные психологи и психиатры выделяют “личности, склонные к правонарушениям”. Такие индивиды отличаются недостатком “социального мастерства”, они социально неадекватны, некоммуникабельны.

Различные формы преступного воздействия, способы и средства, к которым прибегают лица, совершающие преступление, предопределяются в определенной степени и разнообразными психическими состояниями потерпевших, которые обусловливают специфичность их восприятия происходящего. В такой ситуации большое значение имеют и психические состояния, которые возникли у потерпевшего до преступления. В частности, к ним можно отнести состояния, возникающие в результате психической беспомощности потерпевших (душевная болезнь, бессознательное состояние, юношеский возраст) и физической беспомощности, вызванной соматической болезнью, состоянием алкогольного или наркотического опьянения.

На основе изучения и обобщения официальной статистики, общеправовых и отраслевых концепций противоправного поведения несовершеннолетних, а также материалов средств массовой информации, связанных с исследуемой проблемой, мы определили понятие «противоправное поведение несовершеннолетних» *как вид правового поведения, выражающийся в действии, либо бездействии, которые нарушают предписания охранительных норм права*. С учетом проведенного анализа и представленного определения, в работе установлены общие и специфические закономерности формирования и реализации неправомерного поведения несовершеннолетних, а также способы количественного снижения неправомерности в поведении подростков.

Обращение к различным исследованиям поведения несовершеннолетних и практике его реализации, выявило противоречивость оценок нарушений правовых норм. Так, в девиантологии традиционно считается, что отклонение от нормы может быть как в положительную сторону (гениальность), так и в отрицательную (правонарушения). В юриспруденции, как показал анализ литературы, любое отклонение от

правовых норм признается отрицательным, негативным для жизнедеятельности общества, государства и личности.

В работе отмечается, что противоправное поведение несовершеннолетних, как и всякое другое негативное социальное отклонение, – это проявление различного рода социальных противоречий, развившихся до стадии конфликтности: между личными и общественными интересами, между целями и средствами социальной деятельности. Эти конфликты обусловлены нарушением нормальной деятельности различных социальных институтов (семьи, правоохранительных органов государства), деформированностью общественного и индивидуального правосознания, углублением нигилистических тенденций в поведении людей и пр.

Помимо социальных и биологических детерминант, мы анализируем регулятивные факторы, обусловливающие противоправное поведение несовершеннолетних. Прежде всего, обращается внимание на особенности поведения, связанные с реализацией правовых норм. Отмечается, что с учетом особенностей правовых норм противоправное (неправомерное) поведение несовершеннолетних, следует отличать от лиминального. Лиминальное правовое поведение, также как и противоправное, может включать в себя отклонения от норм права, но лишь в форме отказа от их реализации. Например, неиспользование какого-либо права, ненадлежащее исполнение обязанности, в объеме, не достигающим степени правонарушения. Противоправное поведение внешне выражается в нарушении правовых запретов, содержащихся в охранительных юридических нормах. Кроме того, мы учитываем регулятивные особенности взаимосвязи правовых норм с другими элементами системы социального регулирования. На поведение несовершеннолетних оказывает значительное влияние вся система регулирования общественных отношений. Те части данной системы, которые согласуются с требованиями права, оказывают позитивную роль в правовом поведении несовершеннолетних. Те регулятивные средства, которые вступают с правом в коллизию, либо, соответственно, способствуют противоправному поведению (например, подростковые псевдомононормы, носящие в их сознании нерасчлененный характер и обладающие большим авторитетом, нежели правовые предписания) оказывают негативную роль в правовом поведении несовершеннолетних.

Мы классифицируем противоправное поведение несовершеннолетних на два основных вида: объективно-противоправные деяния и правонарушения. Интерес к объективно-противоправным деяниям обусловлен тем

обстоятельством, что значительная часть несовершеннолетних не являются субъектами юридической ответственности и в силу этого весьма распространены случаи, когда взрослые правонарушители используют подростков для совершения преступлений.

Подводя итог изучению противоправного поведения несовершеннолетних, мы делаем выводы. 1. Противоправное поведение несовершеннолетних - это самостоятельный вид правового поведения, но диалектически связанный с другими видами. 2. В последние годы неуклонно растет количество противоправных проступков несовершеннолетних, увеличивается доля тяжких преступлений, совершенных подростками. 3. Снижения количества противоправного поведения можно добиться лишь системным путем, объединяя усилия различных субъектов воспитательного воздействия, применяя в комплексе различные средства, формы и методы и создание на этой основе, в конечном счете, привычки действовать, не нарушая закон.

Лиминальное поведение несовершеннолетних

При всей позитивности и оправданности традиционных концепций, которые подразделяют поведение на два типа: правомерное и неправомерное (противоправное), они требуют дополнения и уточнения. Правомерное и противоправное поведение - это противоположности. В соответствии с законом единства и борьбы противоположностей между ними существует зона взаимоперехода, следовательно, и между правомерным и неправомерным поведением тоже существует промежуточный или пороговый (лиминальный) тип правового поведения. Пороговое или лиминальное поведение включает в себя элементы правомерности и противоправности [12, с. 818-820].

С одной стороны, лиминальное поведение несовершеннолетних содержит элементы правомерности и включает в себя варианты поведения по форме правомерного, по сути антисоциального (например, нередки случаи, когда несовершеннолетние матери официально отказываются от своих новорожденных детей). С другой стороны, лиминальное поведение очень часто является предпротивоправным. Например, само по себе употребление пива не противоправно, но неумеренное его потребление может привести к более негативному варианту поведения.

К лиминальному поведению относятся случаи, когда деяние несовершеннолетнего нарушает управомочивающие и обязывающие нормы, но не нарушает запрещающие правовые предписания, т.е. нарушение предписаний, содержащихся в норме, имеется, а противоправность отсутствует. Например, Конституцией РФ предусмотрена обязанность сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам (Ст. 58). Если несовершеннолетний, в силу возраста или иных причин, не выполняет этой обязанности, то, в общем, он действует социально-деструктивно, однако его нарушение не достигает степени общественной опасности, т.к. отсутствует соотвествующий правовой запрет.

Лиминальное поведение связано с виктимностью. Виктимизацию мы рассматриваем как своеобразную характеристику виктимности, которая существует объективно и может быть измеренной количеством случаев причинения вреда жертвам правонарушений.

Проблема виктимизации детей и подростков является одной из самых актуальных на современном этапе развития нашего общества.

Политические и социально-экономические изменения 90-х годов XX в. сказываются на формировании молодого поколения. Оно оказалось без надежных социальных ориентиров. Представления несовершеннолетних о морали и праве в силу целого ряда причин, в том числе и возрастных, находятся на вербальном уровне, не стали еще осознанными, тем более автоматическими регуляторами их поведения. Поэтому нарастающие общественные противоречия сразу же сказываются на усилении роста негативных явлений в подростковой среде, провоцирующих девиантное поведение личности, ее деградацию.

Наиболее интенсивно и многообразно эти явления проявляются у подростков и юношей. Из всех возрастных групп они наиболее уязвимы в плане социально-нравственного самоопределения. В подростковом возрасте наблюдается относительный пик поведенческих расстройств. Определяется он, прежде всего, падением субъективной ценности нравственного здоровья. Разрушение традиционных форм социализации, основанной на социальной предопределенности жизненного пути, с одной стороны, повысило личную ответственность молодых людей за свою судьбу, поставив их перед проблемой выбора, с другой стороны - обнаружило неготовность большинства из них включиться в новые общественные отношения. Современные процессы порождают у молодежи ощущение неопределенности, растерянности, глубокой апатии и пассивности или же, наоборот,

выливаются в агрессивные проявления дома и в школе. Нарастает волна детской беспризорности, увеличилось количество детей, характеризующихся различными аномалиями психического или физического развития, употребляющих алкоголь, наркотики, нищенствующих и занимающихся проституцией. Именно в этих условиях особую важность приобретает анализ проблемы виктимности и виктимогенности несовершеннолетних.

Обычно в виктимологических исследованиях под виктимизацией понимается социальный процесс превращения лица (социальной общности) в жертву преступления и результат этого процесса.

Так, родоначальник отечественной виктимологии Л.В. Франк, определяет виктимизацию как "процесс превращения в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровне". Развивая это определение, Л.В. Франк приводит термины, производные от понятия виктимизации: виктимизировать означает превращать кого-либо в потерпевшего; виктимизироваться - быть превращенным в жертву; виктимизатор - личность конкретного посягателя либо тот факт, которому принадлежит основная роль в процессе виктимизации [58, с. 340].

В литературе встречается критика определения виктимизации, данного Л.В. Франком. Некоторые авторы отмечают невозможность определения одним термином таких двух самостоятельных явлений, как процесс и его результат. Так, Д.В. Ривман отмечал, что под виктимизацией он понимает лишь процесс реализации виктимности лица в ходе преступного посягательства в отношении лица, а состояние реализованной потенциальной виктимности обозначает термином "виктимность - результат" или "реализованная виктимность" [47, с. 74]. В последней своей работе, однако, и он указывает, что виктимизацию следует рассматривать в двух аспектах - "индивидуальном (виктимизация отдельного субъекта от конкретного преступления) и массовом (множество, суммарное выражение актов виктимизации, в конечном счете, как виктимизация от преступности)" [47, с. 74].

Вот почему, представляется, что процесс превращения в жертву правонарушения всегда имеет свое завершение - становление лица жертвой, потерпевшей от преступления, т.е. результат такого процесса. Оба этих явления тесно взаимосвязаны и неизменно следуют одно за другим. Уже тот факт, что лицо подверглось преступному посягательству (виктимизация как процесс), несмотря даже на то, что преступное намерение может быть не доведено до конца, делает лицо, в отношении которого было направле-

но посягательство, виктимизированным (виктимизация как результат) - жертвой в том смысле, как описывает это понятие Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью [61, с. 9].

Для проведения статистических исследований и составления на их основании виктимологических обзоров основное значение имеет именно виктимизация как результат превращения лица в жертву преступного посягательства.

Виктимизация в целом слагается из всех потерпевших от преступления, зарегистрированных и латентных, независимо от степени виктимности, способствования или даже прямой вины самих потерпевших [47, с. 79]. Таким образом, можно говорить о понимании виктимизации как общей совокупности всех случаев причинения лицу (социальной общности) физического или морального вреда преступлением (преступностью). В этом значении понятие виктимизации как обобщение всей реализованной виктимности наиболее соответствует понятию преступности, являющемуся в определенной степени мерой обобщения человеческой деструктивности, реализующейся в преступлениях.

Рассматривая влияние права на процесс превращения несовершеннолетних в жертву правонарушения, мы резюмируем, что виктимное поведение может осуществляться как в рамках лиминального, так и противоправного поведения. С учетом данного факта, мы выделяем первичную, вторичную и третичную виктимизацию.

При этом под первичной виктимизацией понимается причинение материального, физического и морального вреда жертве непосредственно в процессе совершения преступления.

Вторичная виктимизация охватывает случаи косвенного причинения вреда жертве, связанного с отношением к жертве социальной общности в целом, лиц из ближайшего социального окружения, органов социального контроля, посредников и персонала, работающего с жертвами. Стереотипная предубежденность в отношении "виновности" жертвы, грубое, невнимательное обращение и негативное отношение к ней как к лицу, чем-то запятнавшему себя, стереотипы "греховности" жертвы, ее запятнанности совершением преступления, унижение ее чести и достоинства составляют перечень типичных форм вторичной виктимизации, содействующих отчуждению жертвы, ее десоциализации.

Немецкими исследователями выделяется также третичная виктимизация жертвы преступления, представляющая собой использование жертвы представителями правоохранительных органов и работниками средств массовой информации в своих целях и в целях проводимой уголовной политики [47, с. 98].

Эксплуатация "жареных" новостей с травмированием жертвы через средства массовой информации, назойливое проникновение в личную жизнь, использование правового статуса и позиций жертвы не во благо, а во вред ей, и т.п. - перечень проблем и последствий такой виктимизации можно было бы продолжить и далее. К сожалению, указанные вопросы практически не получили своего разрешения в современной виктимологии в связи с отсутствием надежного инструментария измерения последствий третичной виктимизации и методик ее исчисления.

Практически сегодня в целях виктимологического анализа преступности и ее соотношения с иными видами отклоняющегося поведения мы чаще всего используем понятие первичной виктимизации, оставляя анализ вторичной и третичной виктимизации специалистам по организации обращения с жертвами преступлений и по виктимологической профилактике.

В целом, с учетом изученных свойств и особенностей лиминального поведения несовершеннолетних мы предлагаем следующую его дефиницию*: это пограничный (пороговый) тип правового поведения несовершеннолетних между правомерным поведением и правонарушением, характеризующийся социальной нейтральностью, ничтожностью, либо низким уровнем социальной деструктивности, не достигающей степени противоправности.*

Как нам представляется, в предупредительном воздействии в целях нивелирования виктимной активности несовершеннолетних необходим перенос акцента с виктимности (как некоего свойства личности) на виктимизацию (как социально-криминологический процесс).

Виктимизации несовершеннолетних мы понимаем как специально направленную, законодательно определенную, юридически значимую деятельность различных субъектов по выявлению, устранению, нейтрализации детерминант и факторов виктимизации потенциальных жертв преступных посягательств, осуществляемую на различных уровнях с помощью конкретных форм реализации.

В комплексной системе мер по предупреждению виктимизации несовершеннолетних мы выделяем социальный и специальный (целенаправленный) блок.

Под социальным предупреждением виктимизации несовершеннолетних понимается предупредительное воздействие всех институтов общества, его социально-экономических, морально-нравственных, культурно-воспитательных, политических, идеологических, правовых, организационных ресурсов на социальные условия, которые детерминируют и способствуют развитию процессов виктимизации.

Специальное (целенаправленное) предупреждение виктимизации несовершеннолетних есть конкретная деятельность специальных субъектов, воздействующая на факторы, способствующие возникновению и развитию виктимности и виктимизации.

Специальное (целенаправленное) предупреждение виктимизации включает профилактику виктимизации, защитное и правовое предупреждение виктимизации.

Под профилактикой виктимизации понимается специальная деятельность:

- по идентификации, изучению, и воздействию на причинно-детерминационный комплекс виктимизации несовершеннолетних;

-по использованию психолого-педагогических и социально-правовых методов для восстановления и активизации у виктимных детей и подростков защитных свойств;

- по разработке и совершенствованию специальных средств предупреждения преступных посягательств и исключения возможной виктимизации несовершеннолетних.

Система профилактических мер содержит:

- раннюю профилактику;

- профилактику, осуществляемую в процессе раскрытия совершенного преступления, расследования и рассмотрения судом уголовного дела.

Защитное предупреждение виктимизации несовершеннолетних представляет собой деятельность по недопущению возможной виктимизации детей и подростков, обладающих потенциальной виктимной активностью в определенных жизненных ситуациях. Комплекс мероприятий защитного предупреждения включает в себя:

- возможности самозащиты и самообороны;

- меры воспитательного характера;

- доступность информации по статистике преступлений и правонарушений;
- охрану общественного порядка и безопасности;
- охрану личности;
- охрану собственности;
- неотвратимость ответственности за правонарушения.

Для реализации мер защитного предупреждения могут быть использованы: контроль, непосредственная охрана, техническая защита объектов, информационно-разъяснительная, общефизическая и воспитательная работа в среде несовершеннолетних.

Правовая превенция виктимизации несовершеннолетних реализуется посредством специальной деятельности по использованию правовых средств предупреждения виктимизации. Методы правового предупреждения предусмотрены законодательством. Это методы уголовной, уголовно-процессуальной, гражданской, административной и другой защиты, а также методы охраны нарушенных прав жертвы правонарушений и преступлений, их восстановления, компенсации полученного вреда.

Предупреждение виктимизации является сложным составным объектом, одновременно выступая подсистемой более общей системы предупреждения преступности.

Для превенции виктимизации характерны различные формы, среди которых можно выделить:

- правоохранительную деятельность, реализующуюся государственными правоохранительными органами;
- обеспечение безопасности, осуществляющееся негосударственными правоохранительными органами;
- самозащиту, обеспечивающуюся самими потенциальными жертвами преступных посягательств.

В этой связи представляется оправданным внесение в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 следующих дополнений:

- в перечень основных задач в области борьбы с преступностью включить разработку правового механизма использования негосударственных правоохранительных структур в деле предупреждения, выявления и раскрытия преступлений;
- диспозицию «Угрозой физическому здоровью нации являются кризис систем здравоохранения и социальной защиты населения, рост потреб-

ления алкоголя и наркотических веществ» дополнить - «особенно среди несовершеннолетних».

Феномен предупреждения виктимизации несовершеннолетних представляет собой системный объект, и это подтверждается наличием у него свойств комплексности, интегративности, функциональности, историчности, коммуникативности и т.д.

Представление о преимуществах системы предупредительного воздействия на виктимизацию несовершеннолетних как потенциальных жертв преступлений по сравнению с ранее разработанными системами виктимологического направления предупредительного воздействия на преступность позволяет максимально полно и всесторонне использовать:

- разнообразные средства и методы обеспечения безопасности и защиты жертв от преступных посягательств;

- теоретические и практические возможности виктимологии и ювенологии.

В целом предупреждение виктимизации несовершеннолетних является, на наш взгляд, одним из направлений в спектре поиска новых возможностей предупреждения разного рода преступлений.

Материальный, физический и моральный вред ребенок получает в процессе социализации.

Социализация является объектом исследования нескольких наук, и соответственно имеются различные подходы к этому явлению. Каждая школа имеет собственное трактование данного процесса. Представители бихевиоризмаи необихевиоризма рассматривают социализацию как процесс социального научения. Представителями символического интеракционизма социализация исследуется как результат социального взаимодействия людей. Представители гуманистической психологии (Роджерс, Маслоу) понимают социальное развитие личности как самоактуализацию "Я-концепции" [48, с. 48-58].

Первые отечественные работы, посвященные социализации, датируются, второй половиной 60-х годов XX в. - И.С. Кон, Б.Д. Парыгин, Б.Г. Ананьев, позднее - Г.М. Андреева, С.А. Беличева, Б.М. Ломов, В.В. Новиков. Однозначного толкования этого термина нет. Рассматривая социализацию, ученые описывают ее как сложное социально-психологическое явление, которое представляет собой одновременно и процесс, и отношение, и способ, и результат становления личности в общении и деятельности [5, с. 45].

Например, А.В. Мудрик определяет *социализацию* как развитие человека на протяжении всей жизни во взаимодействии с окружающей средой; процесс усвоения и воспроизводства социальных норм, культурных ценностей, а также саморазвитие в том обществе, к которому этот индивид принадлежит. По его мнению, социализация происходит: а) в процессе стихийного взаимодействия человека с обществом; б) в процессе влияния со стороны государства на те или иные категории людей; в) в процессе целенаправленного создания условий для развития человека; г) в процессе саморазвития [38, с. 26].

Точку зрения А.В. Мудрика разделяет М.И. Рожков, который пишет о том, что в процессе социализации решаются две группы задач: социальной адаптации и социальной автономизации личности [49, с. 11].

Социальная адаптация предполагает активное приспособление индивида к условиям среды, а социальная автономизация - реализацию совокупности установок на себя, устойчивость в поведении и отношениях, которая соответствует представлению личности о себе, ее самооценке.

Социализация бывает первичная - знакомство с ценностями общества и формами поведения, обеспечиваемое индивиду в семье; социализация повторная подготовка индивида к вступлению в культуру и окружение, которые стали для него незнакомыми из-за кризиса, травм, изменения жизненных обстоятельств. Данный механизм напрямую связан с ресоциализацией - изменением ставших неадекватными ценностей, норм и отношений человека в соответствии с новыми социальными предписаниями.

Еще в XIX веке французский педагог и социолог Эмиль Дюркгейм, одним из первых обративший внимание на проблему социализации человека, подчеркивал, что любое общество стремится сформировать человека в соответствии с имеющимися у него некими универсальными моральными, интеллектуальными и даже физическими идеалами [16, с. 35].

Важно подчеркнуть, что содержание процесса социализации определяется заинтересованностью общества в том, чтобы полоролевая, профессиональная, семейная, политическая и др. социализация его граждан прошла успешно. Необходимо также иметь в виду, что требования к личности в разнообразных аспектах предъявляет не только общество в целом, но и различные группы и институты социализации, особенности которых обуславливают не идентичность и специфичность этих требований, содержание которых к тому же обусловлено возрастом и социальным статусом человека.

Между тем, в процессе своей социализации человек выступает не только как объект, но и как субъект оной, усваивая социальные нормы и культурные ценности в единстве с реализацией своей активности, саморазвитием и самореализацией в обществе. На каждом возрастном этапе перед личностью встают определенные задачи (естественно-культурные, социально-культурные, социально-психологические), решая которые она и проявляет свою субъектность.

Весьма важно также, что человек может стать и жертвой социализации, т.к. сама социализация - сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, успешная социализация предполагает эффективную адаптацию человека в обществе, усвоение всех его норм, а с другой стороны - способность в определенной мере противостоять обществу, если оно мешает саморазвитию, самоутверждению, самореализации человека. Таким образом, эффективная социализация предполагает определенный баланс между идентификацией с обществом и обособлением в нем. И здесь возможно возникновение двух крайностей: с одной стороны - человек конформист, полностью адаптированный в обществе, но не способный ему противостоять, с другой стороны - человек, не адаптированный в обществе, маргинал, девиант. Оба типа - жертвы социализации и присутствуют в реальной жизни любого общества [51, с. 359-361].

Жертва неблагоприятных условий социализации - группа людей или личность, попавшие в неблагоприятные для них условия и ставшие их осознанной жертвой; предмет изучения социально-педагогической виктимологии.

Рассматривая проблему человека - жертвы неблагоприятных условий социализации, мы берем за основу классификацию, предложенную А.В. Мудриком, и выделяем следующие виктимные группы [39, с. 54]:

- инвалиды всех категорий;
- сироты и дети, находящиеся на попечении государства;
- дети беженцев и мигрантов (в страну, в регион, местность);
- метисы как представители инонациональных групп, проживающие в местах компактного расселения другого этноса;
- дети из семей с низким экономическим и (или) образовательным уровнем, аморальной и (или) криминогенной атмосферой;
- бездомные, бродяжки и попрошайки;
- дети-алкоголики, наркоманы и токсикоманы;

- дети, используемые в качестве наемной рабочей силы (в том числе, занимающиеся проституцией - до 15 лет), и т.д.

Все виды жертв неблагоприятных условий социализации можно условно обозначить как реальные, потенциальные и латентные.

1. Реальными жертвами неблагоприятных условий социализации являются инвалиды, сироты, дети с психосоматическими дефектами и отклонениями.

2. Потенциальными, с очень большой возможностью стать реальными жертвами социализации можно назвать людей с неуравновешенной психикой и с акцентуациями характера; мигрантов, беженцев, и вынужденных переселенцев; детей, родившихся и воспитывающихся в семьях с низким материальным, моральным, образовательным уровнями; представителей инонациональных или расовых групп в местах проживания другого этноса или расы.

3. К латентным жертвам - «скрытым», а потому с трудом определимым - могут быть отнесены высокоодаренные дети. Ряд специалистов (Лейтес Н.С., Матюшкин А.М. Теплов Б.М.) полагают, что одаренность и даже гениальность «выпадает» на долю примерно одного из десяти тысяч родившихся человек. «Но большинство будущих гениев теряется на жизненном пути, т.к. условия их социализации (даже достаточно благоприятные) оказываются недостаточными для развития их высокой одаренности, о чем ни они, ни их близкие могут даже не подозревать». Поэтому их можно отнести к латентному типу жертв неблагоприятных условий социализации [40, с. 197].

Необходимо отметить и тот факт, что названные категории жертв редко бывают представлены «в чистом виде». Зачастую какой-то жизненный факт или первичный дефект вызывает вторичные изменения в развитии человека и его жизненной позиции, формируют неадекватное или ущербное отношение к миру и к себе.

Нередко происходит и наложение одного признака или обстоятельства на другое. Чаще всего из неблагополучных семей выходят именно дети-алкоголики, наркоманы, токсикоманы, дети беженцев и мигрантов, плохо приживаясь в чуждой им среде, они плавно перетекают в разряд «трудных детей», а выпускники детских домов и сиротских учреждений - основная категория, пополняющая ряды бездомных, криминальных элементов и самоубийц.

Одни признаки и обстоятельства, позволяющие отнести ребенка к жертвам неблагоприятных условий социализации, имеют постоянный характер (инвалидность, сиротство), другие проявляются на определенном возрастном этапе (алкоголизм, наркомания), одни неустранимы (такие как инвалидность), другие могут быть предугаданы и предотвращены (такие, например, как противоправное поведение).

Важно обозначить и тот факт, что жертва неблагоприятных условий социализации в психолого-педагогическом понимании этого слова по-разному отражается в правых документах и законодательных актах. Так, инвалидность в государственных актах зафиксирована как отклонение от нормы, а неравенство в «жизненном старте» - нет.

В числе разнообразных, взаимосвязанных факторов, обусловливающих виктимизацию детей, мы, вслед за учеными, занимающимися данной проблемой (Авдуевская Е.П., Велович А.С., Мудрик А.В. и другие), выделяем такие: «индивидный фактор, действующий на уровне психобиологических предпосылок; поведенческий, который затрудняет социальную адаптацию ребенка; психолого-педагогический фактор, проявляющийся в дефектах школьного и семейного воспитания; социально-психологический фактор, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия ребенка со своим ближайшим окружением в семье, на улице, в учебно-воспитательном коллективе; личностный фактор, который прежде всего проявляется в активно избирательном отношении ребенка к предпочитаемой среде общения, нормам и ценностям своего окружения, к педагогическим воздействиям семьи, школы, общественности, а также личных ценностных ориентациях, личной способности к саморегулированию своего поведения; социальный фактор, определяющийся социальными и социально-экономическими условиями существования общества» [40, с. 213].

Возможность стать жертвой тех или иных неблагоприятных условий социализации зависит также от многих личностных характеристик, которые в одних и тех же условиях могут способствовать или препятствовать виктимизации человека. К таким характеристикам можно отнести степень гибкости, развитость саморегулирования и рефлексии человека, его ценностные ориентации и т.д. Следует отметить и такую личностную характеристику, как экстернальность – интернальность, т.е. склонность человека приписывать причины происходящего с ним к внешним обстоятельствам или принимать всю ответственность за происходящее на себя [8, с. 69].

И особенно важно: воспринимает или нет ребенок себя как жертву. Одни сироты и инвалиды воспринимают себя как жертву неблагоприятных условий социализации, что определяет их поведение в обществе, другие - не воспринимают. Есть и такие, которые официально не принадлежат ни к одной из выделяемых виктимных групп, все возникающие в их жизни трудности готовы расценивать как виктимные факторы. Перечисленные варианты субъективного восприятия себя жертвой определяются не только индивидуальными особенностями ребенка, но и отношением ближайшего окружения, в первую очередь референтных групп, а также возрастными особенностями.

Рассматривая проблему детской виктимности, следует отметить и такой чрезвычайно важный факт: далеко не все дети, объективно оказавшиеся в неблагоприятных условиях социализации, становятся виктимными, т.е., жертвами в полном смысле этого слова. Если под поведенческими признаками виктимности принять описанные выше характеристики, то многие из детей, оказавшихся в неблагоприятных условиях социализации, остаются вполне адаптированными и нормально развивающимися.

Виктимность, проявляющаяся в отступлении от норм безопасного поведения, страхе перед реальностью, агрессивных действиях и т.п., оказывается для них нехарактерной. Виктимность, таким образом, определяется не только объективными факторами, но и особыми внутренними факторами:

• индивидуально-психологическим фактором, определяемым способностями (скоростью и вариативностью в переработке информации), формой и порогом эмоциональной реакции;

• личностным фактором, который, прежде всего, проявляется в особенностях картины мира и образа «Я» виктимных детей, невысоком уровне их доверия и открытости миру, низкой коммуникативной компетентности и произвольности, отсутствием у них ценностных ориентации;

• психолого-педагогическим фактором, проявляющемся в дефектах школьного и семейного воспитания и характеризующем неблагоприятную межличностную ситуацию;

• социалъно-психологическим фактором, раскрывающем неблагоприятное статусное положение, особенности в группе сверстников и взрослых, отсутствие просоциальной референтной и устойчивой социальной сети общения, обеспечивающих интериоризацию социально значимых норм и ценностей.

Виктимным детям свойственно *девиантное поведение* (deviation - отклонение). В настоящее время термин используется в двух основных значениях. Первое значение - «поступок, действие, не соответствующее официально установленным или принятым в данном обществе нормам». Второе значение выражается в относительно массовых и устойчивых формах практической деятельности, не соответствующих официально установленным сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям.

Научный интерес к проблеме отклоняющегося поведения в России возник в середине XIX века. Это было обусловлено реформированием социально-политического периода к новой нормативно-ценностной системе. В обществе появились люди, которые не смогли приспособиться к новым социальным реалиям, их поведение воспринималось окружающими как социально эпатажное.

В мировой литературе существует несколько подходов к определению девиантного поведения и его причин. Один считают, что девиация – отклонение, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение, наказание индивида (Н. Дж. Смелзер), другие – видят причину девиаций в расхождении между целями общества и социально-одобряемыми средствами признания этих целей (Р.К. Мертон), третьи подчеркивают, что девиации возникают в результате конфликтов между культурными нормами общества [53, с. 85].

Многие исследователи считают, что в феномене девиантного поведения необходимо анализировать не отдельные его виды, а разрабатывать общую, «сквозную» концепцию отклонений, подчеркивая, до объем исследований по этой проблематике должен иметь комплексное содержание [47, с. 82-83].

В педагогических исследованиях (Алемаскин М.А., Верцинская Н.Н., Завражин С.А., Клейберг Ю.А., Фортова Л.К. и др.) под девиантным поведением понимается отклонение от принятых в данном обществе социальных норм, деформация процессов усвоения и воспроизводства нравственных норм, саморазвития и самореализации в том обществе, к которому индивид принадлежит [3, с. 56].

В психологической и социологической литературе девиантным называется поведение, отклоняющееся от социально-психологических и нравственных норм (Е.В. Змановская, Я.И. Гилинский и др.), либо как ошибочный антиобщественный образец решения конфликта, проявляющийся в нарушении общественно принятых норм, либо в ущербе, нанесенном обще-

ственному благополучию, окружающим и себе. В качестве дополнительных признаков выделяются трудности коррекции поведения и особая необходимость в индивидуальном подходе со стороны воспитателей и внимании сверстников [32, с. 14].

Большую популярность имеет также точка зрения, что девиации возникают вследствие чрезмерного социального контроля, когда на поведение личности общество реагирует негативными санкциями. Так, например, по мнению Г. Беккера, Э. Лемерта, девиация - следствие соотнесения действия с правилами применения санкций к нарушителю [30, с. 58-61].

Представляет интерес и определение девиации и девиантного поведения предложенное Я.И. Гилинским. По его мнению, «под отклоняющимся поведением понимается поступок, действия человека или социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)» [13, с. 7].

По мнению С.В. Трофимова, девиантное поведение - это сложное социально-психологическое проявление, которое характеризуется отсутствием положительных интересов и стремлений, низкой общей культурой, неуважительным отношением к окружающим, агрессивностью, грубостью, злостью, вспыльчивостью, недисциплинированностью и вредными привычками (курение, токсикомания, употребление нецензурных выражений) [56, с. 83].

Несмотря на некоторые различия, все авторы главным критерием девиаций считают нарушение норм, принятых в данном обществе. Так, авторы «Словаря современной западной социологии» отмечают, что «девиантное поведение - это поступок, деятельность человека, социальное явление, не соответствующее установившимся в данном обществе нормам (стереотипам, образцам) поведения: правонарушение, преступность, пьянство, наркомания, самоубийство, проституция и др.)» [52, с. 81].

По мнению А. Коэна, девиантное поведение необходимо связывать не только с нарушением социальных норм, но и социальных ожиданий, ценностей, социальных ролей. Он определяет отклоняющееся поведение как такое, «которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы» [25, с. 98].

По мнению В.И. Полубинского, необходимо и конкретизировать понятие отклонения от нормы. «Возникает много вопросов: о пределах нор-

мы, критериях ее определения, историко-культурном контексте нормы, тех субъектах или социальных институтах, которые наделены правом и несут ответственность за эти определения и за действия, ими санкционируемые. Таким образом, следует признать, что девиантность - это не жестко определяемое с помощью тех или иных критериев поведение, а процесс, определяемый ситуацией. Девиация - это необходимое дополнение нормы: норма определяется через девиацию, девиация через норму, это взаимодополняющие, а часто и амбивалентные понятия» [42, с. 65].

В научной литературе для характеристики нормы используются разные понятия: «психическая норма», «поведенческая норма», «норма развития», «возрастная» и «индивидуальная норма». Определение психической нормы является одной из сложных проблем, что объясняется индивидуальностью и субъективностью человеческой психики. Восприятие, оценка и ответная реакция людей на происходящие вокруг события могут зависеть от возраста, пола, особенностей воспитания, культуры, жизненного опыта, настроения.

Для нормальной человеческой психики характерна определенная свобода выбора вариантов поведения. Бывают случаи, когда трудно установить нормы и патологии (болезни). Нормальное человеческое поведение не всегда является результатом взвешенных и продуманных планов. Чаще всего оно зависит от конкретной ситуации, человек не свободен в своем поведении и действует под воздействием усвоенных им образцов.

Один из первых отечественных психологов, обратившихся к исследованию различного рода поведенческих отклонений, А.Г. Ковалев считал, что основным признаком отклонения от норм поведения человека является несоответствие этого поведения социальным требованиям, выраженным в социальных установлениях - законах и моральных правилах. Такая практика отклоняющегося поведения заостряет внимание на его наиболее характерных признаках и тем самым ориентирует на действительные причины, лежащие в его основе. Она в корне отличается от толкований, широко используемых наукой. Например, довольно известный американский социолог Т. Саллин, отвергая наличие "антисоциального поведения", считает наиболее разумным вести разговор о поведении нормальном и ненормальном, то есть соответствующем поведенческим нормам и отклоняющимся от них. Причем свою позицию он аргументирует тем, что нормы поведения можно обнаружить там, где имеются социальные группы, которые выступают в качестве нормоустанавливающих [22, с. 99].

Следуя подобной логике, поведение любого человека (включенного в соответствующую социальную группу), которое противоречит прямо или косвенно нормам этой группы, может быть, естественно, признано отклоняющимся. И под него можно подвести поведение любого человека, у которого обнаружена неадекватная реакция на те или иные требования данной группы. В результате, как бы стирается грань между нравственно ценным и отрицательным поведением личности. Например, нравственно мотивированный поступок человека, являвшегося ранее членом отрицательно-направленной микрогруппы, но порвавшей с ней свои отношения, вполне идентифицируется с поведением личности, вступившей в аналогичную микрогруппу и вынужденной по этой причине разорвать свои отношения с коллективом. И в первом и во втором случае существует нарушение норм групп. На наш взгляд, принять такую логику, как психологически правильную, нельзя.

От понятия «норма поведения» необходимо отличать «норму развития». Л.А. Венгер считает, что норма развития - это оптимальный с точки зрения общества уровень, соотнесенный с индивидуальными особенностями ребенка. Мы, вслед за Л.А. Венгером, считаем, что отклонения практически здорового ребенка формируются в результате противоестественного влияния окружающей среды [9, с. 270].

Определение нормального человека мы находим в исследованиях К. Лоренца, который рассматривает это понятие с позиции функциональной психологии. Метод функционального подхода позволяет научиться оценивать других людей и контролировать собственное ролевой поведение.

К. Лоренц считает, что нельзя употреблять такие понятия, как «нормальность», и «средний показатель» как равнозначные. Это можно продемонстрировать на примере достижений гениальных людей. «Нормальность» этих людей ничего общего не имеет со средним показателем, но, тем не менее, все они были нормальными людьми. К. Лоренц предлагает оценивать поведение человека как нормальное, если оно соответствует ситуации. «Нормальность в гораздо большей степени измеряется тем, насколько настоящими, подлинными, неподдельными, истинными, соответствующими действительности являются благоразумие и поведение» [47, с. 51].

Нормы играют неоценимую регулятивную роль в жизни любого общества. Они создают нормативно-одобряемое поле деяний, желательных для данного общества в данное время, тем самым, ориентируя личность в ее пове-

дении. Они выполняют функцию контроля со стороны общества, служат образцом, информируют, позволяют оценивать поведение, прогнозировать его.

Но, анализируя аспект соотношения нормы и отклонения от нее, необходимо отметить, что особую трудность представляет такое свойство социальной нормы, как ее относительность и динамичность. История изобилует примерами различных культурных предписаний для одного и того же явления. Так, требования к внешнему облику человека, выраженные в моде, меняются у нас на глазах. Другой яркий пример - изменения в полоролевом поведении женщин. Сегодняшние нормы приветствуют женские достижения в умственной и физической деятельности, равные достижениям мужчин, а из средств массовой информации они узнают, что должны быть настойчивыми, честолюбивыми, жесткими и бескомпромиссными, ориентированными на себя.

Перечисленные свойства социальных норм нередко порождают в индивидуальном сознании негативные чувства - от простого непонимания до открытого протеста.

Еще в начале XX века Э. Дюркгейм, в отличие от большинства криминологов того времени, считавших, что девиантное поведение обусловлено индивидуальной патологией, рассматривал его как нормальное общественное явление, даже связанное с некоторыми позитивными социальными функциями. Ни одно общество не может обеспечить всеобщее соблюдение норм, и девиация необходима, поскольку общество должно быть гибким и готовым к переменам [16, с. 56].

Теорию аномии существенно развил американский социолог Роберт Кинг Мертон. Аномия, по мнению Р. Мертона, особое нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы моральных ценностей и вакуумом идеалов. Он считает, что причиной девиации является несогласованность между культурными целями, выдвигаемыми обществом (стремление к богатству, власти, успеху, выступающие в качестве установок и мотивов личности), и средствами, которые оно предлагает для их достижения. Сами эти средства можно подразделить на предписываемые (законные) и наиболее эффективные, ведущие к результату кратчайшим путем. Для концепции Мертона чрезвычайно важно указание на то, что законность и эффективность вовсе не обязательно совпадают применительно к избираемым средствам. В качестве примера Мертон приводит противоречивое отношение американцев к проблеме богатства. Согласно Р. Мертону, когда люди стремятся к финан-

совому успеху, но убеждаются в том, что его нельзя достичь с помощью социально одобряемых средств, они могут прибегнуть к незаконным способам, например, рэкету, торговле наркотиками, шантажу и т. п. [37, с. 456].

Необходимо отметить также и то, что многочисленные формы отклоняющегося поведения свидетельствуют о состоянии конфликта между личностными и общественными интересами. Отклоняющееся поведение - это чаще всего попытка уйти из общества, убежать от повседневных жизненных проблем и невзгод, преодолеть состояние неуверенности и напряжения через определенные компенсаторные формы. Однако отклоняющееся поведение может быть связано и со стремлением личности к новому, попыткой преодолеть консервативное, мешающее двигаться вперед, например, различные виды технического и художественного творчества, сверхинтеллектуальность.

Таким образом, определение понятия "девиантное поведение" предполагает выделение существенных признаков явления.

1. Девиантное поведение личности — это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам. Иначе говоря, это действия, не соответствующие существующим законам, правилам, традициям и социальным установкам. Но, определяя девиантное поведение как поведение, отклоняющееся от норм, следует помнить, что социальные нормы изменяются. Следовательно, девиантное поведение — это нарушение не любых, а лишь наиболее важных для данного общества в данноевремя социальных норм.

2. Девиантное поведение и личность, его проявляющая, вызывают негативную оценку со стороны других людей. Негативная оценка может иметь форму общественного осуждения или социальных санкций, уголовного наказания.

Прежде всего санкции выполняют функцию предотвращения нежелательного поведения. Но они могут приводить к такому негативному явлению, как стигматизация личности - закрепление за ней ярлыка. Например, хорошо известны трудности реадаптации человека, отбывшего срок наказания и вернувшегося в «нормальную» жизнь. Постепенно ярлык девианта (наркоман, преступник, самоубийца и т.п.) формирует девиантное самоощущение. Таким образом, дурная репутация усиливает опасную изоляцию, препятствует позитивным переменам и вызывает рецидивы девиантного поведения.

3. Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно наносит реальный ущерб самой личности или окружающим людям. Это может быть дестабилизация существующего порядка, причинение морального и материального ущерба, физическое насилие и причинение боли, ухудшение здоровья. В крайних своих проявлениях девиантное поведение представляет непосредственную угрозу жизни, например, суицидальное поведение, насильственные преступления.

4. Рассматриваемое поведение преимущественно можно охарактеризовать как стойко повторяющееся (многократное или длительное). Так, если ребенок один раз взял без спросу небольшую сумму денег у родителей на сладости, без последующих эксцессов, определение данного поведения как отклоняющегося будет недостаточно корректным. Напротив, систематическое осознанное воровство денег подростком будет являться одной из форм девиантного поведения.

Данное правило имеет исключения. Например, даже однократная суицидальная попытка представляет серьезную опасность и может расцениваться как отклоняющееся поведение личности.

5. Для того чтобы поведение можно было квалифицировать как отклоняющееся, оно должно согласовываться с общей направленностью личности. При этом поведение не должно быть следствием нестандартной ситуации (например, поведение в рамках посттравматического синдрома), следствием кризисной ситуации (например, реакция горя в случае смерти близкого человека в течение первых месяцев) или следствием самообороны (например, при наличии реальной угрозы для жизни).

6. Особенностью девиантного поведения является то, что оно не должно отождествляться с психическими заболеваниями или патологическими состояниями, хотя и может сочетаться с последними. В случае психического расстройства имеет место патологическое поведение психически больного человека. Патологическое поведение отклоняется от медицинских норм, требует первостепенного медицинского вмешательства и изучается психиатрией как, например, девиантное поведение психически больных. В то же время, при определенных условиях отклоняющееся поведение может переходить в патологическое. Например, зависимое поведение может перерасти в системное заболевание — алкоголизм, наркоманию. Таким образом, личность с отклоняющимся поведением может занимать любое место на психопатологической оси «здоровье — предболезнь — болезнь».

7. Отклоняющееся поведение сопровождается различными проявлениями социальной дезадаптации.

Данное поведение совсем не обязательно приводит к болезни или смерти, но закономерно вызывает или усиливает состояние социальной дезадаптации. Состояние дезадаптации, в свою очередь, может быть самостоятельной причиной отклоняющегося поведения личности.

8. В качестве последнего признака отклоняющегося поведения можно отметить его выраженное индивидуальное и половозрастное своеобразие. Одни и те же виды девиантного поведения по-разному проявляются у различных людей в разном возрасте. Индивидуальные различия людей затрагивают мотивы поведения, формы проявления, динамику, частоту и степень выраженности. Например, форма девиации и степень ее выраженности являются наиболее очевидными характеристиками отклоняющегося поведения личности. Они могут варьировать от вполне безобидных проявлений до тотального нарушения жизнедеятельности личности [18, с. 12-15].

Другая важная индивидуальная особенность касается того, как человек переживает девиантное поведение — как нежелательное, чуждое для себя, как временно удовлетворяющее или как обычное и привлекательное. Отношение личности к отклоняющемуся поведению (личностная позиция) во многом определяет его судьбу.

Здесь следует отметить, что по степени выраженности девиантных намерений девиация делится на «первичную», когда на определенные отклонения окружающие смотрят сквозь пальцы, а человек, игнорирующий некие правила, не считает себя нарушителем. Такие отклонения граничат с незначительными проступками или безнравственными действиями и до поры до времени могут не замечаться. И «вторичную девиацию», когда окружающей социальной группой или официальными организациями человек открыто признается нарушителем норм морали или права, что всегда связано с определенной реакцией на его действия.

Исходя из всего сказанного выше, мы хотели бы дать следующее определение *девиантного поведения* — это поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных и моральных норм, причиняющее данной личности или обществу реальный ущерб, и сопровождающееся социальной дезадаптацией.

Типология девиантного поведения выстраивается в соответствии с его целями. В одном случае это внешнедеструктивные цели, направленные

на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных) и соответственно внешнедеструктивное поведение. Во втором случае - внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс, и соответственно внутридеструктивное поведение.

Внешнедеструктивное поведение, в свою очередь, делится на аддиктивное и антисоциальное. Аддиктивное поведение предполагает зависимость химическую - использование веществ специфической активности (алкоголя, токсических, наркотических веществ) и нехимическую – гэмблинг (патологическая склонность к азартным играм), оккультную аддикцию (зависимость от религиозных сект, ворожбы), кредитную и интернет-зависимость и т.д. (Войскунский А.Е., Завражин С.А., Кимберли Янг, Фортова Л.К. и др.). Антисоциальное поведение заключается в действиях, нарушающих существующие законы и права других людей в форме противоправного, асоциального, аморально-безнравственного поведения.

Антисоциальное (делинквентное) поведение - это поведение, противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей. Оно включает любые действия или бездействия, запрещенные законодательством.

У взрослых людей (старше 18 лет) делинквентное поведение проявляется преимущественно в форме правонарушений, влекущих за собой уголовную или гражданскую ответственность и соответствующее наказание. У подростков (от 13 лет) преобладают следующие виды делинквентного поведения: хулиганство, кражи, грабежи, вандализм, физическое насилие, торговля наркотиками. В детском возрасте (от 5 до 12 лет) наиболее распространены такие формы, как насилие по отношению к младшим детям или сверстникам, жестокое обращение с животными, воровство, мелкое хулиганство, разрушение имущества, поджоги.

Асоциальное поведение — это поведение, уклоняющееся от выполнения морально-нравственных норм, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений. Оно может проявляться как агрессивное поведение, сексуальные девиации (беспорядочные половые связи, проституция, совращение, вуайеризм, эксгибиционизм и др.), вовлеченность в азартные игры на деньги, бродяжничество, иждивенчество.

В подростковом возрасте наиболее распространены уходы из дома, бродяжничество, школьные прогулы или отказ от обучения, ложь, агрессивное поведение (поступки, сопровождающиеся нанесением физического,

психологического, психического вреда самой личности, другому индивиду, группе людей), промискуитет (беспорядочные половые связи), граффити (настенные рисунки и надписи непристойного характера), субкультуральные девиации (сленг, шрамирование, татуировки).

У детей чаще встречаются побеги из дома, бродяжничество, школьные прогулы, агрессивное поведение, злословие, ложь, воровство, вымогательство (попрошайничество).

Границы асоциального поведения особенно изменчивы, поскольку оно более других поведенческих девиаций находится под влиянием культуры и времени.

В группе внутридеструктивного поведения следует выделить: аутоагрессию (различные самоповреждения, вплоть до самоубийств), суицидальное, конформистское, фанатическое и аутическое поведение. *Суицидальное поведение* характеризуется повышенным риском самоубийства. Под суицидальным поведением понимают все формы суицидной активности: мысли, высказывания, намерения, установки, угрозы совершения суицида, поступки. *Конформистское* — поведение, лишенное индивидуальности, ориентированное исключительно на внешние авторитеты. Дети "конформисты" излишне легко ко всему адаптируются. Данная привычка особенно опасна тогда, когда они попадают в отрицательные условия *Фанатическое* — выступает в форме слепой приверженности к какой-либо идее, взглядам. *Аутическое* — проявляется в виде непосредственной отгороженности от людей и окружающей действительности, погруженности в мир собственных фантазий.

Все перечисленные формы деструктивного поведения отвечают таким критериям девиантности, как ухудшение качества жизни, снижение критичности к своему поведению, когнитивные искажения (восприятия и понимания происходящего), снижение самооценки и эмоциональные нарушения. Наконец, они с большой вероятностью приводят к состоянию социальной дезадаптации личности вплоть до полной ее изоляции [18, с. 31-34].

Аутодеструктивное (саморазрушительное поведение) — это поведение, отклоняющееся от медицинских и психологических норм, угрожающее целостности и развитию самой личности. Саморазрушительное поведение в современном мире выступает в следующих основных формах: суицидальное поведение, пищевая зависимость, химическая зависимость (злоупотребление психоактивными веществами), фанатическое поведение (например, вовлеченность в деструктивно-религиозный культ), деятельность с вы-

раженным риском для жизни (экстремальные виды спорта, существенное превышение скорости при езде на автомобиле и др.).

Спецификой аутодеструктивного поведения (аналогично предыдущим формам) в подростковом возрасте является его опосредованность групповыми ценностями. Группа, в которую включен подросток, может порождать следующие формы аутодеструкции: наркозависимое поведение, самопорезы, компьютерную зависимость, пищевые аддикции, реже - суицидальное поведение.

При этом необходимо различать *патологические девиации* - это девиантные проявления, которые наблюдаются при тех или иных психических нарушениях, и *непатологические девиации* - те или иные формы девиантного поведения, не обусловленные нарушениями психики.

Рассматривая личностно-динамическое основание классификации, можно выделить следующие девиантные проявления, по мнению В.В. Ковалева: реакции, развития и состояния. Ситуационно обусловленные отклонения поведения, проявляются преимущественно в определенной микросреде, часто имеют четкую психологическую направленность на конкретных лиц [21, с. 146].

Наиболее часто встречаются в детском и младшем подростковом возрасте следующие реакции: реакция отказа как отсутствие или снижение стремления к контактам с окружающими (часто возникает при отрыве от семьи, особенно у инфантильных подростков) (А.Е. Личко); реакция оппозиции, вызванная чрезмерными требованиями к ребенку и выражающаяся в виде нарочито грубого поведения, а также в отказе от еды, уходе из дома, суицидальном поведении и т.д.; реакция имитации - стремление подражать во всем определенному лицу; реакция компенсации - желание восполнить свои слабости и недостатки в одной области за счет успехов в другой; реакция гиперкомпенсации - стремление к успехам именно в той области, где имеются наибольшие слабости [31, с. 141-142].

К поведенческим реакциям, свойственным преимущественно подросткам и часто обусловленным особенностями подросткового возраста, относятся: реакция эмансипации - потребность освобождения от контроля и опеки взрослых, стремление к независимости и утверждении себя как личности. Одним из проявлений такой реакции является "подростковая субкультура", а также бродяжничество, непослушание, грубость; реакция группирования со сверстниками - стремление объединения в неформальные группы и антисоциальный образ жизни как одна из форм протеста

против привычного уклада жизни и опеки со стороны старших (социально позитивной и негативной направленности); реакция увлечения (хоббиреакция) - интеллектуально-эстетические увлечения (музыка, наука и т.п.); телесно-мануальные (спорт, рукоделие, вождение транспорта); лидерские; накопительские (коллекционирование); эгоцентрические (макияж, экстравагантная одежда); информационно-коммуникативные (потребность в легко усваивающейся информации); азартные увлечения (карты, игровые автоматы и т.п.); реакции, обусловленные сексуальным влечением, - мастурбация, петтинг, ранние сексуальные связи и пр.

Говорить о девиантном поведении как о самостоятельном социально-педагогическом явлении можно лишь при отсутствии пограничной психической патологии, иначе девиация должна расцениваться как признак патологии, но в любом случае при девиации сохраняется связь с личностными проявлениями и непатологическими отклонениями. К ним преимущественно относятся такие формы, как психологические особенности пубертатного возраста, возрастные непатологические ситуационно-личностные реакции, особенности характера (акцентуации), социально-педагогическая запущенность.

Все перечисленные специфически подростковые реакции могут быть как вариантами поведения в норме, так и представлять собой патологические нарушения поведения, проявляющиеся при таких пограничных нервно-психических нарушениях, как психопатии, олигофрении, резидуально-органические нервно-психические расстройства, алкоголизм, наркомания, а также при таких заболеваниях, как шизофрения, МДП, эпилепсия, реактивные психозы и пр.

Так, например, побеги из дома и бродяжничество встречаются в 25% среди госпитализированных подростков с психопатиями и акцентуациями [18, с. 87].

Основными причинами побегов считаются: недостаточный надзор, потребность в развлечениях и удовольствиях; реакция протеста на чрезмерные требования или недостаток внимания; реакция тревоги и страха наказания.

Г.Ф. Хохряков, анализируя проблемы аномального развития личности, предлагает в качестве основной единицы анализа отклонений в поведении рассматривать вредные (негативные) привычки поведения, подразделяя их на следующие группы:

1) аморальные и асоциальные привычки поведения - сквернословие,

грубый тон, лживость, употребление в речи слов-паразитов, несоблюдение санитарно-гигиенических норм по уходу за собой, драчливость, повышенная двигательная и эмоциональная возбудимость;

2) привычки, обусловленные невротическими состояниями, - проявления логоневроза, употребление слов-паразитов, навязчивые движения, тики и др.;

3) аномальные привычки интоксикационного генеза - курение, употребление алкоголя, наркомания и токсикомания [60, с. 82-88].

В.М. Розин, характеризуя нарушения поведения, отмечает, что они всегда проявляются в плохих отношениях с другими детьми (ссорах, драках), агрессивности, демонстративном неповиновении, разрушительных действиях, лживости. Они могут включать и антиобщественные поступки: воровство, прогулы уроков, поджоги и пр. [50, с. 75].

Еще одна категория детей выделяется В.М. Розиным по критерию наличия нарушений поведения, в основе которых лежат различные психические расстройства:

- эмоциональные расстройства и социопатии, характеризующиеся тревогами, фобиями, депрессией, навязчивостью, ипохондрией и пр.;
- синдром социальной дезадаптации, проявляющийся в нарушениях поведения, вызывающих сильное неодобрение окружающих (ложь, драки, грубость и др.);
- гиперкинетический синдром - нарушение двигательных функций, низкий уровень сосредоточенности внимания, повышенная отвлекаемость;
- шизофрения и детский аутизм;
- нарушения развития (речевое отставание, плохие навыки чтения) [50, с. 56].

Агеев В.С. к разновидностям девиантного поведения относит:

а) побеги из дома и бродяжничество;

б) злоупотребление спиртными напитками;

в) аутоагрессивное поведение (покушение на целостность своего организма);

г) нанесение татуировок [2, с. 17].

Как видно из приведенных классификаций девиантного поведения, проявления различных видов отклонений достаточно многообразны, одни и те же признаки встречаются в характеристике нескольких девиаций, нередки смешанные формы отклоняющегося поведения, таким образом, четкое и однозначное разделение на группы конкретных отклонений пред-

ставляет определенную сложность. В чистом виде конкретные виды девиантного поведения можно выделить только в классификации. Для целей организации профилактической работы необходимо рассматривать девиантное поведение как комплекс различных отклонений в поведении молодых людей, в котором наблюдается приоритетная выраженность тех или иных проявлений.

В заключение на основе проведенного анализа мы сформулировали следующие выводы: во-первых, лиминальное поведение несовершеннолетних с общесоциальных позиций следует оценивать как негативное. Во-вторых, данный тип поведения широко распространен среди несовершеннолетних. В третьих, лиминальное поведение очень часто может являться предпосылкой противоправного поведения, либо ему сопутствовать (например, в случае виктимизации). В-четвертых, возможна профилактика лиминального типа правового поведения несовершеннолетних путем выявления и коррекции неблагополучия в системе их отношений с окружающими, в том числе с педагогами и воспитателями из числа лиц ближайшего микросоциума. В-пятых, деятельность социальных институтов, ответственных за воспитание подрастающего поколения, предполагает восстановление тех позитивных качеств, которые преобладали у несовершеннолетнего до появления признаков правовой лиминальности, а также формирование у исследуемой категории лиц стремления компенсировать свое социальное неблагополучие интересующим их видом деятельности (спорт, труд, креативность и т. д.).

Модель оптимального социально-правового воздействия на поведение несовершеннолетних

На наш взгляд, основные закономерности правового поведения несовершеннолетних состоят в следующем: во-первых, это поведение структурно не отличается от правового поведения взрослых. При этом имеются различия в соотношении элементов структуры поведения. А именно: масса противоправного поведения, по сравнению с правомерным поведением, значительно выше у несовершеннолетних.

Растущие масштабы асоциального поведения среди взрослых стимулируют развитие аналогичных проявлений в подростковой среде.

Этому способствуют недостатки воспитания, осуществляемого различными институтами социализации (школа, семья). Безответственная де-

ятельность СМИ, теле- и видеопродукция, компьютерные игры, заполненные сценами деструкции, насилия, жестокости способствуют формированию противоправного поведения, становятся для подростка нормой жизни.

Наши исследования в области гемблинговой аддикции позволяют судить о влиянии компьютерной информации (включая игры) на формирование аморального поведения несовершеннолетних. Ребенок погружается в виртуальную реальность, где основной формой жизни выступает агрессия в различных формах. Подросток остается один на один с противником, которого необходимо уничтожить, применяя все более изощренные и совершенные способы устранения. Этот процесс сопровождается нервно-психическим и соматическим возбуждением. Ребенок, по мере роста и развития, пытается экстраполировать свое состояние, подчас дисфорическое, «как в компьютерной игре», то есть виртуальным способом, перенося игровые действия в реальность. Делается это часто через совершение таких противоправных действий, как преступность, алкоголизм, наркомания, суицид, вандализм. Учитывая неизбежное распространение и развитие нормативно-правовой базы для осуществления комплексной социально-педагогической экспертизы компьютерных игр, мы считаем, что они не должны:

- способствовать проявлению жестокости;

- содержать сюжеты, связанные с противоправным поведением и насилием;

- провоцировать на агрессию.

В развитых странах Запада и США создана система, регламентирующая выпуск, лицензирование и распространение подобной продукции.

Опыт зарубежных стран в решении проблем профилактики противоправного поведения несовершеннолетних может оказаться полезным и для России. Его необходимо интерпретировать с учетом специфических образовательных, культурных, психологических, этнографических и других особенностей нашей страны.

Для большинства подростков США, Великобритании и ряда других стран характерны такие же проявления правового поведения, как и для их сверстников в России: стремления к инновациям, эпатажу, экстравагантности, следованию моде, музыкальные предпочтения, рост отрицательных тенденций в употреблении психоактивных веществ (ПАВ), спиртных напитков, наркотических, токсических веществ, совершение противоправных деяний. В изучении, обобщении и систематизации опыта работы педа-

гогов-ювенологов при внедрении накопленных ими эмпирических знаний в отечественную педагогику, превентивную практику, остаются неразрешенными противоречия. С одной стороны, постоянно растущее в России количество асоциальных проявлений среди несовершеннолетних, рост групповых преступлений, все большая их организованность и рецидивность; с другой стороны, потребность российского общества противодействовать «переносу» западных моделей противоправного поведения в нашу страну [4, с. 91].

Конструктивную основу для определения продуктивных путей перспективного развития, совершенствования деятельности ювенологических, юридических, психологических служб, повышения качества подготовки лиц, занимающихся воспитанием несовершеннолетних, составляют изучение и анализ целостной картины генезиса зарубежных концепций противоправного поведения подростков, ее анализ и сравнения с современным отечественным опытом воспитательной работы.

На наш взгляд, непосредственное отношение к перевоспитанию подростков из группы социального риска имеет утверждение идей самоценности человека, формирование которой направлено на переход от воспитания всех к воспитанию каждого, на обеспечение подростка достойной жизнью, представление определенных прав и свобод, создания соответствующих социально-экономических условий, необходимого культурно-образовательного пространства.

Нам импонирует высказывания великого русского психолога и педагога П.Ф. Каптерева: «Нужно понять человека более свободно, беспристрастно; когда воспитанию ставятся более высокие задачи, оно оказывается относительно свободным и самостоятельным, так как оно служит, прежде всего, развитию человеческой природы, выявлению всех свойств, а не каким-либо специальным целям» [20, с. 35].

Вторая закономерность правового поведения несовершеннолетних заключается в его эмоциональности и выраженности в определенных действиях.

На развитие личности подростка большое влияние оказывает субкультура. Адаптация несовершеннолетних к окружающей среде проходит в рамках определенной субкультуры. Задача педагогов, родителей состоит в том, чтобы окружение подростка в школе и вне ее носило просоциальный характер, чтобы общение со сверстниками, просмотр телепрограмм,

чтение книг обогащало нравственный облик ребенка и способствовало формированию социально-ориентированных жизненных ценностей.

В-третьих, механизм формирования и объективации подросткового правового поведения корреспондирует с социально-институциональным устройством ранних обществ (псевдомононормы, отсутствие выраженных территориальных границ, отождествление субъекта и объекта государственной или иной официальной власти).

В каждом десятилетии молодые люди, желая стать частью группы, отвергают старые ценности и принимают новые, «свои».

Построение и переоценка системы ценностей – основной процесс морального развития в подростковом возрасте. По Хоффману (Hoffman, 1990), моральное развитие идет тремя различными, частично совпадающими, путями. Первый – основанное на тревоге сдерживание, то есть социально приемлемое поведение, вызванное страхом перед наказанием. Дети научаются связывать наказание, исходящее от родителей и других людей, с неприемлемым поведением. В конечном счете, они справляются со страхом наказания, воздерживаясь от запрещенных действий. Итогом становится интернализация запретов – и действительного наказания больше не требуется. Второй путь предполагает заботу о других людях, основанную на эмпатии. В-третьих, моральное развитие подростков происходит благодаря развитию мышления на уровне формальных операций, в процессе которого они приобретают опыт проверки гипотез, переоценки информации и переформулирования понятий (модель Л. Колберга).

Эти три типа морального развития не являются ни хронологическими стадиями, ни взаимно исключающими процессами. Но в отрочестве значения каждого типа может меняться. Например, поведение, основанное на страхе наказания, может оказаться серьезно подорванным в антиавторитарной молодежной среде, где господствующее положение занимают ценности сверстников. Эмпатия может разрушаться в столкновениях с суровыми жизненными реалиями, склоняющими подростков к правовому и нравственному цинизму.

Переоценка ценностей ведет к переоценке риска, в связи с чем многие несовершеннолетние участвуют в рискованных затеях: употребляют ПАВ, «гоняют» на автомобилях, занимаются промискуитетом. Некоторые подростки более склонны к рискованному поведению, чем другие (Yessor, 1993). Другие – направляют прирост энергии в спорт или социально-конструктивную деятельность. Многие из подростков включены в обще-

ственную деятельность, участвуют в работе по очистке и охране окружающей среды, строительстве, ухаживают за больными. Но есть группы подростков, которым четко свойственно рискованное поведение с деструктивными последствиями.

В-четвертых, правовое поведение несовершеннолетних достаточно динамично и чувствительно к разноплановым влияниям на него, как со стороны официальных, так и со стороны неофициальных институтов.

Рискованное поведение подростков может быть обусловлено разными причинами: они могут попасть в опасное положение, поскольку не сознают еще степень риска своего поведения. Им может не хватать правовой информации (предупреждения взрослых либо не эффективны, либо на них не обращается внимание). Многие подростки с рискованным поведением сосредотачиваются на нем только потому, чтобы заработать авторитет у референтной группы, либо освободиться от запретов. Такое объяснение согласуется с предложенными Элкиндом (Elkind, 1977) понятиями воображаемой аудитории и персонального мира. Элкинд полагал, что персональные миры наделяют подростков уверенностью в том, будто с ними не может случиться ничего негативного [63, с. 214].

С учетом выявленных закономерностей, мы разработали модель перспективного влияния на правовое поведение. Первый элемент – это создание социально-экономических условий жизнедеятельности несовершеннолетних, соответствующих международным стандартам достойной жизни. Большинство случает (более 70 %) противоправного поведения зарегистрировано среди подростков из социально и экономически неблагополучных семей (неполных, свободных, отличающихся низким уровнем культуры и достатка). В поддержке нуждаются семьи безработных, имеющие несовершеннолетних.

Особый разряд семей составляют дисфункциональные (неблагополучные) семьи. Это семьи алкоголиков, наркоманов, правонарушителей и др.

По данным МВД России, на учете в органах милиции находятся свыше 820 тысяч подростков-правонарушителей и 118 тысяч родителей, отрицательно влияющих на поведение детей. В 30 % неблагополучных семей систематически злоупотребляют спиртными напитками, в 40 % - устраивают скандалы, ведут антиобщественный образ жизни. Спасаясь от жестокого обращения и насилия, около 54 тысяч подростков ежегодно уходят из дома (дромоманы), 3 тысяч кончают жизнь самоубийством.

Мониторинговое исследование социально-экономического потенциала семей в 2005 г. показало, что общество практически перешагнуло допустимый рубеж имущественной дифференциации (децильный разрыв) (показатель социальной стабильности составил 28 при крайне допустимом значении 70) и стало социально дестабилизированным.

Второй элемент модели – это субъекты, оказывающие воздействие на правовое поведение несовершеннолетних: неофициальные (семья, близкие люди, неформальные общественные объединения, в том числе различного родаподростковые группы, компании), официальные (государственные органы, учреждения, зарегистрированные общественные объединения, а также их представители).

По нашему мнению, основное место в формировании личности подростка занимает семейное воспитание. В то же время, по мере взросления, он все больше времени проводит вне семьи и ее влияние постепенно снижается. Этот факт должен учитываться официальными субъектами при моделировании подготовки специалиста к работе с несовершеннолетними.

Ряд исследований (Л.И. Божович, Я.Л. Коломинский, А. Тубемский и др.) показывают, что одним из наиболее эффективных способов формирования правомерного правового поведения подростков является привлечение их к участию в детских общественных объединениях [6, с. 320].

В федеральном законе «Об общественных объединениях», в ст. 5 записано: «это добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов, для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения».

Сегодня детское общественное объединение – это общность действий, направленных на достижение социально значимой цели, на развитие социального творчества детей, на изменение их жизнедеятельности, на социальное становление их личности.

Поддержанные нормативно-правовыми государственными законами «Об общественных объединениях» (1990 г.), «О поддержке молодежных и детских общественных объединений» (1996 г.), «Об образовании» (1998 г.), а также региональными правовыми актами, детские общественные объединения возникают, оформляются, действуют, реализуют свои огромные воспитательные возможности [29, с. 24].

Третий элемент модели – различные средства воздействия на поведение несовершеннолетних. К средствам мы относим любые явления и об-

стоятельства, с помощью которых возможно осуществить корректировку поведения несовершеннолетних – экономические, психологические, социально-биологические явления и обстоятельства. Экономические средства выделяются и рассматриваются с точки зрения материального воздействия на поведение подростков, через создание соответствующих условий жизни и использования других средств.

Психологические средства – это факторы, с помощью которых оказывается влияние на внутреннюю форму поведения подростков: использование информационных моделей (содержащих систему аддикторов и аттракторов, способствующих фиксации в сознании подростка стереотипов правомерного поведения), рекламы, кино, художественной и учебной литературы и т.д.

Социально-биологические средства – это специальная коррекция невменяемых, социально и педагогически запущенных детей.

Четвертый элемент модели – это определенные формы воздействия на поведение несовершеннолетних. Мы выделяем юридические и неюридические формы. К юридическим формам относятся правотворчество и правореализация. При их рассмотрении акцентируется внимание на необходимость согласования права с псевдомононормами подростковой жизни путем их возможной ассимиляции. Среди неюридических (организованных) форм особое внимание уделяется организации досуга несовершеннолетних, использованию для этого существующих и вновь создаваемых формальных организаций.

Пятый элемент – это методы воздействия на поведение несовершеннолетних. Мы подразделяем все способы влияния на подростков на побудительно-воспитательные и принудительно-воспитательные. В качестве побудительно-воспитательных методов мы рассматриваем убеждения, позитивное и негативное стимулирование.

Принудительно-воспитательные методы включают способы психического, физического и материального принуждения.

Таким образом, к перспективным направлениям совершенствования деятельности государства, позволяющим обеспечить высокий уровень правомерного поведения несовершеннолетних, мы относим:

1. Неформальное усиление внимания государства к проблемам семьи, материнства и детства, государственная политика должна быть сориентирована на семью таким образом, чтобы ее благосостояние обеспечивало достойный уровень жизни, который позволял бы одному

из супругов не работать, заниматься организацией семейной жизни, быта, воспитанием детей.

2. Реформа органов и учреждений, занимающихся воспитанием подростков. Здесь необходимо создать качественный кадровый состав и механизм, исключающий формирование негативных правовых установок в рамках данных учреждений.

3. Реанимация и создание перспективных форм организации досуга несовершеннолетних, позволяющих контролировать и корректировать их поведение.

4. Создание механизмов, демпфирующих и блокирующих домашнее и уличное насилие (создание специальных ювенальных служб по защите несовершеннолетних, в том числе ювенальной юстиции).

5. Формирование законодательства, затрагивающего права и обязанности несовершеннолетних, технико-юридические свойства которого должны обеспечивать поглощение, реструктуризацию, либо нейтрализацию подростковых псевдомононорм.

Использованные источники

1. Авдуевская (Белинская) Е.П., Баклушинский С.А. Особенности социализации подростка в условиях быстрых социальных изменений // Ценностно-нормативные ориентации старшеклассника. Труды по социологии образования. Том Ш. Выпуск IУ. М., 2005. – С. 118-132.
2. Агеева Е.А. Юридическая ответственность в государственном управлении: (Социал.-правовой аспект) / Е. А. Агеева. – Л.: Изд-воЛГУ, 1990. – 141 с.
3. Алемаскин, М.А. Воспитательная работа с подростками: учебно-методическое пособие / М.А. Алемаскин. - М.: Знание, 1979. - 393 с.
4. Амосова А.В., Амосова В.Б. Особенности девиантного поведения несовершеннолетних и его профилактика // Социальные технологии в различных сферах жизнедеятельности: теория и практика. – Сборник научных статей. – М., 2007. – С. 49-51.
5. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. - М.: Педагогика, 1980. - Т. 1. – 287 с.
6. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. - М.: Просвещение, 1968. – 464 с.

7. Бородулин В.И. Сиденгем Т. Большая медицинская энциклопедия. 3 изд. М., 1984. Т.23. – 703 с.
8. Василькова, Ю.В.Социальная педагогика : курс лекций : учебное пособие / Ю.В. Василькова, Т.А. Василькова. – 5-е издание, стереотипное. – Москва : Академия, 2006. – 440 с.
9. Венгер Л.А. Возрастная психология //Большая советская энциклопедия. Том 5. М., 1971. – С. 270.
10. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов. – М., 2006. – 607 с.
11. Волков А.Н. Педагогические условия воспитания детей «группы риска» в учреждениях дополнительного образования спортивного профиля: Дисс… канд. пед. наук. - М., 2014. – 216 с.
12. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970.– 856 с.
13. Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учеб. Пособие. СПб: СПбФ ИС РАН, 1993. - 167 с.
14. Давыдов Ю.Н. Рок: музыка? Субкультура? Стиль жизни?: Обсуждение за «круглым столом» редакции // Социологические исследования. – 1997. - № 6. – С. 32-40.
15. Дунаевский В.В., Стяжкин В.Д., Наркомании и токсикомании.— Л.: Медицина,1990. – 208 с.
16. Дюркгейм Э. Социология образования / Пер. с франц. Т. Г. Астаховой / Под науч. ред. В. С. Собкина, В. Я. Нечаева. — М.: ИНТОР, 1996– 213 с.
17. Завьялов, В.Ю. Мотивация потребления алкоголя у больных алкоголизмом и у здоровых // Психологический журнал. 1986. - № 5. – С. 102-111.
18. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.
19. Исаев Д. Девиантное поведение детей и подростков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.narcom.ru/parents/parents/9.html.
20. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А. М. Арсеньева; сост. П. А. Лебедев; Акад. пед. наук СССР. — М.: Педагогика, 1982. — 703 с.
21. Ковалев В. В. Психиатрия детского возраста. – М.: Медицина, 1995. – 560 с.

22. Ковалев А.Г., Мясищев В.Н. Темперамент и характер // Психология индивидуальных различий. Тексты. - М., 1982. – 156 с.
23. Кон И.С. Психология ранней юности. М., Просвещение, 1989. – 256 с.
24. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия.- Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999.- 420 с.
25. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. - М., 1965. – 234 с.
26. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982.– 287 с.
27. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации: причины, механизмы и пути преодоления / В. Н. Кудрявцев. - М.: ИГПАН, 1992. – 133 с.
28. Кулапов В.Л. Правомерное поведение и правонарушение// Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. - М., 2001. – 630 с.
29. Лебедев Д. Детское общественное движение переходного периода. Тенденции, противоречия, перспективы // Внешкольник. – 1999. - № 5. – С. 23-25.
30. Лемерт Э Социальная патология // Контексты современности. Пер. с англ. Казань: АБАК, 1998. – С. 58-61.
31. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. – М.: ООО АПРЕЛЬ ПРЕСС; ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 246 с.
32. Личко А. Е., Битенский В. С. Подростковая наркология. - Л., Медицина, 1991. – 304 с.
33. Ломброзо Ч. Анархисты. Криминально-психологический и социологический очерк / Пер. с 2-ш иг. изд., доп.- Лейпциг-СПб.: Мысль, А.Миллер, 1907. – 454 с.
34. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии, 1992. - № 3. – С. 39-52.
35. Марченко, М.Н. Теория государства и права : Учебник / М.Н. Марченко, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак..– 2-е изд. – М.: Проспект, 2003. – 736 с.
36. Матюшкина А.А. Творческое мышление как предмет исследования в отечественной психологии: научные школы О.К. Тихомирова, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2008. - № 2. - С. 102–112.

37.Мертон Р. Социальная теория и социальная структура Текст. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
38.Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. Учебное пособие. - М.: Институт практической психологии. 1997. – 365 с.
39.Мудрик А.В. Виктимология. - М.: "Магистр", 1992. - 524 с.
40.Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Издательский центр «Академия», 2000. - 200 с.
41.Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. Киев: Наукова Думка, 1985.– 507 с.
42.Полубинский В.И. Криминальная виктимология. Что это такое? М.: Знание, 1977. – 246 с.
43. Общая теория права и государства. Под ред. Лазарева В.В. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2001. – 520 с.
44.Павлов, И.П. Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности. – Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1950. – 387 с.
45.Пелипас В.Е., Мирошниченко Л.Д. Состояние проблемы наркотиков и наркоманий в РФ // Вопросы наркологии. 1992. - № 3-4. – С. 91-95.
46.Портнов А.А. Пятницкая И.Н. Клиника алкоголизма. Л.: Медицина, 1977. – 326 с.
47.Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. - Л.: Изд-во Высшего политического училища МВД СССР, 1975. - 315 с.
48.Роджерс К. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. - 2001. - № 2. – С. 48-58.
49.Рожков М.И., Байбородова Л.В.Организация воспитательного процесса в школе: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. — М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 2000. — 256 с.
50.Розин В.М. Мышление в контексте современности // Общественные науки и современность. – 2001. - № 5. – С. 56-75.
51.Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х томах. Том II (М-Я) / гл. ред. В.В. Давыдов. - М.: Большая российская энциклопедия, 1999. - 560 с.
52.Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю.Н. Давыдов и др. –М. : Политиздат, 1990. – 432 с.

53.Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
54.Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. – 704 с.
55.Теория государства и права: учеб. / А.В. Мелехин. — М.: Маркет ДС, 2007. — 640 с.
56.Трофимов С.В. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления против личности на почве семейно-бытовых отношений // Проблемы изучения личности правонарушителя. - М.: Изд-во МГУ, 1984. – С.79-88.
57.Усенкова Е.В. Педагогические условия формирования нравственной устойчивости подростков, склонных к аддиктивному поведению: Дисс… канд. пед. наук. - Владимир, 2014. – 214 с.
58.Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. - Душанбе: Ирфон, 1977.– 412 с.
59.Фромм Э. Бегство от свободы. - М.: Олимп, ООО «Издательство АСТ-ЛТД». 1998. – 287 с.
60.Хохряков Г.Ф. Криминология. - М.: Юрист, 1999. – 213 с.
61.Щербакова Л.Ю. Виктимологический аспект преступности: современная теория и практика: Дисс… канд. юрид. наук. - СПб, 2005. – 216 с.
62.Четвериков Д.В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности: Дисс… д. психол. наук. - Новосибирск, 2002.– 382 с.
63.Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. - М.: Когито-центр – 289 с.
64.BurianW. Das Mödlinger Modell. Diepsychodynamische Behandlungder Drogen abhängigheitund die Arbeitin der therapeutischen Gemeinschaft // Suchtkrankheit. Das Kalksburger Modell und die Eutwichlung der Behandlung Abhangiger. Vien: Springer Verlag, 1994. – 415 p.
65.Khantzian E. J. Self-regulation and self-medication factors in alcoholism and the addictions. Similarities and differences // Recent Developments in Alcoholism. O 1990. O Vol. 8. O P. – 271 p.
66.Marlatt G.A. (1985). Cognitive factors in the relapse process. In G.A.Marital& J.R. – 189 p.

Глава 4. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНЫХ ФОРМ СЕКСУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сексуальное поведение подрастающего поколения: особенности и тенденции

Вопрос о том, какое сексуальное поведение несовершеннолетних сегодня следует расценивать как деструктивное, является сегодня открытым. Четких определений и содержательных типологий такого рода активности несовершеннолетних мы не обнаружили. И это вполне объяснимо: представителям различных областей знания (правоведам, психологам, медикам, педагогам) трудно договориться, какую сексуальную активность подростков считать нормативной, а какую – нарушающей существующие требования и ожидания, так как эти нормы по-разному понимаются юристами, психологами, медиками, педагогами. К тому же следует учесть, что применительно к несовершеннолетним необходимо использовать несколько видов норм: 1) возрастную, фиксирующую типичный уровень психосексуального развития и сексуальных установок для данного возраста; 2) статистическую – наиболее распространенную для определенного возрастного массива; 3) индивидуальную, регистрирующую характер индивидуального психосексуального развития относительно самого себя.

В психолого-педагогической литературе литературе ненормативное сексуальное поведение (половая распущенность, проституция, сексуальные преступления) обычно связывается с изъянами в нравственном воспитании, моральном сознании личности или с её дезадаптацией [12, с. 119; 24, с. 27; 35, с. 260-275].

Клинический подход [9] применительно к несовершеннолетним делает попытку дифференцировать нормальные проявления детско-подростковой сексуальности и её патологические формы. К патологии относятся: раннее появление не соответствующих возрасту форм сексуальной активности; чрезмерная выраженность и длительность сексуальных проявлений; циничность, обнаженность сексуальных проявлений; необычность и вычурность сексуальных проявлений. С клинических позиций об отклоняющемся сексуальном поведении несовершеннолетних свидетельствуют количественные (гиперсексуальность, гипосексуальность, гипермаскулинное и гиперфеминное поведение, онанизм, петтинг, фроттаж, орально-генитальные контакты, ранняя половая жизнь, промискуитет, проституция) и качественные (нарциссизм, эксгибиционизм, визионизм, зоофилия, фетишизм, трансве-

стизм, подростковый гомосексуализм, педофилия, геронтофилия) расстройства полового влечения [9, с. 350-364]

Правоведы, в зависимости от степени деморализации, выделяют половую распущенность и занятие проституцией как особые виды антиобщественного поведения в половой сфере, при этом особняком ставят сексуальные преступления как чисто криминальные деяния [5, с. 8; 7, с. 10; 13].

Особым признаком половой распущенности как отклоняющегося от принятых сексуально-нравственных стандартов типа поведения является беспорядочный, случайный характер половых контактов. Причем вступление в половую связь, как правило, не связано с удовлетворением физиологической потребности, а также не приносит материальных выгод. Данное сексуальное поведение обычно связывается с определенным образом жизни, характеризующимся непродолжительностью знакомства до вступления в половые сношения, обусловленностью половой связи во многих случаях состоянием алкогольного или наркотического опьянения, индифферентным отношением к своим половым партнерам, беспечным отношением к последствиям половой связи и т. д. Данный тип сексуального поведения образует своего рода определенный стиль, образ жизни, который может или закрепиться как доминантный, или же перейти в другую, более глубокую фазу половой деморализации – проституцию.

В современной юридической литературе нет единого взгляда на понятие «проституция». Так, А.Н. Игнатов считает, что занятие проституцией представляет собой систематическое вступление в половые отношения с различными мужчинами за обусловленное вознаграждение материального характера [13, с. 227-228].

К.К. Горяинов, А.А. Коровин, Э.Ф. Побегайло, кроме базисного признака занятия проституцией – получения материального вознаграждения, которое является основным или побочным источником существования, выделяют еще несколько: неоднократность или систематичность, т.е. вступление в половые контакты более одного раза (неоднократность), либо не менее трех раз (систематичность) в течение определенного промежутка времени; доступность проститутки всем желающим удовлетворить половую потребность за плату [7, с. 11 -12].

Таким образом, «отличие проституции от половой распущенности заключается, – как справедливо подчеркивает М.И. Арсеньева, – как в мотивации, так и в социальном содержании сексуального поведения» [5, с. 8].

В юриспруденции утвердился взгляд на проституцию как на особый вид социально отклоняющегося поведения, квалифицируемый как вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, а ее

главными особенностям общепризнанно считаются следующие: безличный (отчужденный) и возмездный (платный) характер сексуальных отношений [27, с. 75, 100].

Сексуальные посягательства являются предметом внимания как юриспруденции, так и медицины,

С медицинской точки зрения, сексуальные преступления – это такие действия, в основе которых лежит мотивация удовлетворения сексуальной потребности. Юридическая наука в сексуальные преступления включает только такие действия, которые объективно вызывают сексуальный результат, а не ограничиваются областью субъективных психосексуальных влечений и эмоций. Итак, с правовой точки зрения, сексуальное преступление – это особый тип полового поведения, который запрещен уголовным законодательством (изнасилование, кровосмешение, сексуальное убийство и др.).

Наконец, к социально отклоняющимся видам полового поведения нередко относят половые извращения (перверсии) – любые превратившиеся в систему формы половой жизни с лицом того же пола или с лицом иного пола, не достигшим физической или психологической зрелости, не осознающим смысла происходящего, или с применением насилия, а также любые сексуальные действия с животными или предметами. Понятно, что некоторые из перверсий непосредственно могут трактоваться как сексуальные преступления (например, развратные действия в отношении несовершеннолетних, изнасилования и попытки к ним и т.д.); квалификация же других, ввиду особой сложности их природы и неоднозначной степени влияния как на самого носителя извращения, так и на социальное окружение, затруднена. Сейчас в качестве замены понятию «перверсия» стал активно использоваться термин «парафилия», «чтобы подчеркнуть биологические, медицинские аспекты отклонений полового влечения, а не фиксировать внимание только на нарушениях половых предписаний общества» [4, с. 38].

В отношении несовершеннолетних идентификация парафилий представляет еще большую сложность, нежели у взрослых. Исследования показывают, что совершаемые детьми и подростками действия, внешне сходные с проявлениями парафилий, есть нормальная возрастная поведенческая реакция, носящая характер даже не сексуального, а социального экспериментирования – нарушения установленных норм и правил с целью их проверки и познания [16, с.199-200; 22, с. 67-72]. Безусловно, в таком поведении присутствует и непосредственная сексуальная компонента, однако ее интегрированность в общую поведенческую активность достигает такой степени, какая не дает возможности однозначно оценить ее как отклоняющуюся или нормотипическую. Разумеется, нельзя и недооценивать роль

парафилий в формировании психосексуального портрета личности, тем более что некоторые из них, развиваясь вкупе с другими факторами, приводят к опаснейшим нарушениям правопорядка. «Именно аномалии сексуальности, и прежде всего парафилии, – заявляют Ю.М. Антонян и А.А. Ткаченко, – почти однозначно ведут к совершению уголовно наказуемых деяний, ибо нет извращения без активности, нарушающей половые стандарты» [4, с. 47].

Как видим, серьезные разночтения в трактовке как самого понятия «отклоняющееся сексуальное поведение», так и сопряженных с ним терминов, раскрывающих значение тех или иных конкретных его проявлений, до сих пор являются сдерживающим фактором для его целостного анализа. Очевидно, что отклоняющееся сексуальное поведение не может быть адекватно объяснено ни как правовое, медицинское, или психолого-педагогическое явление.

Выраженная здесь точка зрения исходит из предположения, что отклоняющееся поведение носит деструктивный характер лишь тогда, когда оно противоречит творческому общественному, групповому и (или) личностному развитию.

Соответственно, сексуальная деструктивность – такая форма выражения психосексуальной энергии, которая мешает или идет вразрез с творческим развертыванием общественной, групповой и (или) личностной структуры. Таким образом, сексуальная деструктивность может рассматриваться в качестве общественного, группового или личностного синдрома, несущего деформированную психосексуальную энергию.

В зависимости от ее мощности, интенциональности, характера и степени воздействия на те или иные названные структуры, можно условно выделить три вида сексуальной деструктивности: тотальную, локальную и латентную.

При тотальной сексуальной деструктивности негативная психосексуальная энергия полностью перестраивает базальные основы той или иной структуры, ориентируя ее исключительно на разрушительные процессы. При локальной сексуальной деструктивности отрицательная психосексуальная энергия затрагивает лишь отдельные звенья, компоненты той или иной структуры, жестко не детерминируя ее разрушительные действия. Наконец, при латентной сексуальной деструктивности негативная психоэнергия не получает еще своего отчетливого внешнего выражения, лишь внутренне деформируя ту или иную структуру.

Подобная типология позволяет по-новому взглянуть на природу отклоняющегося сексуального поведения, под эгидой которого сейчас собра-

ны разнопорядковые явления: половая распущенность, промискуитет, проституция, парафилии, сексуальные преступления и т.д.

Исходя из нашей концепции, важна не столько их описательная, формальная характеристика, сколько их соотнесенность с глубинными онтологическими процессами, инициирующими поведенческую модальность в бесконечности ее конкретных проявлений.

Проследить диалектику возникновения и развития деструктивных сексуальных тенденций возможно на разных уровнях: макро-, мезо-, микро- и, наконец, на уровне конкретной личности. Последний уровень является, по нашему мнению, одновременно и исходной, и конечной инстанцией, мерой для осмысления любых человеческих феноменов, а также разноплановых социальных явлений и процессов.

Без принятия во внимание природы каждой личности мы не сможем подняться и до каких-то обобщающих, парадигмальных гипотез и теорий. Поэтому ключ к постижению сущности любого человеческого феномена лежит в структуре отдельной личности.

Применительно к нашему исследованию это означает, что аутентичные причины и движущие силы сексуальной деструктивности погружены в глубинные пласты личности, процесс создания которых происходит наиболее интенсивно в начальные фазы развития субъектности. Поэтому, чем объективнее и точнее будут воссозданы стартовые условия формирования личности, тем будет легче идентифицировать ее нынешнее состояние, а также прогнозировать наиболее вероятностную поведенческую стратегию.

Сексуальная деструктивность на уровне индивида подросткового возраста каузально может восходить к трем группам базальных факторов: травматическим переживаниям в пре-, пери- и постнатальный период развития. Если последняя группа факторов, выражающаяся травматизацией (как физической, так и психической) в период раннего онтогенеза, достаточно скрупулезно проработана представителями психоаналитической школы и наконец-то, с разными оговорками, признана и отечественной наукой, то указанные первые две группы до сих пор почти не принимались в расчет при изучении проявлений сексуальной агрессии у подростков.

Между тем исследования показывают, что в период внутриутробного развития образуется так называемая «пренатальная общность» как особая неразрывная система взаимоотношений женщины с окружающим миром и ожидаемым ей ребенком. В медицинской практике давно замечено, что любые травмирующие воздействия (неблагоприятные эко- и социоусловия, заболевания, стрессы и т.д.), испытываемые во время беременности, синхронно

неблагоприятно сказываются на психофизическом состоянии плода. Последние данные свидетельствуют, что в пренатальный период ребенок приобретает онтологически значимый психический опыт, сопряженный с принятием-непринятием зародившейся новой жизни беременной женщиной. Этот опыт в перспективе определит исходное доверие-недоверие к окружающему. С этим опытом (присутствия в пренатальной общности) он приходит к событию не меньшей фундаментальной значимости – появлению на свет, событию, которое является первопричиной для возникновения и развития многих отклонений, в том числе и психосексуальных девиаций.

По мнению отдельных ученых [28], большинство событий, которые индивид переживает как травматические, так или иначе связано с патогенностью биологического рождения. Тогда деструктивная мотивация возникает как постоянная тенденция к отреагированию родовой травмы. Развивая идеи О. Ранка, С. Гроф говорит о том, что процесс рождения, вытесненный в сферу бессознательного и находясь в ней в виде особых перинатальных матриц, при их декодировании дает объяснение многим загадочным поведенческим проявлениям. Согласно теории Грофа, большая часть случаев отклоняющегося поведения в сексуальной сфере имеет явное перинатальное и трансперсональное (переживания индивида, выходящие за пределы Эго, - например, связанные с идентификацией с различными растениями, животными, мифологическими существами, кумулирующие опыт предыдущих воплощений и т.д.) происхождение [8, с. 230-254].

При анализе случаев сексуальной деструкции следует учитывать и тот факт, что в нервной системе человека центры, контролирующие агрессивные реакции, расположены в непосредственной близости от областей, отвечающих за сексуальность. Естественно, что стимуляция одного из них может передаваться на другой, синергетически подкрепляя друг друга.

Данное положение приобретает особый смысл при оценке тех изначальных стартовых ситуаций, запускающих механизмы насилия. Сюда мы относим механизм импринтирования деструктивности, возникающий в форме импринтинговой памяти о патогенном внутриутробном развитии и подкрепляемый агрессивно окрашенными биографическими импринтингами из раннего онтогенеза.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что «принятие» личностью в критические фазы психосексуального развития (в пре-, постнатальные периоды) информации, связанной с сексуальным насилием (агрессивный сексимпринтинг) инициирует интенцию поведения на объект первичной инфомации.

Весь ход предыдущих и последующих рассуждений навел нас на мысль о многослойной, многосоставной природе сексуальной деструктивности (в том числе и в пубертате), подлинное изучение которой только разворачивается.

Понятно, что высказанная нами точка зрения носит сугубо гипотетический характер, не претендуя на окончательность или, тем более, универсальность.

Теперь попытаемся уточнить особенности сексуальной активности несовершеннолетних.

Как отмечает большинство специалистов [1, с.143-154; 10, с. 67-68; 29, с. 102-103; 30, с. 106-108], динамика психосексуального поведения современной российской молодежи характеризуется наращиванием деструктивных явлений.

Ситуация, возникшая в последние годы с распространением в детско-подростковой среде заболеваний, передающихся половым путем, близка к эпидемиологической. Наиболее негативные тенденции обнаруживаются у детей до 14 лет. Однако число ЗППП у подростков гораздо выше, чем у детей, а по некоторым болезням превосходит показатели взрослых в 1,3 – 1,9 раза. Опасность заключается не только в факте беспрецедентного роста ЗППП, но и в том, что формируются постоянные эпидемиологические каналы распространения заболеваний, что может в ближайшем будущем создать условия для лавинообразного увеличения ВИЧ – инфицированных [10, с. 70].

Бурный рост ЗППП в детско-подростковой популяции сопряжен с тенденцией омоложения первых сексуальных контактов. По данным международной гуманитарной организации «Врачи без границ», в России к 15 годам опыт интимной жизни имеют 28 процентов мальчиков и 15 процентов девочек. К 17 годам - уже 37 и 26 процентов соответственно. Раннее начало половой жизни у подростков сопровождается ее восприятием в примитивно-вульгаризированной форме. По нашим наблюдениям (в анкетировании принимало участие 305 старшеклассников г. Владимира), 72 % юношей и 43 % девушек не связывают половую жизнь с браком и любовью. Многие из опрошенных реально не представляют меру опасности от ЗППП. На вопрос «Что вы сделаете, если появились признаки ЗППП?» ответили, что обратятся к врачу 84 % школьников и 94 % школьниц, 11 % юношей и 5 % девушек займутся самолечением, а 6 % от всего протестированного массива заявили, что болезнь пройдет сама.

Проинтервьюированные нами специалисты (подростковые наркологи, гинекологи и врачи кожвендиспансера) отмечали, что подростки плохо

информированы в вопросах безопасности половых отношений, инфекций, передающихся половым путем, осложнений и последствий операций аборта, часто не задумываются о том, что их здоровье в настоящем окажет влияние на здоровье их будущих детей.

Согласно результатам различных исследований (В.С. Собкин, Н.И. Кузнецова, И.В. Журавлева и др.), первый сексуальный опыт подростков все чаще сопровождается насилием. Среди наших реципиентов об этом заявили 22 % девушек и 3 % юношей.

Тот факт, что брутальностью пропитываются первые сексуальные контакты подростков косвенно подтверждают и данные криминальной статистики: каждое 6-е изнасилование совершается несовершеннолетними, каждое 3-е групповое изнасилование - либо ими, либо при их участии [32, с. 72-73].

Наращивание агрессивной составляющей в психосексуальном поведении несовершеннолетних – яркий, но не единственный показатель, свидетельствующий о радикальной трансформации норм, регулирующих такого рода поведение. В настоящий момент произошла смена доминантного паттерна сексуального поведения подростков. Старые нормы, его выражающие, требовали скрывать интерес к определенному лицу противоположного пола и свои отношения с этим лицом. Сегодня норма сокрытости уступила место норме демонстрации, согласно которой вся событийность, касающаяся взаимоотношений между полами в молодежной среде, является предметом открытого, обыденного обсуждения [32, с. 72-73].

Среди подростков резко снижается ценность сохранения девственности до вступления в брак, причем это становится характерным не только для мальчиков, но и для девочек.

По данным нашего опроса, безоговорочно поддерживают мнение о том, что девушка не должна заниматься сексом до замужества только 11 % мальчиков и 25 % девочек. Симптоматично, что этих же норм школьники придерживаются и в отношении себя (13 % среди мальчиков и 25 % среди девочек). Аналогично подростки оценивают и позицию своих друзей: лишь 4 % юношей указывают, что друзья склонны поддерживать их стремление не вступать в половые связи до женитьбы, а среди девушек подобную точку зрения свих подруг отмечают 12 %.

Девальвируются и другие нормы, регулирующие сексуальные отношения в подростковой когорте. 28 % протестированных юношей и 36 % девушек достаточно терпимо относятся к большинству сексуальных девиаций, в том числе и к гомоэротизму. 81 % респондентов и 52 % респон-

денток не осуждает случайный секс. Считает допустимым для себя участие в групповом сексе 38 % старшеклассников и 27 % старшеклассниц, в занятии сексом за деньги или иное вознаграждение - соответственно 12 % суггерентов и 18 % суггеренток.

Более того, почти треть всего изученного массива (29 %) относится к проституции не как к постыдному занятию, а как к обычному или даже престижному бизнесу.

Точное число детей, включенных в него неизвестно, однако специалисты считают, что в России имеется примерно 200-300 тысяч несовершеннолетних, регулярно торгующих своим телом. Среди них большинство составляют девочки, но в последнее время неуклонно увеличивается и количество мальчиков. Расширяется ассортимент предлагаемых сексуальных услуг, идет интенсивный процесс криминализации детей, вовлеченных в эту деятельность.

Еще одной формой сексуальной эксплуатации детей стало их использование в создании порнопродукции. По неофициальным подсчетам, доля российской детской порнографии в платных сайтах мирового Интернета составляет более половины от имеющейся там такого рода информации.

В России до сих пор нет закона, регламентирующего производство и распространение продукции сексуального характера. В отличие от цивилизованных стран, понятие «детская порнография» в Уголовном Кодексе отсутствует, между тем законодателями принята поправка, позволяющая не привлекать к ответственности взрослых, если они вступили в непринудительные сексуальные контакты с лицами старше 16 лет.

Начиная в 2000 г. в нашей стране официально регистрируется в год свыше 20 тыс. преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Эксперты полагают, что реально их минимум в 8-10 раз больше, так как они обладают высокой степенью латентности. Особенно сложно выявить детей, подвергшихся сексуальному злоупотреблению в семье, где границы между подходящим и не подходящим поведением расплывчаты, и порой трудно определить, в каких случаях речь идет о проявлении родительской любви, а в каких – о непозволительной сексуальной стимуляции.

Семья как древнейший институт воспитания, по единодушному мнению отечественных специалистов, переживает не лучшие времена. Об этом свидетельствуют такие тренды, как падение брачности, снижение рождаемости, рост разводов, бездетных семей, повторных браков, внебрачной рождаемости, альтернативных союзов и др. Кризисное состояние совре-

менной российской семьи отражается на детско-родительских отношениях, в которые активно вторгается дух прагматизма и индивидуализма, девальвируя традиционные семейные ценности (целомудрие, трудолюбие, нестяжательство, добротолюбие и др.), атомизируя членов семейной структуры.

Как свидетельствуют результаты исследований (в том числе и наших), для многих современных родителей характерно состояние неуверенности в завтрашнем дне, ощущение неустойчивости, зыбкости, временности созданной семьи. Значительное число родителей затрудняются в выборе воспитательных средств, склонны бессознательно использовать ребенка в качестве защиты от собственных неудач, страхов, чувств вины и стыда.

Фрустрированные родители привыкают «разряжаться» на детях, применяя различные виды насилия. В психологии принято считать, что в основе любой формы насилия лежит эмоциональное отвержение (депривация) родителями ребенка. Одним из радикальных способов экспликации отвержения признается сексуальное насилие – инцест.

Основным последствием пережитого в детстве инцеста исследователи считают утрату базового доверия к себе и миру, которая сопровождается виктимизацией личности, нарушением Я-концепции, повышенной склонностью к девиантной активности, неврозам и депрессии, трудностями в социальном общении, гендерной социализации. Жертвам хронической сексуальной травматизации присущ синдром неопределенности эмоциональных и телесных границ. Ребенок с диффузными эмоциональными границами не в состоянии распознать эротическую природу проявляемого к нему интереса. Сексуальные посягательства могут восприниматься им как проявление родительской любви, заботы, внимания. А размытые телесные границы лишают его возможности вовремя распознать сексуальное вторжение, а значит, оказать ему отпор.

Судя по имеющемуся в нашем распоряжении эмпирическому материалу, названные личностные расстройства могут возникать не только под влиянием пережитого в детстве инцеста. Их способна вызвать и его более смягченная форма – сексуальное злоупотребление – ненасильственное использование ребенка в качестве сексуального объекта для удовлетворения как сексуальных, так и внесексуальных потребностей родителей. Сексуальным злоупотреблением признается не соответствующая возрастным особенностям сексуальная стимуляция, например, показ порнографических фотографий, игры сексуального содержания, появление перед ребенком в обнаженном виде, разговоры о сексуальности и др.

Установить случаи сексуального злоупотребления чрезвычайно сложно, тем не менее, по имеющимся у нас данным, число школьников, оказавшихся его жертвами, имеет устойчивую тенденцию к росту.

Одно из возможных объяснений данному факту – появление в нашей стране постмодернистской семьи. Постмодернизм характеризует отказ от идеи целостности, иерархической структурности, центрированности, гармоничной упорядоченности мира, его осмысленности. В постмодернистском обществе информация заменяет производство, социальные роли размываются, социальные институты подстраиваются под потребности людей; в нем царствует гедонистический и персонифицированный индивидуализм, грубая чувственность, страх перед старостью и смертью.

Постмодернистский проект провозглашает тотальную деконструкцию абсолютных ценностей и смыслов бытия. Он исходит из того, что часть всегда права перед целым; индивид – перед обществом; свобода – перед ответственностью; субъективное самовыражение важнее объективной истины, которой, впрочем, и не существует. Постмодернизм утверждает относительность норм и идеалов, что логически приводит к легитимации отклоняющегося поведения (например, употребления наркотиков, проституции). Принцип относительности распространяется на все виды сексуальной активности. Чувственное наслаждение признается важнейшей потребностью человека, которую нельзя ничем ограничивать. Человеку с детских лет внушается, что пол и сексуальные предпочтения могут им свободно выбираться. Общество принудительно бомбардируется сексуальными стимулами – сексуализируется – превращаясь в «абортную культуру» (Д. Собран).

Универсальным символом такого социума является, по меткому замечанию французского философа Жиля Липовецки, нарцисс – человек, который занят только собой и заботится только о собственном благополучии [21].

Нарциссизм, порожденный всеобщим забвением социальных ценностей, предельных целей и смыслов, проникает во все «поры» общества: политику, экономику, науку, искусство, коммуникации, быт. В рамках семейной структуры нарциссизм проявляется в интенсификации гедонистических установок супругов, эротической составляющей отношений, в которую втягиваются и дети. Известный американский психоаналитик Сэнди Хотчис подчеркивает: «Характерный симптом нашего времени, связанный с расцветом нарциссизма, заключается в том, что взрослым разрешено всеми способами, открыто, неограниченно и вульгарно на глазах у детей возбуждать собственную похоть, игнорируя тот факт, что это оказывает

пагубное влияние на детей и все, что их окружает» [38, с. 232]. По справедливому замечанию Хотчис, гиперстимуляция детской сексуальности посредством того, что они видят и слышат дома, представляет собой разновидность эмоционального инцеста, который может принести не меньше вреда, чем физический инцест. Иногда взрослому человеку бывает гораздо сложнее вспомнить и проработать такой инцест, ибо не существует более травмирующего фактора, чем семейная атмосфера, поощряющая неопределенность границ, которая дает возможность взрослому так или иначе получать удовлетворение за счет ребенка [38, с. 233].

Таким образом, постмодернистская семья, в которой господствуют нарциссизм и эротическая раскованность, объективно способствует сексуализации детско-родительских отношений. В этой связи перед всеми институтами социализации встает задача трезвой оценки психосексуального здоровья подрастающего поколения и разработки реальных мер его сохранения.

В научной литературе уже давно выявлена зависимость между сексуальной эксплуатацией детей и другими видами девиантного поведения несовершеннолетних. В современной России, по различным оценкам, от половины до 2/3 суицидальных попыток у подростков связаны с первым неудачным опытом половой жизни [33, с. 51-61]. В целях сексуального растления детей обычно используются алкоголь и наркотические препараты, к которым происходит очень быстрое привыкание.

Пагубными последствиями для подвергшегося сексуальному злоупотреблению ребенка кроме названных могут также стать: страх, повышенная агрессивность, соматические или (и) психические заболевания, депрессия, побеги из дома, гипертрофированные чувства вины и стыда, сексуализированное поведение, нарушение половой ориентации, предрасположенность к виктимизации [14, с. 73-74; 18, с. 64; 31, с. 57-59; 39, с. 236].

Таким образом, у сексуально оскорбленного ребенка констатируются серьезные нарушения психосексуального здоровья, полное или парциальное отсутствие мотивации к его сбережению.

Среди обследованного нами контингента 29,8 % девочек сообщили, что уже подвергались сексуальным домогательствам со стороны родственников (отчимов – 7,2 %, отцов – 1,8 %, старших братьев – 2,7 %, сестер – 0,9 %), сожителей матери – 9,4 %, старших сверстников – 17,1 %, незнакомых взрослых – 61,7 %. Причем 36,7 % жертв сексуального злоупотребления оценили совершенные над ними действия как сексуальное насилие. Среди них был проведен особый опрос, который дал следующие результа-

ты. 67,3 % девочек считают, что совершенное над ними сексуальное насилие радикально изменило их последующую жизнь, 16,5% полагают, что оно существенно не повлияло на будущее, а остальные затруднились ответить. Дали ему общую отрицательную оценку – 89,3 %, положительную – 2,4 %.

При совершении сексуального насилия 57,3 % испытывали гнев, боль, страх, ненависть, вину; у 24,5 % кроме этих эмоций еще возникло изумление и неспособность к сопротивлению, а у 10,9 % к тому же запомнились собственно сексуальные ощущения. Подавляющая часть, 89,2 %, не хотела бы снова пережить это событие, если бы можно было вернуть время вспять, 6,2 % затруднились с ответом на этот вопрос, а 4,4 % ответили утвердительно. Не хотели, чтобы подобное повторилось с ними в будущем – 91,3 %, затруднились ответить – 7,2 %, а 1,5 % согласились на это.

У 87,5 % девочек, переживших, по их словам, сексуальное насилие, выявлен высокий уровень тревожности, у 77,3 % - агрессивности, у 72,7 % -патохарактерологические реакции (уход из дома, гиперсексуальность, склонность к интоксикации, самоповреждениям, суицидальным попыткам). У этой группы реципиенток был диагностирован и более высокий показатель соматических заболеваний по сравнению с остальными опрошенными.

О серьезном неблагополучии в психосексуальном здоровье подрастающего поколения говорит и чрезвычайно высокий уровень абортов (более 300 тыс. ежегодно) и родов у несовершеннолетних. Медицинские работники с озабоченностью отмечают, что в структуре ранних беременностей до 60% составляют так называемые случайные, возникшие в результате контакта с неизвестным партнером.

Обращает на себя внимание тот факт, что число абортов и родов у несовершеннолетних было бы еще выше, если бы подростки не стали все чаще использовать контрацептивы. Однако эта тенденция характерна для сексуально активных подростков, живущих в крупных городах. В провинции они по-прежнему негативно относятся к контрацептивам (в нашей выборке таких оказалось 14 %). Главными причинами подобного отношения, как показывают результаты проведенных измерений, являются (в порядке убывания): недостаточная или искаженная информация; мнение о негативном влиянии средств контрацепции на здоровье и их слабой надежности; морально-психологическая неподготовленность; сложности их применения; нежелание партнера; высокая стоимость.

Проведенный анализ литературы показывает, что наращивание негативных тенденций в психосексуальном поведении подростков корреля-

рует и с изменениями, происходящими в структуре их жизненных ценностей. На протяжении последних лет отмечается падение значимости ценности счастливой семейной жизни и законного супружества, резко теряет свою привлекательность и такой личностный стереотип как «хороший семьянин» [34, с. 87].

Материалы, полученные в результате проведенных опросов старшеклассников в 2002- 2016 годах, позволяют убедиться в верности данного вывода.

Ряд исследователей (В.В. Абраменкова, Н.В. Ланина и др.) констатируют, что детская субкультура утрачивает четкие полоролевые границы [2, с. 143-154; 19, с. 3-5]. Происходит переориентация в формировании психологического пола личности ребенка с жестко фиксированной полоролевой модели на более мягкую смешанную (бисексуальную) модель. Сегодня господствует инверсионный тип половой социализации, т.е. маскулинный для девочек и феминный для мальчиков, который негативно отражается на ходе психосексуального развития, детско-родительских отношениях, ролевой структуре семьи, таит в себе опасность для общества в целом, масштабы которой трудно представить.

Результаты проведенного нами опроса старшеклассников показывают, что от девочек-подростков дома требуют послушания, скромности и заботливости, в школе – достижений в умственной и физической деятельности, равных достижениям мальчиков, из средств массовой информации они узнают, что должны быть инициативными, честолюбивыми, независимыми, сексуальными. На фоне повышенной активности, экстравертированности, рациональности девочек мальчикам сложнее сформировать половую идентичность в соответствии с традиционными представлениями о маскулинности, тем более, что сами эталоны мужественности подвергались в последнее время значительной редукции и мало напоминают первичные модели. Такое уравнивание гендерных ролей и сближение стереотипов мужественности и женственности заставляют подростка почувствовать себя бесполым и одиноким существом во враждебном и угрожающем ему мире. Различного рода сложности в процессе гендерной идентификации, как показало тестирование, испытывала и продолжает испытывать треть старшеклассников, которые не умеют устанавливать конструктивные межличностные отношения с ровесниками другого пола. У этой группы старших подростков были выявлены (с помощью опросника Басса-Дарки, методики «Подростки о родителях») и другие личностные проблемы: склонность к обвинениям, эгоцентризм, конфликтные отношения с родителями, учителями, низкая фрустрационная толерантность, нестабильная

самооценка, высокий уровень тревожности, враждебности и агрессивности. Сравнительные результаты по индексу агрессивности отражены в таблице 1.

Таблица 1

Средние результаты факторов агрессивности у старшеклассников, испытывающих и не испытывающих сложности в гендерной идентификации

№	Название фактора	Испытывающие (105 чел.)	Не испытывающие (200 чел.)
1.	Физическая агрессия	6,8	6,3
2.	Косвенная агрессия	5,9	4,3
3.	Раздражительность	6,9	4,6
4.	Негативизм	4,2	3,3
5.	Обида на окружающих	5,1	4,8
6.	Подозрительность	7,5	7,3
7.	Вербальная агрессия	8,6	7,2
8.	Чувство вины	7,9	6,7

Анализируя данные, приведенные в таблице 1, можно сделать вывод о том, что подросткам, с проблемами в гендерной идентификации, свойственен более высокий индекс агрессивности, чем их сверстникам, не имеющим этих проблем.

Усиление влияния инверсионного типа полоролевой социализации происходит на фоне растущей либерализации половой морали, низкого уровня сексуальной культуры, высокой распространенности информации эротической и порнографической направленности, инверсионного поведения взрослых, слабости институтов воспитания, призванных заботиться о психосексуальном здоровье подрастающего поколения.

Возможности минимизации негативного влияния названных факторов на психосексуальное здоровье детей и подростков различны.

Если говорить о ближайшем будущем, то наиболее перспективным видится усиление здоровьесберегающих функций семьи, а также более продуктивное использование здоровьесозидающего потенциала государственных и общественных воспитательных структур.

Современная российская семья, переживающая кризисный период, испытывает большие сложности в вопросах полоролевой социализации ребенка, укрепления его психосексуального здоровья. Озабоченные прогрессирующей инфляцией, безработицей, недостаточным заработком, мно-

гие родители устраняются от проблем полового воспитания детей. Результаты социологических исследований показывают, что больше двух третей родителей никогда не говорили со своими детьми о сексе или делали это эпизодически [10, с. 73; 17, с. 295].

На вопрос “Говорили ли ваши родители с вами на темы полового воспитания?” положительно ответили 36%, отрицательно 54% протестированных нами школьников. Особенно обделены родительским вниманием юноши: если с девушками обсуждали эти вопросы 73% родителей, то с юношами – только 21%.

Как замечают старшеклассники, типичными реакциями родителей на “деликатные” вопросы являлись: перевод разговора на другую тему или, в лучшем случае - обтекаемый ответ.

Существенно, что сами подростки не считают родителей доступным и компетентным источником информации сексуального характера. Большая часть из опрошенных нами (56% девушек и 82% юношей) ни разу не общались с родителями по этой проблематике, считая, что их взгляды или безнадежно устарели (24% девушек и 41% юношей), или все равно не совпадут с мнением самих подростков (38 % девушек и 35 % юношей).

Не считая себя компетентными в деле психосексуального воспитания ребенка, многие родители (по нашим данным 82% из 100 опрошенных) предпочитают, чтобы этим квалифицированно занималась школа.

Однако сами учителя, в целом поддерживая важность гендерного воспитания, апеллируя к своей чрезмерной загруженности, полагают, что осуществлять его в первую очередь должны медики, психологи и социальные педагоги.

74% опрошенных нами учителей (общая выборка – 85 человек) заметили, что школьники никогда не задавали им вопросов о взаимоотношениях между полами. Те же, кому такие вопросы задавались (26% из числа протестированных), обычно испытывали значительные затруднения и не могли дать удовлетворительного ответа. Лишь один из десяти опрошенных педагогов ощущал готовность вступить по этой проблематике в серьезный диалог с учащимися.

Безучастность и некомпетентность учителей в сфере психосексуального развития и воспитания школьников доказывается и тем незавидным местом, которое по оценке учащихся, занимают школьные педагоги среди основных источников знания о сексуальных отношениях. Здесь лидируют печатные издания (62% опрошенных юношей и 71% девушек), затем следует видеопродукция (56% и 61%), разговоры с друзьями (48 % и 52 %), наконец, информация, получаемая от учителей (17 % и 19 %).

Несмотря на то, что в отличие от своих предшественников, современные подростки обладают доступом к значительно большему массиву информации, касающейся интимных отношений, их интерес к этой сфере не уменьшается, а вот уровень знаний в области пола остается крайне низким. Материалы социологических опросов свидетельствуют, что даже те минимальные знания, которые предусмотрены школьной программой по физиологии и анатомии половой системы, адекватно не усваиваются [34, с. 91-98].

Сегодня в массовой школе не существует особого предмета, связанного с сексуальным просвещением. Ранее выполнявший данную функцию курс «Этика и психология семейной жизни» сейчас выведен из содержания учебного плана большинства школ. Между тем, отвечая на вопрос о том, как бы они отнеслись к введению в их школе специальной дисциплины по половому просвещению, 91% опрошенных нами юношей и 95% девушек заявили, что охотно посещали бы эти занятия. И те и другие считают, что такой предмет важен для их будущей семейной жизни (соответственно: 82% и 92%); для обеспечения крепкого психосексуального здоровья (67% и 72%), для построения гармоничных отношений со сверстниками обоих полов (71% и 69%).

В пользу организации системы сексуального просвещения учащихся говорят и доводы Всемирной Организации Здравоохранения, которая провела анализ многочисленных исследований по данной проблеме в разных странах. В итоге сделан вывод о том, что сексуальное просвещение не ведет к более ранним сексуальным контактам; формирует более ответственное отношение к половой жизни; способствует улучшению репродуктивного здоровья подростков [23, с. 23].

Таким образом, приведенные данные убедительно свидетельствуют о выраженных негативных тенденциях в сексуальном поведении современных детей и подростков.

Технологии педагогической превенции деструктивных форм сексуальной активности несовершеннолетних

В отечественной педагогической литературе важнейшим средством предупреждения разнообразных деструктивных форм сексуальной активности детей и подростков традиционно признается половое (нравственно-половое, полоролевое, полоориентированное, гендерное) воспитание. Однако в понимании его сущностных характеристик (целей, принципов, содержания, основных методов) нет согласованности. Подобная ситуация является отражением существующих в сегодняшнем российском обществе

острых разногласий по поводу норм, идеалов и ценностей в сфере сексуальных отношений. Эти темы не оставляют равнодушными многих родителей, вызывают бурные дискуссии в педагогических коллективах.

Данные различных опросов свидетельствуют, что большая часть педагогического корпуса понимает необходимость использования в образовательных структурах специальных программ, адекватно отражающих сегодняшнее состояние сексуальной культуры и ориентированных на помощь растущей личности в самопознании, самосовершенствовании мужской (женской) индивидуальности, на формирование культуры взаимоотношений полов.

В качестве отклика на возрастающую потребность родителей и образовательных учреждений в эффективном, отражающем социальные реалии, половом воспитании, появляются соответствующие научные разработки. Охарактеризуем те из них, которые представляются, на наш взгляд, наиболее убедительными как в теоретическом, так и технологическом отношении.

Многие авторитетные зарубежные и отечественные специалисты (З. Фрейд, А. Фрейд, Э. Эриксон, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, И.С. Кон и др.) считают возраст 2-3 лет временем первичного осознания половой принадлежности, поэтому к целенаправленному полоролевому воспитанию рекомендуется приступать именно в этот период развития ребенка.

Ребенок 2-3 лет обычно начинает посещать дошкольное образовательное учреждение. По мнению Н.Е. Татаринцевой, оно должно быть преобразовано в социокультурную среду, построенную с учетом половозрастных особенностей детей, наполненную полоролевыми символами, мужскими и женскими образами, обеспечивающими воспитание полоролевого поведения младших дошкольников [36, с. 16].

Н.Е. Татаринцева предложила систему методов, способствующих развитию элементов «женского» и «мужского» поведения в условиях ДОУ: этическая беседа, проблемные ситуации, моделирование полоролевых действий, игровое инсценирование, театральное экспериментирование, специально подобранные или сконструированные сюжетно-ролевые, дидактические, состязательные, символические игры.

Одним из главных педагогических условий эффективности такой работы автор справедливо считает взаимодействие с семьей: овладение родителями знаниями о ценности и значимости воспитания полоролевого поведения детей, начиная с младшего дошкольного возраста, приобретение ими опыта использования дифференцированных средств и методов воспитания мальчиков и девочек [36, с. 16-18].

Формирование у детей начал мужественности и женственности должно быть продолжено в старшем дошкольном возрасте. В данный возрастной период важно развивать адекватные представления о будущих семейных ролях, положительное эмоциональное отношение к ним.

Полоролевое воспитание, организованное в ДОУ, будет продуктивнее, если:

1) опирается на принцип совместности участия мальчиков и девочек в проводимой педагогической работе;

2) у них формируется идеалы не только своего, но и противоположного пола, что способствует более адекватному оцениванию представителей другого пола;

3) дети разного пола вовлекаются в интересную для них совместную деятельность, в которой складываются и реализуются их представления о половых социальных ролях, что уменьшает естественную в старшем дошкольном возрасте разобщенность мальчиков и девочек [20, с. 18-20].

Среди многочисленных программ полового воспитания учащихся массовых школ привлекает внимание технология, разработанная А.Г. Александровой [3].

Всю работу по половому воспитанию школьников она предлагает разделить на 4 направления:

1) работа по диагностике когнитивного компонента полоролевой социализации;

2) работа по формированию полоролевого поведения;

3) нацеленная на ознакомление детей с процессом деторождения;

4) по формированию представлений о связях людей в семье, их социальных ролях и семейных ролях.

А.Г. Александровой удалось доказать, что процесс полоориентированного воспитания в общеобразовательной школе становится успешным при соблюдении следующих педагогических условий:

а) оно реализуется на основе синтеза половой идентификации, половой дифференциации, полоролевой социализации;

б) учащимся будет оказана помощь в согласовании идеальных представлений о себе, при создании специальных ситуаций, которые стимулируют у подростков рефлексию собственной половой идентичности, половых ролей;

в) у учащихся будут сформированы представления о диапазоне приемлемости полоролевого поведения и на их основе – идеальный образец поведения и гибкость в его реализации;

г) окружающие учащихся взрослые будут ориентированы на содей-

ствие полоролевой социализации и обладать необходимыми для этого знаниями [3, с. 5-7].

На детей, лишенных полностью или частично семейного попечительства, ориентирована программа полового воспитания А.А. Платоновой [26, с. 31-47]. Она призвана решать следующие задачи:

- адекватная половая идентификация;
- расширение знаний о себе и человеке в целом;
- формирование эталонов маскулинности и феминности;
- развитие эмоциональной сферы детей, снижение половой агрессивности;
- привитие и закрепление гигиенических навыков;
- профилактика ранней беременности;
- профилактика венерических заболеваний и СПИДа;
- формирование навыков взаимоотношений в семье.

Исходя из специфики контингента детей, особое ударение делается на привитии у них навыков сексуального самосохранения.

Программа А.А. Платоновой работу по половому воспитанию и подготовке к семейной жизни воспитанников детских домов и школ-интернатов предлагает осуществлять по трем основным направлениям: общегигиеническому, историко-культурному, социально значимому. Важным преимуществом этой программы является то, что она может трансформироваться в зависимости от региональных условий, этического, религиозного, полового состава группы, наличия в ней детей, имеющих периодические, продолжительные контакты с семьей, характера интернатного учреждения, опыта и особенностей воспитателя [26, с. 33-34].

Значительно хуже обстоит дело с организацией полового воспитания в коррекционных учебных заведениях. Зачастую это объясняется устойчивостью ложного мнения, будто у детей с ограниченными возможностями здоровья отсутствует или слабо выражена потребность в межполовых отношениях. Такая потребность есть, и если она не удовлетворяется, это может затруднить процесс их полоролевой социализации. Некоторые дефектологи (Н.В. Александрова, О.Г. Исаченко и др.) вполне справедливо связывают отсутствие целенаправленного полоролевого воспитания в специальных школах с высокой вероятностью формирования у умственно отсталых детей неадекватных форм половой активности [40, с. 174-175].

Интересен опыт организации полового воспитания детей с множественными умственными нарушениями в лечебно-педагогическом центре г. Пскова [25]. Программа центра основывается на технологии, разработанной в специальных школах земли Северный Рейн – Вестфалия (ФРГ).

В технологии выделяется три аспекта: социальный, психологический и физиологический.

В рамках социального направления ведутся занятия, знакомящие с культурными, религиозными, этическими нормами общества, с социальными ролями мужчины и женщины. Детей учат строить дружные, партнерские отношения. Они получают знание о том, как защищаться от разных видов насилия.

В формате психологического направления у детей формируют умение адекватно проявлять свои чувства, в том числе и по отношению к людям другого пола.

Физиологический аспект программы ориентирован на то, чтобы кратко познакомить учащихся с анатомией и биологией сексуальности, основными способами сохранения психосексуального здоровья.

Как видим, авторы данной программы в ее содержание включают элементы сексуального образования, однако не забывают, чтобы на основе знаний об анатомии и физиологии генеративной системы человека сформировать у детей с нарушениями развития правильное понимание сущности нравственных норм и установок в области взаимоотношений полов, умение руководствоваться ими в сфере общения [25].

На сохранение психосексуального здоровья нацелена технология, предложенная А.А. Филозопом [37]. По его мнению, критериями психосексуального здоровья в подростковом возрасте и ранней юности являются:

а) сформированность половой и полоролевой идентичности;

б) гармонизация психосексуального функционирования личности (т.е. овладение подростком более эффективными способами контроля инстинктивных импульсов при помощи реализации потенциала психологического механизма сублимации);

в) сформированность системы морально-этических норм, ценностей, идеалов межполовых отношений в интимной сфере взаимодействия индивидуума;

г) конгруэнтность уровней психосоциального и психосексуального развития личности [37, с. 62].

Оригинальна и содержательна программа «Юность – пора нравиться» Т.В. Черниковой и Е.А. Чудиной [15]. Назначением программы является оказание помощи старшеклассникам в осуществлении социально-психологической ориентации в проблемах межполовых отношений, а также поддержание и расширение позитивных взглядов, позиций и установок учащихся на проблемы межличностного полового общения.

Авторы считают, что наилучшие формы реализации программы – это спаренные уроки психологии в школе, факультативные занятия или самостоятельные мероприятия в рамках работы школьных и молодежных дискуссионных клубов. Данная программа может быть осуществлена в виде социально - психологического тренинга по повышению точности межличностного восприятия партнера по обучению.

Методы, применяемые в ходе проведения занятий, являются традиционными для групповой профилактической и развивающей работы: информирование, беседа, социально-психологическая диагностика, групповая дискуссия, ролевая игра, упражнения на повышение точности межличностного восприятия и психогимнастика [15, с. 59-61].

Среди современных программ полового воспитания подрастающего поколения особую ценность, на наш взгляд, представляют те, которые ориентируют детей и подростков на традиционные семейные ценности. В этом плане следует выделить программу М.В. Ганиной [6], целью которой является формирование у подростков прочной и стабильной психологической установки на целомудрие, целомудренный образ жизни, целомудренное общение и поведение; твердый, уверенный, добровольный и осознанный жизненный выбор, связанный с отказом от сексуальных отношений до брака, подкрепленный системой умений и действий по осуществлению этого выбора в реальном жизненном процессе. Данная установка конкретизируется в пяти направлениях (когнитивно-познавательное; мотивационное, операциональное, рефлексивное, духовно-нравственное и ценностно-смысловое) подготовки и соответствующих им видах готовностей: интеллектуально-когнитивная, мотивационная, коммуникативная, рефлексивная, ценностно-смысловая и нравственно-духовная.

В программе интегрированы и соотнесены диагностические и коррекционно-формирующие виды работы по каждому направлению подготовки. Например, работа по когнитивному блоку включает тестирование уровня психологической установки на целомудрие; рефлексивный анализ своих взаимоотношений с другом или подругой на предмет оценки их по критериям истинной любви или ложной влюбленности, тематические обсуждения дискуссии «Фундамент жизни» (определение жизненных целей); «Свободное время» (умение использовать и планировать свое свободное время); «Правила честной борьбы» (как правильно и честно решать конфликты); «Что такое любовь?» (качества настоящей любви, её отличия от влюбленности); «свидания» (умение строить отношения друг с другом); «Дизайн брака» (принципы построения супружеских отношений).

В содержании мотивационного блока проводится диагностика эмоционально-личностных состояний и мотивов общения, анализ мотивации поведенческого выбора, предусмотрены занятия в учебно-тренинговых группах («Построение жизненных целей) и ролевые игры-упражнения («Цели», «Смысл жизни», «Пять лет спустя»).

Программа операционального блока включает диагностику уверенности в себе, уровня оптимальности самооценки, а также комплекс групповых занятий и упражнений («Укрепление воли», «Искоренение вредных привычек», «Выработка полезных привычек», «Выработка уверенного поведения») и ролевых игр («Противостоим искушению», «Скотч» и др.).

В работе по ценностно-смысловому блоку предусмотрены занятия в учебно-тренинговых группах, а также дискуссионные встречи и фестивали по темам: «Один шаг в свое время» (на осознание и принятие осмысленного планирования жизни); «Жизненные истории» (знакомство и обсуждение реальных историй о счастливых и несчастных судьбах, связанных с целомудренным или нецеломудренным образом жизни); «Два пути к зрелости» (о двух стратегиях удовлетворения желаний); «Полоса препятствий» (о жизненных трудностях, испытаниях и способах их преодоления для воспитания духовно-нравственной зрелости) и другие.

Рефлексивный блок нацелен на осознание учащимися изменений собственной личности под влиянием работы и оптимизацию их самооценки. В качестве итогового занятия в этом блоке и по всей программе предусмотрены составление и последующий анализ психологических «Автопортретов» подростков по программе самоанализа [6, с. 17-20].

Ученые и педагогические работники единодушно отмечают, что готовность к семейной жизни – важнейший показатель социальной зрелости и нравственного здоровья молодежи. Отсутствие этой готовности – источник личностной и общественной нестабильности молодых людей в будущей жизнедеятельности, риска неконструктивных форм сексуально-эротических отношений. Решать эту проблему необходимо еще на ступени раннего юношеского возраста, наиболее восприимчивого для интериоризации семейных ценностей.

В этой связи нами [11] была разработана и реализована программа подготовки студентов профессионального колледжа к семейной жизни. Экспериментальная работа по формированию у студентов психолого-педагогической готовности к семейной жизни осуществлялось на базе Гуманитарно-педагогического колледжа государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево).

Выборку составили 40 студентов 2 курса, обучающихся по направлению «Специальное дошкольное образование», среди которых - 30 девушек и 10 юношей в возрасте 18 – 19 лет. Студенты были поделены на контрольную и экспериментальную группы по 20 человек. В эксперименте приняли участие и 8 преподавателей колледжа, ведущие занятия с этими студентами.

Разработанная программа рассматривалась как один из образовательных этапов ознакомления студентов с понятием «семья», ее особенностями, получения обстоятельной информации о типологии семей, гендерной социализации и подготовки к браку, принципах построения устойчиво-благополучной семьи, приобретения и формирования позитивного опыта в общении, взаимодействии с другим полом, развития толерантности, социальной эмпатии, усиления духовно-нравственных ориентаций, укрепления установки на целомудрие.

Основными задачами программы стали:

1. повысить уровень информированности среди студентов по вопросам построения брачно-семейных отношений;

2. способствовать формированию активной и ответственной позиции по отношению к будущей семейной жизни;

3. способствовать формированию навыков позитивного межличностного общения, духовно-нравственному взаимоотношению полов;

4. расширить знания в области семейных отношений;

5. обучиться умению разрешать семейные конфликты конструктивными способами (ненасильственными средствами);

6. повысить ценность материнства и отцовства среди студентов;

7. формировать чувство ответственности за близких;

8. мотивировать участников на дальнейшую работу по саморазвитию.

Для проведения формирующей программы использовались классные часы, факультатив по психологии, занятия в дискуссионных группах во внеучебное время.

Занятия проводились 2 раза в месяц. Продолжительность программы - полгода. Программа была рассчитана на 10 занятий.

1. Состояние современной российской семьи.

2. Сущностные особенности семейно-брачных отношений.

3. Духовно-нравственные основы семьи.

4. Факторы риска при создании семьи.

5. Конфликты в семье.

6. Семейные роли. Проблема власти в семье.

7. Семейные традиции.

8. Семейное воспитание.

9. Психолого-педагогическая готовность к материнству и отцовству.

10. Факторы риска распада семьи.

Основными формами работы явились: дискуссии, тематические беседы, ролевые игры, моделирование и разбор типичных семейных конфликтов, инсценировки, творческие проекты. Особую привлекательность у студентов снискали тренинги общения с людьми другого пола, ассертивности, развития эмоционального интеллекта.

В формате решаемых экспериментальных задач важное значение отводилось повышению гендерной культуры педагогического персонала колледжа. Под гендерной культурой понималось эгалитарное мировоззрение личности, способность распознавать гендерные предрассудки в текстах, социальной реальности, профессиональной практике и дезавуировать их, ответственность за сохранение гендерного равноправия в профессиональной среде, активное противодействие случаям гендерно-дискриминационного поведения.

Для преподавателей был организован обучающий семинар, на котором рассматривались следующие вопросы: гендерный подход в образовании; гендерный анализ учебных пособий по дисциплинам; гендерные установки и стереотипы студентов; гендерное взаимодействие субъектов образования; подходы к профилактике и разрешению гендерных конфликтов в профессиональном колледже; возможности формирования готовности студентов к ответственному супружеству и родительству средствами учебных дисциплин и внеучебной деятельности.

По завершении семинара (всего было проведено 6 встреч) был организован анонимный опрос, который показал рост в осознании преподавателями колледжа необходимости систематической работы над совершенствованием своей гендерной культуры.

Проведенное экспериментальное исследование позволило установить условия эффективного формирования психолого-педагогической готовности студентов профессионального колледжа к семейной жизни:

- обеспечение компетентностного подхода и опоры на жизненный опыт студентов;

- интеграция учебной и внеучебной деятельности;

- совершенствование воспитательной работы со студентами для вызревания личностной потребности в создании устойчиво-благополучной семьи, формирования ценностного отношения к отцовству/материнству;

- повышение гендерной культуры преподавателей организации среднего профессионального образования.

В течение нескольких лет нами апробировалась программа по формированию полоролевого поведения детей старшего дошкольного возраста. Экспериментом были охвачены отдельные дошкольные образовательные учреждения Владимирской области и г. Москвы. Всего в эксперименте приняли участие 138 детей и 57 воспитателей.

На первом этапе исследования определялись особенности полоролевого поведения старших дошкольников (детей 5-6 лет), механизмы реализации полового воспитания в дошкольных учреждениях. Использовались структурированное интервью, цветовой тест отношений, техника одномоментных срезов, анкетирование и беседы с воспитателями, методики: «Выявление Я-образа ребенка», «Два домика», «Бабочки», «Зеркальный человек».

Обнаружилось, что во всех ДОУ, на начало экспериментальной работы, отсутствовала система воспитания полоролевого поведения детей. Педагогический персонал показал слабую осведомленность в вопросах психосексуального развития дошкольников, способах формирования у детей в этом возрасте паттернов маскулинности и феминности, адекватных культурным традициям среды проживания.

У большинства протестированных детей оказалась не сформирована половая ориентация по физическим признакам (схема тела по мужскому или женскому типу), многие дошкольники владеют искаженной информацией по вопросам деторождения, анатомических различий между мальчиками и девочками, проявляют тревогу или страх при затрагивании данной тематики. Выяснилось, что дошкольники разных полов мало общаются, не играют вместе, в целом правильно представляют, как нужно себя вести с детьми другого пола, но не используют своих знаний на практике.

Программа формирующего эксперимента предполагала одновременную работу с дошкольниками, их родителями и педагогическим персоналом ДОУ.

В ходе взаимодействия с детьми применялись три группы методов. Первая – формирующие представления об отличительных признаках поведения людей разных полов (проблемные ситуации, игры-состязания, элементы арт-терапии, чтение русских сказок и былин с обсуждением самых ярких черт, присущих героям мужского и женского пола). Вторая – развивающие способы взаимодействия детей, характерных для мужского и женского типов поведения (сюжетно-ролевые игры: «Дочки-матери», «Дети заболели», «Принимаем гостей»); сравнение поведения детей с поведением

героев сказок и былин в аналогичных ситуациях; методы, стимулирующие детей к коммуникации со сверстниками своего и другого пола). Третья – развивающие нравственные качества, характерные для мальчиков и девочек (участие в инсценировках по сюжетам русских сказок и былин).

С воспитателями проводились лекции и тренинги по вопросам психолого-педагогического сопровождения полоролевого развития детей старшего дошкольного возраста.

Для повышения родительской компетенции были организованы родительские собрания по темам: «Воспитываем мужественность и женственность», «Роль отца и матери в воспитании полоролевого поведения детей», «Как научить мальчика мастерить», «Как разговаривать с детьми о сексе». Родители привлекались для создания в ДОУ социокультурной среды, способствующей проявлению и закреплению у детей подлинных образцов мужественности и женственности (участие родителей в утренниках, вечерах отдыха: «Рыцари детского сада», «Наши маленькие хозяюшки», «Вместе дружная семья».

Проведенная экспериментальная работа, по оценкам воспитателей и родителей, оказалась полезной как для них, так и для детей. У родителей развеялись сомнения в необходимости систематического полоролевого воспитания дошкольников после того, как их дети стали больше помогать им по дому, интересоваться теми видами домашних дел, которые выполняют мамы и папы. Воспитатели почувствовали важность повышения профессиональной компетентности в вопросах полоориентированного воспитания дошкольников, признали несомненный позитивный эффект от проводимой экспериментальной работы. В частности, педагоги отметили, что мальчики стали более уважительно и бережно относиться к девочкам (пропускают вперед, останавливаются перед дверью, уступают место, защищают, если это необходимо), а девочки, в свою очередь, стараются быть добрее к мальчикам, чаще оказывают помощь воспитательнице, няне.

Разумеется, эффективность предложенной нами программы по формированию полоролевого поведения детей старшего дошкольного возраста нуждается в дальнейшей проверке. Тем не менее первые результаты внушают оптимизм.

Нами также были разработаны программы педагогической поддержки процесса полоролевой социализации девочек-подростков из разных типов поселения: города, поселка, села.

Концептуальной идеей, объединяющей эти программы, послужила мысль о том, что особенности психосексуального становления личности опосредована спецификой конкретного типа поселения, которую необхо-

димо учитывать при осуществлении целенаправленной помощи несовершеннолетним в период формирования их полоролевой идентичности.

В основе каждой программы – пять блоков-тем, отражающих приоритетные для девочек 14-17 лет вопросы.

Выбор темы первого блока связан с ведущим видом деятельности подростков (общением), отражает специфику женского общения, раскрывает особенности межличностного взаимодействия, обусловленные местом проживания.

Вторая блок-тема затрагивает свойственные для каждого типа поселения, а также актуальные на сегодняшний день проблемы семьи (психологию семейных отношений, родительские позиции относительно стиля воспитания, вопросы брака и материнства).

Третий блок ориентирован на приобретение девочками-подростками из разных (по статусу) населенных пунктов обширных знаний, касающихся субъективных переживаний себя как социального Я и позволяющих сравнивать собственные личностные характеристики с личностями других женщин. Важным видится предоставление несовершеннолетним информации, раскрывающей палитру взглядов на женственность (стереотипы женственности) в истории; теории полоролевой идентичности и особенности ее формирования у женщин, влияние на ее становление родительских позиций и социокультурных факторов.

Следующий этап программы педагогической поддержки направлен на формирование личностной позиции каждой девочки 14-17 лет, как представительницы женского пола, относительно наиболее важных для подросткового возраста аспектов полоролевой социализации. К ним, по нашему мнению, следует отнести приобретение опыта свиданий, риск девиантного поведения, вступление в гражданский брак, заключение раннего брака, и связанных с ними взглядов на явления эмансипации, маскулинности женщин и фемининности мужчин, здорового образа жизни, психосексуальной культуры.

Завершающим этапом программы педагогической поддержки полоролевой социализации девочек-подростков, проживающих в городах, поселках и селах, как мы полагаем, должно стать осознание девочками собственного жизненного сценария, его критическая оценка и корректировка. Этому будет способствовать коллективное обсуждение таких тем, как смысл жизни, духовность, нравственность и воспитанность, ценностные ориентации, азбука этикета, мужские и женские профессии, семья и карьера, подростковая преступность, вредные привычки, сексуальное насилие.

Основными условиями эффективной реализации программы педагогической поддержки полоролевой социализации девочек-подростков из разных типов поселения являются: во-первых, целостный, поэтапно и системно организованный процесс, в ходе которого учитываются полоролевые особенности и специфика среды. Непрерывность процесса педагогической поддержки полоролевой социализации дает возможность девочкам-подросткам перейти из позиции обучающихся в рамках субъект-объектных отношений взаимодействия ученика и учителя к позиции активно планирующих собственную жизнь, то есть выступить субъектом в процессе усвоения знаний, формирования умений и навыков, способствующих устранению возникающих в процессе приобщения к полоролевым нормам трудностей.

Во-вторых, субъект-субъектный подход, предполагающий диалогичность, атмосферу сотрудничества и взаимоуважения, признание самоценности каждого ребенка. Результатом создания деловой, творческой атмосферы сотрудничества становятся положительные сдвиги в познавательной мотивации и возможность выразить экспрессивные проявления каждого индивида (эмоциональный компонент), что, в свою очередь, повышает самооценку, а значит, формирует установки на совместную продуктивную деятельность, самостоятельность в принятии решений, инициативность. На наш взгляд, это особенно ценно в качестве предупреждения девиантной активности в среде девочек-подростков.

Создание благоприятного эмоционального климата способствует нахождению компромисса при столкновении кажущихся на первый взгляд непримиримыми позиций «отцов и детей», нейтрализует агрессивную направленность молодежной субкультуры, которая чаще всего приводит к девиантной реализации.

Гуманистическое общение, требующее от педагогов увлеченности, эмоциональности, активности, вызывающее положительные эмоции учащихся, делает более сильной рациональную сторону принятия решения, когда заходит вопрос о целесообразности участии девочек подросткового и юношеского возраста в предбрачном эксперименте, или о необходимости вступления в ранний брак, несмотря на давление ряда социокультурных факторов.

В-третьих, комплексное воздействие на интеллектуальную, мотивационно-смысловую, эмоционально-волевую, деятельностную сферу личности (комплексное использование различных методов, эмоциональная, информационная насыщенность программы в совокупности с практическим закреплением усвоенного).

Несмотря на многочисленность факторов виктимизации, начиная с природно-климатических условий и общественно-политических преобразований и заканчивая специфическими особенностями тех поселений, конкретных микросоциумов, в которых девочки проживают, восприятие или невосприятие себя жертвой может быть связано с индивидуальным настроем человека (оптимистичным, пессимистичным, безразличным). Предприимчивость и энергичность личностной позиции девочек-подростков, закрепленная в их жизненном сценарии благодаря системе педагогической поддержки полоролевой социализации, делает, на наш взгляд, заведомо невозможным виктимный образ мыслей при выборе стратегии будущего.

В-четвертых, профессиональная компетентность педагогов, способных оказывать посильную помощь в укреплении психосексуального здоровья детей.

Каждая программа рассчитана на школьниц 8-11 классов и предполагает доступность восприятия и возможность усвоения необходимой для конкретного возраста информации. Одинаковая структура программ упрощает проведение их сравнительного анализа, подтверждающего эффективность (неэффективность) дифференцированного подхода (по половому и территориальному признакам) к проблеме педагогической поддержки процесса полоролевой социализации девочек-подростков. Основой всех программ (блок-тем) является обязательное знакомство с понятийным аппаратом, сложность и объем которого увеличивается по мере взросления, что по нашему мнению, позволит школьницам четко выразить личную позицию, избежать двусмысленности в общении. Переход девочек в следующий класс диктует расширение диапазона областей знаний, задействованных в процессе полоролевой социализации. В связи с этим, в старших классах девочкам-подросткам предлагается пополнить свой интеллектуальный багаж сложными философскими (смысл жизни, рефлексия, морально-нравственные нормы), социально-педагогическими (самовоспитание, среда, девиантное поведение, реакция эмансипации), социально-психологическими (одиночество, гендерная идентичность, сексуальное насилие, брак и семья), политическими, религиозными категориями, для понимания широты и взаимосвязи явлений, влияющих на психосексуальное становление, а также для раскрытия и дальнейшего развития внутренних сил личности каждой девочки-подростка.

Знакомство с каждой темой осуществляется таким образом, что стимулирует у школьниц развитие рефлексии, навыков самоанализа, подталкивает к выражению во вне чувств и эмоций, возникающих в процессе совместного со взрослым продвижения к разрешению той или иной проблемы.

Описанные нами программы также объединяет возможность для девочек-подростков практического закрепления усвоенного материала с помощью предлагаемых игровых, тренинговых методик (ролевые игры на снятие состояния психологического дискомфорта, тревожности, повышенной внушаемости, формирование навыков конструктивного общения), а также благодаря анализу результатов некоторых проективных тестов (рисунок семьи, социометрия, метод незаконченных предложений, изучение нравственной воспитанности, ценностных ориентаций и установок личности).

Важным моментом, способным, по нашему мнению, повысить результативность осуществления данных программ, может стать привлечение к работе различных специалистов (историков, правоведов, медиков, церковных служителей, работников правоохранительных органов, социальных педагогов, психологов). Они могут не только повысить уровень познавательной активности и мотивации успеха девочек-подростков, но и дополнительно обозначить круг проблем, актуальных для несовершеннолетних.

Качество педагогической помощи зависит не только от согласованного действия специалистов, но и от активного участия в программах родителей несовершеннолетних. Понятно, что большинство взрослых не имеют непосредственного отношения к образовательному процессу, а значит, их воздействие на несовершеннолетних носит стихийный, неорганизованный характер. Вследствие недостатка у родителей знаний, касающихся особенностей психосексуального становления личности, низкой активности школьных работников по привлечению родителей к участию в школьной жизни, а также в силу слабой инициативности самих родителей, сотрудничество семьи и школы, направленное на реализацию технологии целенаправленной педагогической поддержки процесса полоролевой социализации несовершеннолетних с учетом типа поселения, оказывается весьма затруднительным.

Осознание родителями необходимости согласования основных целей, задач, методов и средств семейного и школьного подходов оказания помощи несовершеннолетним в процессе их полоролевого становления является, на наш взгляд, началом эффективного взаимодействия учителей и членов семей девочек-подростков.

Реализовать такого рода сотрудничество мы попытались посредством проведения лекционной работы с семьями несовершеннолетних девочек, участвующих в эксперименте. План взаимодействия предполагал: обозначение главных целей проводимого с родителями лектория, формулировка первоочередных задач и направлений совместной с педагогами

работы; предоставление родителям необходимого информационного материала относительно половозрастных особенностей детей из разных типов поселения; знакомство родителей с имеющими место внутрисемейными проблемами и недостатками взаимоотношений «отцов и детей», обозначенными девочками в ходе проведенного опроса; поиск родителями эффективных путей возможного устранения существующих разногласий в семье; налаживание позитивного психоэмоционального контакта с детьми; ориентация на адекватные полоролевые установки в процессе внутрисемейного общения.

Весь лекционный материал был разделен на 4 этапа.

На первом, вводно-ознакомительном этапе, предполагалось ознакомить родителей с понятийным аппаратом, сформулировать и прояснить основные цели проведения курса лекций (приобретение знаний и умений, необходимых для реализации совместной со школьными специалистами педагогической помощи полоролевой социализации девочек-подростков, проживающих в том или ином типе поселения - городе, селе, поселке). Для работы с родителями был подобран тематический информационный массив, материал для совместного анализа (касающийся конкретных особенностей внутрисемейных отношений), выработана (из совокупности предоставленных в ходе лекций вариантов коррекционной работы) приемлемая для той или иной семьи линия дальнейшего взаимодействия с ребенком.

Второй этап предполагал обогащение родителей теоретическими знаниями по проблеме влияния типа поселения на процесс полоролевой социализации девочек-подростков.

На этапе знакомства родителей с социолого-педагогической информацией необходимо предоставить им возможность увидеть и проанализировать взгляд их детей на картину внутрисемейных отношений. Важно выявить причины расхождения позиций родителей и детей и возможности гармонизации внутрисемейных коммуникаций.

Завершающий этап предполагал знакомство родителей с профилактико-коррекционными способами восстановления внутрисемейных отношений с учетом особенностей конкретного типа поселения. По нашему убеждению, это должно послужить средством (в комплексной системе осуществления педагогической поддержки полоролевой социализации девочек-подростков из разных типов поселения) усиления адаптивных возможностей несовершеннолетних.

Содержание лекционных занятий с родителями разрабатывалось с учетом фактора типа поселения.

Проведение лектория подтвердило низкую осведомленность родителей их всех типов поселения в вопросах полоролевого становления несовершеннолетних, актуализировало слабо осознаваемую родителями ценность внутрисемейного общения, значимость распределения и четкого следования семейным ролям, особую ответственность за нравственное здоровье детей. В ходе дискуссионных занятий родители признали значимость совместной с педагогами целенаправленной деятельности по оказанию помощи в приобщении девочек-подростков к принятым в конкретном типе поселения полоролевым нормам.

Таким образом, мы охарактеризовали некоторые современные отечественные модели полоролевого воспитания, которые одновременно можно рассматривать и как технологии педагогической профилактики деструктивных форм сексуальной активности несовершеннолетних.

Использованные источники

1. Абраменкова В.В. Половая дифференциация и сексологизация детской субкультуры, или горький вкус запретного плода // Мир психологии. – 2000. – № 1. – С. 143-154.
2. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.
3. Александрова А.Г. Полоориентированное воспитание учащихся в общеобразовательной школе. Автореф. дис. канд. пед. наук./ А.Г. Александрова.– Оренбург, 2002. – 18 с.
4. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления. – М.: Амальтея, 1993. - 320 с.
5. Арсеньева М.И. Деморализация в сфере полового поведения и влияние ее на преступность несовершеннолетних и молодежи: Автореф. дис. канд. юрид. наук. –М., 1977. –23 с.
6. Ганина М.В. Формирование нравственно-психологической установки на целомудрие у подростков: Автореф. дис. канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 25 с.
7. Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1976. – 40 с.
8. Гроф С. За пределами мозга. Пер с англ. 2-е изд. – М.: Изд-во Трансперсонального Института,1993. – 504 с.
9. Егоров А.Ю., Игумнов С.А. Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.

10. Журавлева И.В. Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – С. 66-74.
11. Завражин С.А. Формирование психолого-педагогической готовности к семейной жизни в условиях организации среднего профессионального образования // Вестник Владимирского государственного университета. – 2016. - № 26 (45). – С. 78-87.
12. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.
13. Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. – М.: Изд-во юрид. л-ры, 1974. – 255 с.
14. Ильина С.В. Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 65-75.
15. Камышанова И.В., Черникова Т.В., Чудинова Е.А. Социально-психологическое сопровождение полоролевой социализации молодежи // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2001. – № 3. – С. 57-66.
16. Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1988. – 320 с.
17. Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке.– М.: ОГИ, 1997. – 464 с.
18. Кон И.С. Совращение детей и сексуальное насилие // Педагогика. – 1998. – № 5. – С. 58-67.
19. Ланина Н.В. Психологические особенности полоролевого развития подростков в семье: Автореф. канд. психол. наук. – Калуга, 2000. – 18 с.
20. Ледовских Н.К. Педагогические условия полоролевого развития в старшем дошкольном возрасте. Автореф. дис. канд. пед. наук. – М., 1998. – 21 с.
21. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – М.: «Владимир Даль», 2001. – 304 с.
22. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1983. - 256 с.
23. Мак Коли Э., Лискин Л. Репродуктивное здоровье подростков: проблемы и их решения // Планирование семьи. – 1996. – № 3. - С. 21-24.
24. Нагаев В.В. Психология сексуальной безнравственности. – Сыктывкар: Коми республиканское отделение общества психологов СССР, 1990. - 221 с.
25. Основные направления и содержание обучения детей и подростков с особыми потребностями в лечебно-педагогическом центре г. Пскова / Под ред. С.В. Андреевой. – Псков. 2000. – 140 с.

26. Платонова А.А. Половое воспитание и подготовка к семейной жизни воспитанников детских домов и школ-интернатов // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2001. – № 4. – С. 31-47.
27. Проституция и преступность / Ред. и сост. Ю.М. Хотченков. – М.: Юридическая литература, 1991. – 304 с.
28. Ранк О. Травма рождения. – М.: Аграф. 2004. – 400 с.
29. Резер Т.М. Медико-социальные подходы к организации полового воспитания и сексуального образования // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 102-108.
30. Романцов М., Михайлов Л. Обучение студентов педвузов основам валеологии // Педагогика. – 2002. – № 1. – С. 106-108.
31. Руководство по предупреждению насилия над детьми/ Под ред. Н.К. Асановой. – М.: Издательский гуманитарный центр ВЛАДОС, 1997. – 512 с.
32. Садовский М.Г. Подростковая сексуальность как предмет социальной работы // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 1998. – № 1. – С. 69-77.
33. Санников А.Л. Вопросы полового просвещения подростков в деятельности социального работника и психолога учебного заведения // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2000. – № 2. – С. 51-61.
34. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: Движение в зону риска. Аналитический доклад. – М.: ЮНЕСКО, 1998. – 120 с.
35. Социальная педагогика: Курс лекций / Под общей ред. М.А. Галагузовой. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – 416 с.
36. Татаринцева, Н.Е. Педагогические условия воспитания полоролевого поведения детей младшего дошкольного возраста. Автореф. дис. канд. пед. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 20 с.
37. Филозоп А.А. Программа предупреждения отклонений в психосексуальном развитии старшеклассников // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2002. – № 3. – С. 59-69.
38. Хотчис С. Адская паутина: Как выжить в мире нарциссизма. Пер. с анг. В. Мершавки. – М.: Независимая фирма «Класс», 2010. – 248 с.
39. Шапиро Б.Ю. Психолог-консультант и социальная работа // Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 233-243.
40. Шипицына Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. – СПб.: Изд-во «Дидактика Плюс», 2002. – 496 с.

Заключение

Превентивная педагогика – стремительно развивающаяся отрасль педагогики. Существует мнение, что её рождение произошло в конце прошлого столетия, как объективная реакция работников образования на обвальный рост детско-подростковой дезадаптации и девиантности, которые необходимо было элиминировать, используя потенциал педагогической науки. Однако, как показано в монографии, интерес к разработке результативных педагогических средств взаимодействия с дезадаптированными несовершеннолетними, формирования у них иммунитета к нарушению социальных норм возник на целый век раньше. Уже тогда отечественная педагогическая общественность была обеспокоена постоянным увеличением массива несовершеннолетних, выбирающих разрушительные способы самоутверждения.

Эта проблема не могла не волновать и представителей других научных дисциплин (правоведов, психологов, медиков, физиологов, антропологов), которые со своих позиций пытались объяснить специфику подростковой деструктивности и предложить педагогическим работникам результативные профилактические технологии.

В монографии проводится мысль, что конституирование отечественной превентивной педагогики происходило в ситуации интенсивного взаимообогащающего взаимодействия ученых разных специальностей, которыми в режиме диалога создавалось особое межнаучное направление, определяющее принципы, содержание, методы и формы воспитательно-профилактической деятельности с детьми и подростками, склонными к негации.

В формате данного направления были разработаны концепции, положения и идеи, которые внесли существенный вклад в отечественную теорию превентивной педагогики. Это концепция превентивно-исправительного воспитания (Д.А. Дриль), психоаналитическая превентивная концепция (И.А. Перепель, В.Ф. Шмидт); положения о целостной, нерасчленимой биосоциальной природе отклоняющегося поведения (В.М. Бехтерев), о корнях деструктивности, находящихся как в сознательной, так и в бессознательной сферах психики (Д.А. Дриль); идеи генеалогического предупредительного воспитания (И.А. Сикорский), усвоения образцов девиантного поведения через механизмы стигматизации (П.Ф. Лесгафт) и импрессинга (П.Ф. Лесгафт и П.П. Блонский).

Чрезвычайно плодотворной остается идея коллектива как одного из важнейших превентивных средств (А.С. Макаренко). Освобожденная от упрощения и вульгаризации она предполагает создание гуманистических взаимоотношений, формирование воспитывающего общественного мнения в гармонии с психологически обоснованным индивидуальным подходом.

Все это позволяет, на наш взгляд, говорить, что концептуализация превентивной педагогики произошла ещё в первой трети XX века, когда были разработаны её теоретико-методологические основы и особый – педагогический – ракурс рассмотрения проблемы сдерживания и предупреждения подростковой дезадаптации и девиантности. Разумеется, ввиду особой сложности, эта проблема не могла быть успешно решена в рамках одной дисциплины. В то же время, как подчеркивается в монографии, именно представители педагогического знания в первую очередь считали себя ответственными за нравственное здоровье подрастающего поколения, за воспитание таких качеств и потребностей растущей личности, которые позволяли бы ей активно сопротивляться отрицательным воздействиям социума.

Накопив бесценный опыт в процессе своего развития, современная превентивная педагогика стремится решить широкий круг научно-практических проблем, касающихся организации педагогической профилактики различных, рожденных сегодняшним днем, форм детско-подростковой девиантности. В предлагаемой монографии мы рассмотрели лишь некоторые подходы, руководствуюсь тем, что бытующее мнение о возрастании детской жестокости весьма сомнительно, а основная задача нас, взрослых, состоит в том, чтобы любой ребенок чувствовал себя желанным и любимым.

Оглавление

Предисловие 3

Раздел I. Конституирование превентивной педагогики в России 6

Глава 1. Становление превентивной педагогики
в дооктябрьской России 6

Глава 2. Развитие превентивной педагогики
в Советской России (1917 – 1935 гг.) 59

Раздел II. Подходы к педагогической профилактике различных видов
девиантного поведения несовершеннолетних 88

Глава 1. Педагогическая профилактика жестокого обращения с детьми
как проблема превентивной педагогики 88

Глава 2. Педагогическая профилактика аддиктивного поведения
Несовершеннолетних 166

Глава 3. Педагогическая профилактика лиминального
и противоправного поведения несовершеннолетних 248

Глава 4. Педагогическая профилактика деструктивных форм
сексуальной активности несовершеннолетних 301

Заключение 336

Научное издание

ЗАВРАЖИН Сергей Александрович
ОВЧИННИКОВ Олег Михайлович
ФОРТОВА Любовь Константиновна

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПРЕВЕНТИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Монография

Подписано в печать 09.01.17.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 19,76. Тираж 50 экз.
Заказ
Издательство
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.